

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ БОРЬБА НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Автор книги — доктор исторических наук, профессор. В течение 25 лет работал в Министерстве иностранных дел СССР, с начала 70-х годов — заведующий сектором истории внешней политики Советского государства Института истории СССР АН СССР.

В. Я. Сиполс — автор многих книг, среди них: «Внешняя политика Советского Союза. 1933—1935»; «Внешняя политика Советского Союза. 1936—1939»; «На пути к великой Победе. Советская дипломатия в 1941—1945 гг.»; «За кулисами иностранной интервенции в Латвии. 1918—1920»; «Тайная дипломатия. Буржуазная Латвия в анти-советских планах империалистических держав. 1919—1940».

Первое издание данной книги было переведено на иностранные языки.

В.Я.Сиполс

**Дипломатическая
БОРЬБА
накануне второй
мировой войны**

**Второе издание
(доработанное и дополненное)**

**МОСКВА
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»
1989**

Сиполс В. Я.

С39 Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. — 2-е изд., дораб. и доп. — М.: Международ. отношения, 1989. — 336 с.

ISBN 5-7133-0051-X

В 1989 году исполняется 50 лет с начала второй мировой войны, но связанные с ней события вызывают неослабевающий интерес. Во втором издании книги (первое вышло в 1979 г.) автор, опираясь на новейшие материалы из советских и иностранных архивов, рассказывает об особенностях дипломатической борьбы в 30-е годы, в которой отразились агрессивные планы и тайные замыслы блока фашистских держав и империалистическая сущность политики англо-франко-американской группировки. Показана дипломатическая деятельность СССР по обузданию агрессоров, предотвращению войны.

Для специалистов-международников и читателей, интересующихся историей дипломатии.

С $\frac{0503010000 - 004}{003(01) - 89}$ 49—89

ББК 66.4(0)

ISBN 5-7133-0051-X

© «Международные отношения», 1989

ВВЕДЕНИЕ

Минуло уже 50 лет со времени начала второй мировой войны. Однако жертвы и страдания народов во время войны были настолько велики, а значение победы Советского Союза в смертельной схватке с фашистской Германией и ее союзниками настолько грандиозно, что связанные с войной события до сих пор вызывают неослабевающий интерес.

И прежде всего встают вопросы о том, кто был виновником этой войны, нельзя ли было предотвратить ее.

Вторая мировая война зародилась, вызрела и началась в мировой системе империализма. Зачинщиками ее выступили германские, японские и итальянские империалисты. Развернув лихорадочную подготовку экономики и вооруженных сил своих государств к войне, установив внутри стран террористические, фашистские диктатуры, они в середине 30-х годов открыто начали борьбу за мировое господство.

На XIII пленуме Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала, состоявшемся в декабре 1933 года, был сделан вывод, что «международное положение носит характер кануна новой мировой войны»¹.

Блоку фашистских агрессоров противостояла англо-франко-американская группировка империалистических держав, стремившаяся сохранить свое доминирующее положение в мире, установленное ею в результате победы в первой мировой войне. Общие потенциальные силы англо-франко-американской империалистической группировки и примыкавших к ней других стран капиталистического мира превосходили силы агрессоров. Однако правящие круги Англии, Франции и США понимали, что новая империалистическая война ничего хорошего им не сулила. Поэтому они были заинтересованы в том, чтобы сохранять, а по возможности и укреплять свои мировые позиции без войны.

Несмотря на все большее обострение отношений между империалистическими странами, основным проти-

воречием в мире было противоречие между лагерем империализма и первым в мире социалистическим государством.

Правящие круги всех капиталистических стран считали своей задачей уничтожение установленного в СССР нового общественного строя.

Блок фашистских агрессоров не скрывал, что считает борьбу против коммунизма, уничтожение Советского государства важнейшей составной частью своей внешнеполитической программы. И англо-франко-американская империалистическая группировка решила сделать все возможное, чтобы урегулировать свои противоречия с фашистскими агрессорами, откупиться за счет Советского Союза. Особую активность проявляла английская дипломатия. Реакционные правящие круги Англии приложили максимум усилий для заключения империалистической сделки с фашистским рейхом, с тем чтобы отвести германо-фашистскую агрессию от Британской империи и толкнуть ее на восток, против Советского Союза.

Коммунистическая партия и Советское правительство отчетливо видели огромную опасность, нависшую над СССР. Перед советским народом встала важнейшая и труднейшая задача — уберечь Советскую страну от гибели в занимавшемся всемирном пожаре. Еще В. И. Ленин говорил: «...Наша задача удержать существование одинокой социалистической республики, окруженной капиталистическими врагами...»².

В связи с быстро нараставшей угрозой войны Коммунистическая партия и Советское правительство делали все возможное для ускоренного развития советской экономики и укрепления на этой основе обороноспособности страны. Именно сила и мощь Советского Союза были тем главным фактором, с которым считались агрессоры, решая вопрос о том, нападать на СССР или нет.

Энергично действовала и советская дипломатия. Угроза агрессии, нависшая над многими капиталистическими странами, объективно создавала определенные предпосылки сотрудничества между ними и СССР. Советское правительство было преисполнено решимости использовать все эти возможности для того, чтобы противопоставить агрессорам общий фронт государств, заинтересованных в предотвращении войны.

Разумеется, в Советском Союзе представляли себе всю сложность этой задачи. Ведь, по существу, речь шла об установлении сотрудничества с одной из группировок

империалистических держав, не заинтересованной в мировой войне, против другой группировки империалистических держав, вставшей на путь агрессии. СССР стремился к такому сотрудничеству в целях обеспечения как своей безопасности, так и всеобщего мира.

Советская дипломатия разоблачала экспансионистские планы агрессоров, проводила огромную неустанную работу, направленную против сколачивания агрессивными державами антисоветских блоков, вовлечения в них новых государств. Одновременно она раскрывала коварные планы реакционных правящих кругов западных держав, пытавшихся откупиться от агрессоров за счет Советской страны, задушить их руками Республику Советов.

В то же время советская дипломатия выдвинула конструктивную программу борьбы за сохранение мира, обуздание фашистских агрессоров, предотвращение войны. Она выступала за создание в Европе и на Дальнем Востоке надежных систем коллективной безопасности.

Энергичная борьба Советской страны за мир и международную безопасность, против фашистских агрессоров, решительная поддержка социалистической державой жертв агрессии заслуженно снискали ей международный авторитет.

М. С. Горбачев констатировал в докладе на торжественном заседании, посвященном 70-летию Великого Октября, что «СССР сделал многое, чтобы создать систему коллективной безопасности и предотвратить всемирную бойню. Но советские инициативы не встретили отклика у западных политиков и политиканов, хладнокровно рассчитывавших, как бы половчее втянуть социализм в огонь войны, напрямую столкнуть его с фашизмом»³.

Причины возникновения второй мировой войны искажаются буржуазной историографией. В ФРГ появились публикации, в которых наблюдается стремление обелить германских финансовых и промышленных магнатов и даже военщину, возлагая всю вину за подготовку и развязывание войны на одного Гитлера. В литературе, издаваемой в Англии, Франции и США, некоторые авторы ставят своей задачей оправдать политику попустительства германской, японской и итальянской агрессии, подталкивания агрессоров к войне против СССР, которую проводили в предвоенные годы правящие круги этих стран. Тем самым они пытаются снять с этих трех держав всякую ответственность за возникновение второй мировой войны.

Приводимые в книге факты и документы, раскрывающие политику СССР, с одной стороны, и держав обеих империалистических группировок — с другой, призваны помочь читателю разобраться в сложном лабиринте событий, приведших ко второй мировой войне.

СОБИРАЮТСЯ ТУЧИ ВОЙНЫ

Германия, Япония и Италия берут курс на войну

В соотношении и расстановке сил между главными империалистическими державами в 30-х годах произошли существенные перемены. Германия, Япония и Италия начали открыто ставить вопрос о перекройке карты мира. Они бросили вызов англо-франко-американской группировке держав, начали штурм их доминирующего положения в мире. Это было начало борьбы германских, японских и итальянских агрессоров за мировое господство, которая привела ко второй мировой войне. В. И. Ленин отмечал, что «“мировое господство” есть, говоря кратко, содержание империалистической политики, продолжением которой является империалистическая война»¹.

Захватнические планы Германии, Японии и Италии, в которых у власти оказались крайне реакционные, монополистические круги, фашизм и военщина, представляли собой огромную опасность для многих стран.

Очаг войны на Дальнем Востоке

Первый очаг новой империалистической войны разожгли японские милитаристы. Япония, оказавшись среди стран, одержавших победу в первой мировой войне, немало поживилась за счет чужого добра на Дальнем Востоке и Тихом океане. Успех, достигнутый к тому же без особых усилий, подогревал экспансионистские настроения правящей элиты страны, самурайский дух японской военщины. В Токио мечтали о новых захватах, об установлении господства Японии на всем Дальнем Востоке.

Разразившийся в конце 20-х — начале 30-х годов в капиталистическом мире невиданный ранее по глубине экономический кризис обнажил противоречия между империалистическими державами. Крайне острый характер носили японо-американские отношения. В. И. Ленин, говоря о японо-американских империалистических противоречиях, указывал, что «экономическое развитие этих стран

в течение нескольких десятилетий подготовило бездну горючего материала, делающего неизбежной отчаянную схватку этих держав за господство над Тихим океаном и его побережьем»².

Правящие круги США придавали важнейшее значение расширению и укреплению американской «невидимой империи». Внутренний рынок США не мог поглотить всю продукцию американской промышленности, бурно разросшейся на военных заказах в годы первой мировой войны. Американские монополии искали новые рынки и новые сферы приложения капитала. Вашингтонская система договоров, заключенных после первой мировой войны, закрепила американский принцип «открытых дверей» и «равных возможностей» в Китае. Представители крупного бизнеса рассчитывали, что экономическая мощь США позволит им проникнуть на огромный китайский рынок и захватить там господствующие позиции.

Постоянно усиливавшееся экономическое проникновение Японии в Китай и перспектива полного изгнания американских монополий с китайского рынка в случае захвата Китая Японией были грозным вызовом для США. Однако в то время Соединенные Штаты были заинтересованы избежать военного противоборства с Японией. В конце 1933 года хорошо информированный американский журналист Х. Никербокер отметил в беседе с руководителем отдела печати советского полпредства в Берлине, что в американских правительственных кругах считают японо-американскую войну неизбежной. США усиленно готовятся к этой войне и строят мощный морской и воздушный флот. Однако пока их политика в отношении Японии — это пацифистские жесты. Вместе с тем американское правительство убеждено, что Япония сначала совершит нападение на СССР с целью захвата советского Дальнего Востока и укрепления таким образом своего тыла и только после этого начнет подготавливаемую ею грандиозную битву с США за Тихий океан³. Советский полпред в Вашингтоне А. А. Трояновский, касаясь настроений в США и их политики в отношении Японии, сообщал в Москву в мае 1934 года, что американцы до поры до времени не решатся на войну даже в случае установления полного контроля Японии над Китаем, а будут усиленно наращивать вооружения. В США «очень велико желание избежать войны с Японией, хотя бы ценой самых больших уступок»⁴.

Агрессивные устремления Японии вели к обострению

также и англо-японских противоречий. Британский империализм проник на Дальний Восток в то время, когда Япония еще не была для него сколько-нибудь серьезным конкурентом. Англия владела на Востоке такими важнейшими военными и экономическими опорными пунктами, как Гонконг, Сингапур и др. В Китае хозяйничали многие крупные английские торговые, промышленные и финансовые компании, капиталы которых составляли почти 1,5 млрд. долл.⁵ Но к началу 30-х годов японские империалисты стали наступать на пятки британским колонизаторам. Япония располагала на Дальнем Востоке более крупными силами, чем Британская империя, владения и вооруженные силы которой были разбросаны по всем континентам.

Британская дипломатия, не надеясь на успех в открытом противоборстве с Японией, повела дело к империалистическому сговору с ней, выражая готовность на некоторое перераспределение в ее пользу сфер влияния на Дальнем Востоке.

Правда, в случае объединения сил США, Англии и других стран они могли противостоять японской экспансии. Вопрос о борьбе с японской агрессией обсуждался и в Лиге наций, но выяснилось, что английское правительство не считало возможным участвовать в экономических или иных санкциях против Японии⁶.

Правительства США и Англии больше всего устраивала переориентация японской агрессии с Китая на СССР. Английские консервативные круги считают, писал по этому вопросу 10 марта 1933 г. советский полпред в Англии И. М. Майский, что захват японцами Маньчжурии может привести к войне между СССР и Японией, а это, по их мнению, было бы «настоящим благодеянием истории»⁷.

Любопытное и откровенное признание в этой связи сделал несколько позднее советскому полпреду известный политический деятель Англии лорд Сесил. «Основной принцип английской политики на Дальнем Востоке, — заявил он, — не ссориться с Японией, ибо Япония может быть опасна Великобритании в случае конфликта с ней, может даже захватить Гонконг, Сингапур, Австралию и т. д.». К этому прибавляется «всеобщее сильное анти-советское поветрие в консервативных кругах». Сесил утверждал, что в случае нападения Японии на СССР английское правительство «разрешило бы как экспорт оружия в Японию, так и выпуск японских займов на

лондонской бирже... Фабрикантам оружия и банкирам была бы предоставлена полная свобода действий»⁸.

Теперь, когда для историков стали доступны английские секретные архивы предвоенных лет, изложенный Сесилом политический курс Англии может быть подтвержден уже совершенно бесспорными документами. Два самых влиятельных члена английского правительства — Н. Чемберлен и Дж. Саймон — представили на его рассмотрение меморандум, в котором высказались за улучшение отношений с Японией, в частности за заключение с ней договора о ненападении. Их главный аргумент заключался в следующем: «Что касается России, то все, что усиливает в Японии чувство безопасности, поощряет ее агрессивность в отношении России»⁹.

Влиятельные реакционные круги США также лелеяли надежду на конфликт между Японией и СССР¹⁰. Американский империализм был заинтересован в такой войне между СССР и Японией, в которой не было бы победителей, ибо США мечтали об ослаблении как Советского Союза, так и Японии.

Надежды правящих кругов Англии и США не были лишены оснований. Встав еще в 1931 году на путь агрессии, японские империалисты захватили Северо-Восточный Китай (Маньчжурию). Они образовали там марионеточное государство Маньчжоу-Го. Наряду с планами продолжения агрессивных действий в Китае японские самураи обращали алчные взоры также в сторону советского Дальнего Востока и Монгольской Народной Республики. Япония неоднократно отклоняла советские предложения о заключении между СССР и Японией договора о ненападении. Для того чтобы добиться симпатий реакционных кругов Англии, США и других стран, Япония выдавала себя за борца против распространения большевизма и влияния СССР на Дальнем Востоке.

Военный министр Японии генерал С. Араки поддерживал идею о нападении на СССР. В 1933 году он заявил, что «в проведении своей государственной политики Япония неизбежно должна столкнуться с Советским Союзом» и что «Японии необходимо военным путем овладеть территориями Приморья, Забайкалья и Сибири»¹¹. Английский военный атташе в Токио Э. Джеймс констатировал, что те круги, которые представляет Араки, считают лучше «начать войну против России раньше, чем позже». Джеймс предполагал, что существует опасность войны в ближайшем будущем¹². В записке, представленной в мае 1933 го-

да Форин оффисом английскому правительству, также отмечалось, что «японская армия сосредоточивает все свое внимание на будущей войне с Россией»¹³. Американский посол в Токио Дж. Грю писал 7 сентября, касаясь этого вопроса, что аппарат американского военного атташе в Японии считает нападение Японии на СССР «совершенно неизбежным»¹⁴.

Германский военный атташе в Москве Гартман сообщал в Берлин 28 ноября 1933 г., что, согласно высказываниям японских военного и военно-морского атташе, японцы намерены начать военные действия весной 1934 года. Главный удар предполагается через Монголию в направлении Иркутска¹⁵. 10 января 1934 г. Гартман констатировал, что Япония стремится к установлению своего господства в Восточной Азии и на берегах Тихого океана. Как первый этап намечается «вооруженное столкновение с Россией», с тем чтобы отбросить ее на запад от Байкала. Японская армия «считает себя достаточно сильной для вооруженного столкновения с Советским Союзом». В Японии господствует убеждение, писал германский военный атташе, что «конфликт неизбежен и затяжка только осложнит положение»¹⁶.

Япония усиленно готовилась к войне против СССР. Захваченные ею Маньчжурия и Корея были превращены в огромный военный плацдарм. Увеличивалась численность размещенной в Маньчжурии Квантунской армии, строились военные сооружения, дороги, склады, казармы, аэродромы¹⁷. В 1933 году после захвата Маньчжурии и части территории Северного Китая генеральный штаб японской армии уточнил и детализировал свой план подготовки к войне (план «Оцу»): из 30 дивизий, которые предполагалось сформировать, 24 выделялись для военных действий против Советского Союза. Планировалось сначала захватить советское Приморье, а затем овладеть районом озера Байкал¹⁸.

Американский посол в СССР У. Буллит отмечал в беседе с заместителем наркома иностранных дел СССР Л. М. Караханом 13 декабря 1933 г., что часть японских правящих кругов выступает за начало войны с СССР весной 1934 года. Другая часть, также достаточно влиятельная, — тоже за нападение на СССР, но когда напасть, еще не решила¹⁹.

ЦК ВПК(б) и Советское правительство отчетливо видели опасность, назревавшую на дальневосточных рубежах СССР. У. Буллит, сообщая в Вашингтон о беседе

с И. В. Сталиным и К. Е. Ворошиловым 20 декабря 1933 г., писал, что, обсуждая положение на Дальнем Востоке, советские руководители выражали самые серьезные опасения по поводу возможности нападения со стороны Японии следующей весной²⁰. Нарком иностранных дел М. М. Литвинов в речи на сессии ЦИК СССР 29 декабря 1933 г. заявил, касаясь позиции Японии, что ее политика «является сейчас самой темной грозовой тучей на международном политическом горизонте»²¹.

Опасность японской агрессии подробно рассматривалась на XVII съезде ВКП(б) (январь — февраль 1934 г.). Нарком обороны К. Е. Ворошилов говорил на съезде, что японские военные, а также публицисты и ученые, фабриканты и политики, общественные и государственные деятели за последние два года так много и открыто писали и говорили о необходимости войны Японии против СССР, так иной раз цинично и откровенно в статьях и речах обсуждали подробности завоевания советского Приморья, Забайкалья и даже всей Сибири, что «было бы странным, если бы мы сделали вид, что ничего не замечаем»²².

Агрессивные замыслы фашистской Германии

Еще более крупный очаг опасности новой мировой войны возник в центре Европы. Германские империалисты, несмотря на поражение, которым закончилась для них первая мировая война, не отказались от своих агрессивных планов. Обогнав еще к концу 20-х годов по уровню развития промышленности своих старых соперников — Англию и Францию, Германия приступила к возрождению военной мощи, чтобы не только взять реванш за прошлое поражение, но и перекроить карту Европы по-своему.

Германские монополии содействовали приходу к власти фашистов, так как последние обещали задуть революционное движение внутри страны, возродить военную мощь Германии и открыть путь германскому империализму к новым захватам²³. Прогрессивная пресса справедливо назвала 30 января 1933 г., когда Гитлер стал канцлером Германии, «черным днем» Европы.

Нацисты намеревались начать осуществление своих агрессивных планов с создания в центре Европы ударного кулака в лице фашистского рейха с населением 90—100 млн. человек арийского происхождения. «К этому ядру, — утверждал Гитлер в 1932 году, — относится Австрия. Это само собой ясно. Но к нему принадлежат также Богемия и Моравия, равно как и западные районы

Польша... Частью этого ядра... являются также Прибалтийские государства». Население Польши, Чехословакии и Прибалтики, за исключением проживавших там немцев и «пригодных для онемечения элементов», подлежало уничтожению или выселению. Природа жестока, провозглашал Гитлер, и если нацисты могут без малейшей жалости посылать в пекло войны цвет немецкой нации, то тем более они могут «уничтожить миллионы людей низшей расы»²⁴.

Этому ядру нацисты намечали подчинить целую систему вассальных государств и создать «тысячелетнюю империю» (третий рейх), которая охватывала бы всю Европу и где главенствовала бы германская «раса господ». Затем, согласно планам гитлеровцев, должна была бы развернуться немецко-фашистская экспансия на другие континенты. Их конечной целью было установление мирового господства²⁵.

3 февраля 1933 г., излагая свою программу на совещании с руководителями германских вооруженных сил, фашистский канцлер сообщил о своих планах всемерного усиления вермахта с целью достижения «политического могущества». Переходя затем к вопросу о том, для чего он намерен использовать это «политическое могущество», Гитлер заявил: «Захват нового жизненного пространства на востоке и его беспощадная германизация»²⁶.

Немецкие фашисты видели путь к установлению мирового господства в жестокой и беспощадной тотальной войне²⁷. «Война, — говорил Гитлер, — самое естественное, обыденное явление. Война — всегда, война — всюду. Она не начинается и не заканчивается. Война — это жизнь... Я хочу войны»²⁸.

Сделав выводы из горького для Германии опыта первой мировой войны, гитлеровцы решили идти к своей цели постепенно, шаг за шагом, громить своих противников поодиночке, начиная с более слабых и предотвращая возможность новой войны одновременно на два фронта — на Востоке и на Западе. «Ошибка одновременного выступления против Англии, Франции и России не должна быть повторена»²⁹, — говорил подручный Гитлера по вопросам внешней политики фон Риббентроп.

Нацисты активно использовали дипломатические средства с целью разъединения возможных противников, добиваясь сговора с одними против других. Они усиленно распространяли идею «угрозы большевизма». Вражда к СССР должна была, как надеялись фашисты, обеспечить

им симпатии реакционных сил всех капиталистических стран.

Германские фашисты вынашивали агрессивные планы в отношении многих стран Европы, да и не только Европы, но своей важнейшей задачей считали расширение «жизненного пространства» прежде всего за счет территории Советского Союза. Одновременно германская реакция рассматривала уничтожение первого в мире социалистического государства как свою главную классовую задачу на международной арене, свою историческую миссию. Нацисты понимали, однако, всю сложность осуществления своих антисоветских планов. «Советская Россия, — говорил Гитлер, — трудная задача. Вряд ли я смогу начать с нее»³⁰.

В основе внешнеполитических замыслов фашистского рейха лежали агрессивные планы германского империализма и милитаризма, которые вынашивались еще со времени Бисмарка и наглядно проявились в годы первой мировой войны. Нацисты придали им особенно зловеющий характер³¹.

Захватив власть, фашисты сразу же приступили к наращиванию вооруженных сил Германии, численный состав которых был ограничен Версальским мирным договором до 100 тыс. солдат и офицеров, к обеспечению их наиболее современной военной техникой. Лозунгом нацистов стал «пушки вместо масла». Гитлеровцы рассчитывали через несколько лет приступить к открытому осуществлению своих захватнических планов. Наиболее реальной опасностью стала для Австрии, Чехословакии, Польши, Литвы и других соседних с Германией стран.

Германия демонстративно покинула в октябре 1933 года заседавшую в Женеве Конференцию по сокращению и ограничению вооружений, показав всему миру, что она открыто становится на путь войны. Гитлеровцы заявили о своем выходе из Лиги наций, так как и она могла оказаться известной помехой на пути осуществления нацистских планов тотальной агрессии.

Постепенно складывался блок агрессивных держав, которые поставили в повестку дня вопрос о переделе мира и установлении ими мирового господства. Их идеологическим оружием был фашизм — «открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала»³².

Создавшаяся в мире обстановка была подробно рас-

смотрена в январе — феврале 1934 года на XVII съезде ВКП(б). Политика Японии и Германии наглядно свидетельствовала о лихорадочной подготовке к новой войне для нового передела мира и сфер влияния, к новой империалистической войне. «Опять, как и в 1914 г., — подчеркивалось на съезде, — на первый план выдвигаются партии воинствующего империализма, партии войны и реванша». Особенно подчеркивалась опасность фашизма. В Отчетном докладе ЦК ВКП(б) указывалось: «Шовинизм и подготовка войны, как основные элементы внешней политики, обуздание рабочего класса и террор в области внутренней политики, как необходимое средство для укрепления тыла будущих военных фронтов, — вот что особенно занимает теперь современных империалистских политиков»³³. Прежде всего это касалось германского империализма.

Таким образом, на съезде было показано, что империализм как социально-экономическая система порождает новую мировую войну, в развязывании которой особую роль играет фашизм. «Фашизм — это война» — вот вывод, который сделали коммунисты в создавшейся конкретной обстановке.

Планы «крестового похода» против СССР

Захватнические планы гитлеровской Германии представляли собой огромную опасность для народов всех европейских государств. Поэтому они были жизненно заинтересованы в том, чтобы обуздать фашистских агрессоров, предотвратить осуществление их чело­веко­нена­вист­нических планов. Правящие круги западных держав при­держивались, однако, иных взглядов.

Развитие событий в Европе и во всем мире в немалой степени зависело от позиции Англии, над которой также нависла угроза нападения со стороны фашистского рейха. Если бы Англия встала на путь решительной борьбы против агрессии вместе с Советским Союзом, Францией и другими странами, то агрессивные действия фашистских держав можно было бы предотвратить и обеспечить сохранение мира. Но реакционные правящие круги Англии думали не о сохранении мира, а преследовали свои далеко идущие империалистические планы.

Сам по себе фашизм не тревожил заправил лондонского Сити. Напротив, утверждение фашистских диктатур в Италии, Германии и ряде других стран приветствовалось английской реакцией. Она видела в этих режимах

укрепление позиций капитализма, барьер на пути подъема революционной борьбы рабочего класса в Европе. В то же время правящая верхушка Англии лелеяла надежду использовать гитлеровскую Германию как орудие борьбы против СССР. После того как Англия вместе со своими союзниками одержала победу в первой мировой войне, главной задачей внешней политики британского империализма стало уничтожение первого в мире социалистического государства. Они исходили из следующей установки: «Чтобы жила Британия, большевизм должен умереть»³⁴. Англия активно участвовала в военной интервенции против Советской России, а в течение 20-х годов предпринимала все новые и новые попытки сколотить антисоветскую коалицию.

Руководство страны исходило в своих планах из расчета на ударную силу германского фашизма, видело в гитлеровской Германии потенциального классового союзника в борьбе против Советского государства. Британское правительство встало на путь поиска соглашения с фашистской Германией, надеясь путем некоторых уступок ей стабилизировать положение в Западной Европе и направить германскую агрессию на Восток, против СССР.

Политика английского империализма в отношении «законности войн» не отличалась от взглядов Гитлера и Муссолини. В английской исторической литературе при рассмотрении этого вопроса обычно ссылаются на М. Хэнки, являвшегося в течение 20 лет (1919—1938 гг.) бесменным секретарем английского правительства и тем самым олицетворявшего преемственность его политики. Хэнки рассматривал войну как «правильный и естественный процесс развития мировых событий». И было бы наивно рассчитывать, отмечал он, что империализм может проводить неимпериалистическую политику³⁵.

Советское полпредство в Лондоне, характеризуя позицию правящих кругов Англии, сообщало в Москву 25 апреля 1933 г., что за последние месяцы в них усиливаются «тенденции к активизации идеи о создании антисоветского фронта. Эти тенденции вырастают... на почве торжества гитлеризма в Германии, растущей агрессивности Японии на Дальнем Востоке». Политика Англии сводится к тому, чтобы «ударить кулаком в русском вопросе»³⁶. Это был курс на сколачивание «священного союза» с целью ликвидации Советского государства.

Представители английской правящей верхушки открыто провозглашали свои антисоветские замыслы.

Американский посол в Германии У. Додд писал, что влиятельный деятель либеральной партии Англии лорд Лотиан открыто выступает за создание коалиции западных стран, которая отвела бы удар со стороны Германии от них и «направила бы его на Восток», что «может привести к войне между Россией и Германией»³⁷. С аналогичными заявлениями выступал консерватор лорд Ллойд: «Мы предоставим Японии свободу действий против СССР. Пусть она расширит корейско-маньчжурскую границу вплоть до Ледовитого океана и присоединит к себе дальневосточную часть Сибири... Мы предоставим Германии свободу вооружения... Мы откроем Германии дорогу на Восток и тем самым обеспечим столь необходимую ей возможность экспансии. Таким образом можно будет отвлечь от нас Японию и Германию и держать СССР под постоянной угрозой»³⁸.

Правые английские газеты систематически распространяли разнузданную антисоветскую клевету. «Для анти-советской прессы, — писал Бернард Шоу, — нет лжи, которая была бы слишком фантастичной, нет клеветы, которая была бы слишком грязной..., нет измышления, которое было бы слишком нелепым»³⁹.

В отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVII съезду партии с полным основанием отмечалось, что нападки в Англии на СССР нельзя считать случайностью. Секретарь Исполнительного комитета Коминтерна Д. З. Мануильский говорил на съезде: «Английские «твердолобые» стоят сейчас за спиной Японии и Германии, руку которых они втихомолку направляют против СССР. Англия выступает в качестве маклера, пытающегося уладить противоречия между Францией и Германией, чтобы создать единый фронт против СССР»⁴⁰.

Нацисты были заинтересованы в устранении препятствий для перевооружения Германии и ее подготовки к войне. С этой целью они подогревали надежды английской реакции на то, что их агрессивные устремления направлены только на Восток. А. Розенберг, один из главарей германского фашизма, заявил английскому правительству в мае 1933 года о согласии Германии отказаться от притязаний на Западе, но потребовал за это предоставления ей права на вооружение, присоединение Австрии, «исправления» в пользу Германии ее границ с Чехословакией и Польшей и на захват Прибалтики. Розенберг указал, что в конце концов Германия направит свои силы против СССР.

Министр экономики Германии А. Гугенберг выступил в июне 1933 года на экономической конференции в Лондоне с меморандумом, в котором содержалось открытое требование предоставить Германии «жизненное пространство» на Востоке, в том числе за счет СССР. В письме Народного комиссариата иностранных дел от 27 июня 1933 г. по поводу этого беспрецедентного документа отмечалось: «Германское правительство сочло, что настоящий момент, когда не исключена еще возможность нападения на нас Японии, а отношения с Англией очень напряжены, является уже достаточно благоприятным для выступления его с открытым предложением своих услуг в борьбе против нас». Из сказанного вытекает, что в планы Германии «входит война с нами», что «нынешнее положение является лишь временной передышкой»⁴¹.

С ведома своих правительств монополии Англии, Франции и США снабжали Германию военными материалами, а американские банки предоставляли гитлеровцам займы и кредиты, финансируя тем самым подготовку Германии к войне⁴². Монополии США являлись совладельцами многих крупных предприятий в Германии. Поэтому немцы широко пользовались американскими патентами на производство многих изделий, имевших военное значение. Когда бывшему директору рейхсбанка Я. Шахту в 1945 году в тюрьме сказали, что германские промышленники будут привлечены к суду за вооружение Германии, он расхохотался. В таком случае, сказал он американскому офицеру, «вы должны судить своих собственных промышленников. Ведь заводы «Опель», принадлежащие «Дженерал моторс», работали только на войну»⁴³.

Курс английских правящих кругов на антисоветский сговор с гитлеровцами наглядно продемонстрировали проходившие между Англией, Францией, Германией и Италией переговоры о заключении между ними «пакта согласия и сотрудничества» («пакта четырех»). Предложение о заключении «пакта четырех» выдвинул главарь итальянского фашизма Муссолини, с тем чтобы сделать Италию — наравне с Англией, Францией и Германией — полноправным членом европейского директората четырех держав. Итальянские фашисты рассчитывали произвести ревизию договоров Версальской системы, которыми завершилась первая мировая война, подорвать позиции Франции в Европе, особенно ее связи со странами Юго-Восточной Европы, и превратить Дунайские и Балканские страны в «сферу влияния» Италии⁴⁴.

Прежде всего Муссолини согласовал свое предложение с гитлеровцами. 14 марта 1933 г. он передал в Берлин свой проект пакта и уже на следующий день получил благословение из уст министра иностранных дел Германии фон Нойрата, назвавшего это предложение «гениальной концепцией»⁴⁵. Такая позиция нацистов вполне понятна, так как подобный пакт ставил Германию на один уровень с Англией и Францией⁴⁶. Предложение Муссолини предусматривало возможность пересмотра мирных договоров и предоставление Германии права перевооружаться. В более отдаленной перспективе она надеялась использовать «пакт четырех» в целях осуществления своих агрессивных планов на Востоке.

Затем Муссолини передал согласованный им с Гитлером проект «пакта четырех» премьер-министру Англии Р. Макдональду, прибывшему 18 марта в Рим для переговоров с итальянским правительством. Английское правительство также энергично поддержало это предложение⁴⁷.

В Советском Союзе отчетливо представляли всю опасность планов заключения «пакта четырех». Ведь речь шла о сговоре четырех империалистических держав в ущерб интересам других стран. В печати западных держав появилось немало высказываний о том, что заключение «пакта четырех» может стать началом подготовки к совместному «крестовому походу» против СССР⁴⁸. Газета «Известия» 30 марта 1933 г. писала, что СССР не может оставаться безразличным к «попыткам создания так называемого «концерта четырех держав», присваивающего себе право решать судьбы народов». Во время встречи с германским послом в Москве фон Дирксенем 3 апреля нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов отметил отрицательное отношение к этому плану со стороны тех государств, интересы которых будут задеты пактом⁴⁹.

Антисоветские настроения отражались и в английской реакционной прессе. Так, журнал «Эрплейн» писал: «Надо... послать пару авианосцев в Балтику и бомбардировать до уничтожения форты в Кронштадте и крепости и заводы вокруг Санкт-Петербурга, ныне называемого Ленинградом. Одновременно мы должны послать несколько авианосцев в Черное море и взорвать форты Севастополя... Мы должны также разрушить официальные здания, заводы и доки в Одессе и Ростове-на-Дону и в некоторых других местах»⁵⁰.

Подписание «пакта четырех» вызвало серьезные опа-

сения не только в СССР, но и в других странах, которые могли бы оказаться объектом сделки между четырьмя державами. Это касалось особенно стран Восточной Европы. Сильное противодействие пакт встретил во Франции. Например, в записке, составленной 18 марта 1933 г. в министерстве иностранных дел Франции, высказывались опасения, что пакт может торпедировать Лигу наций, разрушить всю систему союзов Франции с рядом малых стран, а также привести к утрате ею ведущей роли в Европе, так как решения «европейской директории» четырех держав чаще всего будут направлены против интересов Франции, поскольку «Великобритания, Италия и Германия заинтересованы в ограничении роли Франции в Европе»⁵¹.

Чрезвычайную тревогу планы заключения «пакта четырех» вызвали в малых странах Европы. Они сознают, говорил А. В. Луначарский, что в случае объединения четырех держав их «как стадо овец, поделят между собой жестокие пастухи»⁵². Французская печать отмечала, что заключение пакта означало бы пренебрежение Францией интересами ее восточноевропейских союзников. Выступая против «священного союза» великих держав, французская газета «Журналь» писала: «Прежде чем отрезать левую ногу у Польши, правую руку у Чехословакии и обе ноги у Румынии, а также лишить Югославию ее конечностей, нужно по крайней мере, как велит обычай, спросить на это согласия у больных»⁵³. «Пакт четырех» с полным основанием стали называть «пактом мясников».

Обоснованные опасения ряда стран, связанные с «пактом четырех», привели к тому, что он так и не вступил в силу. Французское правительство не сочло возможным внести его в парламент на ратификацию.

О планах английского империализма, связанных с заключением «пакта четырех», лучше всего свидетельствовала очередная антисоветская свистопляска, которая развернулась в Англии во время переговоров о пакте. Еще в октябре 1932 года английское правительство денонсировало торговый договор с СССР, а 19 апреля 1933 г. объявило эмбарго на ввоз в Англию всех важнейших советских экспортных товаров. Фактически это означало объявление Советскому Союзу торговой войны. Министр иностранных дел Англии Дж. Саймон заявил о лишении советской торговой делегации в Лондоне прав дипломатической неприкосновенности. Эти меры английского правительства советское полпредство в Лондоне с полным основанием

оценило как попытку осуществления в отношении СССР политики «большой дубинки»⁵⁴.

Объявление Англией торговой войны Советскому Союзу произошло в разгар переговоров о заключении «пакта четырех». Своими действиями английское правительство демонстрировало, какие цели оно ставило в связи с заключением этого пакта: оно стремилось примирить крупнейшие империалистические державы Европы, заложить основу для их «священного союза» в борьбе против Советского государства.

Другим фактором, оказавшим существенное влияние на расстановку сил в Европе, было сближение буржуазно-помещичьей Польши с нацистской Германией. Министр пропаганды Германии Геббельс, находившийся в апреле 1933 года в Женеве в связи с Конференцией по сокращению и ограничению вооружений, предложил в беседе с министром иностранных дел Польши Ю. Бекком урегулировать германо-польские отношения на такой основе: Польша передаст Германии «коридор», а сама получит выход к морю за счет Литвы и Латвии. Затем обе страны выступят против СССР, причем в результате захвата Украины Польша получит выход также и к Черному морю, в том числе в Одессу⁵⁵. В сентябре во время новой встречи Геббельса с Бекком переговоры по этим вопросам были продолжены.

Реакционные правящие круги буржуазно-помещичьей Польши попались на гитлеровскую приманку. Они всерьез стали искать пути к антисоветскому союзу с Гитлером. Будучи хорошо информированы об агрессивных устремлениях польских правителей во главе с Ю. Пилсудским, гитлеровцы решили использовать их в своих интересах, сделав на время Польшу своим «союзником». Подогревая аппетиты польских экстремистских кругов, гитлеровцы убеждали их, что совместно они в состоянии одержать верх над СССР. Хотя над самой Польшей нависла опасность со стороны фашистских агрессоров, мечтавших о захвате ее территории и истреблении населения страны, правящие круги Польши не отказывались от своих планов захвата чужих земель. VII Всемирный конгресс Коминтерна констатировал, что германский империализм нашел в Европе союзника «в лице польского фашизма, стремящегося также расширить свою территорию за счет Чехословакии, Прибалтийских стран и Советского Союза»⁵⁶.

Польские правящие круги намеревались приурочить осуществление своих планов захвата новых советских зе-

мель к моменту японского нападения на СССР. Начальник восточного отдела МИД Польши Т. Шетцель говорил в беседе с болгарским поверенным в делах в июле 1934 года, что Польша «рассчитывает на то, что если на Дальнем Востоке разразится война, то Россия будет разбита и тогда Польша включит в свои границы Киев и часть Украины»⁵⁷. Польский посол в Японии даже не считал нужным скрывать получение от своего правительства большой суммы денег для работы по подталкиванию Японии к войне с СССР, которой «воспользовались бы Польша с Германией для наступления на Украину»⁵⁸. Об агрессивных планах Польши в отношении СССР МИД Англии имел следующие сведения: «Польша стремится захватить часть Украины и расколоть Россию на ряд отдельных, независимых от Москвы государств»⁵⁹. Между правительствами и особенно военными кругами Польши и Японии было установлено самое тесное сотрудничество, направленное против Советского Союза.

М. М. Литвинов с полным основанием констатировал, что Польша, проводя антисоветскую политику, спекулирует «на тех возможностях, которых она ожидает от нашего столкновения с Японией»⁶⁰.

Нарком иностранных дел СССР 21 декабря 1933 г. в беседе с американским дипломатом Буллитом подробно изложил опасения, которые испытывал по этому поводу Советский Союз. Советское правительство, отметил нарком, считает нападение со стороны Японии вероятным и изучает вопрос о ее возможных союзниках. Излагая свою беседу с М. М. Литвиновым, Буллит писал в Вашингтон: «Ему известно, что между Германией и Польшей имели место переговоры о возможном нападении на Советский Союз, если он окажется вовлеченным в длительную войну с Японией; он опасается, что война с Японией может затянуться на годы и что через пару лет Германия вместе с Польшей могут напасть на Советский Союз»⁶¹.

Даже английское посольство в Токио сочло необходимым сообщить в Лондон о заявлениях польских и румынских дипломатических представителей в Японии, в которых они открыто говорят, что «приветствовали бы столкновение между Россией и Японией»⁶².

Серьезную угрозу для Советского Союза представляла также возможность распространения гитлеровского влияния на Прибалтику, опасность превращения Прибалтийских государств в плацдарм для нападения на СССР. Нарком иностранных дел отмечал 10 апреля 1933 г., что

Советское правительство не могло бы относиться безучастно к «перекройке Балтийских государств». «В Прибалтике для нас так же нежелательна польская экспансия, как и германская»⁶³, — сказал он в беседе с французским послом М. Дежаном.

Советскому Союзу приходилось опасаться в случае войны с Германией, Польшей и Японией агрессивных действий и со стороны Финляндии. Нарком говорил в связи с этим, что «Германия будет искать выхода накопленной ею военной энергии в направлении Прибалтики и СССР». Она при этом «может вполне рассчитывать на поддержку по крайней мере Японии, Польши и Финляндии»⁶⁴.

Правящие круги Финляндии занимали по отношению к Советскому Союзу крайне враждебную, агрессивную позицию. Они вынашивали планы захвата Советской Карелии и других территорий СССР. Это не было тайной для иностранных дипломатов, поддерживавших тесные контакты с правящими кругами Финляндии. Польский посланник в Хельсинки Ф. Харват сообщал 29 декабря 1933 г. в Варшаву, что политика Финляндии характеризуется «агрессивностью против России... В позиции Финляндии к СССР доминирует вопрос о присоединении Карелии к Финляндии». Харват называл Финляндию «наиболее воинственным государством в Европе»⁶⁵. Латвийский посланник в Финляндии, в свою очередь, писал: «В головах финских активистов... глубоко укоренился карельский вопрос. Эти круги с нетерпением ждут конфликта России с какой-либо великой державой, раньше с Польшей, а теперь с Германией или Японией, чтобы реализовать свою программу. Это движение... может когда-то послужить искрой, от которой загорится пороховая бочка»⁶⁶. Бывший президент Финляндии П. Свинхувуд говорил, что каждый «враг русских должен всегда быть другом Финляндии»⁶⁷. И финляндские правящие круги руководствовались этой установкой.

Так называемое «активистское крыло» финляндской буржуазии (лапуасцы и др.) ожидало нападения Японии и Германии на СССР. Его представители считали, что это создаст условия и для реализации программы создания «Великой Финляндии». 11 января 1934 г. М. М. Литвинов писал, касаясь этой программы, что «лапуасцы имеют в виду распространение Финляндии до Урала.; наиболее сумасшедшие из них доводят границу финляндских земель даже до Алтая. Большие надежды возлагаются лапуас-

цами и активистами на Японию... Финляндия является наиболее антисоветским из всех Прибалтийских государств»⁶⁸. Бывший премьер-министр В. Таннер также признал в беседе с советским полпредом Б. Е. Штейном, что в случае войны на Дальнем Востоке СССР должен считаться «с повторением карельской авантюры 1922 года», когда Финляндия предприняла вооруженную попытку захвата Советской Карелии. Поэтому неудивительно внимание, которое японские агрессоры уделяли Финляндии. Так, японский поверенный в делах в Финляндии отмечал во время встречи с Б. Е. Штейном, что японская миссия в Финляндии существовала по требованию военных кругов страны «на случай японо-советской войны»⁶⁹.

Советское правительство сочло необходимым обратить внимание финляндского правительства на ненормальность складывавшегося положения. 15 января 1934 г. Б. С. Стомняков заявил финляндскому посланнику в Москве А. Ирье-Коскинену, что в Финляндии имеются довольно широкие круги и влиятельные организации, которые ведут агрессивную деятельность против СССР. Эти круги выступают, сказал он, за образование «Великой Финляндии»⁷⁰ за счет отторжения советских земель. Прибыв в сентябре в Хельсинки, Ирье-Коскинен признал в разговоре с Б. Е. Штейном, что действительно стремление к присоединению к Финляндии Карелии и Ингерманландии «сделалось всеобщим мнением в Финляндии»⁷¹.

Несмотря на демарши Советского правительства и словесные «мирные заверения» финляндского правительства, агрессивные тенденции правящих кругов Финляндии в отношении СССР все более усиливались. Приходится констатировать, указывал М. М. Литвинов 14 октября 1934 г. в письме советскому полпреду в Швеции А. М. Коллонтай, усиление шовинистических агрессивных элементов в общественных и политических кругах Финляндии. Мечта о «Великой Финляндии» становится действенным фактором финляндской политики. Не подлежит никакому сомнению, что Финляндия, так же как и Польша, строит свою политику в расчете на конфликт СССР с Японией, «заранее решив в известный момент вмешаться в этот конфликт»⁷².

Вопреки словесным мирным заверениям финляндского правительства агрессивные тенденции правящих кругов Финляндии в отношении СССР не только не ослабевали, но, напротив, получали все новые и новые проявления. В таких условиях М. М. Литвинов счел необходимым зая-

вить в беседе с финским посланником: «Ни в одной стране пресса не ведет так систематически враждебной нам кампании, как в Финляндии. Ни в одной соседней стране не ведется такая открытая пропаганда за нападение на СССР и отторжение его территории, как в Финляндии»⁷³.

Характеризуя состояние советско-финляндских отношений, английский посланник в Хельсинки Г. Грант-Уотсон отмечал, что Советский Союз добровольно признал независимость Финляндии, а также передал ей обширную территорию на севере, которая ранее никогда не входила в состав Великого герцогства Финляндского. «Поступая столь благородным образом, Советы, несомненно, рассчитывали установить добрососедские отношения с Финляндией, но их надежды не оправдались»⁷⁴.

Германский посланник в Финляндии В. фон Блюхер также неоднократно сообщал в Берлин, что Советский Союз искренне стремится к установлению с Финляндией дружественных отношений, но безуспешно. В Финляндии то и дело проходят резко враждебные по отношению к СССР выступления⁷⁵.

Таким образом, на восточных и западных рубежах Советской страны сгущались тучи войны. Японские и германские империалисты, встав на путь агрессии и войны, устремляли свои взоры на советские земли. В империалистических державах было немало людей, готовых благословить их на «священную войну» против Советского государства. В отдельных соседних с СССР странах существовали влиятельные силы, которые примкнули бы в случае такой войны к германским и японским агрессорам с целью погреть руки за счет Советского Союза.

Советский Союз — оплот мира

Борьба СССР за сохранение мира

ЦК ВКП (б) и Советское правительство, разрабатывая внешнеполитический курс, учитывали всю сложность складывавшейся обстановки, опасность нападения империалистических держав. Советский народ был глубоко заинтересован в сохранении и упрочении мира. В условиях, когда страна социализма продолжала оставаться во враждебном капиталистическом окружении, война могла представить большую опасность для самого ее существования.

Сохранение мира было также необходимой предпосылкой строительства в Советском Союзе нового общества. Только в мирных условиях советский народ мог бы сосредоточить свои усилия на развитии экономики, науки, культуры. Поэтому обеспечение благоприятных международных условий для строительства социализма было важнейшей задачей советской внешней политики.

Противопоставляя советскую внешнюю политику политике империалистических держав, народный комиссар иностранных дел СССР М. М. Литвинов говорил: «Советское государство, которому чужды шовинизм, национализм, расовые или национальные предрассудки, видит свои государственные задачи не в завоеваниях, не в экспансии, не в расширении территории, видит честь народа не в воспитании его в духе милитаризма и в жажде крови, а лишь в осуществлении того идеала, ради которого оно возникло и в котором оно видит весь смысл своего существования, а именно в построении социалистического общества.

Этой работе оно намерено, если ему не помешают, посвятить все государственные силы, и это является неиссякаемым родником его политики мира»⁷⁶. Нарком подчеркивал, что СССР не нуждается даже в победоносных войнах⁷⁷.

ЦК ВКП(б) и Советское правительство руководствовались в отношениях с другими странами принципом мирного сосуществования государств с различным социально-экономическим строем. СССР был готов жить в мире, осуществлять взаимовыгодные экономические связи со всеми государствами. Нам приходится строить социализм, говорил М. М. Литвинов, в одной стране, в окружении капиталистических стран, занимающих пять шестых земного шара. Мы этого факта не можем игнорировать и не игнорируем и «поэтому стремимся к изысканию и осуществлению способов мирного сосуществования обеих социальных систем»⁷⁸.

Принимая меры к обеспечению мира на границах СССР, Советское правительство в то же время проявляло заботу и о сохранении всеобщего мира. Поэтому внешняя политика СССР отвечала интересам как советского народа, так и народных масс всех стран. Таким образом, в борьбе Советского правительства за мир и безопасность сочетались задачи как национальные, так и интернациональные.

Клевеща на коммунистов и пытаясь оправдать нежелание реакционных кругов западных держав сотрудничать

с СССР, буржуазная пропаганда постоянно жонглировала утверждениями, что в Москве-де только о том и мечтают, как бы развязать войну между теми или иными капиталистическими странами. Она утверждала, что коммунисты заинтересованы в новой мировой войне, которая, мол, является необходимой предпосылкой для создания революционной ситуации.

Однако это не имело ничего общего с действительной политикой Советского Союза. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что «вся наша политика и пропаганда направлена отнюдь не к тому, чтобы втравливать народы в войну, а чтобы положить конец войне»⁷⁹. «Мы знаем, — говорил В. И. Ленин, — мы слишком хорошо знаем, какие неслыханные бедствия для рабочих и крестьян несет с собой война»⁸⁰.

Вопрос об отношении коммунистов к войне был подробно рассмотрен на VI конгрессе Коминтерна в 1928 году. Было показано, что обвинения в адрес коммунистов, будто бы они поощряют империалистические войны с целью ускорения революции, — это грубая клевета. Что касается возможной новой империалистической войны, то на конгрессе подчеркивалось, что коммунисты «в интересах рабочих масс и всех трудящихся, от которых эта война потребует самых тяжелых жертв, всеми силами ведут упорную борьбу против империалистической войны»⁸¹.

После прихода фашистов к власти в Германии этот вопрос в новой обстановке обсуждался в декабре 1933 года на XIII пленуме Исполкома Коммунистического Интернационала (ИККИ). Представитель ВКП(б) в ИККИ Д. З. Мануильский в своем выступлении на пленуме подчеркнул ошибочность тезиса, «что наступлению империалистической войны помешать нельзя, что настоящая революция начнется только в итоге новой империалистической войны». Коммунисты Франции, Германии и Польши, отмечал он, «должны сделать все для того, чтобы не допустить новой франко-германской или польско-германской войны». Это опровергало распространявшееся империалистической пропагандой клеветническое утверждение о стремлении Советского Союза спровоцировать войну между этими тремя странами, как и другими империалистическими государствами⁸².

Позиция коммунистов по этому вопросу была изложена на VII конгрессе Коминтерна в выступлении В. Г. Кнорина. «Хотя война приведет в конечном счете к революционному кризису в капиталистических странах, —

подчеркнул он, — она обрушит на головы трудящихся неимоверные мучения, смерть, голод, страдания, разрушит производительные силы всех стран, разрушит рабочие организации. Война ставит под угрозу жизнь миллионов пролетариев, остатки демократии, которые в ряде стран дают трудящимся все же некоторые возможности защиты своих интересов при капитализме. Война угрожает независимости малых и слабых народов. Она есть величайшее бедствие для всех народов. Поэтому коммунисты, которые защищают интересы народов, являются защитниками мира и должны предотвратить войну»⁸³. Такая позиция коммунистов получила свое отражение и в решениях конгресса: «VII Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала со всей решительностью отвергает клеветнические утверждения, будто коммунисты желают войны, ожидая, что она принесет революцию... Коммунисты всеми силами стремятся затруднить подготовку и развязывание новой войны»⁸⁴.

Установки по вопросам мира и войны, получившие отражение на конгрессах Коминтерна, соответствовали взглядам и Советского правительства. «Наибольшие жертвы в войне, — заявил нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов, — приходится приносить трудящимся, и, оберегая мир, Советский Союз остается на страже интересов всех трудящихся»⁸⁵.

В резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала констатировалось, что мирная политика СССР направлена не только на защиту Советской страны, «она защищает жизнь рабочих всех стран, жизнь всех угнетенных и эксплуатируемых, она служит жизненным интересам человечества...»⁸⁶. Поэтому советская внешняя политика была близка и понятна широкому народному массам, пользовалась поддержкой прогрессивных сил всех стран. А это открывало перед ней новые, дополнительные возможности в борьбе за сохранение и упрочение мира.

Однако вставал вопрос о том, насколько реальна перспектива предотвращения войны. В коммунистическом движении в прежние годы были довольно широко распространены фаталистические представления о неизбежности войн. Их порождала выявленная первой мировой войной относительная слабость и недостаточная организованность и сплоченность общественных сил, заинтересованных в сохранении мира. Однако по мере того, как вызревало новое соотношение сил на мировой арене, стал вырабатываться иной подход к проблеме борьбы с военной

опасностью и складывался вывод, что в новых условиях борьба за мир небезнадежна. Первая страна победившего рабочего класса — СССР — превратилась к середине 30-х годов в могучую державу, и ее внешняя политика стала оказывать все большее влияние на развитие событий. Силы мира получили возможность опираться на последовательную миролюбивую политику Советского Союза⁸⁷. Поэтому в докладе Д. З. Мануильского на VII Всемирном конгрессе Коминтерна указывалось, что «коммунисты должны преодолевать фаталистические установки, что воспрепятствовать войне невозможно, что борьба против подготовки войны бесцельна...»⁸⁸.

Особенно обстоятельно этот вопрос был рассмотрен в докладе Д. З. Мануильского об итогах конгресса. Он подчеркивал в нем, что новая обстановка требует несколько по-иному поставить вопрос о перспективах борьбы трудящихся с войной. Бесспорно, что, пока существует капитализм, войны неизбежны. Но сейчас имеется больше возможностей для успешной борьбы против империалистических войн, чем накануне первой мировой войны. Это предопределяется существованием Советского Союза, стоящего на страже мира. Борьбу против войны ведет Коммунистический Интернационал, в рабочих массах капиталистических стран зреет и ширится глубокая ненависть против войны. Во фронт защиты мира могут включиться малые народы, независимости которых угрожает война. В борьбе против войны могут принять участие и те крупные государства, которые по разным причинам не хотят и боятся войны⁸⁹.

Последовательная борьба СССР за мир, его политика мирного сосуществования не имела ничего общего с беззубым мелкобуржуазным пацифизмом, по поводу которого неоднократно иронизировал В. И. Ленин⁹⁰.

Страна принимала все меры, чтобы отбить у агрессоров охоту к военным авантюрам на своих границах. Вместе с тем СССР придавал огромное значение тому, чтобы сплотить возможно большее число стран для отпора агрессорам. В то время наибольшая угроза нависла над некоторыми малыми или относительно слабыми в военном отношении странами. И Советский Союз готов был оказать им помощь и поддержку, сотрудничать с ними в борьбе против агрессии.

ЦК ВКП(б) и Советское правительство учитывали те принципиальные противоречия, которые имелись между двумя главными группировками капиталистических дер-

жав. Планы передела мира, вынашивавшиеся блоком агрессоров во главе с фашистской Германией и милитаристской Японией, представляли угрозу для другой группировки империалистических держав — Франции, Англии и США, одержавших победу в империалистической войне 1914—1918 годов, поделивших в ее результате мир по своему усмотрению и стремившихся удержать свою добычу. Советское правительство было далеко от того, чтобы Версальскую систему мирных договоров считать справедливой. Но, разумеется, это не означало, что в СССР признавали необходимость новой мировой войны для изменения этих порядков. Наоборот, Советское правительство было против такой войны. Таким образом, существовали условия для совместных акций Советского Союза и этой группировки держав в целях предотвращения войны. К фронту защиты мира мог бы присоединиться и ряд средних и малых стран. Для Советского правительства сотрудничество всех этих стран для сохранения мира было не только вполне возможным, но и необходимым. Это легло в основу советских предложений об организации в Европе системы коллективной безопасности для защиты от агрессии.

Коммунистическая партия и Советское правительство считали в создавшихся условиях важнейшей задачей предотвращение войны коллективными усилиями всех стран, заинтересованных в сохранении мира. В Отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVII съезду партии отмечалось, что в обстановке «предвоенной свистопляски, охватившей целый ряд стран, СССР продолжал стоять... твердо и непоколебимо на своих мирных позициях, борясь с угрозой войны, борясь за сохранение мира, идя навстречу тем странам, которые стоят так или иначе за сохранение мира, разоблачая и срывая маску с тех, кто подготавливает, провоцирует войну»⁹¹.

Во внешней политике СССР сочеталось искреннее стремление к сохранению мира с готовностью дать решительный отпор агрессии. Она руководствовалась незыблемым правилом — «не ждать мира, а бороться за него». Все это предопределило ее высокий международный авторитет. Советское государство находилось в авангарде всех сил, выступавших за сохранение мира, обуздание агрессоров и предотвращение новой войны.

Дальнейшее укрепление международных позиций СССР, его влияние на развитие международных событий было непосредственно связано с ростом экономического

и оборонного потенциала Советского Союза. Восстановив народное хозяйство страны, разрушенное в результате первой мировой войны, гражданской войны и иностранной интервенции, Советский Союз к середине 30-х годов превратился в страну с крупной, современной индустрией. СССР мог производить большую часть необходимого промышленного оборудования на своих предприятиях.

Всем этим были созданы необходимые условия для укрепления обороноспособности страны, построены предприятия, способные производить современную военную технику. В течение второй пятилетки было намечено создать такие вооруженные силы по численности, вооружению и боевой готовности, которые могли бы обеспечить оборону СССР против крупнейших капиталистических держав на нескольких фронтах⁹². Если в прежние годы в Советских Вооруженных Силах было менее 600 тыс. человек, то в 1933 году в связи с усилением опасности агрессии численность их была доведена до 885 тыс., а к концу 1934-го — до 940 тыс. человек⁹³. Советские войска снабжались новой военной техникой: танками, самолетами, орудиями и т. д. В 1932—1934 годах в СССР производилось в среднем за год 2595 самолетов, 3371 танк, 3778 артиллерийских орудий⁹⁴.

На VII конгрессе Коминтерна констатировалось, что все эти меры привели к коренному изменению соотношения сил между СССР и капиталистическими странами и Советский Союз теперь по своей обороноспособности уже «не уступает ни одной капиталистической стране»⁹⁵.

В связи с непосредственной угрозой военного нападения со стороны Японии принимались срочные меры к укреплению советского Дальнего Востока. В 1932 году было начато строительство советского Тихоокеанского флота. Отрезвляющее воздействие на японских агрессоров стало оказывать усиление Советских Военно-Воздушных Сил, расположенных на Дальнем Востоке.

Коммунистической партией и Советским правительством была проделана огромная работа по укреплению международного положения СССР. Еще в 20-е годы Советский Союз добился нормализации отношений почти со всеми соседними государствами, заключив разного рода договоры. Дипломатические отношения были установлены со всеми великими державами, за исключением США. Изменения, происшедшие к началу 30-х годов в соотношении сил империалистических держав, открывали новые возможности для активизации дипломатии СССР.

Преобразование Советского Союза в одно из наиболее могущественных государств мира заставило ряд капиталистических стран в какой-то степени пересмотреть свою прежнюю политику по отношению к нему. Если раньше, в 20-х годах, империалистические державы нередко пытались решать различные международные вопросы, игнорируя интересы СССР, то теперь такие попытки фактически заранее были обречены на провал. Агрессоры вынуждены были считаться с тем, что попытки штыком прощупать надежность советских границ не окажутся безнаказанными. Все больше государств, которым также угрожала опасность со стороны агрессоров, стало смотреть на Советский Союз как на страну, которая может внести весомый вклад в дело укрепления мира и международной безопасности.

Возрождение агрессивного германского империализма, его планы перекройки карты Европы и всего мира вызвали серьезную озабоченность во Франции, а вместе с тем и известные изменения в ее внешней политике. Наиболее ярким свидетельством происшедших сдвигов явился пересмотр позиции Франции по вопросу о заключении с СССР договора о ненападении. Если в прежние годы Франция неоднократно отклоняла соответствующие предложения Советского правительства, то в 1931 году она изъявила готовность пойти на заключение с СССР договора о ненападении. В 1932 году Советскому правительству удалось заключить договоры о ненападении как с Францией, так и с Польшей, Латвией, Эстонией и Финляндией, которые ориентировались на Францию в этом вопросе.

Советско-французский договор о ненападении создавал основу для дальнейшего улучшения отношений между двумя странами. В условиях возрождения опасности агрессии со стороны Германии возникли объективные предпосылки для сотрудничества СССР и Франции в борьбе за сохранение мира в Европе. Советское правительство отчетливо представляло себе ту опасность, которая нависла над Европой со стороны нацистской Германии.

Фашистский рейх, располагая довольно значительными экономическими и людскими ресурсами, мог в течение нескольких лет создать крупные вооруженные силы и начать претворение в жизнь своей захватнической внешнеполитической программы. Особенно велика была бы опасность войны в случае объединения сил агрессивных держав.

В Отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVII съезду партии

указывалось: «Опять, как и в 1914 году, на первый план выдвигаются партии воинствующего империализма, партии войны и реванша.

Дело явным образом идет к новой войне»⁹⁶.

Советское правительство последовательно и неутомимо выступало за принятие действенных мер по борьбе против агрессора. Оно считало необходимым поставить на пути агрессоров надежный барьер, сплотив силы государств, заинтересованных в предотвращении войны. Такой курс соответствовал указаниям В. И. Ленина: «... Как можно больше самых простых, самых ясных решений и мер, которые бы действительно вели к миру, если уже не говорить о полном устранении опасностей войны»⁹⁷.

Определенные возможности для образования в Европе коллективного фронта защиты мира имелись. Но эти возможности надо было превратить в действительность.

Концепция неделимости мира

Коммунистическая партия и Советское правительство, считая необходимым пресечь агрессию в самом начале и учитывая конкретную расстановку сил в мире, придерживались концепции «неделимости мира». В СССР исходили из того, что если в каком-то регионе будет нарушен мир, то начавшийся там вооруженный конфликт может перерасти в новую мировую войну. Поэтому надо бороться за сохранение мира во всем мире, во всех регионах. Легче предотвратить пожар, чем погасить его, тем более тогда, когда он уже наберет силу, охватит многие страны, а то и целые континенты. Именно сохранение всеобщего мира наилучшим образом обеспечивало мир и для каждой отдельной страны, в том числе и для Советского Союза.

Если бы удалось в зародыше погасить возникшие очаги войны в Европе и на Дальнем Востоке, обуздать германских и японских агрессоров, то была бы укреплена и безопасность Советского Союза. Это было бы для СССР оптимальным вариантом развития событий, лучшей гарантией его безопасности. Другое дело, если бы агрессоры, пользуясь отсутствием сотрудничества между неагрессивными странами, поглощали бы их поодиночке, одну за другой, увеличивая тем самым свои силы. Такое развитие событий противоречило бы жизненным интересам народов всех стран, в том числе и СССР. Принцип неделимости мира отвечал, таким образом, интересам всех государств, которым угрожало нападение со стороны агрессоров.

Советская дипломатия выдвинула ряд конкретных предложений, направленных на укрепление мира и безопасности.

Определение агрессии

Для сохранения мира важное значение имело установление четких и ясных критериев определения агрессии. Поэтому 6 февраля 1933 г. Советское правительство внесло на рассмотрение Конференции по сокращению и ограничению вооружений в Женеве проект декларации об определении нападающей стороны. Выработка общепринятых норм определения агрессии имела большое значение в первую очередь для государств, находившихся под непосредственной угрозой нападения. Страны-агрессоры изыскивали различные предлоги для оправдания своего нападения на другие государства. Принятие советского предложения об определении агрессии сделало бы невозможным оправдание какими-либо предложениями нападения на другие страны, оно облегчало бы быстрое и правильное определение виновной стороны в случае вооруженного конфликта, а тем самым и применение необходимых совместных мер против агрессии. Советский проект был рассмотрен комитетом безопасности конференции по разоружению и с некоторыми поправками принят им⁹⁸.

Затем проект декларации передали на рассмотрение в генеральную комиссию конференции, но там принятие его затягивалось. Некоторые империалистические державы не скрывали, что такое определение агрессии они считали для себя «неудобным» и «стеснительным»⁹⁹. Сообщая 11 марта 1933 г. в Москву о ходе рассмотрения советского предложения, представитель СССР на конференции В. С. Довгалецкий писал, что оно было поддержано делегатами Франции, стран Малой Антанты, Скандинавских государств и др. Иную позицию заняли Германия, Италия, Япония, США и Англия¹⁰⁰. Особенно отрицательной была позиция Англии и США.

Сообщая в Вашингтон о своем выступлении, американский представитель на конференции Х. Гибсон писал, что при обсуждении советского предложения «выявилось такое преобладание чувств в пользу принятия соответствующего предложения», что он счел необходимым выступить против него¹⁰¹.

В создавшихся условиях Советское правительство решило добиваться осуществления своего предложения другими путями. 19 апреля М. М. Литвинов по поручению

Советского правительства передал польскому посланнику в Москве Ю. Лукасевичу предложение о созыве конференции, с тем чтобы подписать на ней протокол об определении агрессии между СССР и государствами Восточной Европы, заключившими с Советским Союзом договоры о ненападении. Такой протокол укрепил бы взаимное доверие между странами Восточной Европы. Он явился бы успокаивающим фактором во «взбаламученной международной ситуации», а также стимулировал бы принятие определения агрессии другими государствами¹⁰². Польское правительство заняло отрицательную позицию по этому вопросу, сорвав тем самым созыв предложенной конференции.

Воспользовавшись прибытием в Лондон в июне 1933 года (в связи с проходившей там экономической конференцией) представителей всех соседних с СССР государств, М. М. Литвинов предложил им подписать там же, в Лондоне, конвенцию об определении агрессии. По поручению ЦК ВКП(б) НКВД телеграфировал в этой связи наркому, что «нас больше всего интересует пакт с пограничными странами, включая Польшу и Финляндию»¹⁰³. Однако Польша продолжала занимать и на этих переговорах негативную позицию. Представители Польши любыми средствами стремились принизить значение такого соглашения, в том числе путем ограничения состава его участников. Польский посланник в Англии Э. Рачиньский по указанию своего правительства заявил, что Польша согласна подписать только такую конвенцию об определении агрессии, в которой будут участвовать исключительно соседи СССР, причем без права присоединения к ней других стран. Этим исключалась возможность участия в конвенции Литвы, Чехословакии, в отношении которых Польша вынашивала агрессивные планы, а также других стран, изъявивших готовность подписать ее. В результате переговоры о подписании конвенции стали затягиваться.

Польское правительство возражало и против того, чтобы конвенция осталась открытой для присоединения к ней Китая и Японии, хотя они и являлись соседями СССР. Даже румынский представитель в этих переговорах Н. Титулеску констатировал, что «Польша своим поведением говорит всему миру, что она не хочет мира между СССР и Японией»¹⁰⁴.

Правительство Финляндии также затягивало определение своего отношения к советскому предложению,

выдвигая различные оговорки, в том числе о праве в любой момент отказаться от участия в конвенции. Противодействие подписанию конвенции оказывали Германия и Англия.

Усилия Советского правительства все же дали свои результаты. 3 июля 1933 г. конвенцию об определении агрессии подписали СССР, Эстония, Латвия, Польша, Румыния, Турция, Иран и Афганистан. 4 июля была подписана аналогичная конвенция с участием СССР, Румынии, Чехословакии, Турции и Югославии, открытая для присоединения любых стран, а 5 июля — конвенция между СССР и Литвой. 22 июля к конвенции присоединилась также Финляндия.

Выдвижение Советским правительством предложения о заключении с соседними государствами конвенции об определении агрессии было наглядным свидетельством его стремления положить в основу отношений между государствами принцип мирного сосуществования.

Заключение конвенции было крупным успехом советской дипломатии, заметным вкладом в борьбу с агрессией, выработку международно-правовых норм, призванных содействовать предотвращению агрессии. С тех пор в международном праве широко пользуются этим определением. Вместе с тем эта конвенция, подписанная рядом стран Восточной Европы, была своего рода противовесом «пакту четырех», который пытались сколотить правящие круги западных держав.

М. М. Литвинов заявил на Мировой экономической конференции в Лондоне, что СССР последовательно придерживается принципа мирного сосуществования и готов развивать на его основе свои отношения со всеми государствами¹⁰⁵. Английская газета «Спектейтор» 14 июля 1933 г. с полным основанием констатировала, что создание системы договоров об определении агрессии является большим успехом советской дипломатии, логическим результатом осуществляемой Советским Союзом политики мирного сосуществования.

Советское правительство внесло на рассмотрение Мировой экономической конференции подробно разработанное предложение о подписании протокола об экономическом ненападении. Согласно советскому проекту, все участники протокола должны были придерживаться в своей политике принципа мирного сосуществования стран независимо от их социально-политических систем. Они должны были отказаться в экономических отношениях друг

с другим от всех видов дискриминации¹⁰⁶. Однако представители империалистических держав, выступавшие против советского предложения об определении агрессии, не захотели принять и предложение об экономическом ненападении.

СССР и США: запоздалое признание

В условиях, когда в Европе и на Дальнем Востоке образовались опасные очаги второй мировой войны, большое значение для сохранения мира могла иметь позиция Соединенных Штатов Америки. В случае эффективного сотрудничества СССР и США в борьбе за предотвращение агрессии и сохранение мира — а на их стороне было бы и подавляющее большинство других стран — планы агрессоров можно было бы пресечь в самом зародыше. Однако между СССР и США не существовало даже нормальных дипломатических отношений.

Советское государство с первых дней своего существования проявляло заинтересованность в установлении с США политических и экономических отношений. Поэтому нормализация советско-американских отношений зависела прежде всего от позиции США. Правящие круги США отнеслись резко враждебно к Великой Октябрьской социалистической революции, к созданию в России государства, главной руководящей силой в котором были коммунисты. США принимали активное участие в иностранной вооруженной интервенции, предпринятой лагерем империализма в целях уничтожения первого в мире социалистического государства.

После провала интервенции другие капиталистические государства постепенно, одно за другим становились на путь нормализации отношений с Советским государством. К 1925 году Советскому Союзу удалось установить дипломатические отношения со всеми крупными империалистическими державами, кроме США, которые упорно в течение 16 лет придерживались политики непризнания СССР.

Характеризуя эту политику, М. М. Литвинов говорил, что Америка в течение многих лет «продолжала борьбу, провозглашенную всем капиталистическим миром после Октябрьской революции, против новой советской системы государства, поставившей себе целью создание социалистического общества. То была борьба против мирного сосуществования двух систем»¹⁰⁷.

Обстановка, сложившаяся в мире в результате неви-

данного по глубине экономического кризиса в капиталистических странах и возникновения опасных очагов новой мировой войны, заставила правящие круги США произвести переоценку своего курса по отношению к СССР.

К 1933 году вопрос о признании СССР оказался одним из наиболее актуальных вопросов внешней политики США, причем в его обсуждение оказались вовлечены самые широкие круги американской общественности. Это объяснялось целым рядом важнейших обстоятельств.

К этому времени СССР стал вторым (после США) государством мира по своему экономическому могуществу. Что же касается оборонной мощи, то по военно-морским силам США значительно опережали СССР, но по сухопутным силам Соединенные Штаты не шли ни в какое сравнение с Красной Армией. Для США не считаться с Советским государством стало уже невозможно, причем как по политическим, так и экономическим причинам. В Вашингтоне видели опасность, которую представляла для Соединенных Штатов агрессивная политика милитаристской Японии и гитлеровской Германии, и все чаще начинали рассматривать СССР как важный с точки зрения военно-стратегических внешнеполитических интересов США противовес этим странам. Вместе с тем в результате мирового экономического кризиса США остро нуждались во внешних рынках, а Советский Союз при нормализации отношений с ним мог бы стать одним из крупных покупателей американских товаров.

Вопрос о нормализации отношений с СССР вызывал в правящих кругах США немало дискуссий. Особенно четко суть их была изложена газетой «Вашингтон пост» 30 декабря 1933 г.: «Основной аргумент за признание заключается в том, что сильная Россия была бы эффективным противовесом Японии в Восточной Азии и таким образом уменьшила бы опасность войны между Японией и США. Сильнейший аргумент против признания заключается в том, что это усилило бы Россию и тем самым помогло бы ей пропагандировать коммунизм, родиной которого она является».

Активно выступали за установление дипломатических отношений с СССР влиятельные промышленные и торговые круги, заинтересованные в расширении экономических связей с Советским Союзом.

В то же время в США по-прежнему немалым влиянием пользовались силы, выступавшие против установления дипломатических отношений с СССР. Когда в 1932

году государственному секретарю США Г. Стимсону посоветовали встретиться на конференции по разоружению с советским делегатом, он, подняв руки к небу, воскликнул: «Никогда, никогда! Пройдут столетия, но Америка не признает Советского Союза».

Франклин Рузвельт, ставший в начале 1933 года президентом США, счел нужным проявить инициативу в нормализации отношений с Советским Союзом. Главной причиной, побудившей правительство Рузвельта пересмотреть прежнюю позицию США по этому вопросу, была угроза интересам США на Дальнем Востоке со стороны японских агрессоров*.

Немалое значение в принятии правящими кругами США решения о необходимости сотрудничества с СССР имели последовательно миролюбивый характер советской внешней политики, его все более активное участие в решении актуальных международных проблем, в том числе готовность внести свой весомый вклад в борьбу против агрессоров, а также быстрый рост могущества и международного авторитета Советского Союза.

Советско-американские отношения стали предметом обсуждения американской прессы. Энергично выступал за установление дипломатических отношений с СССР американский журнал «Нейшн»: «Русский вопрос в настоящее время приобрел чрезвычайную актуальность и должен быть незамедлительно решен... Уже теперь это признание имеет большее значение для Соединенных Штатов, чем для Советского Союза... Позиция Гувера по отношению к России поставила под угрозу положение Соединенных Штатов в бассейне Тихого океана, где в течение следующего десятилетия, может быть, будут решаться судьбы народов. Если его политика не будет быстро изменена, потеря может стать невозвратимой... Америка нуждается в русской помощи на Тихом океане»¹⁰⁸. Газета «Нью-Йорк таймс» констатировала 22 января 1933 г., что «отношения между США и Японией крайне напряжены... Политика непризнания СССР сильно ослабляет положение США на

* Первый полпред СССР в Вашингтоне А. А. Трояновский впоследствии отмечал в одном из своих писем в Москву, что главное, что толкнуло Рузвельта на признание СССР, — это обострение отношений США с Японией (АВП СССР. — Ф. 05. — Оп. 14. — Д. 79. — Л. 81 — 82). Американский посол в СССР У. Буллит, бывший в 1933 году ближайшим помощником Рузвельта по проблемам отношений с СССР, также говорил, что США признали СССР по политическим соображениям, связанным и с положением на Дальнем Востоке (АВП СССР. — Ф. 05. — Оп. 14. — Д. 80 Л. 69—75).

Дальнем Востоке». США не смогут противостоять Японии, писала газета, если они будут враждовать с Советским Союзом, который является третьей стороной тихоокеанского треугольника.

Таким образом, в США начинали понимать, что в недалеком будущем им могут понадобиться поддержка и помощь СССР.

10 октября Ф. Рузвельт направил председателю ЦИК М. И. Калинину послание, в котором сообщал о желании покончить «с теперешними ненормальными отношениями» между США и СССР. Он выражал готовность обсудить с представителем Советского правительства этот вопрос. М. И. Калинин отмечал в своем ответном послании, что это ненормальное положение в отношениях между двумя странами неблагоприятно отражается и на общем международном положении, затрудняя упрочение мира и поощряя агрессоров. Представителем Советского правительства для переговоров с Ф. Рузвельтом был назначен М. М. Литвинов¹⁰⁹.

Обмен посланиями между Рузвельтом и М. И. Калининым положил конец длительному периоду непризнания СССР Соединенными Штатами Америки. Советский Союз занимает в мире такое положение, писала 21 октября в передовой статье «Правда», что его уже нельзя игнорировать, «не нанося ущерба самим себе». В американской печати особое внимание обращалось на то положительное воздействие, которое нормализация советско-американских отношений может оказать на положение на Дальнем Востоке. Так, 27 сентября газета «Нью-Йорк америкэн» писала: «Если Япония намерена установить свое господство на Тихом океане, нарушить американские права или угрожать американской территории на островах или континенте, у Америки будет союзник или по крайней мере друг в лице России». Газета «Сан-Франциско кроникл» отмечала 21 октября, что «прежде всего именно положение на Дальнем Востоке побудило Рузвельта предпринять указанный шаг».

Отдельные голоса американских противников восстановления отношений с СССР тонули в многоголосом хоре сторонников изменения прежней явно обанкротившейся политики США по отношению к Советскому Союзу.

В результате переговоров М. М. Литвинова с Ф. Рузвельтом 16 ноября 1933 г. в Вашингтоне был произведен обмен нотами, официально оформившими установление дипломатических отношений между СССР и США. В этих

нотах выражалась надежда на закрепление нормальных и дружественных отношений между двумя странами, на сотрудничество «для взаимной пользы и для ограждения всеобщего мира»¹¹⁰.

Установление дипломатических отношений с США было крупным достижением советской внешней политики. Значение этого события увеличилось тем, что оно произошло в момент дальнейшего резкого обострения международной обстановки в связи с агрессивной политикой Японии и Германии.

Итак, правительство Соединенных Штатов было вынуждено признать провал своей политики игнорирования первого в мире социалистического государства. Отказ от связей и сотрудничества с СССР, решительно выступавшего против агрессивной политики милитаристской Японии и фашистской Германии, ослаблял позиции самих Соединенных Штатов. Такой дальновидный политик, как Рузвельт, не мог не принять мер к тому, чтобы положить конец существовавшему ненормальному положению, пересмотреть прежнюю политику США по отношению к Советской стране. «Надо отдать справедливость проницательности президента Рузвельта, — говорил М. М. Литвинов, — что он вскоре после прихода к власти, а может быть, еще до этого убедился в бесплодности дальнейшей борьбы с нами во имя капитализма и в пользе сношений с нами во имя американских государственных интересов, интересов международного мира»¹¹¹.

Проект Тихоокеанского пакта

В связи с установлением советско-американских дипломатических отношений СССР стремился привлечь США к участию в стабилизации обстановки на Дальнем Востоке. ЦК ВКП(б) и Советское правительство считали необходимым заключить в этих целях Тихоокеанский пакт. Они учитывали, что упрочение мира на Дальнем Востоке создало бы оптимальные условия для сохранения мира и в Европе. И наоборот, война на Дальнем Востоке могла побудить к активным действиям и другие агрессивные державы.

Советский Союз, со своей стороны, занимал твердую позицию в отношении агрессивных планов и устремлений японских милитаристов. 17 сентября 1933 г. НКВД писал советскому полпреду в Японии К. К. Юреневу, что политика СССР при сохранении ориентировки на мир «не может

быть позицией уступок и поблажек японской военщине и замазывания провокаций и безобразий, которые позволяет себе японское правительство. Мы намечаем и проводим твердую линию отпора японским домогательствам...» Кормление японского хищника мелкими подачками, говорилось далее в письме, будет усиливать его аппетит и создавать уверенность в безнаказанности и в своем превосходстве в силах. Советскому Союзу незачем поддерживать такие ложные иллюзии. Занимая более твердую позицию, СССР заставляет сторонников военных авантур усвоить более осторожную линию поведения. Только при такой нашей тактике нам, писал НКВД, на основе дальнейшего развития внутреннего строительства и дальнейшего улучшения нашего международного положения, может быть, удастся предотвратить попытку реализации Японией ее планов войны против СССР. Такая линия исходит из того, указывалось в письме, что «мы на худой конец, если бы японская военщина действительно осуществила попытку нападения на Советский Союз, сможем дать вполне успешный отпор. В результате мер, принятых за последние полтора-два года, мы далеко не чувствуем себя беззащитными на случай попытки противника прощупать нас»¹¹².

Еще с конца 1931 года Советское правительство неоднократно предлагало Японии заключить договор о ненападении, но Токио неизменно отклонял такое предложение.

Япония угрожала на Дальнем Востоке, как уже отмечалось, не только Советскому Союзу, но и интересам США. Ф. Рузвельт в беседах с М. М. Литвиновым в Вашингтоне во время переговоров об установлении дипломатических отношений не скрывал серьезной обеспокоенности агрессивными действиями японской военщины. В связи с этим советский представитель поставил вопрос о целесообразности заключения Тихоокеанского пакта о ненападении с участием СССР, США, Китая и Японии, но Рузвельт ограничился лишь тем, что поручил У. Буллиту заняться этим вопросом и доложить ему.

Нарком в переговорах с президентом США предложил заключить между СССР и США также соглашение о совместных действиях в случае опасности миру. Однако президент США Рузвельт заявил, что он предпочитает в случае необходимости делать односторонние заявления. США не поддержали и это далеко идущее предложение СССР, которое при положительном отношении США мог-

ло бы в немалой степени содействовать улучшению международной обстановки.

Таким образом, факты свидетельствуют о готовности Советского правительства к активному сотрудничеству с США в борьбе против японской агрессии. Правительство же США не намеревалось в то время принимать действительно эффективных мер в целях укрепления мира на Дальнем Востоке, надеясь, что Япония направит свои агрессивные устремления прежде всего против СССР, а это облегчит положение США. Журналист Х. Никербокер, имевший тесные контакты с У. Буллитом и другими влиятельными американскими деятелями, рассказывал советскому дипломату в Берлине в ноябре 1933 года, что США не намерены идти на сотрудничество с СССР в борьбе против японской агрессии. Это отчасти предопределяется страхом перед возможностью полной победы СССР над Японией и революционного взрыва в Японии и Китае¹¹³.

В первой же беседе в Москве с американским послом в СССР Буллитом (11 декабря 1933 г.) нарком иностранных дел СССР напомнил о советских предложениях относительно заключения Тихоокеанского пакта и опубликования декларации о сотрудничестве СССР и США в случае угрозы войны. Однако Буллит отмолчался. Два дня спустя он дал понять в беседе с заместителем народного комиссара иностранных дел Л. М. Караханом, что изучение в Вашингтоне вопроса о Тихоокеанском пакте привело к «отрицательным выводам»¹¹⁴.

Коммунистическая партия и Советское правительство все же считали необходимым продолжать добиваться заключения Тихоокеанского пакта. А. А. Трояновскому, назначенному в декабре 1933 года полпредом в США, были даны указания «отстаивать желательность предложения о заключении пакта о ненападении между СССР, США, Японией и Китаем»¹¹⁵.

23 февраля 1934 г. А. А. Трояновский был принят президентом Рузвельтом. Советский полпред заявил о желательности сотрудничества СССР и США в борьбе против японской агрессии. Он отметил, что «сдержать Японию и сократить ее аппетиты будет нелегко. Япония не будет слушать отдельно ни Америку, ни СССР, но обоих вместе она будет слушать даже в последний момент, поэтому нам нужно иметь контакт»¹¹⁶. Однако Рузвельт уклонился от обсуждения этой проблемы. Вопрос о Тихоокеанском пакте снова был поставлен М. М. Литвиновым перед Буллитом в марте 1934 года после возвращения американ-

ского посла из поездки в США. Но Буллит не дал и на этот раз «вразумительного ответа»¹¹⁷.

Даже американский историк Р. Браудер отмечает, что провал надежд дополнить установление отношений с США «позитивными актами сотрудничества несомненно разочаровал Москву»¹¹⁸.

К весне 1934 года стало очевидным, что Япония пока не считает себя достаточно подготовленной для войны с Советским Союзом. 17 апреля 1934 г. японское правительство опубликовало заявление, отчетливо свидетельствовавшее о его стремлении установить контроль над всем Китаем и вытеснить оттуда Англию, Францию и США. В этой связи советское полпредство в Лондоне отмечало в письме в НКВД от 11 мая 1934 г., что, как считают английские политические круги, общее укрепление СССР, его международные успехи, оборонительные меры на Дальнем Востоке и особенно его могущественный воздушный флот, способный за несколько часов разрушить основные центры Японии, — все эти факты привели японскую правящую верхушку к убеждению, что в данной объективной обстановке нападение на Советский Союз является весьма рискованным предприятием¹¹⁹.

Несмотря на то что непосредственная опасность нападения на СССР со стороны Японии миновала, Советский Союз продолжал добиваться заключения Тихоокеанского пакта. 13 мая 1934 г. М. М. Литвинов констатировал в беседе с У. Буллитом, что, пока США и Англия будут продолжать на Дальнем Востоке прежнюю политику, Япония сможет делать все, что ей угодно. «Единственный эффективный способ сдерживать японцев — это немедленно договориться о совместной акции всех держав, имеющих интересы в районе Тихого океана»¹²⁰.

Однако правительство США не поддержало советских предложений, направленных на укрепление мира на Дальнем Востоке, продолжая политику попустительства японской агрессии.

Английское правительство стремилось подтолкнуть Японию на военные действия против СССР. Инициативу по заключению с Японией двустороннего договора о ненападении проявил 1 сентября 1934 г. Н. Чемберлен, замещавший в то время находившегося в отпуске премьера С. Болдуина. Даже в Форин оффисе возникли серьезные сомнения о целесообразности такого шага. Заведующий дальневосточным отделом Ч. Орд отмечал в свой записке по этому вопросу, что такой договор «безусловно прибли-

зит день нападения Японии на Россию». Однако агрессивные устремления Японии направлены не только против России, в связи с чем «после успешного урегулирования счетов с Россией и передышки для восстановления сил Япония может стать реальной опасностью для наших собственных владений на Дальнем Востоке»¹²¹. Английскому послу в Японии было дано указание выяснить, какую цену Япония готова уплатить за согласие Англии на заключение с Японией столь выгодного для нее пакта. Н. Чемберлен и Дж. Саймон энергично высказывались за пакт с Японией¹²². Однако в связи с предстоявшими переговорами с Японией по вопросам, связанным с ее нежеланием продлевать существовавшие соглашения о соотношении размеров военно-морских сил империалистических держав, переговоры с ней по этому вопросу были отложены.

За мир в Прибалтике

В Северо-Восточной Европе захват фашистским рейхом Прибалтийских государств или установление над ними германского господства иными путями представляли бы для Советского Союза самую непосредственную опасность, поэтому особое внимание советской дипломатии было приковано к проблемам обеспечения мира и безопасности.

В Прибалтике Великая Октябрьская социалистическая революция заложила основы Советской власти, но в результате иностранной вооруженной интервенции она была свергнута. Для того, чтобы пресечь использование иностранными интервентами Прибалтики как базы для вооруженной борьбы против Советской России, Советское правительство в 1920 году согласилось заключить с образовавшимися в Прибалтике буржуазными государствами — Эстонией, Латвией и Литвой — мирные договоры и признать их независимость, но с условием: в этих мирных договорах они обязались не допускать пребывания на своей территории иностранных войск¹²³. СССР придавал огромное значение соблюдению этого условия.

Советским Союзом был выдвинут ряд важнейших конкретных предложений, осуществление которых могло обеспечить сохранение мира в Восточной Европе, в том числе и в Прибалтике. Общий их смысл сводился к тому, чтобы объединить, сплотить силы всех восточноевропейских стран, находившихся под угрозой агрессии со стороны

гитлеровской Германии. «Организаторы антисоветской интервенции, — отмечали 15 октября 1933 г. «Известия», — всегда рассматривали Прибалтику как плацдарм для нападения на Советский Союз. Точно так же смотрят на дело и нынешние глашатаи германского фашизма... Вот почему Советский Союз, конечно, не может оставаться безразличным, когда речь идет об усилении активности фашизма в Прибалтике».

Беседуя 11 декабря с латвийским посланником в Москве, М. М. Литвинов подчеркнул, что во всех международных переговорах советские дипломаты не забывают о Прибалтике и что Советский Союз будет «стараться всегда выступать вместе с нею». Посланник выразил благодарность за такую позицию СССР¹²⁴.

Не меньшее значение СССР придавал сохранению независимости и неприкосновенности Польши, предотвращению германской агрессии против нее. Если бы были сорваны агрессивные планы гитлеровской Германии в отношении Прибалтийских государств и Польши, если бы в то время они стали участниками системы коллективной безопасности против германской агрессии, то немецко-фашистские войска не смогли бы подойти к советским границам.

Учитывая опасность, резко усилившуюся на западных границах в связи с приходом фашистов к власти в Германии, польское правительство также стало в 1933 году проявлять интерес к некоторому улучшению отношений с СССР. 14 декабря 1933 г. Советское правительство передало Польше предложение опубликовать совместную советско-польскую декларацию о твердой решимости обеих стран охранять и защищать мир в Восточной Европе. В случае угрозы Прибалтийским государствам СССР и Польша, согласно проекту декларации, обязывались обсудить создавшееся положение¹²⁵.

Поскольку СССР и Польша являлись двумя крупнейшими государствами Восточной Европы, опубликование такой декларации имело бы огромное положительное значение для обеспечения мира в этом районе. Смысл советского предложения заключался в том, чтобы придать Прибалтийским государствам, находившимся под угрозой германской агрессии, чувство уверенности в себе, укрепить их сопротивление германской экспансии; ослабить нажим Германии на Прибалтийские страны; подвести конкретную базу под начавшиеся между представителями Польши и СССР переговоры о сотрудничестве в де-

ле укрепления мира. Хотя в советском предложении Германия не упоминалась, в нем подразумевалась борьба против угрозы Прибалтийским странам со стороны фашистского рейха. Если бы Польша приняла советское предложение, это послужило бы предостережением Германии и могло бы задержать ее агрессивные действия против Прибалтийских государств¹²⁶.

Польское правительство было не против обсудить советское предложение, но претворять его в жизнь не собиралось¹²⁷. Выступая в конце декабря 1933 года на сессии ЦИК СССР, М. М. Литвинов подчеркнул важность и необходимость самого тесного сотрудничества между Советским Союзом и Польшей. Касаясь Прибалтийских стран, нарком отметил, что они «все больше проникаются убеждением в нашем абсолютном миролюбии, доброжелательности к ним и заинтересованности в сохранении ими полной экономической и политической независимости. Но мы не только заинтересованы, но и озабочены этим»¹²⁸.

Однако вскоре стало очевидным, что, хотя польские дипломаты иногда и делали заверения о стремлении Польши к сотрудничеству с СССР в деле укрепления мира, они не были искренними. Польские реакционные правящие круги, вынашивая планы создания «Великой Польши», не стремились к сотрудничеству с СССР против немецко-фашистских агрессоров; они становились на путь сотрудничества с фашистским рейхом и другими агрессорами в целях осуществления своих захватнических планов.

Гитлеровцы решили использовать настроения польских правящих кругов в своих интересах. Прежде всего они стремились помешать намечавшемуся сплочению стран Европы для борьбы против захватнических планов германского империализма. С этой целью нацисты заявили полякам о своей готовности дать обязательство о ненападении на Польшу и о возможном сотрудничестве Германии и Польши по захвату советских земель и разделу Прибалтики.

Польские правители с восторгом встретили такие предложения. Ю. Пилсудский в беседе с гитлеровским эмиссаром Г. Раушнингом обсуждал 11 декабря 1933 г. вопрос о заключении союза между Германией и Польшей, указывая на неизбежность войны между ними и СССР¹²⁹.

26 января 1934 г. была опубликована германо-польская декларация о дружбе и ненападении, которая создала

серьезные трудности для образования фронта защиты мира в Европе, пробила брешь в рядах государств, объективно заинтересованных в отпоре германо-фашистской агрессии. Польша фактически порвала с блоком стран, созданным Францией в 20-е годы, и становилась, по существу, составной частью агрессивного блока фашистских держав. Декларация заложила основы тесного сотрудничества между Польшей и Германией.

Все заверения гитлеровцев о желании жить в мире с Польшей носили, разумеется, декларативный характер. Польша по-прежнему оставалась в планах гитлеровцев одной из первых стран, намеченных к включению в германское «жизненное пространство». Именно поэтому нацисты решили ограничиться подписанием с Польшей только декларации, а не договора о ненападении, как это обычно делалось в подобных случаях. Гитлеровцы исходили из того, что впоследствии легче будет нарушить декларацию, чем договор. В декларации был обойден вопрос о признании Германией существующей германо-польской границы и содержалось лишь обязательство решать все спорные вопросы, не прибегая к применению силы. Вскоре после подписания декларации Гитлер заявил в кругу своих приближенных, что «все соглашения с Польшей имеют только временное значение»¹³⁰.

Касаясь уроков германо-польских отношений, министр иностранных дел Румынии Г. Гафенку впоследствии справедливо заметил, что «мирные заверения» Гитлера, если он их давал, «связывали того, кто получал их, а не его самого»¹³¹.

Обращало на себя внимание также отсутствие в декларации обычного для подобных соглашений условия о том, что в случае нападения одной из участниц декларации на третье государство другая участница декларации имеет право считать ее утратившей силу. Это означало, например, что в случае нападения Германии на Австрию Польша обязывалась оставаться в стороне.

После опубликования польско-германской декларации о ненападении польское правительство сообщило Советскому правительству, что считает вопрос о советско-польской декларации отпавшим¹³². Представители польского правительства неоднократно заявляли о своей приверженности политике «равновесия» в отношениях с двумя великими соседями Польши — Германией и СССР. На самом же деле такие высказывания были лишь дипломатическим прикрытием действительного курса польской

внешней политики — курса на сближение с гитлеровской Германией на антисоветской основе¹³³.

Таким образом, в капиталистическом лагере в 1933 году произошли существенные перемены, в связи с чем были внесены определенные изменения и в советскую внешнюю политику.

Если раньше главными трубадурами нового «крестового похода» против Советской страны были французские и английские империалисты, то после прихода фашистов к власти в Германии именно она становилась главной ударной силой лагеря империализма в его борьбе против первого в мире социалистического государства.

Вокруг Германии постепенно стали группироваться и другие страны, правящие круги которых мечтали принять участие в удушении Советской власти и в разделе территории СССР.

Коммунистическая партия и Советское правительство, оценив опасность, связанную с возрождением агрессивных устремлений германского империализма, выдвинули борьбу против германо-фашистской агрессии, развязывания Германией новой мировой войны в качестве одной из главных задач советской внешней политики. Учитывая, что угроза со стороны фашистской Германии нависла не только над СССР, но и над многими другими странами Европы, советская дипломатия поставила перед собой задачу установления сотрудничества со всеми этими странами для предотвращения германской агрессии и обеспечения мира.

Советский Союз в создавшихся условиях придавал особое значение развитию отношений с Францией, активно используя возникшие для этого благоприятные возможности. Заинтересованность СССР в развитии отношений с Францией объяснялась рядом причин: это затруднило бы создание единого блока империалистических государств для нового похода против Советского государства; вместе с тем такое сотрудничество открывало перспективы взаимодействия СССР с Францией, а также с некоторыми ее союзниками в деле обеспечения мира и безопасности в Европе.

Используя имеющиеся возможности, Советское правительство развило активную деятельность по разоблачению агрессоров, созданию преград на пути осуществления ими своих замыслов. Советские предложения, направленные на укрепление всеобщего мира, получили широкое международное признание.

Переговоры о Восточном пакте. Договор о взаимопомощи между СССР и Францией

Советская инициатива по вопросу о региональном пакте против германской агрессии

В истории борьбы СССР за мир, против агрессии особое место занимают начавшиеся в конце 1933 года по инициативе Советского правительства переговоры о заключении регионального пакта, призванного обеспечить безопасность стран Восточной и Центральной Европы. «Советский Союз заинтересован в укреплении мира повсюду, — писали 29 января 1934 г. «Известия», — ибо при теперешнем напряжении международных отношений вооруженное столкновение между великими державами, где бы оно ни началось, имело бы тенденцию перерасти в мировую войну. Тем более СССР заинтересован в сохранении мира в Восточной Европе».

Советское правительство немало сделало для укрепления мира на границах СССР. Со многими государствами были заключены договоры о ненападении. Значительным вкладом в дело мира были подписанные Советским Союзом с рядом стран конвенции об определении агрессии.

В условиях, когда некоторые державы открыто становились на путь агрессии, таких мер для сохранения мира было все же недостаточно. Агрессоры не намеревались считаться ни с какими договорами или нормами международных отношений. Они строили свои планы на применении силы, готовились к войне. Пытаться увещевать их теми или иными мирными предложениями, обращаться к ним с призывами о мирном сосуществовании было бессмысленно.

Требовались такие шаги, которые могли бы обеспечить мир и безопасность вопреки планам агрессоров. Агрессоры строили свою политику на силе¹³⁴ и с интересами других стран считались лишь в том случае, если они также подкреплялись необходимой силой. Фашистская Германия, используя свой экономический потенциал, лихорадочно наращивала и мощь своей военной машины, превращаясь в самое могущественное государство капиталистической Европы. Положение еще больше усугублялось начавшимся процессом сколачивания блока агрессоров в составе Германии, Японии, Италии и некоторых других стран.

Единственной возможностью предотвратить агрессию, сохранить мир в Европе стало сплочение сил всех стран,

которым угрожала фашистская Германия, с тем чтобы противопоставить агрессорам силу. Путем к этому было заключение между государствами, оказавшимися под угрозой нападения, двусторонних или многосторонних договоров о взаимной помощи, создание в Европе эффективной системы коллективной безопасности.

Это был курс на предотвращение войны. Советское предложение о заключении регионального пакта о взаимопомощи в течение продолжительного времени находилось в центре внимания европейской дипломатии и общественности.

ЦК ВКП(б) и Советское правительство считали, что особое значение в борьбе за сохранение мира имело бы установление тесного сотрудничества между СССР и Францией.

Во время визита в Париж М. М. Литвинов отметил 7 июня 1933 г. в заявлении представителям французской прессы: «Ни наши политические, ни наши экономические интересы не сталкиваются с интересами Франции ни в одном пункте земного шара, и нет поэтому, на наш взгляд, никаких препятствий к дальнейшему сближению как политическому, так и экономическому». Нарком с удовлетворением констатировал, что мирная политика Советского Союза находит все большее и большее понимание во Франции¹³⁵.

В беседе с крупнейшим французским политическим деятелем Эдуардом Эррио, находившимся в Советском Союзе в августе — сентябре 1933 года, М. М. Литвинов заявил о твердом решении и желании СССР «идти на дальнейшее сближение с Францией»¹³⁶. В качестве одного из шагов к этому Советское правительство предложило французскому правительству заключить джентльменское соглашение об обмене информацией.

Французский народ был глубоко встревожен возрождением агрессивного курса Германии. Серьезную опасность, нависшую над Францией, отчетливо понимали и наиболее дальновидные политические деятели страны. К тому же французская система союзов с Польшей и некоторыми другими государствами Центральной и Восточной Европы постепенно теряла свое прежнее значение, ибо в связи с существенными сдвигами в расстановке сил в Европе происходили изменения и во внешнеполитической ориентации этих стран. Попытки французского правительства договориться с фашистской Германией, в частности, за счет стран Центральной и Восточной Европы также су-

щественно подорвали отношения Франции с этими странами, их доверие к ней.

В то же время быстрый рост экономического и оборонного могущества СССР привел к тому, что он начал рассматриваться во Франции как возможный партнер в борьбе с опасностью германской агрессии. В условиях глубокого экономического кризиса немалое значение имела и заинтересованность деловых кругов Франции в расширении торговых связей с СССР. Однако большим влиянием пользовались во Франции и круги, выступавшие за сотрудничество с фашистской Германией.

Преодолев колебания, связанные с ожесточенным сопротивлением реакционных кругов, не желавших иметь ничего общего с Советским Союзом, французское правительство в конце концов все же пришло к решению о необходимости сотрудничества с СССР против фашистской агрессии. В связи с уходом Германии из Лиги наций и с Конференции по сокращению и ограничению вооружений министр иностранных дел Франции Ж. Поль-Бонкур поднял вопрос о заключении франко-советского договора о взаимной помощи. Он высказался также о желательности вступления СССР в Лигу наций¹³⁷.

Французские предложения были ярчайшим признанием громадного авторитета, который завоевал Советский Союз своей последовательной миролюбивой внешней политикой, энергичной борьбой за мир, против фашистской агрессии.

Коммунистическая партия и Советское правительство положительно отнеслись к французской инициативе. Они исходили при этом из ленинских установок. В. И. Ленин подчеркивал, что он не считает правильным отказываться от военных соглашений с империалистическими странами «в таких случаях, когда это соглашение, не нарушая основ Советской власти, могло бы укрепить ее положение и парализовать натиск на нее какой-либо империалистической державы»¹³⁸.

Французские предложения были рассмотрены в ЦК ВКП(б), и 29 ноября 1933 г. НКВД сообщил французскому правительству о согласии СССР обсудить вопросы заключения с Францией договора о взаимопомощи и вступлении СССР в Лигу наций. НКВД писал полпреду во Франции В. С. Довгалеvскому, передавая эти указания: «Можете на основе этих директив начать беседу с Бонкуром. Результаты сообщите». На следующий же день Довгалеvский информировал об этом Ж. Поль-Бонкура. Лит-

винов говорил в те дни: «Мы взяли твердый курс на сближение с Францией»¹³⁹.

Приветствуя в принципе французские предложения, Советское правительство считало все же более целесообразным для обеспечения сохранения мира в Европе заключение не двустороннего советско-французского договора, а многостороннего соглашения о коллективной безопасности, в котором приняли бы участие и другие заинтересованные государства.

Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило следующие предложения НКВД от 19 декабря 1933 г., предназначенные для передачи французскому правительству:

«1) СССР согласен на известных условиях вступить в Лигу наций.

2) СССР не возражает против того, чтобы в рамках Лиги наций заключить региональное соглашение о взаимной защите от агрессии со стороны Германии.

3) СССР согласен на участие в этом соглашении Бельгии, Франции, Чехословакии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии или некоторых из этих стран, но с обязательным участием Франции и Польши»¹⁴⁰.

В процитированном документе в краткой и сжатой форме изложены важнейшие принципиальные установки, которые легли в основу развернутой Коммунистической партией и Советским правительством борьбы против нарастания угрозы новой мировой войны. Поэтому необходимо рассмотреть некоторые из них более подробно.

В отличие от французского предложения о заключении двустороннего советско-французского пакта, Советский Союз выступал за подписание более широкого пакта. Советское правительство считало основной задачей предотвращение войны, обуздание агрессоров. Советско-французский договор о взаимной помощи против агрессии мог сыграть в этом огромную роль. Но для надежного предотвращения агрессии и обеспечения мира в Европе гораздо большее значение имело заключение многостороннего соглашения о коллективной безопасности. Если бы Германия все же начала войну, то она вынуждена была бы вести ее одновременно со всеми участниками пакта, то есть в крайне невыгодной обстановке.

Особо следует остановиться на перечне стран, которые, согласно советскому предложению, намечалось привлечь к участию в региональном соглашении о взаимной защите от агрессии со стороны Германии¹⁴¹. Особое значение имело содержащиеся в советском предложении усло-

вие о том, что в этом пакте наряду с СССР обязательно должны принимать участие Франция и Польша.

Это были три страны, которым серьезно угрожала опасность нападения со стороны фашистской Германии, но которые при тесном сотрудничестве совместными усилиями были в состоянии обуздать германских агрессоров. В военно-стратегическом плане это предложение означало, что в случае новой войны Германии, как и в первой мировой войне, пришлось бы воевать на два фронта — на Западе и на Востоке. Учитывая крайне горький для Германии опыт поражения в 1918 году, ее правящие круги считали, что начинать войну на два фронта она не может, так как снова будет обречена на поражение. Поэтому СССР, Франция и Польша были в состоянии воздвигнуть надежные преграды на пути германских агрессоров.

Участие Франции и Польши в этом региональном соглашении имело для СССР принципиальное значение и в другом плане. СССР мог брать на себя договорные обязательства об оказании помощи перечисленным в его предложении странам только в том случае, если бы такие же обязательства брала на себя и Франция. Иначе могло получиться, например, что если бы СССР вступил в войну с Германией в результате нападения ее на Прибалтийские страны, а Франция осталась бы в стороне, то Советский Союз фактически оказался бы в состоянии войны с фашистским рейхом один на один. А важнейшая задача советской внешней политики заключалась именно в том, чтобы избежать такой войны.

Реакционные круги западных держав, особенно Англии, прилагали в те годы немало усилий к тому, чтобы спровоцировать войну между СССР и Германией, а также между СССР и Японией. Но Советский Союз соблюдал осторожность, не поддавался на эти провокации. Разумеется, Советский Союз мог прийти на помощь той или иной жертве агрессии, не имея с ней договора о взаимопомощи. Как будет показано дальше, он неоднократно предоставлял такую помощь. Эта помощь всегда оказывалась с учетом конкретной обстановки, такими средствами и методами, чтобы не вовлечь СССР в войну с агрессорами в крайне опасных и невыгодных для СССР условиях, без союзников.

Другое дело, если бы вместе с СССР на помощь жертве агрессии обязана была бы прийти и Франция, что и предусматривалось в советском предложении. В таком случае можно было серьезно рассчитывать на то, что перед

лицом опасности войны одновременно с СССР и Францией, то есть войны на два фронта, гитлеровская Германия не рискнула бы предпринимать агрессивные действия против других участников регионального пакта. К тому же Германия не могла не считаться и с тем, что вслед за Францией в войну могла бы вступить ее союзница по Локкарнскому пакту — Англия. Если бы фашистский рейх все же решился начать войну, то совместными усилиями СССР, Франции и других участников пакта агрессора можно было бы обуздать.

Огромное принципиальное значение имело для СССР участие в предложенном им региональном пакте также Польши. Прежде всего это означало бы, что Польша, всегда являвшаяся активной участницей всех антисоветских акций лагеря империализма, стала бы на путь сотрудничества с СССР, оказалась бы его союзницей. Кроме того, именно участие Польши в пакте могло сделать действительно эффективным участие в нем и Советского Союза. СССР не имел общей границы с фашистским рейхом и мог принимать участие в войне против германских агрессоров только в тесном сотрудничестве с Польшей, так как это дало бы СССР возможность транзита войск через определенные районы Польши к германским границам. Главное же в том, что коалиция с участием СССР, Франции и Польши фактически являлась бы надежной гарантией того, что фашистский рейх не решился бы на войну.

Для безопасности СССР огромное принципиальное значение имели также прочные гарантии этим региональным пактом сохранения независимости Польши, так как, пока существовала самостоятельная Польша, у Германии не было удобных подступов к советским границам. Поэтому СССР был готов внести максимальный вклад в дело обеспечения независимости и неприкосновенности Польши, защиты ее от германской агрессии.

Имея таких союзников, как Франция и Польша, Советский Союз мог бы брать на себя обязательства и по оказанию помощи, например, союзникам Франции — Чехословакии и Бельгии (союз с Францией имела также Польша). В то же время Советский Союз проявлял глубокую заинтересованность в том, чтобы взаимные обязательства всех участников регионального пакта были распространены на Прибалтийские государства. Это было связано с тем, что, захватив Прибалтику, фашистская Германия получила бы чрезвычайно выгодный плацдарм для последующего нападения на СССР.

Что касается Польши, то, с одной стороны, Советский Союз учитывал ту немалую роль, которую она могла бы сыграть, участвуя в региональном пакте, в деле предотвращения германской агрессии. Так, именно советско-польское сотрудничество могло иметь решающее значение в предотвращении захвата Германией Прибалтийских стран. Учитывая тесные связи между Польшей и Францией, участие СССР вместе с ними в предложенном региональном соглашении могло бы стать также началом тесного сотрудничества трех стран в деле сохранения мира сообща.

В то же время Советскому Союзу приходилось считаться с опасностью нападения не только со стороны фашистского рейха, но одновременно и со стороны Польши (между этими государствами в ноябре 1933 года начались секретные переговоры). Как отмечал М. М. Литвинов, в таких условиях французские гарантии имели бы для СССР существенное значение «против Германии и эвентуально против Польши или комбинации этих двух стран»¹⁴². Таким образом, уменьшилась бы опасность участия Польши в нападении на СССР.

Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что в предложенном региональном соглашении о взаимной защите от агрессии со стороны Германии предполагалось участие подавляющего большинства соседей фашистского рейха. Таким образом, в случае германской агрессии против одного из соседних государств фашистский рейх оказался бы в состоянии войны почти со всеми пограничными странами, что резко осложнило бы его стратегическое положение.

Наконец, о Лиге наций. Учреждение Лиги наций было составной частью Версальской системы мирных договоров, созданной державами Антанты и США в результате победы в империалистической войне 1914—1918 годов. Лига наций была одним из орудий в руках этих держав, призванным обеспечить незыблемость территориальных и политических итогов одержанной ими победы, господствующего положения англо-франко-американской империалистической группировки в мире. Вместе с тем Лига наций с момента своего создания была одним из центров по организации иностранной интервенции против Советского государства и других антисоветских акций. Однако к 1933 году место Лиги наций в системе международных отношений коренным образом изменилось. Мировые позиции Франции и Англии ослабли, и Лига наций уже не могла являться сколько-нибудь надежным орудием обеспе-

чения их господства в мире. Но она могла сыграть определенную положительную роль как одно из средств обеспечения коллективной безопасности, внести свой вклад в дело борьбы против агрессии, за укрепление мира и международной безопасности.

Вступая в Лигу наций, Советский Союз имел в виду использовать эту международную организацию для укрепления мира и безопасности. Статьи 16 и 17 устава Лиги наций предусматривали применение к агрессору экономических и военных санкций¹⁴³. Это означало, что в случае нападения на СССР какого-либо государства все другие члены Лиги наций обязаны были бы прийти ему на помощь (правда, возлагать особые надежды на оказание помощи СССР все же не приходилось). Одновременно и на СССР возлагались обязательства в отношении к другим членам Лиги наций, ставшим жертвами агрессии. Советское государство, со своей стороны, готово было принять участие в коллективных акциях Лиги наций по оказанию помощи жертве агрессии, по сохранению мира.

Все это предопределяло целесообразность и возможность вступления СССР в Лигу наций. Нежелание Англии, Франции и других членов Лиги наций принять какие-либо эффективные меры против японских агрессоров, вторгшихся в 1931 году в Северо-Восточный Китай (Маньчжурию), правда, подорвало ее авторитет. Но вступление в Лигу наций СССР, готового внести весомый вклад в борьбу против агрессии, могло придать Лиге наций новые силы. Поэтому правительства многих стран — членов Лиги наций оказались заинтересованы в участии СССР в деятельности этой международной организации.

Вопрос о вступлении СССР в Лигу наций имел особую актуальность и в связи с тем, что вся система союзных договоров Франции была связана с уставом Лиги наций. Франция не могла оказывать помощь Советскому Союзу, не нарушая, например, Локарнского договора, без решения Совета Лиги наций о том, что СССР является жертвой агрессии. Поэтому вступление СССР в Лигу наций оказалось необходимой предпосылкой заключения договора о взаимной помощи между СССР и Францией, как и предложенного Советским Союзом регионального пакта безопасности.

Выступая 29 декабря 1933 г. на заседании ЦИК СССР, М. М. Литвинов подчеркнул, что обеспечение мира требует сотрудничества всех государств. СССР уделяет особое внимание укреплению отношений и максимальному сближению

с теми из них, которые, как и Советский Союз, готовы оказывать противодействие нарушителям мира¹⁴⁴.

Своим предложением о заключении регионального соглашения о взаимной защите от фашистской агрессии Советское правительство начало новый этап активной борьбы за мир и безопасность в Европе. Принципиальная, решительная борьба СССР против агрессии встретила широкое признание и поддержку народных масс всех европейских стран.

Изложенные выше предложения Советского правительства были переданы 28 декабря 1933 г. советским полпредом в Париже В. С. Довгалеvским министру иностранных дел Франции Ж. Поль-Бонкуру. Ознакомившись с ними, французский министр отметил, что они имеют исключительное значение в деле сохранения мира. «Мы с вами приступаем к великой важности делу, мы с вами начали сегодня делать историю»¹⁴⁵, — заявил он советскому полпреду.

Выдвинутое Советским правительством предложение было принято французским правительством, однако, не без колебаний. Несмотря на угрозу, нависшую над Францией, реакционные круги страны и слышать не хотели о сотрудничестве с ним. Они лелеяли надежду договориться с гитлеровцами¹⁴⁶.

Лишь 20 апреля 1934 г. Л. Барту, сменивший Ж. Поль-Бонкура на посту министра иностранных дел Франции, сообщил Советскому правительству, что он уполномочен продолжать переговоры с СССР, начатые в конце 1933 года. Барту с присущей ему энергией стал добиваться установления сотрудничества с СССР. Он прекрасно понимал, какая угроза нависла над Францией со стороны фашистской Германии, и видел в Советском Союзе важнейшего союзника в борьбе с этой опасностью. Вместе с тем он считал, что в случае, если Франция отклонит советское предложение, СССР будет вынужден принять меры к тому, чтобы восстановить с Германией такие отношения, которые существовали между двумя странами на основе Рапалльского договора 1922 года. И тогда Германия будет пользоваться выгодами, которые отклонила Франция¹⁴⁷.

В конце апреля 1934 года генеральный секретарь МИД Франции А. Леже информировал советское полпредство в Париже о выработанной французской стороной схеме (наброске) договорного оформления предложения Советского Союза. Согласно этой схеме, предполагалось заключение многостороннего регионального пакта о взаи-

мопомощи (Восточного пакта) с участием СССР, Германии, Чехословакии, Польши и Прибалтийских государств (но без участия Франции). Участники пакта должны были взять на себя обязательства о ненападении и взаимной помощи в случае агрессии. Однако, согласно французской схеме, помощь друг другу должны были оказывать только соседние государства.

Предусматривалось также заключение между СССР и Францией двустороннего договора о взаимопомощи, связанного с Восточным пактом, а также Локарнским пактом 1925 года. Согласно этому договору, Франция оказала бы помощь Советскому Союзу, если бы он подвергся нападению со стороны кого-либо из участников Восточного пакта; Советский Союз пришел бы на помощь Франции, если бы на нее напала одна из стран — участниц Локарнского пакта. (Кроме Франции в Локарнском пакте участвовали Германия, Англия, Италия и Бельгия.) Леже подчеркнул, что советско-французский договор о взаимопомощи призван установить эффективное сотрудничество СССР и Франции против германской агрессии¹⁴⁸.

Выработанная МИД Франции схема суживала обязательства, которые, согласно советскому предложению, должна была взять на себя Франция: она обязывалась оказывать помощь не всем участникам Восточного пакта, а только СССР. Правда, Франция на основе ранее заключенных ею договоров была связана союзными обязательствами также с Польшей и Чехословакией. Но в случае нападения Германии на Прибалтийские страны Франция могла бы оставаться в стороне. Советский поверенный в делах во Франции М. И. Розенберг сразу же обратил внимание А. Леже на этот недостаток предложенной им схемы. Генеральный секретарь МИД Франции ответил, что французское правительство не может взять обязательства об оказании помощи Прибалтийским странам.

Выработанный МИД Франции проект регионального договора отличался от советского предложения и тем, что в нем предусматривалось участие в пакте Германии. Разумеется, такое изменение должно было сразу же осложнить переговоры о пакте. Но, учитывая то значение, которое французское правительство (отчасти под воздействием Англии и Польши) придавало тому, чтобы и Германии было предложено принять участие в пакте, Советское правительство не возражало против внесения в его предложение такого изменения.

4 июня 1934 г. в беседах с Л. Барту М. М. Литвинов

снова вернулся к вопросу о помощи Прибалтийским странам. Французский министр признал убедительность доводов советской стороны, но окончательного ответа не дал. 5 июня 1934 г. проект Восточного пакта рассматривался на заседании французского правительства, в принципе одоббившего проекты договоров¹⁴⁹. По вопросу о предоставлении гарантий Прибалтийским странам оно заняло отрицательную позицию. На следующий день Барту сообщил наркому это решение.

Советское правительство продолжало, однако, настаивать на распространении французских гарантий на Прибалтику и на отказе от деления участников пакта на соседей и несоседей, так как оказание помощи последним не предусматривалось. В конце концов французское правительство отказалось от такого деления, но по-прежнему не соглашалось взять на себя обязательства об оказании помощи Прибалтийским государствам. После согласования между советскими и французскими представителями главных вопросов, связанных с заключением Восточного пакта, было решено начать переговоры с правительствами других стран, которые должны были принять участие в этом пакте.

Подготовленный министерством иностранных дел Франции набросок текста пакта состоял из договора о региональной взаимопомощи, договора между СССР и Францией, а также генерального акта. По советско-французскому договору СССР становился наравне с Англией и Италией гарантом Локарнского пакта 1925 года. Франция брала на себя обязательства оказывать помощь СССР в случае нападения на него одного из участников Восточного пакта. Согласно генеральному акту, Восточный пакт должен был войти в силу после вступления СССР в Лигу наций.

Информируя советских полпредов за границей о тексте наброска пакта, М. М. Литвинов подчеркивал, что это не проект, а только набросок, врученный ему французами в Женеве. «В детальное обсуждение этого наброска мы еще не вступили, — писал он, — но с нашей стороны, вероятно, будут предложены поправки и дополнения». В частности, в письме отмечалась целесообразность включения в региональный пакт определения агрессии. Нарком высказывал мнение, что Чехословакия, Польша и Прибалтийские страны, подписавшие конвенцию об определении агрессии, «вряд ли смогут возражать против этой поправки. Не будет, вероятно, противиться этому и Франция, но сопротивление надо ожидать со стороны Германии»¹⁵⁰.

Прежде всего Франция информировала о проекте заключения Восточного пакта Чехословакию и Польшу. 6 июня 1934 г. советские полпреды поставили в известность о ходе переговоров правительства Прибалтийских стран. На следующий день предложение о заключении Восточного пакта было передано французским послом в Берлине германскому правительству.

Активная борьба СССР за мир и безопасность в Европе привела к этому времени к общему улучшению как советско-чехословацких, так и советско-румынских отношений. В прежние годы правительства Чехословакии и Румынии, их министры иностранных дел неизменно занимали резко антисоветскую позицию. В условиях угрозы независимости обеих стран со стороны фашистского рейха они оказались вынужденными пересмотреть свою политику в отношении СССР. 9 июня 1934 г. был произведен обмен нотами об установлении дипломатических отношений СССР с Чехословакией и Румынией.

Получив предложение о заключении Восточного пакта, чехословацкое правительство сразу же сообщило, что принимает его и готово участвовать в пакте, причем и в случае отрицательного отношения к пакту со стороны Германии.

Противники Восточного пакта

Позиция Польши оказалась совершенно иной. 4 июня 1934 г. в разговоре с Л. Барту в Женеве польский министр иностранных дел Ю. Бек не скрывал своего скептицизма в отношении шансов проекта на успех¹⁵¹. М. М. Литвинов телеграфировал в тот же день из Женевы, что Ю. Бек выступает «против предлагаемых нами пактов». 27 июня нарком констатировал: «Польша является главным затруднением в осуществлении регионального пакта»¹⁵². На вопрос об отношении Польши к франко-советскому сотрудничеству Л. Барту получил от Ю. Бека высокомерный ответ: «Вы знаете, франко-польский союз больше не интересуется Польшей... Что касается России, то я не нахожу достаточно эпитетов, чтобы охарактеризовать ненависть, какую у нас питают по отношению к ней!»¹⁵³.

Советская дипломатия делала все возможное, чтобы разъяснить польскому правительству то огромное значение, которое Восточный пакт может иметь для обеспечения ее независимости, но безуспешно. Касаясь позиции Польши, М. М. Литвинов отмечал в беседе с американским послом в Москве У. Буллитом, что он «не может пове-

рить, чтобы поляки были в конце концов так глупы, чтобы основывать свою национальную безопасность на словах и доброй воле Гитлера»¹⁵⁴. Однако правящие круги Польши не думали об обеспечении безопасности страны. Польская дипломатия изыскивала различные предлоги для того, чтобы ставить палки в колеса переговорам о Восточном пакте. Она предпринимала даже попытки, изменив состав участников Восточного пакта, превратить его из орудия борьбы против германо-фашистской агрессии в средство осуществления своих захватнических планов, направленных против СССР и других стран.

Отрицательной в отношении Восточного пакта оказалась и позиция Финляндии. Заместитель наркома иностранных дел Б. С. Стомоняков 5 июня подчеркивал в письме советскому полпреду в Финляндии, касаясь негативной позиции Финляндии и Польши в отношении Восточного пакта, а также предполагаемого вступления СССР в Лигу наций, что «их руководящие круги строят свои расчеты на возможности поживиться за счет СССР в случае нападения на него со стороны Японии или в случае интервенции против СССР вообще»¹⁵⁵. Как отмечал германский посланник в Финляндии В. Блюхер, Финляндия относилась к Восточному пакту резко отрицательно и, напротив, искала сближения со странами, враждебно настроенными по отношению к Советскому Союзу¹⁵⁶.

Отношение правящих кругов Финляндии к Восточному пакту было составной частью их общей резко антисоветской позиции. Призывы присоединиться к Германии и Японии в случае их нападения на СССР буквально не сходили со страниц реакционных финских газет¹⁵⁷.

Советскому Союзу, со своей стороны, удалось немало сделать, например, для налаживания политических, экономических и культурных связей с Прибалтийскими странами и Швецией. Советское правительство стремилось к тому, чтобы установить такие же отношения и с Финляндией, и вносило одно предложение за другим, но никаких результатов все эти усилия не давали.

Гитлеровская Германия сразу же поставила своей целью срыв переговоров о заключении Восточного пакта. Германский министр иностранных дел фон Нойрат заявил (правда, пока в предварительном порядке) 13 июня М. М. Литвинову, находившемуся проездом в Берлине, о неприемлемости схемы пакта для Германии¹⁵⁸.

Германская дипломатия развернула лихорадочную деятельность против пакта, ибо он мог оказаться препят-

ствием на пути осуществления агрессивных планов рейха. В МИД Германии один за другим вызывались дипломатические представители предполагавшихся участников пакта. Активную подрывную работу проводили также германские дипломаты в столицах соответствующих государств. В статье о Восточном пакте, появившейся в германском журнале «Виртшафтсдинст», прямо подчеркивалось, что его необходимо отклонить, так как он может оказаться препятствием для «свободы движения» Германии и Польши на Восток¹⁵⁹.

Л. Барту решил ознакомить с планами заключения пакта также и Англию. 27 июня он передал англичанам набросок Восточного пакта и советско-французского договора о взаимопомощи. Позиция такой влиятельной в то время в Европе страны, как Англия, имела в переговорах о пакте немаловажное значение. Если бы Англия поддержала идею заключения Восточного пакта, то это могло бы предрешить успешный исход переговоров, тем более если бы она сама стала участницей пакта. Давая указания советскому полпредству в Лондоне для бесед с английскими государственными деятелями, М. М. Литвинов писал 29 июня 1934 г., что «нет иного средства держать воинственную Германию в узде, как заключение пактов о взаимной помощи»¹⁶⁰.

Однако планы заключения Восточного пакта не соответствовали основной внешнеполитической концепции правящих кругов Англии, мечтавших направить фашистскую экспансию на Восток¹⁶¹. Поэтому английское правительство сразу же оказалось среди противников пакта. 13 июня 1934 г. германский посол в Лондоне Л. Хёш писал о результатах беседы с министром иностранных дел Англии Дж. Саймоном: «Совершенно очевидно, что включение России в систему европейской безопасности его не слишком устраивает»¹⁶².

Советское полпредство в Лондоне с полным на то основанием сообщало в Москву о «недоброжелательном» отношении Англии к Восточному пакту. «Восточный пакт должен был бы сильно укрепить наши международные позиции, обезопасить нашу западную границу и облегчить наше положение на Дальнем Востоке. Такой результат едва ли мог приводить в особый восторг английское правительство»¹⁶³. Американская газета «Балтимор сан» отмечала 13 февраля 1935 г., что в Англии имеются люди, которые «ненавидят СССР сильнее, чем любят мир... Никто из этих людей не может восхищаться Восточным пак-

том, который по меньшей мере лет на десять обещает мир коммунистической России. Никто из них не стал бы сожалеть, если бы Германия, Польша и Япония вместе напали на СССР. Они с радостью продавали бы им военные материалы для этой цели».

Английскому правительству не нравилось даже то, что заключение Восточного пакта укрепило бы позиции ее союзницы Франции. Оно предпочитало, чтобы Франция находилась в зависимости от Англии. Это давало бы английскому правительству надежный рычаг воздействия на всю французскую внешнюю политику, а тем самым фактически обеспечивало бы Англии главную роль в решении многих европейских проблем.

Л. Барту предпринял в начале июля 1934 года поездку в Лондон, чтобы добиться изменения позиции Англии в отношении Восточного пакта. Британская дипломатия в конце концов решила формально пойти навстречу французскому союзнику, но в действительности английская «поддержка» была лишь показной. Суть дипломатической игры сводилась к формальному одобрению идеи Восточного пакта, однако на деле различными закулисными маневрами Лондон все же пытался сделать успешное завершение переговоров невозможным. Прежде всего британская дипломатия выдвинула идею предложить Германии стать третьим равноправным участником соглашения между СССР и Францией о взаимной помощи. Вместе с тем Дж. Саймон заявил, что участие Германии в пакте неизбежно будет зависеть от «некоторого урегулирования вопроса о вооружениях»¹⁶⁴. Таким образом, английская дипломатия, по существу, поставила возможность заключения Восточного пакта в зависимость от предоставления Германии права на перевооружение.

Выступая 13 июля в парламенте, министр иностранных дел Англии Дж. Саймон заявил о поддержке Англией Восточного пакта¹⁶⁵. В то же время в личных беседах английские государственные деятели давали понять германскому правительству, что на самом деле они вовсе не симпатизируют Восточному пакту. Дж. Саймон заявил германскому послу Л. Хёшу, что «английское правительство решило поддержать предложение о пакте, имея в виду угрожающую альтернативу прямого франко-русского союза, заключение которого Англия желает предотвратить во что бы то ни стало...»¹⁶⁶.

Правительство США также заняло отрицательную позицию в связи с планами заключения Восточного пакта.

Как отмечал в этой связи американский историк Ф. Даллес, в Соединенных Штатах Америки «надеялись», что если начнется война в Европе, то ее, возможно, удастся как-нибудь превратить в «крестовый поход» против коммунизма и осуществить цели, которых не удалось достигнуть путем союзнической интервенции в 1918 году¹⁶⁷.

Заключение Восточного пакта соответствовало национальным интересам Прибалтийских стран. Но оказалось, что в случае германской агрессии ни Франция, ни Англия не намерены оказывать им помощь. Например, постоянный заместитель министра иностранных дел Англии Р. Ванситтарт заявил генеральному секретарю МИД Латвии В. Мунтерсу, что он не видит ни малейших перспектив того, чтобы английское и французское правительства приняли на себя какие-либо обязательства по гарантиям статус-кво в Прибалтике¹⁶⁸.

В таких условиях Латвия и Эстония фактически заняли выжидательную позицию. Из Прибалтийских стран безоговорочно поддержала Восточный пакт только Литва, ощущавшая непосредственную опасность со стороны фашистской Германии.

Новая фаза в переговорах о Восточном пакте наступила осенью 1934 года. Гитлер и Нойрат в беседе с польским послом в Берлине Липским 27 августа 1934 г. предложили установить тайное польско-германское сотрудничество с целью срыва заключения Восточного пакта. Вместе с тем фашисты дали понять, на какой основе возможно далеко идущее польско-германское сотрудничество. Гитлер заявил, что если бы доступ Польши к морю был проложен в Версале в 1919 году на восток от Восточной Пруссии, то Польша и Германия уже давно были бы союзниками и Польша могла бы обращать свои взоры на Восток¹⁶⁹. Через несколько дней Липский дал ответ о согласии Польши на «негласное» сотрудничество с фашистским рейхом в целях срыва пакта.

8 сентября 1934 г. Германия направила другим предполагавшимся участникам Восточного пакта официальный меморандум о своем отказе принимать участие в многостороннем договоре, предусматривавшем оказание взаимной помощи. Германское правительство указывало, что оно отдает предпочтение двусторонним договорам. Считая все же политически невыгодным безоговорочно отклонять вообще идею заключения многостороннего договора, оно выражало согласие на подписание такого договора, кото-

рый содержал бы лишь обязательства о ненападении и консультациях¹⁷⁰.

Польское правительство пошло по пути, проложенному фашистским рейхом. 27 сентября 1934 г. оно официально заявило, что не может согласиться принять участие в Восточном пакте без Германии. Польша заявила также, что отказывается участвовать в пакте вместе с Чехословакией и Литвой¹⁷¹. Это явно свидетельствовало о недобрых намерениях польских правителей в отношении этих двух государств. Так, влиятельный польский реакционный публицист В. Студницкий выступил со статьями «Исповедь германофила» и «За союз Германии с Польшей», в которых открыто излагал антисоветские планы влиятельных польских кругов¹⁷².

Вступление СССР в Лигу наций

С момента своего создания Лига наций являлась одним из центров, где планировались и разрабатывались антисоветские акции империалистических держав. Поэтому Советский Союз, естественно, занимал в отношении Лиги до начала 30-х годов отрицательную позицию. Однако к 1933 году международная обстановка существенно изменилась. Англо-французская империалистическая группировка испытывала все усиливавшийся натиск со стороны Японии и Германии. В Лондоне и Париже пришлось существенно пересмотреть свою политику в отношении Советского Союза. Это отразилось и на Лиге наций. Более того, многие члены Лиги считали желательным участие СССР в этой организации, с тем чтобы она могла оказывать более эффективное противодействие агрессорам.

Вопрос о вступлении СССР в Лигу наций был впервые поставлен французским правительством, когда оно в конце октября 1933 года начало проявлять интерес к сотрудничеству с СССР в борьбе против агрессии со стороны Германии.

ЦК ВКП(б) и Советское правительство, как уже указывалось, сочли возможным вступление СССР в Лигу наций¹⁷³, тем более что к этому времени ее покинули агрессивные державы — Япония и Германия. Передавая 28 декабря 1933 г. Ж. Поль-Бонкуру предложение о заключении Восточного пакта, советский полпред В. С. Довгалевский информировал его и о принципиальном согласии СССР вступить в Лигу наций.

Излагая позицию Советского Союза по отношению к Лиге наций, И. В. Сталин говорил в беседе с американ-

ским журналистом Дюранти: «Несмотря на уход Германии и Японии из Лиги наций — или, может быть, именно поэтому, — Лига может стать некоторым тормозом для того, чтобы задержать возникновение военных действий или помешать им. Если это так, если Лига сможет оказаться неким бугорком на пути к тому, чтобы хотя бы несколько затруднить дело войны и облегчить в некоторой степени дело мира, то тогда мы не против Лиги. Да, если таков будет ход исторических событий, то не исключено, что мы поддержим Лигу наций, несмотря на ее колоссальные недостатки»¹⁷⁴.

Французское правительство снова вернулось к вопросу о вступлении СССР в Лигу наций в июне 1934 года. Советский Союз дал положительный ответ. Министру иностранных дел Франции было передано заявление Советского правительства о том, что СССР ранее связывал вступление в Лигу с заключением Восточного пакта, но теперь готов вступить в Лигу сразу же в случае получения от нее соответствующего приглашения и обеспечения Советскому Союзу постоянного места в Совете Лиги. СССР рассчитывает, указывалось в этом заявлении, что этот шаг «облегчит заключение пактов по упрочению мира»¹⁷⁵.

Большинство членов Лиги наций положительно отнеслось к вступлению СССР в эту международную организацию. Английское правительство, правда, не без некоторых колебаний также заявило о готовности поддержать вступление Советского Союза в Лигу наций. Однако правительства, которые придерживались в отношении СССР крайне враждебной позиции, отнеслись к этому шагу Советского Союза неблагоприятно.

Настораживала позиция Польши. Польские правящие круги занимали по вопросу о вступлении СССР в Лигу наций самую отрицательную позицию. Они всегда стремились к международной изоляции СССР, чтобы создать благоприятные условия для осуществления своих анти-советских планов. В результате же вступления СССР в Лигу наций (как и заключения Восточного пакта) положение Советского Союза существенно изменилось бы. Были бы подорваны и планы международной изоляции СССР. В Варшаве крайне болезненно относились и к тому, что, вступив в Лигу наций, СССР стал бы также постоянным членом Совета этой организации. Правители Польши в течение многих лет усиленно добивались признания Польши великой державой и доминирующей силой в

Восточной Европе. В этих целях они стремились, в частности, получить для Польши постоянное место в Совете Лиги наций. Вступление СССР в эту организацию, избрание постоянным членом Совета не Польши, а Советского Союза, вообще широкое признание огромной роли его в международных делах — все это вело к подрыву великодержавных амбиций польского правительства. 4 июля нарком иностранных дел СССР сообщил из Женевы, что министр иностранных дел Польши Ю. Бек ведет за кулисами «бешеную агитацию против нашего вступления в Лигу»¹⁷⁶.

Недружелюбной по отношению к Советскому Союзу снова оказалась и позиция Финляндии. Вопрос о вступлении СССР в Лигу наций стал поводом для очередной антисоветской кампании в финляндской буржуазной прессе.

Отрицательную позицию заняли и некоторые страны, правящие круги которых не считали возможным пойти на установление с СССР даже дипломатических отношений (Португалия, Швейцария и др.).

14 сентября 1934 г. М. М. Литвинов, прибыв в Женеву, согласовал с французскими представителями проекты приглашения о вступлении СССР в Лигу наций и ответа Советского правительства на это приглашение¹⁷⁷.

На следующий день представители 30 стран — членов Лиги наций направили Советскому правительству телеграмму, в которой указывалось, что они, «считая, что задача поддержания и организации мира, являющаяся основной целью Лиги наций, требует сотрудничества всех государств, приглашают Союз ССР вступить в Лигу наций и принести ей свое ценное сотрудничество»¹⁷⁸.

18 сентября вопрос о вступлении СССР в Лигу наций рассматривался на заседании ассамблеи. Для принятия требовалось большинство в две трети голосов, для избрания членом Совета — единогласное решение. За прием СССР в Лигу наций проголосовали 39 членов Лиги, против — 3 (Голландия, Португалия и Швейцария), воздержались от голосования — 7. Против включения СССР в состав Совета Лиги не было подано ни одного голоса, но представители десяти стран воздержались¹⁷⁹. Таким образом, СССР был принят в Лигу наций и стал постоянным членом Совета.

Вступление Советского Союза в Лигу наций существенно укрепило эту международную организацию, ее возможности в деле сохранения мира. Оборонная мощь и эконо-

мические ресурсы СССР серьезно увеличивали потенциальные силы и возможности Лиги, необходимые для борьбы против агрессии. Решимость Советского правительства сделать все возможное для обуздания агрессоров и упрочения мира могла повысить эффективность Лиги наций, ее роль в решении проблем войны и мира.

Заместитель генерального секретаря Лиги наций англичанин Ф. Уолтерс признает, что участие СССР в деятельности этой международной организации «было событием исключительной важности в политическом развитии... мира»¹⁸⁰. Многие буржуазные деятели и историки признают, что Советский Союз стал в Лиге наций самым активным сторонником политики коллективной безопасности¹⁸¹.

Вступив в Лигу наций, Советский Союз становился полноправным участником основной в те годы международной организации, где мог наравне с Англией, Францией и другими странами принимать активное участие в решении международных проблем, в том числе проблем мира и безопасности. Как говорили на Западе, «Россия вернулась в Европу», снова стала участницей «европейского концерта». Все это открывало Советскому правительству новые возможности для дальнейшей активизации борьбы за мир, против агрессии.

Договор о взаимопомощи между СССР и Францией

1935 год начался в Европе внешне тихо и спокойно. Ближайший подручный фашистского фюрера Г. Геринг отправился в конце января на охоту в Беловежскую пушу, где поляки устроили ему теплую встречу. Но это было лишь дипломатическим прикрытием тайных германо-польских переговоров о совместной агрессии против других стран. Накануне визита Геринг, ссылаясь на Гитлера, заявил польскому послу в Берлине Ю. Липскому, что в Берлине готовы на дальнейшее сотрудничество с Польшей. Он заявил, что Германия «в каком-то направлении должна в будущем искать экспансии. Эту экспансию Германия с согласия Польши может найти на востоке, установив район интересов для Польши на Украине, для Германии же — на северо-востоке». Геринг упомянул, что «если речь идет о Литве, то и здесь могло бы быть некоторое округление в пользу Польши». Вышеизложенные принципы, сказал он, могли бы иметь форму «либо тайного письменного договора, либо устного соглашения»¹⁸².

Во время охоты в разговоре с польскими генералами Геринг предложил «совместный поход на Москву». Он сог-

ласился, чтобы объединенными польско-германскими войсками в случае нападения на СССР командовал Ю. Пилсудский. Геринг предложил разделить захваченные области между Германией и Польшей: «Украина была бы сферой влияния Польши, тогда как северо-запад России достался бы Германии». Эти же вопросы обсуждались затем и в беседе с Пилсудским¹⁸³.

Правители Польши, встав на путь сотрудничества с германскими фашистами, с готовностью внимали таким речам. Их позиция иногда получала и публичное выражение. То и дело в буржуазной польской печати появлялись различные антисоветские клеветнические материалы. В начале 1935 года в Польше вышла книга уже упоминавшегося В. Студницкого «Политическая система Европы и Польша». В ней излагались планы совместной агрессивной войны Польши, Германии, Японии и Финляндии против СССР с целью его расчленения, «ампутации» его территорий «на западе, юге и востоке». Автор книги писал, что «вместе с Германией Польша могла бы пойти на украинский эксперимент». Кроме Украины эти державы могли бы «оторвать от России Крым., Карелию, Закавказье и Туркестан». Предусматривалось также, что «Дальний Восток вплоть до озера Байкал должен отойти Японии»¹⁸⁴.

Совершенно очевидно, что рассчитывать на участие не только Германии, но и Польши в Восточном пакте было невозможно.

В октябре 1934 года был убит активный сторонник Восточного пакта Луи Барту. Новым министром иностранных дел Франции стал П. Лаваль, который внес коренные изменения во внешнеполитический курс страны, считая своей главной задачей достижение взаимопонимания с Германией. П. Лаваль уже на похоронах Л. Барту сказал министру иностранных дел Чехословакии Э. Бенешу, что не следует спешить со сближением с СССР, так как важнее достичь соглашения с Германией¹⁸⁵. Французский министр заявил, что «из всех политических деятелей Франции он, Лаваль, больше всех сделал для сближения с немцами» и что он «готов договориться с Германией»¹⁸⁶. Не случайно французского министра иностранных дел окрестили «лавирующим Лавалем».

Важнейшей задачей советской дипломатии стало предотвращение германо-французской сделки, в результате которой за обязательство не нападать на Францию нацисты получили бы свободу действий на Востоке. В случае, если бы был заключен Восточный пакт, он явился бы и некото-

рой гарантией против антисоветского сговора Франции с Германией. Но скорого подписания пакта не предвиделось, и было решено предложить французскому правительству подписать соглашение «об обоюдном обязательстве СССР и Франции не заключать никаких политических соглашений с Германией без предварительного взаимного извещения, а также о взаимном информировании о всякого рода политических переговорах с Германией»¹⁸⁷.

Советскому правительству удалось добиться подписания 5 декабря 1934 г. советско-французского протокола. Оба правительства обязывались не вступать в переговоры, которые могли бы нанести ущерб подготовке и заключению Восточного пакта. Через несколько дней к советско-французскому протоколу присоединилась Чехословакия.

13 марта 1935 г. германское правительство заявило, что оно не намерено больше соблюдать условия Версальского договора, запрещающего ему создавать военную авиацию. 16 марта в Германии был опубликован декрет о введении всеобщей воинской повинности. Эти меры германского правительства были не только серьезным нарушением Версальского мирного договора, но и открытой подготовкой к новой войне. Газета «Известия» отмечала, что, согласно планам гитлеровцев, «бронированный кулак Германии должен иметь неограниченную возможность опуститься на ту жертву, которую выберет германский империализм»¹⁸⁸.

После того как из заявлений германского правительства в марте 1935 года окончательно стало известно об отрицательной позиции Германии в отношении проекта Восточного пакта, Советское правительство 29 марта предложило заключить трехсторонний советско-франко-чехословацкий договор о взаимопомощи¹⁸⁹. В Париже высказались, однако, за заключение двусторонних советско-французского и советско-чехословацкого договоров.

Расхождения между этими вариантами сводились к тому, что французское предложение предусматривало отдельные обязательства Франции и СССР перед Чехословакией, а советское предложение — совместные обязательства двух держав. Для Чехословакии совместная гарантия двух крупнейших держав Европы была бы более существенной. Трехсторонний договор был предпочтительнее для Чехословакии и в связи с тем, что она не была бы обязана в одностороннем порядке оказывать помощь СССР в случае нападения на него, если бы такую помощь Советскому Союзу не оказывала Франция. А заключать договор о взаимной помощи с СССР без такой оговорки Чехословакия

не считала возможным. Не менее существенное значение аналогичное соображение имело и для СССР, который также был заинтересован в том, чтобы не оказаться в условиях, когда он будет связан договорным обязательством об оказании помощи Чехословакии, не имея гарантий в том, что на помощь ей придет и Франция.

Однако французское правительство не захотело брать на себя обязательство согласовывать свою позицию по вопросу об оказании помощи Чехословакии с Советским Союзом. Оно стремилось сохранить себе полную свободу в решении вопроса о том, оказывать помощь Чехословакии или нет.

ЦК ВКП(б) и Советское правительство считали наиболее целесообразным все же заключение в той или иной форме Восточного пакта. 2 апреля 1935 г. НКВД информировал полпреда во Франции, что, согласно решению ЦК ВКП(б), позиция СССР «состоит в том, чтобы иметь пакт о взаимопомощи на Востоке с участием Германии и Польши, а если Германия отказывается, то с участием хотя бы Польши, в случае же несогласия и Польши, то с Францией, Чехословакией и Прибалтийскими странами... Что касается нового предложения Лаваля о двусторонних пактах о взаимопомощи, то нам неясно, что это может нам дать», так что это предстоит еще выяснить¹⁹⁰.

Советский Союз по-прежнему придавал важнейшее значение тому, чтобы Восточный пакт гарантировал помощь и Прибалтийским государствам. Рассматривая этот вопрос, НКВД писал, что «оккупация Германией этих стран была бы началом наступления на СССР». Поэтому Франция должна оказать Советскому Союзу помощь немедленно по переходе германскими военными силами своей восточной границы. Если бы Прибалтийские страны остались без гарантий Франции и других участников Восточного пакта и Советский Союз хотел бы прийти «на помощь этим странам, — отмечал НКВД, — то при дальнейшем развитии военных операций и наступления Германии на наши границы мы уже лишились бы и французской помощи, поскольку мы сами первые начали бы войну с Германией для защиты Прибалтики. В этой области нам предстоит, очевидно, большой спор с Францией и Англией»¹⁹¹.

6 апреля советский полпред в Париже В. П. Потемкин сделал министру иностранных дел Франции соответствующее заявление. Однако французское правительство не поддержало советского предложения о заключении Восточного пакта без Германии и Польши. Кроме того, П. Ла-

валь заявил в беседе с советским полпредом, что Франция никогда не соглашалась гарантировать помощь Прибалтийским государствам. Поэтому остается возможность заключить лишь двусторонние соглашения. 9 апреля французское правительство официально заявило о готовности Франции заключить с СССР договор о взаимопомощи¹⁹².

Учитывая продолжавшееся обострение международной обстановки и невозможность договориться о заключении более широкого соглашения, Советское правительство решило подписать двусторонний советско-французский договор о взаимопомощи. 10 апреля советский полпред во Франции В. П. Потемкин получил из Москвы соответствующие указания. В них предусматривалась, в частности, необходимость включения в договор условия об оказании СССР и Францией в случае агрессии немедленной взаимной помощи, не дожидаясь решения Совета Лиги наций¹⁹³.

В середине апреля 1935 года в Женеве состоялись переговоры М. М. Литвинова с П. Лавалем, во время которых был выработан проект договора. Однако эти переговоры показали, что полагаться на Лаваль невозможно. Он оставался верным себе. Его стремление к соглашению с гитлеровцами было очевидным. Литвинов отмечал, что Лаваль был бы рад, если бы советско-французский пакт «был сорван без того, чтобы в этом можно было упрекать его лично». «Но и сам Лаваль не хотел бы прекратить переговоры и отказаться от пакта, пока не видно очертаний какого-либо сговора с Германией. Лучше всего для Лавалья было бы тянуть переговоры в надежде, что при помощи Англии Германия сделает Франции какие-нибудь заманчивые предложения». После переговоров с Лавалем Литвинов пришел к заключению, что «не следует возлагать на пакт серьезных надежд в смысле действительной военной помощи в случае войны. Наша безопасность по-прежнему останется исключительно в руках Красной Армии. Пакт для нас имеет преимущественно политическое значение, уменьшая шансы войны как со стороны Германии, так и Польши и Японии¹⁹⁴.

2 мая 1935 г. в Париже состоялось подписание договора о взаимной помощи между СССР и Францией. В преамбуле договора указывалось, что он заключен в целях укрепления мира в Европе и повышения эффективности Лиги наций в деле обеспечения безопасности, территориальной целостности и политической независимости государств. В случае опасности агрессии против СССР или Франции они обязались консультироваться, а в случае на-

падения со стороны какого-либо европейского государства — оказывать друг другу немедленную помощь. В протоколе подписания договора уточнялось, что договаривающиеся стороны обязаны оказывать помощь друг другу после вынесения соответствующей рекомендации Совета Лиги наций; если Совет все же не вынесет никакой рекомендации, то обязательство в отношении помощи тем не менее будет выполнено. Договор был заключен на пятилетний срок. Оба правительства заявляли в протоколе подписания о том, что считают желательным заключение регионального соглашения, содержащего условия взаимной помощи, которое заменило бы собой советско-французский договор¹⁹⁵.

Заключение советско-французского договора о взаимопомощи явилось крупнейшим событием международной жизни, свидетельствовавшим о существенных изменениях в расстановке сил в Европе. Договор высоко оценивался всеми, кто был заинтересован в сохранении мира, предотвращении войны.

Это было новым крупным достижением советской внешней политики. Достаточно напомнить, что Советской стране пришлось сначала отражать иностранную интервенцию, причем в то время наиболее враждебную по отношению к ней позицию занимал именно французский империализм; советской дипломатии пришлось приложить немало усилий, чтобы добиться дипломатического признания СССР капиталистическими странами; лишь в начале 30-х годов Франция согласилась заключить с Советским Союзом договор о ненападении, то есть отказалась от планов возобновления вооруженной интервенции. Теперь же по инициативе Франции между двумя странами был заключен договор о взаимопомощи.

Правительство Чехословакии заявило о своем желании заключить с СССР аналогичный договор. Подписание договора о взаимной помощи между СССР и Чехословакией состоялось 16 мая 1935 г. В договор была включена оговорка о том, что обязательства СССР и Чехословакии об оказании помощи друг другу будут действовать лишь в том случае, если помощь СССР и Чехословакии в случае агрессии против них будет оказана также со стороны Франции¹⁹⁶.

Советско-французский и советско-чехословацкий договоры о взаимной помощи могли бы стать крупным фактором мира и безопасности в Европе. Для этого требовалось, однако, чтобы все участники договоров добросовестно относились к взятым на себя обязательствам. Эти дого-

воры могли стать также ядром для сплочения вокруг СССР, Франции и Чехословакии других европейских стран, которым угрожала гитлеровская агрессия. Но тогдашнее французское правительство во главе с П. Лавалем не думало об искреннем сотрудничестве с СССР. Главная цель Лаваль по-прежнему заключалась в том, чтобы договориться с Германией. Не будучи в состоянии уклониться от подписания договора с Советским Союзом, чего требовали самые широкие слои французского народа, Лаваль смотрел на него прежде всего как на средство воздействия на Германию, с тем чтобы она согласилась на заключение полюбовного соглашения с Францией. Лаваль говорил, что он подписывает пакт с СССР для того, чтобы иметь больше козырей, когда будет договариваться с Берлином¹⁹⁷.

В то же время Лаваль опасался, как бы СССР, зная о стремлении английских и французских реакционных кругов прийти к взаимопониманию с фашистским рейхом, также не счел необходимым принять меры к нормализации отношений с Германией. Стремление предотвратить восстановление Рапалло было одной из важнейших причин того, что Лаваль не решился на срыв переговоров с СССР и согласился на подписание договора¹⁹⁸.

Лаваль неоднократно заявлял, что не намерен превращать пакт с СССР в действительно эффективное соглашение, то есть не собирается дополнять его военной конвенцией. Например, он заверял немецких дипломатов, что не имеет в виду превращать пакт с СССР «в более тесный союз»¹⁹⁹. Во время встречи с Герингом во второй половине мая 1935 года Лаваль заверял его, что он делает все, чтобы уменьшить значение договора с СССР²⁰⁰.

Хотя положение Чехословакии было особенно опасным, ее правящие круги также придавали договору лишь ограниченное значение. В информационном письме чехословацким посланникам за границей Э. Бенеш, разъясняя позицию правительства по вопросу о договоре с Советским Союзом, писал, что если Россия опять будет отстранена от участия в европейских делах, как это было на Генуэзской конференции 1922 года, то это может снова автоматически повлечь за собой германо-русское сближение. Поэтому необходимо, чтобы сохранялось сотрудничество с Россией и она не была оставлена в стороне²⁰¹. Накануне подписания договора Бенеш доказывал английскому посланнику в Праге, что договор ничего не меняет в положении в Европе, но он будет держать Германию и Россию дальше друг от друга²⁰².

Вопрос о Восточном пакте после заключения советско-французского и советско-чехословацкого договоров стоял уже в другом плане. Советское правительство считало, что в качестве дополнения к этим договорам определенный смысл имел бы и более ограниченный по содержанию многосторонний договор, в котором согласилась бы принять участие и Германия. 16 мая 1935 г. правительства СССР и Франции выдвинули предложение о заключении Восточного пакта, содержащего обязательства о ненападении, консультациях и неоказании помощи агрессору. Советское правительство сообщило правительству Франции, что оно считает желательным, чтобы в договоре приняли участие СССР, Франция, Польша, Германия, Чехословакия и те из Прибалтийских стран, которые этого пожелают²⁰³.

Французское правительство передало правительству Германии меморандум, в котором предлагало заключить Восточный пакт на основе изложенных условий²⁰⁴.

Однако вскоре вновь проявилось коварство П. Лавалля. 25 июня 1935 г. французский посол в Берлине А. Франсуа-Понсе во время встречи со статс-секретарем МИД Германии Б. Бюловым заявил ему, что в случае подписания Восточного пакта, даже без условий о взаимной помощи, советско-французский договор «прекратил бы существование»²⁰⁵. Во время беседы с германским послом в Париже Р. фон Кёстером 27 июля Лаваль, в свою очередь, сказал, что придает важнейшее значение достижению франко-германской договоренности и готов идти ради этого на определенные уступки. Особо он подчеркнул единство взглядов двух стран по вопросу о борьбе с большевизмом. Отметив, что франко-советский договор заключен всего на пять лет, Лаваль подчеркнул нежелание Франции надолго связывать себя с СССР. Он заявил, что если бы Германия согласилась на сотрудничество и взяла на себя путем заключения многостороннего пакта обязательства о ненападении на его участников, то Франция «вернула бы России ее бумагу»²⁰⁶, то есть аннулировала бы договор с СССР.

Итак, французская дипломатия буквально на второй день после подписания советско-французского договора начала переговоры с гитлеровцами, суть которых заключалась в том, что в случае достижения соглашения с Германией Франция готова была предать своего союзника и отречься от только что заключенного с СССР договора.

Однако германское правительство решило отклонить Восточный пакт и в новом виде. Оно лицемерно заявило,

что в результате заключения франко-советского договора подписание пакта стало невозможным.

Заключить Восточный пакт не удалось. В срыве планов заключения пакта, бесспорно, главную роль сыграла гитлеровская Германия. Она не только сама отказалась принять в нем участие, но оказывала также давление на других возможных участников пакта. И все же если бы правительства всех других стран, которые предполагалось привлечь к участию в пакте, действительно проявили дальновидность и заботу о безопасности своих стран, то они должны были бы пойти на подписание пакта и без участия Германии. Большая вина за срыв переговоров о Восточном пакте в этой связи ложится на правящие круги Польши.

Немалую долю ответственности за срыв заключения Восточного пакта несет и правительство Англии, политика которого подрывала усилия по укреплению безопасности в Европе. Даже польская дипломатия отмечала «двурушничество Англии», которая на словах поддерживала идею Восточного пакта, а на деле полностью одобряла отрицательную позицию Польши в этом вопросе²⁰⁷.

Хотя советско-французский договор был подписан, Лаваль, ставший в июне 1935 года главой французского правительства (он остался также министром иностранных дел), преднамеренно саботировал его²⁰⁸.

В соответствии с французской конституцией договор мог бы быть ратифицирован и без задержки введен в силу президентом Франции, но Лаваль направил его на ратификацию в парламент с его громоздкой, многоступенчатой процедурой. Пока Лаваль оставался главой правительства, договор о взаимопомощи между СССР и Францией так и не вступил в силу.

С мертвой точки дело сдвинулось только после того, как в январе 1936 года во Франции было образовано новое правительство (во главе с правым радикалом А. Сарро) и вновь обострилась обстановка в Западной Европе в связи с подготовкой гитлеровцев к вводу германских войск в демилитаризованную Рейнскую зону. 27 февраля 1936 г. палата депутатов французского парламента наконец ратифицировала договор. За ратификацию проголосовали 353 депутата, против — 164. 27 марта 1936 г. договор вступил в силу.

Вопрос о советско-французском военном сотрудничестве

Заключение договоров о взаимопомощи обычно сопровождалось установлением тесных контактов между гене-

ральными штабами соответствующих стран. Так всегда поступала и Франция. Обмениваясь с английским правительством 1 апреля 1936 г. нотами, в которых подтверждались обязательства Англии об оказании помощи Франции в случае нападения на нее Германии, французская дипломатия добилась включения в них пункта о том, что немедленно будут начаты переговоры между генеральными штабами двух стран²⁰⁹. Однако по вопросу о военном сотрудничестве с СССР Франция заняла иную позицию.

Сразу же после подписания советско-французского договора о взаимопомощи, воспользовавшись приездом П. Лаваль в Москву, Советское правительство поставило перед ним вопрос о военном сотрудничестве. Лаваль телеграфировал из Москвы 16 мая 1935 г., что Советское правительство, учитывая возможность агрессии, предлагает «теперь же рассмотреть технические условия и придать пакту полную эффективность»²¹⁰. Советский военный атташе во Франции в конце мая информировал французов о готовности советского генштаба «вступить в отношения с французским генштабом»²¹¹.

Генеральный штаб Советских Вооруженных Сил начал подготовку плана действий с целью оказания военной помощи Франции в случае нападения на нее Германии²¹². В июне 1935 года советский полпред во Франции В. П. Потемкин поставил этот вопрос перед военным министром Франции Ж. Фабри. Однако, как признавал последний, Лаваль не желал «связывать Францию слишком негибким текстом военной конвенции»²¹³.

По приглашению Генерального штаба Красной Армии осенью 1935 года заместитель начальника французского генерального штаба генерал Л. Луазо присутствовал на военных маневрах на Украине. Луазо пришел к выводу, что советские воины отличаются высоким моральным духом, большой выносливостью, что советские войска способны в случае конфликта, в том числе в начале войны, сдержать силы противника, как это сделала русская армия в 1914 году²¹⁴.

Во французском генеральном штабе, несмотря на эти благоприятные выводы Луазо, смотрели на советско-французский договор как на чисто дипломатический документ, не считая необходимым и своевременным дополнять его военной конвенцией. Как отмечает французский историк М. Мурен, генеральный штаб Франции исходил при этом из следующих соображений: «Если французские вооруженные силы, согласно генеральной линии правительства,

будут ориентированы в основном на оборонительные действия за линией Мажино, то военное соглашение с Советским Союзом вряд ли будет иметь большую пользу, особенно если учесть, что Россия и Германия не имеют общей границы и что Польша и Румыния подтвердили в сентябре 1935 года свой отказ предоставить советским войскам право прохода через их территорию»²¹⁵.

Вместо того чтобы принять меры к достижению договоренности с польским и румынским правительствами, французские власти решили положить в долгий ящик вопрос о военном сотрудничестве с СССР. Начальник генерального штаба французской армии генерал М. Гамелен договорился с МИД Франции, что вопрос о методах франко-русского военного сотрудничества «обсуждаться не будет»²¹⁶.

Объективно Франция должна была проявлять даже большую заинтересованность, чем СССР, в том, чтобы придать договору действительную силу, дополнив его сотрудничеством по военной линии. Ведь Советский Союз не имел общей границы с Германией. Они были отделены друг от друга территорией Польши и некоторых других стран. Поэтому более вероятным можно было считать такой случай вступления в действие советско-французского договора, когда фашистский рейх нападет на Францию (Германия имела с ней общую границу и неоднократно вторгалась на ее территорию и ранее) или на одну из более слабых европейских стран, с которой Франция была связана обязательствами о взаимной помощи, то есть на Чехословакию, Польшу или Бельгию. Оказавшись в результате этого в состоянии войны с Германией, Франция, естественно, была бы заинтересована в получении помощи со стороны СССР. Но если нападение Германии на СССР было невозможно без прохода германских войск через территорию восточноевропейских стран, то оказание Советским Союзом эффективной помощи Франции также было невозможно без прохода советских войск к границам Германии через территорию некоторых стран Восточной Европы. Поэтому вопрос о том, как СССР может оказать помощь Франции, все же неоднократно вставал.

В начале 1937 года советский военный атташе во Франции получил запрос французского генерального штаба о формах и размерах помощи, которую СССР мог бы оказать в случае нападения Германии на Францию и Чехословакию. 17 февраля 1937 г. полпред и военный атташе СССР в Париже сообщили начальнику генерального штаба

французской армии, а затем и премьер-министру Франции ответ Генерального штаба Красной Армии:

«Военная помощь СССР может иметь два варианта.

1. Если Польша, состоявшая в союзе с Францией, и Румыния, состоявшая в союзе с Францией и Чехословакией, выполнят свой долг и дадут согласие на проход советских войск каждая соответственно через свою территорию на основе решения, принятого ими самостоятельно или в соответствии с решением Совета Лиги наций, — в таком случае СССР имеет возможность предоставить свою помощь и поддержку всеми видами войск...

2. Если по непонятным причинам Польша и Румыния воспротивятся тому, чтобы СССР предоставил помощь Франции и Чехословакии, и если они не захотят разрешить проход советских войск через их территорию, — в таком случае помощь СССР неизбежно будет ограничена.

СССР сможет направить свои войска морским путем на территорию Франции и военно-воздушные силы — в Чехословакию и Францию.

Размеры этой помощи должны быть определены специальным соглашением между заинтересованными государствами.

В этих обоих случаях СССР предоставит помощь военно-морскими силами.

СССР сможет поставить Франции и Чехословакии: бензин, мазут, масла, марганец, продукты питания, вооружение, моторы, танки, самолеты и др.»

Генеральный штаб Красной Армии, со своей стороны, просил дать ответ на следующие вопросы:

«1. Какую помощь Франция могла бы предоставить СССР, если бы он подвергся нападению со стороны Германии?

Каким путем должен быть установлен размер этой помощи?

2. Какое оружие Франция могла бы поставить СССР?»²¹⁷.

Однако ответ на встречные вопросы так и не был получен.

Этот документ имеет большое принципиальное значение. Он показал решимость Советского правительства осуществлять самое тесное сотрудничество с Францией в борьбе против возможной агрессии со стороны гитлеровской Германии. В частности, Советский Союз был готов вести с Францией переговоры о выработке конкретных условий оказания взаимной помощи.

К сожалению, правительство Франции вопреки жизненным интересам своей страны не поддержало советскую инициативу.

В немалой степени такая позиция французского правительства предопределялась и отношением к СССР со стороны Англии. В начале февраля 1937 года британский правительственный комитет имперской обороны подготовил документ, в котором рассматривался вопрос о растущей опасности развязывания Германией и Италией мировой войны. В документе отмечалось, в частности, что СССР располагает мощными сухопутными силами, а также сильной авиацией. Его авторы признавали, что Советский Союз является важнейшим фактором, затрудняющим развязывание Германией войны²¹⁸. Но английские правящие круги не хотели сотрудничества с СССР против германских и иных агрессоров. Они оказывали давление и на Францию²¹⁹.

Эти первые контакты по вопросу о советско-французском военном сотрудничестве все же не были бесплодными. В частности, они показали, что как в СССР, так и во Франции отчетливо понимали: действительно эффективное участие СССР в войне против германских агрессоров было возможно только в случае положительного решения вопроса о проходе советских войск через территорию стран, расположенных между СССР и Германией. Важность позиции Польши и Румынии, бесспорно, понимали и в Англии. Об этом свидетельствует меморандум, составленный 12 ноября 1937 г. для английского правительства начальниками штабов военно-морских, военно-воздушных и сухопутных сил Англии. В нем констатировалось, что «вмешательство России на стороне Франции и Англии может быстро стать реальной опасностью для Германии только в том случае, если Польша будет занимать дружественную позицию и проявит желание к сотрудничеству»²²⁰.

Таким образом, в ходе советско-французских переговоров о Восточном пакте и заключении договора о взаимной помощи между СССР и Францией правительства всех заинтересованных стран тщательно проанализировали вопросы, от положительного решения которых зависело обуздание агрессоров.

ГЛАВА 2.

ФАШИСТСКИЕ АГРЕССОРЫ И ИХ ПОКРОВИТЕЛИ

Захват фашистской Италией Эфиопии

Агрессивные планы Италии и позиция западных держав

В середине 30-х годов на путь агрессии встала фашистская Италия. Потенциально Италия располагала меньшими силами, чем нацистская Германия, но по своей сущности итальянский фашизм был не менее агрессивным. Главарь итальянского фашизма Муссолини открыто прославлял войну как естественное состояние человечества. Готовясь к войне, Италия лихорадочно наращивала свои вооруженные силы.

Главным объектом своих захватнических планов Италия избрала в то время Эфиопию — самостоятельное, но слабое в военном отношении африканское государство. Однако планы итальянских фашистов шли гораздо дальше. Английский министр по делам Лиги наций А. Иден констатировал, что «итальянцы все чаще говорят об Эфиопии как о первом этапе их захватов в Африке; кроме того, Италия должна лишить Англию ее позиций на Средиземном море и установить над ним свое господство; в целом речь идет о восстановлении величия Римской империи»¹.

В конце 1934 года фашистская Италия начала форсировать подготовку захвата Эфиопии. В районе форта Уал-Уал, на территории Эфиопии вблизи итальянского Сомали, произошел вооруженный инцидент между итальянскими и эфиопскими войсками. Это оказалось предвестником надвигавшейся бури.

30 декабря 1934 г. Муссолини разослал секретный меморандум, содержащий директивы о подготовке к войне против Эфиопии. Они сводились к следующему: проблема итало-эфиопских отношений из области дипломатической перешла в область применения силы; она должна решаться «единственным средством, с помощью которого решались такие проблемы, — применением оружия». «Целью не может быть не что иное, как уничтожение абиссинских вооруженных сил и полное завоевание Эфиопии». Соответствующие приготовления намечалось завершить к осени 1935 года².

В связи с подготовкой к нападению на Эфиопию фашистская Италия придавала первостепенное значение достижению предварительной договоренности с Францией и Англией, которые также имели свои империалистические интересы в Эфиопии. Разграничение их интересов в Эфиопии было произведено еще в англо-франко-итальянском договоре 1906 года. Однако Италия стремилась к тому, чтобы перераспределить сферы влияния этих трех империалистических держав в Восточной Африке в свою пользу.

В результате визита в Рим министра иностранных дел Франции П. Лаваля и его переговоров с Муссолини 7 января 1935 г. между двумя странами был подписан ряд соглашений. Тексты некоторых из них были опубликованы. Однако соглашение, заключенное между Лавалем и Муссолини относительно Эфиопии, держалось в глубокой тайне. Текст его стал достоянием гласности только после второй мировой войны. Согласно обмену письмами между Лавалем и Муссолини, французское правительство заявляло, что оно «не добивается в Эфиопии удовлетворения никаких других интересов, кроме экономических интересов, связанных с движением по железной дороге Джибути — Аддис-Абеба, в зоне, определенной в приложении», а также сохранения прав, которыми пользуются в Эфиопии французские граждане³.

Во время встречи Лаваля с Муссолини с глазу на глаз, без свидетелей, французский премьер, судя по ряду имеющихся сведений, заявил, что тем самым Франция предоставляет Италии «свободу действий» в Эфиопии. Так, в одном из документов МИД Италии констатировалось, что, согласно процитированному письму «и устным заверениям Лаваля, французское правительство обязалось предоставить Италии свободу рук для удовлетворения ее экспансионистских потребностей в Восточной Африке и для урегулирования раз и навсегда всех вопросов с правительством Эфиопии»⁴.

Согласно сведениям, полученным советским полпредом во Франции В. П. Потемкиным от французского посла в Италии Л. Шамбрена, Лаваль заявил Муссолини, что Франция не имеет в Эфиопии политических интересов и что она не возражала бы против соглашения итальянцев с Эфиопией, которое установило бы над этой страной фактический протекторат Италии⁵. В беседе с В. П. Потемкиным 12 июля 1935 г. это подтвердил и известный французский политик Эдуард Эррио. Он сказал, что Лаваль несет

ответственность за агрессивность Италии в отношении Эфиопии, так как заявления, которые Лаваль сделал итальянскому дуче, прямо поощряли на агрессию против Эфиопии⁶.

Стремясь к империалистическому сговору с Италией, английское правительство вслед за французским было готово на определенные уступки итальянским фашистам. Постоянный заместитель министра иностранных дел Англии Р. Ванситтарт считал, что необходимо «откупиться от Италии»⁷. Консерватор Х. Ченнон, тесно связанный с верхушкой партии и Форин оффисом, отмечал в своем дневнике: «Почему Англия должна выступать против Италии из-за Абиссинии, когда большая часть нашей широко раскинувшейся империи была создана посредством завоеваний?»⁸. Такие взгляды были особенно характерны для весьма влиятельной в консервативной партии «группы имперской политики». Она выступала против санкций, за империалистическую сделку с итальянскими фашистами⁹. Сказывались и классовые симпатии английской реакции к итальянскому фашизму.

Это была политика попустительства Парижа и Лондона агрессивным устремлениям фашистской Италии.

Между тем еще 18 июня созданная английским правительством межведомственная комиссия во главе с Дж. Мерфи завершила подготовку доклада о «британских интересах в Эфиопии». В августе он был представлен на рассмотрение английского правительства. В докладе говорилось, что приходится считаться с возможностью итальянской агрессии с целью захвата Эфиопии. Однако главный вывод доклада заключался в том, что действия Италии не затрагивают жизненно важных интересов Англии в Эфиопии или в соседних районах, «которые заставили бы правительство Его Величества воспрепятствовать захвату Италией Эфиопии»¹⁰.

Открыто заявлять о том, что Великобритания не будет выступать против захвата Италией Эфиопии, английское правительство все же не считало возможным. Оно исходило при этом как из внешнеполитических, так и внутривнутриполитических соображений.

В Лондоне было решено, что английские дипломаты должны заявить о готовности Англии принять участие в коллективных акциях в случае нападения Италии на Эфиопию. Но они допускали, что Франция, а возможно, и некоторые другие страны не согласятся на сколько-нибудь эффективные санкции против итальянских агрессоров. А

это давало бы английской дипломатии возможность прятаться за спину Франции и некоторых других стран, сваливая вину за невозможность применения действенных санкций на них.

В этом плане особенно показательна позиция канцлера казначейства (министра финансов) Н. Чемберлена. Он писал в августе 1935 года лорду Ллойд: «Прежде всего нужно было действовать так, чтобы никто не мог обвинить правительство в предательстве Лиги наций. Франция, однако, не применит санкций и тем самым даст Англии повод отказаться действовать в одиночку»¹¹. Один из лидеров британских консерваторов, Л. Эмери, отмечал, что Н. Чемберлен «с нескрываемым цинизмом» заявил ему: «Если дело примет серьезный оборот, французы пойдут на попятную первыми и мы сможем доказать, что делали все возможное»¹².

В связи с тем, что в начале сентября 1935 года должно было состояться заседание Совета Лиги наций для обсуждения итало-эфиопского конфликта, английское правительство решило заявить на нем о готовности Англии выполнить свои обязательства по уставу Лиги наций. Однако Англия не должна брать на себя каких-либо обязательств, помимо таких, которые готова взять на себя также Франция, а любые санкции должны носить коллективный характер¹³. На одном из предыдущих заседаний правительства специально подчеркивалось, что условия ст. 16 устава Лиги наций о санкциях «предусматривают коллективные, а не индивидуальные обязательства» членов Лиги наций¹⁴. В устном порядке делегации было сказано, что она не должна идти дальше французов¹⁵.

Впрочем, итальянская разведка имела доступ ко всей секретной информации о политике английского правительства, поступавшей в английское посольство в Риме. В течение пяти предвоенных лет британское посольство в Риме было «ситом, через которое просачивались правительственные секреты, становясь достоянием Муссолини и Гитлера»¹⁶.

В руки итальянцев попал и доклад комиссии Дж. Мерфи. Они даже опубликовали этот документ¹⁷. Таким образом, итальянские фашисты хорошо знали, что английское правительство не проявляло особого беспокойства по поводу установления над Эфиопией итальянского господства. Всем этим объяснялась самоуверенность итальянского дуче во время итало-эфиопского конфликта.

Итало-эфиопский конфликт непосредственно не затрагивал интересов СССР. Но, верные политике борьбы против империалистической агрессии, концепции неделимости мира, права всех народов на независимость, Коммунистическая партия и Советское правительство проявляли глубокую заинтересованность в сохранении мира, предотвращении нападения Италии на Эфиопию. В Советском Союзе отчетливо понимали, что агрессивные действия Италии могут еще больше обострить положение в мире, которое и так лихорадили японская агрессия в Китае и все более вызывающая позиция фашистской Германии.

В условиях неослабного роста военной опасности, порождаемой агрессивными устремлениями Германии, Японии и Италии, Советский Союз, как уже говорилось, придавал принципиально важное значение укреплению Лиги наций, повышению ее эффективности в деле сохранения мира. Огромный удар престижу Лиги наций нанесла уже ее неспособность оказать противодействие захвату Японией в 1931 году Маньчжурии. Если Лига наций снова проявила бы неспособность предотвратить вооруженный конфликт или пресечь действия агрессора, то это продемонстрировало бы ее полную несостоятельность как организации, призванной обеспечивать сохранение мира. Напротив, если бы Лига наций, используя все свои возможности, обуздавала итальянских агрессоров, это укрепило бы ее авторитет и послужило бы полезным предостережением для правителей других стран, зарившихся на чужие земли.

В Советском Союзе не могли не учитывать всей опасности последствий итало-эфиопского конфликта для дальнейшей расстановки сил на мировой арене. Италия была одной из первых держав, признавших СССР. В течение десяти лет между двумя странами существовали неплохие отношения, в конце 1933 года они подписали договор о ненападении. Если же Италия совершила бы нападение на Эфиопию и Советский Союз вместе с другими членами Лиги наций применил бы против нее санкции, то Италия тем самым оказалась бы в лагере активных противников СССР.

Несмотря на все эти соображения, Советский Союз был готов выполнить все свои обязательства как член Лиги наций, если бы эта организация приняла решение о коллективных санкциях против итальянских агрессоров.

В связи с итало-эфиопским конфликтом Советское

правительство еще раз продемонстрировало свою принципиальную позицию относительно колониальной политики империалистических держав. Оно заявило, что относится «отрицательно к системе колоний, к политике сфер влияния, к мандатам и ко всему, что имеет отношение к империалистическим целям»¹⁸.

Позиция Советского Союза была обстоятельно изложена на открывшейся 4 сентября 1935 г. в Женеве чрезвычайной сессии Совета Лиги наций. Советская делегация последовательно выступала в Лиге наций за строгое соблюдение положений устава Лиги об оказании помощи жертве агрессии. М. М. Литвинов заявил 5 сентября на заседании Совета, что Лига не имеет права проявлять безразличие к конфликту, предоставляя Италии «свободу действий». «Налицо несомненная угроза войны, — говорил он, — угроза агрессии, которую не только не отрицает, а, наоборот, подтверждает сам представитель Италии. Можем ли мы пройти мимо этой угрозы..? Разве это не было бы вопиющим нарушением устава Лиги?» Нарком отмечал, что это означало бы подрыв Лиги наций, от которой в немалой степени зависит устойчивость всего здания международного мира и безопасности народов. Он предложил Совету не останавливаться ни перед какими усилиями и средствами, чтобы предотвратить вооруженный конфликт между двумя членами Лиги и выполнить обязанности, являющиеся «смыслом существования Лиги»¹⁹.

Правительство Эфиопии передало Советскому правительству глубокую благодарность за это выступление наркома, указав, что оно оказало Эфиопии «большую помощь», которую эфиопское правительство «высоко ценит»²⁰.

Заявление советского наркома широко комментировалось в заграничной печати. Высокопоставленный сотрудник аппарата Лиги наций англичанин Ф. Уолтер также отмечает, что, как все понимали, дело шло к нападению Италии на Эфиопию, «однако только Литвинов отважился сказать то, что все имели в виду... Заявление Литвинова было безусловно разумным, выдержанным и своевременным»²¹. В книге английского историка Э. Робертсона констатируется, что Советский Союз «решительно поддержал Эфиопию»²².

Вопрос об опасности итальянской агрессии против Эфиопии оказался в центре внимания также начавшейся 9 сентября очередной сессии ассамблеи Лиги наций. М. М. Литвинов подчеркнул на сессии глубокую заинтере-

сованность Советского Союза в укреплении Лиги наций как орудия мира, так как это орудие может не один раз понадобиться и в будущем. Нарком призвал членов Лиги не допускать новых покушений на устав Лиги, а пускать его в ход во всех случаях агрессии, откуда бы она ни исходила и против кого бы она ни была направлена. Он заверил, что Советский Союз «не уступит никому в лояльном выполнении принятых на себя международных обязательств, особенно когда речь идет об обеспечении за всеми народами блага мира...»²³.

В телеграмме в НКВД М. М. Литвинов подчеркивал, что «сам факт применения Лигой серьезных санкций против Италии будет грозным предостережением и для Германии»²⁴.

В передовой статье «За политику мира, против колониальных захватов» газета «Правда» 15 сентября указывала, что возникновение войны в Восточной Африке повлекло бы за собой «непосредственно угрозу всеобщего взрыва, всеобщей военной катастрофы». В таких условиях СССР последовательно и решительно отстаивает интересы мира, борется за коллективную безопасность. Осуждая всякие планы, направленные на превращение Эфиопии в чью-либо колонию, подчеркивала газета, СССР исходит из неоспоримого права каждого государства на суверенность и независимость.

Министр иностранных дел Англии С. Хор в своей речи на ассамблее 11 сентября заверял в верности Англии Лиге наций и принципам коллективной безопасности. Он заявлял, что Англия готова выполнить свои обязательства по уставу Лиги, специально подчеркнув при этом: «Если необходимо нести бремя, то его необходимо нести коллективно»²⁵. Даже некоторые английские историки признают «большую долю блефа» в этой речи, так как в Лондоне не придавали особого значения Лиге наций, а тем более применению санкций²⁶. Упомянутый выше Г. Ченнон также отмечал в своем дневнике: «Англия потребовала от Лиги наций принятия санкций, которые, как мы знали, никогда не будут осуществлены. Мы спасли свое лицо»²⁷.

Что же касается французского правительства, возглавлявшегося П. Лавалем, то его позиция не могла не вызывать самого серьезного беспокойства. П. Лаваль выступал в Женеве фактически в качестве добровольного адвоката итальянских агрессоров. М. М. Литвинов отмечал в этой связи, что П. Лаваль защищал в Лиге наций интересы Италии лучше самих итальянцев. Позиция Лавалья,

сообщал нарком в Москву, будет иметь своим результатом «умаление престижа Лиги и поощрение агрессивности Муссолини»²⁸.

Впрочем, если британская дипломатия действовала более искусно, действительная позиция Англии мало чем отличалась от позиции Франции. Об этом свидетельствовали беседы С. Хора и А. Идена с П. Лавалем в Женеве 10—11 сентября. Они единодушно исключали применение против Италии военных санкций и морской блокады²⁹.

Создавшееся положение было обсуждено 24 сентября на заседании английского правительства, в ходе которого стало очевидно, что британское правительство по-прежнему думало о соглашении с Италией, а не о мерах воздействия на нее. Хор писал в этой связи Идену, находившемуся в Женеве, что на заседании «высказывались опасения, не окажется ли Совет Лиги столь непреклонным в своем отношении к Италии, что это уничтожит любую возможность достижения соглашения». Идену предписывалось иметь это в виду, когда такие решительно настроенные представители, как Литвинов и др., «будут добиваться совершенно бескомпромиссной позиции»³⁰. «Я уверен, — подчеркивал Хор, — что вы не допустите торопливости Совета в отношении обсуждения вопроса о санкциях»³¹.

Это высказывание английского министра особенно показательно в двух планах: во-первых, это было признанием последовательной и принципиальной позиции, которую Советский Союз занимал в Лиге наций при обсуждении итало-эфиопского конфликта; во-вторых, Англии по этой причине было не по пути с СССР, так как она все еще рассчитывала на соглашение с Италией, то есть на империалистическую сделку за счет Эфиопии.

В этой связи кое-кто за границей начинал муссировать идею, что Советский Союз, мол, и в одиночку мог бы принять против Италии решительные экономические и другие меры. Смысл таких «подсказок» сводился к тому, чтобы попытаться втравить СССР в вооруженный конфликт с фашистскими агрессорами. Ответ на эти инсинуации был дан Исполкомом Коминтерна. В нем констатировалось, что «меры, принятые одним СССР, обратятся лишь против него же»³². Разумеется, в Советском Союзе учитывали, что в случае, если бы СССР в результате мер, принятых против Италии в одностороннем порядке, оказался в состоянии серьезного конфликта с ней, то ему пришлось бы считаться и с опасностью резкого обострения

положения как на его дальневосточных, так и на европейских границах.

В этой связи можно отметить, что гораздо более задетой итальянской агрессией оказалась Великобритания. Располагая самыми крупными военно-морскими силами в Средиземном море и своими войсками во многих районах, находящихся недалеко от Эфиопии, Великобритания действительно была в состоянии и в одиночку пресечь итальянскую агрессию. Но в Лондоне какие-либо односторонние меры со стороны Великобритании считали совершенно исключенными. Англия сочла возможным принять участие даже и в ограниченных по характеру коллективных мерах лишь после того, как она заручилась (18 октября 1935 г.) заверениями французского правительства, что оно будет действовать вместе с Англией³³.

Нападение Италии на Эфиопию.

Санкции против агрессоров

3 октября 1935 г. Италия совершила нападение на Эфиопию. ЦК ВКП(б) сразу же дал директиву Советскому правительству заявить, что СССР рассматривает действия Италии как акт агрессии³⁴. Советский Союз немедленно выступил в поддержку жертвы агрессии, за пресечение агрессии коллективными усилиями членов Лиги наций.

«Правда» в передовой статье «Война в Восточной Африке» подчеркивала 5 октября огромную опасность «новой, еще более кровопролитной, еще более опустошительной мировой империалистической бойни». Осудив стремление Италии посредством войны превратить Эфиопию в свою колонию, газета подчеркивала, что «защита мира требует совместных усилий всех сторонников коллективной безопасности».

В срочном порядке 4 октября была созвана сессия Совета Лиги наций.

Советскому представителю на этом заседании В. П. Потемкину были даны указания заявить о согласии СССР участвовать в экономических санкциях при условии применения их остальными членами Лиги наций. Если бы Франция и Англия подняли вопрос о том, чтобы от имени Лиги наций попытаться навязать Эфиопии мир, который предусматривал бы удовлетворение экономических и других требований Италии к Эфиопии, то советскому представителю предписывалось заявить, что эти рекомендации

носят «империалистический характер» и «Совет не должен навязывать члену Лиги наций опеку и ограничение его независимости»³⁵. Выступая в Совете Лиги наций, В. П. Потемкин изложил ясную и принципиальную позицию СССР, его отрицательное отношение к колониальной политике империалистических держав³⁶. В решении Совета от 7 октября констатировалось, что «Италия прибегла к войне в нарушение своих обязательств по статье 12 устава Лиги наций»³⁷. Такая формулировка означала официальное признание Италии агрессором Советом Лиги наций, а это автоматически влекло за собой, согласно уставу Лиги, применение к агрессору санкций.

9 октября открылась чрезвычайная сессия ассамблеи Лиги наций. Как и в Совете Лиги, советская дипломатия на ассамблее энергично настаивала на необходимости твердого выполнения положений устава Лиги наций о борьбе с агрессией. Выступая на следующий день по вопросу о решениях, которые должны быть приняты в связи с итальянской агрессией, представитель СССР В. П. Потемкин заявил, что «СССР считает долгом подтвердить свою готовность выполнять наряду с прочими членами Лиги наций все обязательства, которые налагает на всех них без изъятия ее устав». Он призвал к единству действий членов Лиги и подчеркнул, что это может послужить залогом скорейшего осуществления коллективной безопасности, которая могла бы предупредить «дальнейшие попытки с чьей бы то ни было стороны нарушить общий мир»³⁸.

Подавляющее большинство членов Лиги наций (50 из 54) заявило о готовности выполнить свои обязательства по уставу Лиги. Остались в стороне только Австрия, Венгрия, Албания и Швейцария, сославшись на свои особые отношения с Италией. Продолжала настораживать позиция Франции. П. Лаваль, правда, заявил, что Франция будет выполнять свои обязательства, но не преминул добавить, что она в то же время «продолжит поиски мирного разрешения вопроса»³⁹. Касаясь позиции Франции, член английского правительства Дж. Саймон писал, что она проявляла больше стремления к тому, чтобы найти способ удовлетворить своих итальянских друзей, чем остановить итальянскую агрессию⁴⁰. Под предлогом уклончивой позиции Франции английское правительство дало своему представителю в Женеве А. Идену указания «двигаться вперед как можно медленнее и проявлять инициативы как можно меньше»⁴¹.

Ассамблея образовала Координационный комитет, который состоял из представителей всех 50 государств, выразивших согласие принять участие в санкциях. Комитет принял решение о применении к Италии ряда экономических санкций: о запрете экспорта в Италию военных материалов, о запрещении предоставления Италии займов и кредитов, о введении эмбарго на импорт итальянских товаров, о запрещении экспорта в Италию ряда товаров (каучука, алюминия, железной руды, хрома, никеля, олова и др.).

Введение санкций в действие было сильно задержано прежде всего в результате позиции Франции. Они стали применяться только с 18 ноября, то есть полтора месяца спустя после начала итальянской агрессии. Советский Союз последовательно выполнял все решения Лиги наций о санкциях.

В центре внимания Координационного комитета оказался и вопрос о запрещении экспорта нефти в Италию. Своих источников добычи нефти Италия не имела, и прекращение ее поставок в Италию сделало бы фактически невозможным продолжение итальянской агрессии. СССР, как и ряд других стран — экспортеров нефти, заявил о своей готовности прекратить вывоз в Италию нефтепродуктов⁴². Но для эффективности нефтяных санкций необходимо было, чтобы в них участвовали все страны, экспортирующие нефть.

Поскольку огромную роль в борьбе против итальянской агрессии могла сыграть Англия, Советское правительство пыталось установить тесное сотрудничество с английским правительством по этому вопросу. В соответствии с полученными из Москвы указаниями советский полпред в Лондоне И. М. Майский встретился 6 ноября 1935 г. с министром иностранных дел Англии С. Хором. Полпред заявил, что Италия — агрессор сравнительно слабый. Другие кандидаты в агрессоры — более сильные и опасные. «Мы считаем чрезвычайно важным, — подчеркнул он, — чтобы на примере Италии был дан урок всем возможным агрессорам вообще»⁴³. Английское правительство, возглавлявшееся консерватором С. Болдуином, осталось, однако, глухим к призывам Советского правительства.

В связи с решением вопроса о нефтяных санкциях большое значение имела позиция Соединенных Штатов Америки, так как их монополии были крупными поставщиками нефти Италии и другим странам.

Хотя в иной форме, чем Франция и Великобритания,

Соединенные Штаты также попустительствовали итальянской агрессии. Еще 31 августа 1935 г. палата представителей и сенат американского конгресса приняли совместную резолюцию, согласно которой запрещалась продажа оружия воюющим государствам. Этим было положено начало пресловутому законодательству США о нейтралитете, которое сыграло столь отрицательную роль в канун второй мировой войны. В резолюции не делалось различия между агрессором и жертвой агрессии, в связи с чем позиция, занятая Соединенными Штатами, фактически была на руку агрессору. Италия сама производила все виды оружия. Жертва агрессии — Эфиопия, не имея своей военной промышленности, вынуждена была покупать оружие и боеприпасы за границей, но американский рынок был для нее теперь закрыт.

Когда начались военные действия, американское правительство «рекомендовало» своим фирмам ограничивать экспорт в воюющие страны нефти и сырья, которые могут быть использованы для ведений войны, размерами прежних лет. При этом снова агрессор и жертва агрессии ставились на одну доску. Даже заместитель государственного секретаря США С. Уэллес впоследствии признавал, что это давало Италии возможность и впредь закупать в США в значительных масштабах нефть и другие нужные ей материалы, так как она, готовясь к войне, осуществляла большие закупки и раньше. «Поскольку Эфиопия ранее не импортировала указанных материалов., она не получала ничего»⁴⁴. Необходимо, однако, добавить, что американские монополии в погоне за прибылями не соблюдали даже этой куцей рекомендации. Так, поставки в Италию американской нефти резко возросли.

Попустительство западных держав итальянской агрессии

26 ноября вопрос о нефтяных санкциях рассматривался на заседании французского правительства. Лаваль заявил о своем намерении воспротивиться введению эмбарго на продажу Италии нефти⁴⁵.

На заседании английского правительства 2 декабря также рассматривался вопрос о его дальнейшей политике в связи с итало-эфиопским конфликтом. На заседании констатировалось, что «все члены Лиги наций, за исключением Великобритании, выразили свою готовность поддержать нефтяные санкции... Против Великобритании началась активная пропагандистская кампания». Отмеча-

лось также, что «Муссолини будет рассматривать эмбарго на нефть как свидетельство неизбежности поражения»⁴⁶. Но английские консерваторы вовсе не желали поражения фашистской Италии. Напротив, они начинали проявлять заботу о том, как предотвратить ее поражение. На заседании отмечалось, что если Муссолини «вынужден был бы пойти на полную капитуляцию, то он, по-видимому, исчез бы с итальянской политической арены и в Италии могло бы образоваться коммунистическое правительство, произошло бы коренное изменение всей расстановки сил в Европе»⁴⁷. Было решено, что С. Хор должен сделать все возможное для достижения «соглашения» между Италией и Эфиопией. Если переговоры о соглашении давали бы определенные надежды на успех, то «нефтяные санкции следовало бы отложить»⁴⁸.

Еще больше стремился к достижению такого соглашения глава французского правительства П. Лаваль. При этом в Париже и Лондоне думали прежде всего о том, как бы помочь фашистской Италии реализовать ее агрессивные планы⁴⁹. И во Франции, и в Англии были известны выдвигавшиеся Муссолини условия: «Я не хочу соглашений, если они не дают мне всего, в том числе и головы императора» Эфиопии⁵⁰.

Что касается целей, которые преследовали реакционные правящие круги Англии и Франции этим соглашением, то бывший министр иностранных дел Англии Дж. Саймон также не считал возможным принимать против Италии эффективные меры, так как это могло привести к падению Муссолини⁵¹. Это отмечал и американский посол в Берлине У. Додд. Идея соглашения, писал он, «была вызвана страхом Англии и Франции, как бы в случае падения Муссолини в Италии не восторжествовал коммунизм»⁵². П. Лаваль также отмечал «большую опасность, что коммунизм может свергнуть режим в Италии и Европа вряд ли сможет перенести эту бурю»⁵³.

8 декабря в результате переговоров С. Хора с П. Лавалем в Париже был выработан план «мирного урегулирования» конфликта (соглашение Хора — Лавалья). Этот план являлся результатом очередной инициативы французского премьера. Но уже давно по этому вопросу шли переговоры между представителями министерств иностранных дел Англии и Франции, вместе с Хором в Париже находились также постоянный заместитель министра иностранных дел Англии Р. Ванситтарт и глава Абиссинского департамента Форин оффиса М. Петерсон. Новый

план предусматривал передачу Италии эфиопских провинций Огаден и Тигре, а также области Данакиль. Еще большая территория Эфиопии стала бы «зоной экономической экспансии» Италии, причем итальянское правительство получило бы право осуществлять контроль от имени Лиги наций над управлением этой территорией⁵⁴.

При рассмотрении 9 декабря этого соглашения на заседании английского правительства отмечалось, что оно чрезвычайно выгодно Италии и фактически неприемлемо для Эфиопии. Тем не менее соглашение было единодушно одобрено английским правительством, и было решено оказать «сильное давление» на Эфиопию, с тем чтобы она согласилась удовлетворить содержащиеся в соглашении Хора — Лавалья требования. Одновременно предусматривалось, что рассмотрение в Лиге наций вопроса о применении нефтяных санкций будет в этой связи отложено⁵⁵.

Таким образом, члены английского правительства полностью поддерживали соглашение Хора — Лавалья и разделили ответственность за этот позорный план.

На заседании английского правительства 10 декабря была доложена полученная от Лавалья дополнительная информация о том, что Франция не считает возможным применение нефтяных санкций⁵⁶. «В таком случае...» — говорится в протоколе заседания, — Великобритания также не будет считать возможным принимать участие в новых санкциях...» При этом члены британского правительства понимали, что это фактически означает провал санкций. Но они возлагали все надежды на новый план сделки с Муссолини, который, по их мнению, составлял минимум того, на что мог бы согласиться дуче⁵⁷.

Соглашение Хора — Лавалья держалось в строжайшем секрете. Тем не менее содержание его уже 9 декабря проникло на страницы печати, вызвав бурю возмущения в Англии и за ее пределами. С. Хор вынужден был подать в отставку с поста министра иностранных дел. Однако это не привело к изменению политики английского правительства.

Император Эфиопии Хайле Селассие I был готов встать на путь предательства интересов своего народа. 19 февраля 1936 г. он отправил через английского военного атташе в Эфиопии совершенно секретное послание английскому правительству, в котором заявлял о своей готовности, во-первых, начать переговоры с итальянским правительством и, во-вторых, «связать Эфиопию с Англией или в виде протектората, или в виде мандата»⁵⁸. Второе

предложение оказалось, однако, неприемлемым для Англии, так как включение в тогдашних условиях Эфиопии в состав Британской империи означало автоматическое вступление Англии в войну с Италией.

Объявленные Лигой нации половинчатые санкции не могли остановить агрессоров. Несмотря на упорное сопротивление Эфиопии, итальянские войска, прибегая к самым зверским методам ведения войны, вплоть до применения ядовитых газов, сумели нанести поражение эфиопам. В связи с завоеванием Эфиопии Муссолини в мае 1936 года торжественно провозгласил Италию империей⁵⁹.

Сообщая в НКИД о своей беседе по этому вопросу с бывшим британским премьером Д. Ллойд Джорджем, И. М. Майский писал, что Ллойд Джордж, не стесняясь, ругал Болдуина и его министров последними словами, доказывая, что если бы политика санкций против Италии с самого начала была проведена последовательно, то Эфиопия была бы цела и «создан был бы грозный прецедент для каждого будущего агрессора, в том числе и для Германии»⁶⁰.

Разгром Италией Эфиопии был прямым следствием политики попустительства агрессии со стороны Англии, Франции и США, результатом их стремления к империалистическому сговору с итальянскими фашистами. В Лондоне и Париже надеялись, что в случае соглашения с Италией за счет Эфиопии снова можно было бы вернуться к попытке заключения «пакта четырех».

В поддержке справедливой национально-освободительной войны Эфиопии, говорил Председатель СНК В. М. Молотов на сессии ЦИК СССР, проявилось коренное отличие советской международной политики от политики капиталистических держав. СССР показал свою верность принципу государственной независимости и национального равноправия всех государств. Он использовал свое участие в Лиге наций для того, чтобы на практике проводить свою линию в отношении империалистического агрессора⁶¹.

Англия и Франция, не вступившись за Эфиопию, уготовили печальную судьбу и самой Лиге наций. Она перестала играть сколь-нибудь существенную роль в международных делах. Малые страны Европы, ранее рассчитывавшие на Лигу наций в случае агрессии против них, начинали приходить к выводу о том, что полагаться

на Лигу они не могут. По планам превращения Лиги наций в эффективный орган коллективной безопасности был нанесен серьезный удар. В то же время агрессивные державы пришли к заключению, что они могут не опасаться этой организации. Все это наносило непоправимый ущерб делу мира.

Усиление агрессивности Германии

Попытки Англии прийти к соглашению с Германией

В начале 1935 года английское правительство предприняло новую попытку договориться с фашистским рейхом, осуществить реанимацию «пакта четырех». Оно прекрасно понимало, что развитие событий в Германии, и прежде всего ее перевооружение, в недалеком будущем приведет к тому, что она поставит вопрос о перекройке карты Европы, да и не только Европы. И в Лондоне серьезно задумались над тем, как оградить Британскую империю от этой опасности.

Генеральная линия английской политики заключалась в том, чтобы, как уже говорилось, путем империалистической сделки с фашистским рейхом отвести угрозу от Британской империи и направить агрессивные устремления гитлеровцев на Восток, против Советского Союза. П. Тольятти говорил по этому вопросу на VII конгрессе Коммунистического Интернационала: «Английский империализм... считает своей «исторической» задачей нанести смертельный удар стране социализма или по крайней мере ослабить СССР на долгое время рядом войн в Европе и на Дальнем Востоке»⁶².

В Лондоне было решено, согласовав главные вопросы с Францией, начать затем переговоры с Германией. Английское правительство пригласило главу французского правительства и министра иностранных дел Франции прибыть в Лондон для переговоров о дальнейшем политическом курсе двух стран.

14 января 1935 г. на заседании британского правительства рассматривался вопрос о его позиции на предстоящих англо-французских переговорах. Английские министры исходили из того, что главная цель Англии и Франции — достижение соглашения с Германией, в том числе возвращение ее в Лигу наций. Ради этого они были готовы признать равноправие Германии в области воору-

жений. Франция не согласилась на вооружение Германии без дополнительных гарантий своей безопасности, что осложняло достижение договоренности с ней. Английское правительство занимало в этом вопросе негативную позицию. Было решено, что Англия не должна подтверждать обязательства, которые лежали на ней на основе Локарнского договора 1925 года. Тем более не следует соглашаться на консультации представителей генеральных штабов Англии и Франции. Необходимо избежать признания того, что демилитаризация Германией Рейнской зоны имела бы «принципиально важное значение»⁶³.

В Лондоне были готовы согласиться на создание германских сухопутных сил общей численностью 300 тыс. человек (21 пехотная и 3 кавалерийские дивизии) и военно-воздушных сил, равных как английским, так и французским, то есть в количестве 1000 самолетов⁶⁴.

Для того чтобы французское правительство согласилось с этими планами, Лондон решил предложить ему заключить дополнительно к Локарнскому договору 1925 года пакт о немедленной взаимной помощи стран — участниц этого договора друг другу в случае нападения с воздуха (так называемый воздушный пакт). В таком договоре была заинтересована прежде всего сама Англия. Но он имел бы определенный смысл и для Франции, так как по Локарнскому договору оказание помощи жертве агрессии было связано с громоздкой процедурой Лиги наций, а по проекту воздушного пакта имелаась в виду немедленная помощь.

1—3 февраля 1935 г. в Лондоне состоялись англо-французские переговоры. Английское правительство предложило договориться о той основе, на которой две страны могли бы начать переговоры с Германией. В Лондоне исходили из того, что это невозможно без отмены военных статей Версальского договора, ограничивавших вооружения Германии. И Лондон был готов предоставить фашистскому рейху право на увеличение его вооруженных сил. Для «успокоения» Франции английское правительство выражало готовность заключить между странами — участниками Локарнского договора воздушный пакт⁶⁵.

Англо-французское совещание кончилось опубликованием 3 февраля совместного коммюнике. Упомянув о переговорах между Францией и Италией в начале января 1935 года, а затем о переговорах представителей Англии и Франции в Лондоне, английские и французские министры выступили за то, чтобы достигнутый таким образом

«прогресс» был развит «путем непосредственного и эффективного сотрудничества с Германией». Они высказались за «всеобщее урегулирование», «всеобщее соглашение» (general settlement), составными частями которого были бы: Восточный пакт и Дунайский пакт (о невмешательстве в дела Австрии); соглашение о вооружениях, которое, в частности, заменило бы собой военные статьи Версальского договора, ограничивающие вооруженные силы Германии; договоренность о возвращении Германии в Лигу наций. Особо выделялось предложение о заключении воздушного пакта между Англией, Францией, Германией, Италией и Бельгией⁶⁶.

В Лондоне понимали, что принятые на англо-французском совещании решения, направленные на обеспечение так называемой «западной безопасности», то есть фактически заключение «пакта четырех», не могли не вызывать беспокойства в Советском Союзе. 7 февраля в Форин оффисе по этому вопросу был составлен даже специальный меморандум, наглядно раскрывавший внешнеполитические расчеты английских правящих кругов. В нем подчеркивалось: «Россия серьезно озабочена, что Германия вместе с Польшей планирует захваты на Востоке», и поэтому она заинтересована в сотрудничестве с Францией. Поскольку Франция также обеспокоена в отношении своей безопасности, она готова на сотрудничество с Россией. Однако предполагаемое «всеобщее соглашение» с Германией и воздушный пакт призваны обеспечить нужную Франции безопасность.

Авторы меморандума стремились сорвать советско-французское сотрудничество и поэтому при прогнозировании дальнейшего развития событий исходили из следующих соображений: «Если бы Германия и Польша не имели планов дальнейшего проникновения на Восток, то они не выступали бы так решительно против Восточного пакта... Потребность в экспансии будет толкать Германию на Восток, поскольку это будет единственной открытой для нее областью, и, пока в России существует большевистский режим, эта экспансия не может ограничиваться лишь формами мирного проникновения»⁶⁷.

Этот документ отчетливо свидетельствует о том, к чему сводился смысл того «всеобщего соглашения» с Германией, о котором английские и французские правящие круги договорились во время своих переговоров в Лондоне. Это был все тот же антисоветский «пакт четырех», только в обновленной упаковке.

Лондонское коммюнике, действительно, не могло не беспокоить Советское правительство. Советский полпред в Лондоне И. М. Майский отмечал, что позиция Лондона объясняется тем, что «в последние недели в британских правительственных кругах вновь воскресла надежда на возможность нахождения общего языка с Гитлером»⁶⁸. Не могли не обратить на себя внимания и некоторые статьи влиятельного английского политика лорда Лотиана и других сторонников политики «умиротворения», появившиеся в те дни в английской печати⁶⁹. В связи с этим НКВД констатировал, что англичане заботятся лишь о безопасности на Западе и не интересуются Восточной и Юго-Восточной Европой, где они «готовы предоставить Гитлеру свободу действий»⁷⁰.

Реакционные круги Англии в своей классовой ненависти к СССР были готовы ставить на карту даже собственные интересы, лишь бы не допустить укрепления международных позиций СССР, сохранить его международную изоляцию, облегчив тем самым нападение на него фашистских агрессоров.

Зная о готовности английского правительства удовлетворить требования Германии в отношении вооружений, Гитлер решил поставить его накануне намечавшихся англо-германских переговоров перед совершившимся фактом. Как уже было сказано, в середине марта 1935 года германское правительство заявило об отказе от соблюдения статей Версальского договора, ограничивавших германские вооруженные силы. И тем не менее английское правительство по-прежнему было готово на переговоры с главарями фашистского рейха.

25—26 марта министр иностранных дел Англии Дж. Саймон и лорд-хранитель печати А. Иден нанесли визит в Берлин, где вели переговоры с Гитлером, Нойратом и Риббентропом. Переговоры показали, что главари фашистского рейха не собираются принимать большинство предложений, выдвинутых Англией и Францией 3 февраля, то есть не хотят связывать себя обязательствами, которые могли бы впоследствии оказаться препятствием в осуществлении их агрессивных планов. Гитлер сообщил о своем намерении создать армию в 550 тыс. человек, а также о том, что его военно-воздушные силы уже достигли паритета с Англией и что он претендует на право иметь военно-морской флот, равный 35 % английского. Фюрер отнесся положительно к предложению о заключении воздушного пакта, выражая готовность к дальнейшим переговорам по этому вопросу с

английским правительством. Была достигнута договоренность также о том, чтобы начать в ближайшем будущем двусторонние англо-германские переговоры по вопросу о военно-морских силах⁷¹.

Берлинские переговоры наглядно свидетельствовали об агрессивных намерениях гитлеровцев. Надежды правящих кругов Англии положить этими переговорами начало для соглашения между четырьмя западными державами по всем спорным вопросам не оправдались. Несмотря на то что политика германских фашистов становилась все более вызывающей, английское правительство продолжало свою политику сговора с ними.

В связи с визитом Дж. Саймона и А. Идена в Берлин встал вопрос о посещении английскими министрами также Варшавы и Москвы. Советское правительство положительно относилось к идее такого визита⁷². В Лондоне, однако, вызвало затруднение решение вопроса о том, кто именно из английских министров поедет в Москву. 6 марта этот вопрос рассматривался на заседании английского правительства. Соответствующее место из протокола этого заседания гласит: «Общее мнение заключалось в том, что желательно, чтобы визит нанес лорд-хранитель печати, а не сам министр иностранных дел, но отмечалось, что на правительство может быть оказано давление, с тем чтобы визит в Москву и Варшаву нанес министр такого же ранга, как и при визите в Берлин». Все же было принято решение, что в Москву поедет не министр иностранных дел, а один из младших министров — лорд-хранитель печати А. Иден⁷³. Его задачи были ограничены лишь обменом информацией.

Обсуждая с советским полпредом И. М. Майским этот вопрос, Дж. Саймон не скрывал, что в Англии далеко не все разделяют идею поездки в Москву британского министра; есть влиятельные круги, которые относятся к такому шагу отрицательно⁷⁴.

28—29 марта состоялись переговоры И. В. Сталина, В. М. Молотова и М. М. Литвинова с А. Иденом. Советские представители заявили, что, учитывая агрессивные устремления фашистской Германии, СССР считает необходимым продолжать добиваться заключения Восточного пакта. Одновременно внимание Идена было обращено на проводимую английским правительством политику попустительства в отношении перевооружения Германии, которая может иметь опасные последствия для самой Англии. У Советского Союза, заявили представители СССР,

нет ни малейших сомнений в агрессивности фашистского рейха, так как его внешняя политика вдохновляется двумя основными идеями — реванша и установления господства в Европе. Однако сейчас было бы преждевременно говорить, в какую именно сторону Германия в первую очередь направит свой удар. «Гитлер, выдвигая в настоящее время на первый план восточную экспансию, хочет поймать на удочку западные государства и добиться от них санкции его вооружений. Когда эти вооружения достигнут желательного для Гитлера уровня, пушки могут начать стрелять совсем в другом направлении».

В связи с сообщением А. Идена о согласии Германии на такой Восточный пакт, который содержал бы обязательства о ненападении (а не о взаимопомощи), И. В. Сталин отметил, что Германия «открыто на глазах у всех разывает международные договоры. Это опасно. Как мы можем при таких условиях верить подписи Германии под теми или иными международными документами?.. Какая гарантия, что германское правительство, которое так легко рвет свои международные обязательства, станет соблюдать пакт о ненападении? Никакой гарантии нет. Поэтому мы не можем удовлетвориться лишь пактом о ненападении с Германией. Нам для обеспечения мира нужна более реальная гарантия, и такой реальной гарантией является лишь Восточный пакт взаимной помощи».

В ходе переговоров советские представители заявили о готовности СССР к сотрудничеству с Англией в деле сохранения мира, в частности по линии Лиги наций⁷⁵.

В это же время в Лондоне развернулась активная подготовка к англо-франко-итальянской конференции в Стресе (Северная Италия), которую было решено созвать в связи с нарушением Германией военных статей Версальского договора. Позиция английского правительства на конференции была подробно рассмотрена на его заседании 8 апреля 1935 г. Общее мнение членов кабинета заключалось в том, как указано в протоколе заседания, что если Франция и Италия предложат положить конец переговорам с Германией и свести политику трех стран к тому, чтобы занять в отношении нее твердую позицию, то Англия «не должна соглашаться на это». Поэтому позиция Англии заключается в следующем: «Мы не можем согласиться на полный разрыв с Германией и на отказ от каких бы то ни было акций, помимо угроз... Мы не должны скрывать, что мы намерены сделать Германии новые предложения». Англия не может согласиться на то, чтобы в результате кон-

ференции была опубликована декларация о том, что Англия «не допустит нигде нарушения мира... Мы не должны брать на себя новых обязательств... Установив контакты с Германией, мы должны продолжать поддерживать их». Прекращение их «было бы явной ошибкой»⁷⁶.

На конференции в Стрезе встал вопрос о применении к Германии санкций, однако английские представители высказались против них⁷⁷. Участвовавшие в конференции державы ограничились выражением сожаления по поводу нарушения Германией условий Версальского договора. Дж. Саймон заявил, что английские представители «не могут принимать новых обязательств»⁷⁸.

На Западе после конференции стали писать о создании «фронта Стрезы». Однако это было лишь дымовой завесой, призванной прикрыть отступление Англии и Франции перед восстанавливавшим свою мощь германским империализмом.

Сразу же после конференции состоялось заседание Совета Лиги наций. Поскольку тон в Совете задавали участники конференции в Стрезе, то не удивительно, что в основу его резолюции легли решения конференции. Но английские представители постарались еще больше выхолостить их содержание. Дж. Саймон с удовлетворением отмечал в своей телеграмме из Женевы: «Мне удалось существенно ослабить условия резолюции, согласованной в Стрезе»⁷⁹.

В немалой степени усилиями английского правительства резолюция Совета Лиги наций была сведена лишь к осуждению односторонних нарушений международных обязательств⁸⁰.

Такое решение Совета Лиги наций, естественно, не было достаточной мерой для того, чтобы воздвигнуть надежные барьеры на пути агрессивной политики фашистской Германии.

Между тем в Лондоне начали форсировать переговоры по вопросу о соотношении размеров военно-морских сил Англии и Германии. Такое соглашение означало бы легализацию Англией нарушения фашистским рейхом соответствующих статей Версальского договора. Увеличение германских военно-морских сил представляло собой угрозу для многих стран, не располагавших такими крупными флотами, как Британская империя. Это касалось, в частности, Франции, СССР и т.д. Обосновывая необходимость того, чтобы Германия имела флот, равный 35 % английского, министр иностранных дел Германии К. фон Нойрат

прямо указывал, что только в таком случае Германия будет иметь возможность господствовать на Балтийском море⁸¹, то есть недвусмысленно намекал на антисоветский характер предлагаемой сделки. Пренебрегая законными интересами многих стран, Англия в одностороннем порядке была готова предоставить Германии право на резкое увеличение ее военно-морского флота.

Для ведения переговоров в Лондон прибыла германская делегация во главе с Риббентропом. Вела она себя крайне вызывающе. Основным вопросом переговоров должны были явиться размеры будущего германского флота. Однако Риббентроп начал первое заседание с сообщения о намерении Германии строить флот в размере 35 % английского. Он готов начать переговоры лишь в том случае, если англичане заранее дадут официальное согласие удовлетворить это требование⁸². Правители гордой Британской империи — бывлой владычицы морей — были прямо-таки обескуражены. Их протесты против выдвижения таких предварительных условий с ходу отвергались, и Лондон пошел на капитуляцию. Предварительное условие гитлеровцев было принято. 6 июня Дж. Саймон заявил, что «правительство Его Величества признает решение рейхсканцлера в качестве основы для предстоящих морских переговоров»⁸³. Переговоры могли начаться, но вести их было фактически уже не о чем.

18 июня 1935 г. состоялось подписание англо-германского морского соглашения. Германия получила право увеличить свой военно-морской флот более чем в 5 раз⁸⁴. Фашистский рейх имел теперь возможность увеличить свой флот в таких размерах, чтобы, не будучи в состоянии соперничать на морях с Англией, он все же, как отмечал У. Черчилль, мог стать «хозяином Балтийского моря»⁸⁵.

Какое влияние это соглашение оказало на дальнейшее развитие событий в Прибалтике, в том числе на политику Прибалтийских государств, видно из отчета германской миссии в Эстонии за 1935 год. «Это соглашение рассматривается как признание гегемонии Германии на Балтийском море, что привело к более высокой оценке Германии как фактора силы. С тех пор чувствуется заметное изменение позиции руководящих кругов по отношению к Германии»⁸⁶. Аналогичным образом оценивал влияние договора на Финляндию германский посланник в Хельсинки В. Блюхер⁸⁷.

Проводившаяся английским правительством политика поощрения поворота фашистской агрессии на Восток

представляла собой огромную опасность для всеобщего мира, в том числе и для самой Англии. У. Черчилль, один из немногих консерваторов, более трезво оценивавших тенденцию развития событий в Европе, отмечал в беседе с советским полпредом в Англии 14 июня 1935 г., что первый удар со стороны Германии может последовать не в сторону СССР, ибо это довольно-таки опасно для нее самой. «Более вероятны, — говорил он, — другие направления». Критикуя английских деятелей, которые надеялись обеспечить интересы Англии, предоставив Германии свободу действий на Востоке, Черчилль говорил: «Германии где-то нужно драться, в какую-то сторону расширять свои владения — так пусть она лучше выкроит себе империю за счет государств, расположенных в Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европе! Пусть она тешится Балканами или Украиной, но оставит Англию и Францию в покое»⁸⁸.

Во внешней политике Англии господствовали именно те тенденции, которые так резко критиковал У. Черчилль. Английский журналист и историк И. Колвин отмечал в одной из своих работ, что руководители английской внешней политики стремились к взаимопониманию с Германией и это было основой внешнеполитического курса страны. Политика поощрения фашистской агрессии на Восток в целях обеспечения «западной безопасности» выдавалась правящими кругами Англии как политика «умиротворения» Германии. И, как констатирует Колвин, она получила в Англии в 1935 году широкое распространение⁸⁹.

Впоследствии Англии пришлось дорого расплачиваться за эту политику потворства в отношении возрождения германских военно-морских сил⁹⁰.

Одновременно с переговорами о морском соглашении Англия начала переговоры с фашистским рейхом о заключении между локарнскими державами воздушного (военно-воздушного) пакта. 24 мая 1935 г. Дж. Саймон дал послу в Берлине Э. Фиппсу указания выяснить, готов ли Гитлер начать переговоры о заключении этого пакта⁹¹. Поскольку германские военно-воздушные силы в то время были еще значительно слабее, чем силы Англии, Франции и их союзников, и к тому же заключение такого соглашения означало бы признание Англией и Францией права Германии на создание военно-воздушных сил (они были запрещены Версальским договором), фашистский рейх счел подписание воздушного пакта весьма выгодным для себя. Он сразу же дал положительный ответ и представил свои предложения⁹².

Заинтересованность Англии в заключении западного

воздушного пакта была вызвана опасением через несколько лет оказаться перед угрозой нашествия германских воздушных ястребов. Согласно воздушному пакту, Франция, Италия и Бельгия должны были бы выступить в таком случае на ее стороне. Кроме того, в Лондоне надеялись с подписанием западного воздушного пакта продвинуться вперед в деле заключения с Германией «широкого соглашения».

Франции воздушный пакт гарантировал в случае германского нападения немедленную военную помощь со стороны Англии⁹³, в то время как, согласно Локарнскому пакту, Англия была обязана оказывать ей помощь только после решения Лиги наций. Но в Париже были и глубокие опасения. Для Франции главную опасность представляли германские сухопутные, а не военно-воздушные силы. Она проявляла заинтересованность также в заключении Восточного и Дунайского пактов. И в Париже не без оснований считали, что в случае подписания наряду с англо-германским морским соглашением еще и западного воздушного пакта Англия потеряет всякий интерес к другим проблемам, имевшим первостепенное значение для обеспечения безопасности Франции. Все это приводило к осложнению и задержке переговоров.

Приведенные факты наглядно свидетельствуют о той поистине лихорадочной деятельности, которую развернула английская дипломатия с целью достижения «широкого соглашения» с Германией. Но империалистические противоречия в Западной Европе достигли такой остроты, что достижение соглашения между ними оказывалось делом крайне трудным и, как показали дальнейшие события, даже невозможным.

Ввод германских войск в Рейнскую зону

В разгар итальянской агрессии против Эфиопии новый удар миру и безопасности народов нанесла фашистская Германия. Она решила покончить с положением Локарнского договора 1925 года, согласно которому Германия обязалась не иметь своих войск на левом берегу Рейна, а также в 50-километровой полосе на правом берегу Рейна (эти ограничения были установлены еще Версальским мирным договором в целях обеспечения безопасности Франции). Смысл этой акции для Германии заключался прежде всего в создании военных укреплений в этом районе. Это сделало бы крайне затруднительным вторжение в

Германию французских войск, если бы Франция решила оказать помощь своим союзникам в Центральной и Восточной Европе в случае германской агрессии против них.

Французский посол в Берлине А. Франсуа-Понсе констатировал 4 февраля 1936 г., что голос нацистов становится все более резким, а их притязания — все более дерзкими. Все более отчетливо выступают на первый план фанатизм, дух господства, настойчивое стремление к реваншу, теории расового превосходства. Всерьез вынашиваются планы установления германской гегемонии в районе Дунайского бассейна, выдвигаются колониальные требования⁹⁴.

Всю сложность положения представляло себе и английское правительство. 17 января 1936 г. новый министр иностранных дел Англии А. Иден представил правительству обстоятельный меморандум «Германская опасность», в котором была приведена масса бесспорных доказательств агрессивных устремлений фашистского рейха. Однако Иден не ставил вопрос о борьбе против опасности агрессии со стороны Германии, а предлагал «рассмотреть, возможно ли еще прийти к какому-то модус вивенди... с гитлеровской Германией»⁹⁵.

Заведующий одним из отделов Форин оффиса У. Стрэнг выступал за далеко идущие уступки Германии, с тем чтобы «лишить ее повода» прибегать к насильственным мерам. Он считал возможным согласиться на установление Германией экономического господства в Центральной и Юго-Восточной Европе. Советник по экономическим вопросам Форин оффиса Ф. Эштон-Гуэткин в тех же целях высказался за оказание рейху финансовой поддержки; допуск к источникам сырья и, возможно, даже возвращение ему бывших колоний; предоставление Германии свободы в деле развития экономических отношений со странами Центральной и Юго-Восточной Европы; экономическое сотрудничество Англии с Германией, «например, в проникновении в Россию»⁹⁶.

Особую актуальность приобрел в то время вопрос о возможной оккупации германскими войсками демилитаризованной Рейнской зоны. Этот вопрос рассматривался английским правительством еще в январе 1935 года, когда было принято решение, что «демилитаризация Рейнской зоны не имеет для Англии принципиально важного значения». В то же время, как видно из документов Форин оффиса, в Лондоне прекрасно понимали, что в результате этой акции «в глазах русских, поляков и чехов значитель-

но обесценятся их союзы с Францией»⁹⁷. Но английские правящие круги это мало беспокоило. Напротив, они проявляли явную заинтересованность в ликвидации этих союзов, чтобы облегчить гитлеровцам экспансию в восточном направлении.

Узнав 5 марта 1936 г. о намеченной гитлеровцами на ближайшие дни оккупации Рейнской зоны, английское правительство снова подробно рассмотрело этот вопрос. О каком-либо противодействии не было и речи. А. Иден высказался за немедленное возобновление переговоров с Германией. Он предлагал начать с ней переговоры о заключении воздушного пакта, но затем рассмотреть также вопрос о ликвидации демилитаризованной Рейнской зоны и другие проблемы⁹⁸. На следующий же день А. Иден пригласил к себе германского посла Л. Хёша и, высказавшись за установление англо-франко-германского сотрудничества, предложил начать дело с заключения воздушного пакта. Получив такое предложение, гитлеровцы окончательно убедились в том, что опасаться противодействия Лондона и Парижа акции рейха в отношении Рейнской зоны не приходится. «Ответ» на это предложение был фашистским рейхом уже подготовлен.

7 марта 1936 г. произошла оккупация Германией демилитаризованной Рейнской зоны. Германское правительство демагогически заявляло, что в связи с ратификацией Францией договора с СССР о взаимной помощи оно не обязано-де соблюдать условия Локарнского договора 1925 года.

Для того чтобы смягчить реакцию других государств, гитлеровцы одновременно выступили с заявлением о своем «миролюбии». Они выразили готовность вместо Локарнского пакта заключить с Францией и Бельгией договор о ненападении, а также обсудить вопрос о возвращении Германии в Лигу наций.

Нарушение фашистским рейхом существовавших договоров, укрепление его стратегических позиций представляло огромную опасность для дела мира и безопасности в Европе. Советский Союз, последовательно руководствуясь в своей внешней политике интересами мира, сразу же резко осудил агрессивную акцию нацистских главарей. В передовой статье «Известий» от 14 марта 1936 г. в этой связи подчеркивалось, что СССР выступает против нарушения Германией Локарнского договора, так как это может увеличить опасность войны.

Вступление германских войск в демилитаризованную

Рейнскую зону было для Франции серьезным испытанием. Французские правящие круги не решились оказать противодействие гитлеровской авантюре, хотя имели для этого все возможности. Франция была сильнейшим в то время в военном отношении государством в Западной Европе. Германия же пока только приступала к созданию крупных вооруженных сил. Поэтому не случайно германские части, вступавшие в Рейнскую зону, получили приказ: в случае каких-либо контрмер со стороны Франции немедленно отойти на исходные позиции.

Французское правительство могло также прибегнуть к коллективным санкциям, в том числе опираясь и на договор о взаимной помощи с СССР. 7 марта 1936 г. министр иностранных дел Франции П. Фланден сообщил советскому полпреду В. П. Потемкину, что в связи с вводом германских войск в Рейнскую зону французское правительство требует созыва Совета Лиги наций и рассчитывает на активную поддержку со стороны СССР⁹⁹. Уже через два дня, 9 марта, полпред по указанию Советского правительства дал ответ, что Франция может полностью рассчитывать в Лиге наций на поддержку Советского Союза¹⁰⁰. Французские дипломаты высоко оценивали значение этой солидарности¹⁰¹.

Ряд союзников Франции (Бельгия, Чехословакия и др.) также заявили о своей готовности оказать ей помощь, так как они учитывали, что фактически решается вопрос и об их судьбе.

Правящие круги Франции хорошо понимали, что от ее позиции в тот момент зависела дальнейшая внешнеполитическая ориентация всех этих стран, так как в случае победы Германии в разразившемся конфликте они могут переметнуться на сторону победителя. «Сейчас решается вопрос о том, — отмечалось в те дни в одном из документов МИД Франции, — будет ли Европа германской или нет»¹⁰². Представители французских правящих кругов, хотя они и выступали с грозными речами, в действительности колебались и не отваживались на сколько-нибудь решительные меры отпора агрессорам.

Английское правительство считало необходимым во что бы то ни стало предотвратить принятие Францией каких-либо военных мер против Германии¹⁰³. Оно настаивало на том, чтобы Франция не предпринимала никаких шагов до совещания локарнских держав и обсуждения вопроса в Совете Лиги наций. Вместо борьбы против агрессивной политики Германии в Лондоне думали лишь о том, как бы

скорее снова сесть с гитлеровцами за один стол. Поисками путей к соглашению с фашистским рейхом занялся учрежденный в это время внешнеполитический комитет английского правительства, состоявший из премьера и наиболее влиятельных министров. Было решено поставить вопрос о заключении нового Локарнского пакта, но без пункта о демилитаризации Рейнской зоны. Члены комитета проявили большой интерес и к вопросу о возвращении Германии в Лигу наций¹⁰⁴. Обстоятельно изучалась проблема возвращения Германии ее бывших колоний.

Парламентский заместитель министра иностранных дел Англии Р. Кренборн коснулся этого вопроса при встрече с советским полпредом, отметив стремление английского правительства «восстановить старое Локарно без демилитаризованной Рейнской зоны». И. М. Майский раскритиковал подобные намерения Лондона и заявил, что «единственным достойным ответом Гитлеру явилось бы всемерное укрепление коллективной безопасности, включая и те меры репрессий в отношении Германии, на которые сочла бы возможным пойти Лига наций»¹⁰⁵.

Одна из основных причин такой позиции английских правящих кругов заключалась в их опасениях, что в случае жесткой позиции в отношении Германии в ней может потерпеть крах фашизм и воцарится большевизм¹⁰⁶.

10 марта 1936 г. в Париже открылось совещание локарнских держав (Англии, Франции, Италии, Бельгии), но без Германии. Никаких положительных результатов это совещание не дало. Было решено передать вопрос на обсуждение Совета Лиги наций. Английским представителям удалось настоять на том, чтобы сессия Совета состоялась на этот раз не в Женеве, а в Лондоне и чтобы на нее были приглашены представители Германии. Это была явная установка не на борьбу против нарушения нацистским рейхом существующих договоров, а на соглашение с ним.

Рассматривая 11 марта создавшееся положение, английское правительство по предложению А. Идена высказалось против каких-либо санкций по отношению к Германии и за возобновление переговоров с ней в целях достижения взаимопонимания¹⁰⁷.

На сессии Совета Лиги наций, открывшейся 14 марта в Лондоне, английское правительство сделало все возможное для того, чтобы предотвратить принятие санкций против Германии. Английские дипломаты утверждали, что нарушение договоров — это еще, мол, не агрессия. Нарком

иностранных дел СССР, прибывший в Лондон для участия в заседаниях Совета, телеграфировал в Москву, что «англичане стремятся поскорее втянуть французов в переговоры с Гитлером»¹⁰⁸.

М. М. Литвинов подтвердил на заседании Совета Лиги 17 марта готовность СССР вместе с другими странами — членами Совета выразить возмущение нарушением Германией международных обязательств, осудить ее действия и присоединиться к «наиболее эффективным средствам предотвращения подобных нарушений в дальнейшем». Осуждая гитлеровскую Германию, нарушившую подписанные ею договоры, нарком в то же время подверг критике политику попустительства подобным мерам. Он выступил против коллективной капитуляции перед агрессором, «коллективного премирования» агрессора путем принятия угодных и выгодных ему резолюций, против решений, которые под предлогом того, чтобы избежать мнимой опасности войны сегодня, создали бы предпосылки для действительной войны завтра¹⁰⁹.

Британской дипломатии удалось добиться того, что Совет Лиги наций ограничился лишь констатацией факта нарушения Германией своих договорных обязательств. Никаких санкций против нее принято не было. Такое решение вполне устраивало гитлеровцев, так как их действия оставались безнаказанными.

Сообщая в НКВД о взглядах и настроениях в английских правительственных кругах, советское полпредство в Лондоне отмечало, что они сводятся к попыткам ограничить военные обязательства Англии, с тем чтобы эти обязательства относились только к Франции и Бельгии, и, наконец, к поискам соглашения с Германией¹¹⁰. Рассчитывая на заключение с Германией нового пакта, который снова гарантировал бы так называемую «западную безопасность», английское правительство готово было бросить на произвол гитлеровцев страны и народы Восточной и Центральной Европы.

Это была та политика, которая привела впоследствии к Мюнхену, а затем к войне.

На тот же опасный для дела мира путь вслед за Англией встала и Франция. Министр иностранных дел Франции П. Фланден, излагая основные установки внешней политики страны в создавшихся после 7 марта 1936 г. условиях, заявил: «Нам придется добиваться для себя максимально благоприятного соглашения с Германией и бросить остальную Европу на произвол судьбы»¹¹¹. Всего че-

тыре года спустя эта политика привела Францию к поражению и позорной капитуляции.

Курс на соглашение между западными державами и Германией, причем на антисоветской основе, пользовался поддержкой и реакционных кругов США. Так, американский дипломат У. Буллит выступал за «восстановление дружественных отношений между Францией и Германией против СССР»¹¹².

Ремилиитаризацией Рейнской зоны фашистский рейх укрепил свои стратегические позиции для новых агрессивных акций. Гитлеровцы в срочном порядке приступили к строительству вдоль германо-французской границы так называемой «линии Зигфрида». Фашистский рейх стремился укрепить свой тыл на случай агрессивных действий в Центральной и Восточной Европе. Вместе с тем «линия Зигфрида» должна была служить исходным рубежом для вторжения в будущем во Францию.

Позиции Франции в Европе оказались серьезно ослабленными. Было подорвано и доверие к ней со стороны ее союзников. Ремилитаризация нацистами Рейнской зоны означала, что в случае нападения фашистского рейха на союзников Франции в Центральной и Восточной Европе ей было теперь уже гораздо труднее оказать им помощь активными действиями на Западном фронте. Именно в это время во французских правящих кругах окончательно восторжествовала концепция обороны, в соответствии с которой в случае нападения третьего рейха на союзников Франции французская армия будет отсиживаться за «линией Мажино». Председатель СНК В. М. Молотов отмечал 19 марта 1936 г. в беседе с главным редактором французской газеты «Тан» Ж. Шастене: «Ремилитаризация Рейнской области, несомненно, усилила угрозу для стран, находившихся к востоку от Германии, и в частности для СССР. Не видеть этого было бы неправильно»¹¹³. Советско-французский договор о взаимопомощи в немалой степени терял для СССР свое значение как военно-стратегический фактор.

Побуждая французское правительство примириться с совершенными фашистским рейхом действиями, Англия выразила готовность взять на себя определенные обязательства перед Францией. 1 апреля 1936 г. правительства Англии и Франции обменялись официальными письмами, в которых английское правительство заявляло, что если попытки заключить вместо Локарнского договора новое соглашение с участием Германии окажутся безрезультат-

ными, то в случае германского нападения на Францию Англия придет ей на помощь. Было также условлено начать переговоры между английским и французским генеральными штабами¹¹⁴. Как показали начавшиеся вскоре же англо-французские военные переговоры, серьезных намерений оказывать Франции эффективную военную помощь английское правительство все же не имело. Эти обязательства Англии создавали лишь видимость того, что Франция может опираться на ее поддержку. Фактически же рассчитывать на сколько-нибудь серьезную помощь со стороны Англии Франция не могла.

В 1936 году в Германии был принят «четырёхлетний план» подготовки к войне, в котором предусматривалось:

- «1) через четыре года иметь боеспособную армию;
- 2) через четыре года экономика Германии должна быть готовой к войне»¹¹⁵.

В Германии был увеличен срок воинской службы. Быстрыми темпами создавалась германская военная машина, наращивалось производство военной техники. Происходила психологическая обработка населения с целью подготовки его к войне, прежде всего против СССР¹¹⁶. Усиливались политическое давление Германии на другие государства, ее экономическая экспансия.

Вопрос об эффективности Лиги наций

В связи с ростом опасности войны Коммунистическая партия и Советское правительство считали необходимым предпринять новые попытки сплочения сил тех государств, против которых была направлена германская и итальянская агрессия. Советский Союз добивался укрепления Лиги наций, повышения ее эффективности в предотвращении войны и сохранении мира. Он исходил в своих предложениях из того, что общая военная и экономическая мощь, а также людские ресурсы неагрессивных государств значительно превосходили в то время силы любой возможной комбинации агрессивных держав. Достаточно было неагрессивным государствам объединиться, продемонстрировать возможность совместных действий в защиту мира, чтобы предотвратить угрозу войны, укрепить безопасность всех стран.

Особое значение Советское правительство придавало сотрудничеству с Францией и Англией, в том числе в Лиге наций. В этой связи заслуживают внимания переговоры, которые состоялись в начале 1936 года, в частности во время пребывания в Лондоне М. М. Литвинова и М. Н. Ту-

хачевского (в связи с похоронами английского короля Георга V), а также беседы советского полпреда в Лондоне И. М. Майского с министром иностранных дел Англии А. Иденом. Сообщая о встрече с Майским английскому послу в Москве, Иден писал: «Касаясь общей политики, г-н Майский подчеркнул важность сотрудничества правительства Его Величества, Советского правительства и правительства Франции в руководстве Лигой наций. В случае такого сотрудничества и использования ими любой возможности для укрепления Лиги и их твердой позиции он уверен, что германскую опасность можно остановить без войны... Именно поэтому его правительство придает такое большое значение нашему тесному сотрудничеству...»¹¹⁷.

Еще более важное значение имела беседа М. М. Литвинова с А. Иденом 30 января. Английский министр писал о ней: «Г-н Литвинов подчеркнул свое желание сделать все, что в его силах, для улучшения отношений между нашими двумя странами. Нельзя ли принять в этих целях какие-либо дополнительные меры? Он приветствовал бы это. Я ответил, что не представляю себе, что еще можно было бы сделать... Г-н Литвинов спросил., нельзя ли, например, наметить какое-то соглашение между Советской Россией, Францией и Соединенным Королевством? Я ответил, что не представляю, как это можно сделать...»¹¹⁸. 5 февраля И. М. Майский говорил по этому вопросу и с военным министром Англии А. Дафф-Купером¹¹⁹.

Инициатива Советского правительства не была поддержана правящими кругами Англии. Они стремились к достижению соглашения с фашистским рейхом, а не с Советским Союзом. В Форин оффисе считали, что, для того чтобы не осложнять переговоры с Германией, ни в коем случае не следует обсуждать с Майским вопрос об англо-франко-советском сотрудничестве¹²⁰. Даже буржуазный западногерманский историк А. Кун отмечает, что «стремление англичан прийти к соглашению с антикоммунистически настроенными государствами делало невозможной интенсификацию англо-советских отношений»¹²¹.

На первопричинах, по которым Англия не шла на сотрудничество с Советским государством, необходимо остановиться более обстоятельно.

Агрессивные устремления германского империализма и милитаризма представляли смертельную опасность и для Британской империи. В то же время в Лондоне прекрасно понимали, что в случае объединения сил Англии, Франции, СССР и ряда других стран можно было остановить агрес-

соров. Однако правящие круги Британской империи думали не только о том, как отстоять эту империю от нараставшей угрозы со стороны фашистских агрессоров. На первом месте во всей внешней политике английских консерваторов стояла другая задача — борьба с коммунизмом и прежде всего уничтожение Советского государства. Консервативное правительство Англии не считало возможным идти на сотрудничество с СССР.

Соображения, которыми руководствовались при этом в Лондоне, заключались в следующем.

Если бы были воздвигнуты непреодолимые преграды на пути германских агрессоров, то этим был бы обеспечен мир не только для Англии, но и для Советского Союза. Но если британские консерваторы хотели мира для Англии, то они, исходя из своих классовых соображений, во все не страшились содействовать тому, чтобы в условиях мира мог жить и Советский Союз, продолжая строительство нового, социалистического общества.

Если бы при наличии союза Англии, Франции и СССР дело все же дошло до войны, то фашистская Германия неизбежно потерпела бы поражение. Но английских консерваторов по тем же классовым соображениям не устраивала такая победа, так как среди победителей был бы и Советский Союз, то есть он не только продолжал бы существовать, но мог бы даже укрепить свои мировые позиции. Кроме того, в Лондоне учитывали, что война могла бы привести к революционным потрясениям в ряде капиталистических стран.

О сказанном наглядно свидетельствует заявление, сделанное в 1936 году английским премьером С. Болдуином. Он говорил, что в случае вооруженного конфликта Англия «могла бы разгромить Германию с помощью России, но это, по-видимому, будет иметь своим результатом лишь большевизацию Германии»¹²². Болдуин решительно высказался против возможного вовлечения Англии (например, Францией) в войну по одну сторону фронта с русскими¹²³.

Правители Британской империи разработали собственный генеральный стратегический план, который предусматривал заключение империалистического сговора между Великобританией и фашистским рейхом. За обязательство гитлеровцев не покушаться на Британскую империю Лондон был готов предоставить фашистской Германии «право» на агрессию на Восток в расчете толкнуть ее в конечном итоге на войну с Советским Союзом. В Лондоне

рассчитывали таким образом обеспечить безопасность Британской империи, уничтожить или, во всяком случае, ослабить Советский Союз, да и истощить силы фашистской Германии — главного империалистического конкурента Англии.

Английский примьер говорил в 1936 году, излагая свои взгляды по этому вопросу: «Нам всем известно желание Германии, изложенное Гитлером в его книге, двинуться на Восток. Если бы он двинулся на Восток, мое сердце не разорвалось бы... Если бы в Европе дело дошло до драки, то я хотел бы, чтобы это была драка между большевиками и нацистами»¹²⁴.

Такой курс английских консерваторов противоречил действительным национальным интересам Англии, английского народа. Он был чреват для Англии самыми серьезными последствиями (он оказался одной из существенных причин второй мировой войны).

Английский посол в Москве лорд Чилстон счел необходимым предупредить Форин оффис, что, несмотря на всю добрую волю СССР и его стремление к сотрудничеству с Англией, такая политика Лондона в конце концов может иметь для нее неблагоприятные последствия. Он писал, что политика Советского правительства заключается в том, чтобы коллективными средствами сдерживать Германию; но если оно убедится в том, что все его попытки обеспечивать таким путем свою безопасность бесполезны, оно может изменить свою политику по отношению к Германии и встать на путь нормализации отношений с ней¹²⁵.

Несмотря на политику правящих кругов Англии, Советский Союз, со своей стороны, продолжал делать все возможное, для того чтобы сплотить все страны, объективно заинтересованные в сохранении мира.

Советское правительство по-прежнему считало весьма важным участие Соединенных Штатов в укреплении мира. Временный поверенный в делах США в СССР Л. Гендерсон, комментируя 11 января 1936 г. для госдепартамента доклад В. М. Молотова на сессии ЦИК СССР, акцентировал внимание на том месте доклада, где говорилось о необходимости сближения между Советским Союзом и Соединенными Штатами, что «имеет огромное значение с точки зрения сохранения общего мира». Это заявление и беседа с прибывшим в Москву советским полпредом в Вашингтоне А. А. Трояновским дали основание Гендерсону сообщить в госдепартамент, что Советское правитель-

ство рассчитывает на помощь США в создании системы коллективной безопасности. 17 апреля У. Буллит докладывал в Вашингтон о своей беседе с М. М. Литвиновым, который подчеркнул важность объединения усилий США и СССР «в интересах мира». Согласно Буллиту, «Литвинов был склонен думать, что если война на западе вспыхнет, то это будет война Германии против Франции», а Япония одна без Германии на СССР не нападет. Но, беспокоясь не только о своей стране, а также о всеобщем мире, Советское правительство предлагало Соединенным Штатам принять участие в коллективном укреплении безопасности народов. Однако Вашингтон не проявил интереса к этим предложениям¹²⁶.

Выступая 1 июля и 28 сентября 1936 г. по вопросу о мерах по укреплению мира на ассамблее Лиги наций, М. М. Литвинов по поручению Советского правительства заявил, что защитить мир можно лишь путем создания системы коллективной безопасности. Он высказался за превращение Лиги наций в блок государств, заинтересованных в сохранении мира и объединившихся в целях взаимозащиты и взаимопомощи. Мы требуем, сказал он, «чтобы этот блок действительно организовал взаимопомощь, чтобы он заблаговременно составил план действий, дабы не быть застигнутым врасплох, чтобы происходящей вне этого блока организации войны соответствовали эффективные действия по организации коллективного отпора»¹²⁷.

Поскольку не все члены Лиги наций были согласны на участие в применении к агрессору военных санкций, Советское правительство высказалось за заключение между членами Лиги региональных или двусторонних пактов о взаимопомощи. В случае необходимости военных санкций их осуществляли бы участники соответствующих региональных соглашений, а также — по собственному желанию — другие члены Лиги наций. Эти предложения Советского правительства по укреплению Лиги наций были переданы 30 августа 1936 г. генеральному секретарю Лиги¹²⁸. Советское правительство энергично выступало против предложений некоторых стран, направленных на отмену ст. 16 устава Лиги наций, предусматривавшей применение к агрессору санкций.

Упорная борьба СССР за мир и коллективную безопасность содействовала дальнейшему росту международного авторитета Советского государства. В этом отношении весьма характерны высказывания бывшего премьер-

министра Англии Д. Ллойд Джорджа в беседе с советским полпредом 1 июля 1936 г. Политика Англии и Франции, сказал Ллойд Джордж, становится все более неясной, колеблющейся, неопределенной. Это, естественно, подрывает доверие к Лондону и Парижу, особенно в средних и малых странах. «Между тем СССР все время ведет ясную, четкую, определенную политику — политику мира». Что же удивительного в том, сказал он, «если средние и малые страны теперь все больше начинают ориентироваться на СССР, если они все больше рассматривают его как своего лидера?» Его международная роль возрастает¹²⁹.

Один из руководящих сотрудников секретариата Лиги наций англичанин Ф. Уолтерс отмечает в своей двухтомной работе о деятельности Лиги, что с момента вступления в Лигу наций и в течение всех последующих лет СССР был ее «убежденным поборником». Позиция СССР по отношению к агрессорам соответствовала уставу Лиги наций «гораздо больше.., чем позиция любой другой великой державы», а в вопросах безопасности Советский Союз играл в Лиге ведущую роль¹³⁰.

Развернувшаяся в то время в Лиге наций дискуссия по вопросу о внесении изменений в ее устав показала, что Лига наций скользит по наклонной плоскости к полному бессилию и краху. Сказывалась политика попустительства агрессии, проводившаяся западными державами. Касаясь этого вопроса, И. М. Майский сообщал в Москву, что главная тенденция, которая наблюдается среди большинства консерваторов и которой придерживается английское правительство, заключается в «полуизоляции» Англии в международных делах. Она сводится к реформе Лиги наций («вырыванию у Лиги зубов»), то есть к формальной или фактической отмене ст. 16 устава Лиги¹³¹. Английский историк Дж. Хэслем также констатирует, что если Советский Союз стремился к укреплению Лиги наций в целях сдерживания Германии, то Лондон «добивался сближения с Германией. Советские и британские приоритеты коренным образом противоречили друг другу — не в первый и не в последний раз»¹³². В результате близорукой политики Англии и Франции Лига наций оказалась парализованной и неспособной защитить мир.

Подрывную работу против Лиги наций вели агрессивные государства. Следуя примеру Японии и Германии, в декабре 1937 года из Лиги наций вышла Италия.

Фашистская Германия оказывала давление на малые страны Европы, добиваясь их отказа от участия в меро-

приятиях Лиги наций, направленных против агрессоров. Гитлеровцы прекрасно понимали, что укрепление Лиги, заключение региональных пактов взаимопомощи может затруднить осуществление их захватнических планов. Поэтому германское правительство добивалось того, чтобы возможно больше европейских стран заранее заявили о своем нейтралитете в случае любого военного конфликта в Европе и отказались от участия в санкциях, предусмотренных уставом Лиги наций. Фашистский рейх надеялся получить таким образом возможность поглощать одну за другой малые страны Европы, не встречая организованного и коллективного отпора со стороны других государств.

Активную помощь гитлеровцам в подрыве Лиги наций и разобщении стран Восточной Европы перед лицом агрессии оказывала польская дипломатия во главе с Ю. Беком.

Английское правительство особое внимание уделяло изучению возможностей ликвидации столь неприятного для него советско-французского договора о взаимной помощи. Разумеется, это не имело ничего общего с укреплением мира и безопасности в Европе. И если не по форме, то по существу правящим кругам Англии удалось добиться своих целей. Американский историк А. Фэрниа отмечал: «Англия добилась того, что значение франко-советского договора было сведено на нет»¹³³. Это подтверждает и сообщение американского посла в Париже У. Буллита в Вашингтон о его беседе с главой французского правительства К. Шотаном 4 декабря 1937 г. Шотан продемонстрировал во время встречи готовность «дать Германии заверения в том, что Франция никогда не заключит с Советским Союзом военного союза, направленного против Германии, и не начнет с СССР военных переговоров»¹³⁴.

Одной из возможных полезных мер в целях создания широкого фронта борьбы против агрессии Советское правительство считало опубликование совместной декларации ряда стран Европы, заинтересованных в сохранении мира¹³⁵. Так, в беседе с американским послом в СССР Дж. Дэвисом 26 марта 1937 г. нарком иностранных дел подчеркивал, что агрессоров еще не поздно остановить, но для этого необходимы решительные меры миролюбивых стран. Важную роль в деле сохранения мира, отметил нарком, могло бы сыграть опубликование твердой декларации о единстве в борьбе за мир неагрессивных стран Европы. Если бы к такой декларации присоединились и Соединенные Штаты Америки, то это содействовало бы сохранению мира не только в Европе, но и на Дальнем Востоке¹³⁶.

Нарком неоднократно поднимал вопрос об опубликовании такой декларации и в переговорах с представителями других стран.

США и другие страны, однако, не поддерживали советского предложения. Вместе с тем следует отметить высокую оценку американским послом в Москве Дж. Дэвисом вклада Советского Союза в дело укрепления мира. Докладывая в Вашингтон о роли военного потенциала СССР в развитии событий в Европе, он писал 28 июня 1937 г.: «Могущество и сила России... представляют бесспорную ценность в сдерживании Гитлера... Русская Красная Армия является одним из самых сильных факторов укрепления мира в Европе»¹³⁷.

Испания в огне

Фашистская интервенция и пародия на невмешательство

«Над всей Испанией безоблачное небо» — эти слова, переданные в ночь на 18 июля 1936 г. по радио Сеуты (Испанское Марокко), послужили сигналом к началу широкого контрреволюционного мятежа в Испании против правительства Народного фронта.

Подготовка мятежа началась сразу же после выборов 16 февраля 1936 г. На этих выборах победу одержали партии Народного фронта. Они имели в новом составе парламента 269 мест. Правые партии получили только 157 мест, партии центра — 48. Потерпев поражение на выборах, испанская реакция решила добиваться политической власти насильственным путем, опираясь на помощь со стороны германских и итальянских фашистов.

Фашистские державы — Германия и Италия — были готовы оказать помощь испанской реакции как по политическим и стратегическим, так и экономическим соображениям. Гитлер и Муссолини были крайне недовольны упрочением позиций демократических сил в Испании, мощным антифашистским движением в этой стране. Они опасались роста сил демократии и прогресса и в других странах Европы.

Германия и Италия связывали с победой реакционных сил в Испании расчеты на укрепление своего военно-стратегического положения для дальнейшего расширения агрессии. Планы, которые вынашивал в связи с интервенцией в Испании фашистский рейх, видны из записки

министерства иностранных дел Германии. В ней отмечалось, что коренным образом изменится положение Франции, так как под угрозой окажутся ее пиренейская граница и коммуникации с ее колониальной империей. «Гибралтар утратил свое значение, свобода прохода английского флота через пролив зависела бы от Испании, не говоря уже о возможности использования Пиренейского полуострова как базы для действий подводных лодок и легких морских сил, а также авиации во всех направлениях». Европейский конфликт, в котором Германии и Италии противостояли бы Англия и Франция, выглядел бы совершенно иначе, если бы на стороне Берлина и Рима выступила сильная Испания¹³⁸.

Главарь итальянского фашизма Муссолини рассчитывал, что, укрепив свои позиции на Пиренейском полуострове, он сделает крупный шаг вперед к восстановлению Римской империи и превращению Средиземного моря в «итальянское озеро». Он уже мечтал о лаврах римских императоров.

Италию и Германию привлекали также природные богатства Испании: уголь, железная руда, ртуть, вольфрам, свинец и др.

Вскоре же после начала мятежа в Испании туда широким потоком потекли военные материалы из Германии и Италии. Это было связано, в частности, и с тем, как отмечал в своем дневнике статс-секретарь МИД Германии Э. фон Вайцсеккер, что Франко, возглавивший фашистский мятеж не в состоянии «одними собственными силами установить господство в Испании»¹³⁹. Характерно также сообщение, посланное в госдепартамент США в конце 1936 года американским послом в Испании Бауэрсом. Он писал, что испанские народные массы, составляющие 97 % всего населения, сражаются за сохранение государственной системы, которая впервые за много веков что-то сделала для них. Если бы мятежники «зависели полностью от испанцев, они давно потерпели бы поражение... Франко не в состоянии, как видно, победить без открытой военной поддержки в широком масштабе со стороны Гитлера и Муссолини»¹⁴⁰. В Испанию было направлено около 50 тыс. немецких военнослужащих (летчики, танкисты и др.). Помощь, которую Гитлер оказал испанским мятежникам, оценивалась, по немецким источникам, в 500 млн. марок (200 млн. долл.)¹⁴¹. Италия направила в Испанию 1930 орудий, 7,5 млн. артиллерийских снарядов, 240 тыс. винтовок, 325 млн. патронов, 7633 автомашины, 950 танков и броне-

транспортеров. В войне в Испании участвовало около 1000 итальянских самолетов, совершивших более 86 тыс. вылетов и сбросивших 11 584 т бомб. Против Испанской Республики воевало около 150 тыс. итальянских солдат. Как заявил министр иностранных дел Италии Чиано в беседе с Гитлером, расходы, связанные с итальянской интервенцией в Испании, составили 14 млрд. лир (700 млн. долл.)¹⁴².

Симпатии английских консерваторов также оказались на стороне испанской реакции. Классовая ненависть правящих кругов Англии к правительству Народного фронта была сильнее, чем их опасения по поводу того, что Испания в случае победы мятежников может оказаться в лагере будущих военных противников Англии.

Один из представителей британских «твердолобых», Г. Ченнон, признает в своем дневнике в записи от 27 июля: «В течение нескольких дней мы надеялись на победу правых, но сегодня вечером создалось такое впечатление, что красное правительство, к сожалению, выигрывает»¹⁴³.

Классовые чувства английских правящих кругов оказались особенно обострены тем, что в результате победы левых сил на выборах весной 1936 года правительство Народного фронта было образовано вслед за Испанией также и во Франции. «Если зараза коммунизма, — писала английская консервативная газета «Дейли мейл», — распространяющаяся сейчас в Испании и Франции, перекинется на другие страны, то самыми полезными друзьями для нас оказались бы два правительства — германское и итальянское, уничтожившие эту заразу на своей земле»¹⁴⁴. Английское правительство считало нежелательным оказывать хотя бы минимальную поддержку законному правительству Испании или как-то затруднять действия испанских мятежников.

Министр иностранных дел Англии А. Иден в беседе с советским полпредом отмечал, что победа Франко мало угрожала бы британским интересам. Франкисты-де не такие уж плохие люди. На замечание И. М. Майского о неотвратимом превращении франкистов в слепое орудие в руках Гитлера и Муссолини и о связанной с этим необходимости принимать меры против германо-итальянской интервенции Иден воскликнул: «Но ведь это значит создать в Испании крайне левое, может быть, даже коммунистическое правительство»¹⁴⁵. У. Черчилль также не скрывал в беседе с советским полпредом, что, по его мнению, победа франкистов — это «меньшее зло», чем

победа республиканского правительства Испании¹⁴⁶. А в Париже английский посол без стеснения похвалялся тем, что Англия сочувствует мятежникам¹⁴⁷.

Во главе правительства Франции находился в то время лидер правого крыла французских социалистов Леон Блюм, который, по существу, разделял в отношении Испании политику английских тори. 25 июля 1936 г. правительство Блюма запретило вывоз оружия в Испанию и закрыло франко-испанскую границу. Вместе с английскими «твердолобыми» Блюм стремился к «умиротворению» Германии и к франко-германскому сближению. 12 сентября 1936 г. полпред во Франции В. П. Потемкин сообщал в НКВД, что обострение внутренней обстановки в стране, испанские события, нерешительность Англии и растущая мощь Германии укрепляют во Франции «тенденцию к соглашению с Германией... Наблюдается обострение антисоветских настроений»¹⁴⁸. Французские политические деятели Ж. Бонне и Ж. Мандель признали в беседе с В. П. Потемкиным, что правительство Блюма идет на поводу у англичан и стремится к заключению соглашения с Германией¹⁴⁹.

Прошло всего полгода с момента вступления в силу советско-французского договора о ненападении, а французское правительство уже начало рассматривать вопрос о том, как бы избавиться от него. Министр иностранных дел Франции И. Дельбос говорил в ноябре 1936 года, что «главная цель франко-русского соглашения заключается в том, чтобы не допустить сближения между Германией и Советской Россией, то есть противодействовать возможному возобновлению рапальской политики». В настоящее время подписание между Германией и Японией антикоминтерновского пакта «окончательно исключает такую возможность. Поэтому отношение французского правительства к соглашению с Россией может быть изменено». Дельбос утверждал, что во Франции большинство выступает за установление взаимопонимания с Германией¹⁵⁰.

Политика США отличалась в испанском вопросе от политики Англии и Франции только внешне. Если английское и французское правительства проводили политику «невмешательства», то правительство США придерживалось политики нейтралитета и изоляционизма. 7 января 1937 г. законы США о нейтралитете были распространены и на Испанию. Это серьезно затруднило положение республиканского правительства, так как лишило его возможности покупать в США военные материалы. Лучшее всего

об этом свидетельствовало заявление главаря испанских фашистов Франко: «Законодательство о нейтралитете... быстрота, с которой оно было принято и приведено в действие, — это жест, который мы, националисты, никогда не забудем»¹⁵¹. Фашистская пресса ликует, утверждая, что «американский нейтралитет означает германо-итальянское господство в Испании»¹⁵², констатировал американский посол в Берлине У. Додд.

В результате настойчивых усилий Англии и Франции в августе 1936 года между 27 государствами Европы было достигнуто соглашение о невмешательстве в дела Испании. В соответствии с этим соглашением в Лондоне начал свою деятельность Комитет по невмешательству. По просьбе Франции Советский Союз согласился принять участие в его работе. Советское правительство руководствовалось при этом стремлением локализовать гражданскую войну в Испании, с тем чтобы она не переросла в войну мировую. Вместе с тем Советский Союз исходил из того, что без иностранного вмешательства испанский народ, большинство которого, как показали выборы, было на стороне законного республиканского правительства, сумеет отстоять свои демократические завоевания, преградить путь реакции и мракобесию. Советский представитель в лондонском Комитете по невмешательству в дела Испании имел, в частности, указания стремиться затруднять поставки оружия испанским мятежникам и добиваться строгого контроля за действиями Германии, Италии и Португалии¹⁵³.

Участие в Комитете по невмешательству давало Советскому правительству возможность отстаивать в нем интересы Испанской Республики, не допускать принятия комитетом каких-либо решений, ущемляющих ее законные права и интересы, разоблачать германских и итальянских интервентов.

СССР помогает испанскому народу

Советское правительство соблюдало соглашение о невмешательстве. Но когда стало очевидным, что Италия и Германия продолжают оказывать испанским мятежникам всевозможную военную помощь, Советский Союз выступил 7 октября 1936 г. с предупреждением о том, что если немедленно не будут прекращены нарушения соглашения о невмешательстве, то СССР будет считать себя свободным от обязательств, вытекающих из этого соглашения¹⁵⁴.

Однако поставки мятежникам военных материалов из Германии и Италии не только не прекратились, но, наоборот, продолжали расширяться. В таких условиях 23 октября Советское правительство выступило с новым заявлением. Оно указывало, что соглашение о невмешательстве превратилось в пустую бумажку и фактически перестало существовать. Не желая стать невольным пособником несправедливого дела, говорилось в заявлении, Советское правительство видит лишь один выход из создавшегося положения: вернуть правительству Испании право и возможность закупать оружие. Советский Союз указывал, что он «не может считать себя связанным соглашением о невмешательстве в большей мере, чем любой из остальных участников этого соглашения»¹⁵⁵.

Принципиальная позиция СССР в отношении Испанской Республики была изложена 21 декабря 1936 г. в письме И. В. Сталина, В. М. Молотова и К. Е. Ворошилова главе испанского правительства Л. Кабальеро. «Мы считали и считаем своим долгом, — указывалось в письме, — в пределах имеющихся у нас возможностей прийти на помощь испанскому правительству, возглавляющему борьбу всех трудящихся, всей испанской демократии против военно-фашистской клики, являющейся агентурой международных фашистских сил»¹⁵⁶.

Поскольку невмешательство в дела Испании в результате действий третьего рейха и фашистской Италии было превращено в фарс, Советское правительство сочло своим долгом возобновить продажу законному правительству Испании военных материалов. Когда 7 ноября 1936 г. фашистские войска начали наступление с целью захвата Мадрида, законное испанское правительство уже располагало первыми советскими танками и самолетами. По неполным данным, Советский Союз доставил в республиканскую Испанию 806 военных самолетов, 362 танка и более 100 броневых автомобилей, 1555 артиллерийских орудий, 15 113 пулеметов, 500 тыс. винтовок, 4 млн. снарядов и многое другое¹⁵⁷.

Лозунг испанских патриотов «No pasaran!» громко раздавался в те дни во многих странах мира. Под этим лозунгом героически сражалось за демократию, против фашизма более 42 тыс. добровольцев, прибывших в республиканскую Испанию со всех континентов. Среди них было около 3 тыс. советских добровольцев — военных советников, летчиков, танкистов и др.¹⁵⁸

Испанская реакция, начиная мятеж, надеялась на быструю и легкую победу над республиканцами. Однако ее

расчеты провалились. Против мятежников поднялись народные массы Испании. Их героизм оказался сильнее фашистского оружия. Грудью встав на пути интервентов к испанской столице, они сорвали расчеты фашистов быстро покончить с республикой. Развернулось первое серьезное вооруженное сражение сил агрессии и фашизма с силами мира и прогресса в Европе, продолжавшееся более двух лет.

Гражданская война и иностранная интервенция в Испании внесли существенные изменения в расстановку сил в Европе. Поскольку внимание Англии, Франции и Италии, для которых проблемы Средиземноморья имели огромную важность, было приковано к событиям в Испании, события в Центральной Европе отошли на второй план. Фашистский рейх использовал это для активизации своих действий, начав непосредственную подготовку к захвату Австрии и Чехословакии. Она облегчалась тем, что реакционные круги Англии и Франции, озабоченные успехами прогрессивных сил в ряде стран, особенно образованием правительств Народного фронта в Испании и Франции, все больше стали руководствоваться в своей внешней политике не национальными интересами своих стран, а внутривнутриполитическими, идеологическими соображениями. Франция все больше отходила от намечавшегося было сотрудничества с Советским Союзом и вслед за Англией стала придерживаться курса на империалистическую сделку с Германией и Италией, то есть политики попустительства их агрессивным устремлениям.

«Ось Берлин — Рим». «Антикоминтерновский пакт»

Тесное сотрудничество итальянских и германских фашистов в интервенции в Испании ускорило сколачивание блока агрессоров. «Мы должны приступить к активным действиям, — заявил Гитлер в беседе с министром иностранных дел Италии Г. Чиано. — Мы должны переходить в наступление». Нацистский канцлер доказывал, что интересы Германии и Италии не сталкиваются: Германия должна иметь свободу действий на востоке Европы и в Прибалтике, а любые изменения в соотношении сил в бассейне Средиземного моря должны происходить в интересах Италии. Он отмечал, что германское правительство успешно ведет переговоры о сотрудничестве также с Японией и Польшей. Тактическое средство в отношении западных держав, которое позволит Германии и Италии осуществить их цели, подчеркивал Гитлер, — это антибольшевизм¹⁵⁹.

25 октября 1936 г., на следующий день после этой беседы, состоялось подписание германо-итальянского соглашения, положившего начало существованию так называемой «оси Берлин — Рим». Между двумя агрессорами были согласованы меры по оказанию помощи испанским мятежникам. Нацисты признали захват Италией Эфиопии, а итальянцы обещали не вмешиваться в отношения между Германией и Австрией.

Фашистский рейх огромное значение придавал также укреплению своих связей с Японией, которая могла стать его важнейшим союзником в войне как против СССР, так и против западных держав. Еще в 1935 году по инициативе Германии начались германо-японские переговоры. Япония, замышлявшая широкую экспансию на Дальнем Востоке и в других районах Азии, также была заинтересована в приобретении союзников. Японский военный атташе в СССР Касахара в донесениях военному министерству подчеркивал необходимость «вовлечь западных соседей и другие государства в войну против СССР»¹⁶⁰. Враждебность к СССР была одинаково велика и в фашистской Германии, и в милитаристской Японии. 12 января 1936 г. советский полпред в Германии Я. З. Суриц сообщал, что Германия и Япония «с договором или без договора... будут действовать солидарно в конфликте против СССР. В отношении нас Япония и Германия спаяны кровной связью, общностью интересов и круговой порукой»¹⁶¹. Правители Германии и Японии опасались, однако заключением открытого военного союза вызвать недовольство западных держав. Чтобы скрыть подлинную цель германо-японского сговора, гитлеровцы предложили назвать его «антикоминтерновским пактом». Этот пакт был подписан 25 ноября 1936 г.

Тайные политические полиции Германии и Японии еще давно установили между собой тесное сотрудничество против распространения коммунистических идей. Теперь об этом было заявлено открыто. Впрочем, такое сотрудничество осуществлялось не только между ними. В нем участвовали политические полиции Финляндии, Эстонии, Латвии, Польши, Румынии, Венгрии, Чехословакии и других стран. Правда, правительства этих стран, в отличие от Германии и Японии, предпочитали открыто об этом не заявлять.

Разумеется, название пакта не ввело никого в заблуждение в Советском Союзе. В Москве хорошо знали, что дело отнюдь не только в сотрудничестве политической полиции. Фактически этот пакт заложил основы военного союза агрессоров в будущей войне. Одновременно с пактом

между Германией и Японией было подписано секретное соглашение о том, что в случае конфликта одного из участников пакта с СССР они «должны немедленно обсудить меры, необходимые для защиты их общих интересов»¹⁶².

Гиммлер, главарь гестапо, информируя Гитлера 31 января 1937 г. о переговорах с японским военным атташе в Берлине генералом Х. Осимой, отмечал, что цель разрабатываемых немецкими и японскими представителями мероприятий — расчленение России, которое должно начаться с Кавказа и Украины¹⁶³.

2 декабря 1936 г. был заключен также двусторонний итало-японский договор. Образовался блок трех агрессивных держав. «Ось» превратилась в «треугольник». Заместитель наркома иностранных дел СССР Б. С. Стомоняков отмечал в письме полпреду в Токио М. М. Славуцкому, что Япония еще более укрепила свои связи с Германией и Италией и, по имеющимся совершенно достоверным сведениям, японское правительство считает, что эти отношения «фактически уже приняли характер союза»¹⁶⁴. 6 ноября 1937 г. Италия присоединилась к «антикоминтерновскому пакту».

Таким образом, был создан союз трех агрессивных держав, поставивших своей целью перекройку карты мира путем войны. Этот союз представлял огромную опасность для СССР. Вместе с тем он был направлен также против многих других государств, как больших, так и малых. Не решаясь пока напасть на СССР, агрессоры использовали этот союз для согласования своих действий против тех государств, в отношении которых они скорее могли рассчитывать на успех.

Конференция в Нионе по борьбе с пиратством

Пользуясь политикой «невмешательства», проводившейся Англией, Францией и США, фашистские державы действовали все более нагло, в том числе в Испании. Они решили блокировать республиканскую Испанию с моря. Фашистские подводные лодки стали по-пиратски нападать на корабли, направлявшиеся в ее порты. Нападению «неизвестных» подводных лодок подвергались торговые корабли СССР, Англии, Франции, Греции, Скандинавских и других государств. Однако ни для кого не было секретом, что эти «неизвестные» подводные лодки были итальянскими. Это подтверждено документально. Так, 16 декабря 1936 г. Муссолини заявил в беседе с германским послом У. Хас-

селем, что в операциях участвуют семь итальянских подводных лодок¹⁶⁵.

30 августа 1937 г. в Средиземном море был потоплен советский пароход «Тимирязев» и 1 сентября — «Благоев». Советское правительство заявило в связи с этим правительству Италии решительный протест.

Все более наглые действия пиратов на важнейших имперских коммуникациях Англии и Франции не могли не вызвать недовольства также среди правящих кругов этих стран. После того как «неизвестная» подводная лодка торпедировала английский эсминец «Хевок» (31 августа), Англия — бывшая владычица морей — сочла невозможным терпеть более подобное унижение. Когда в начале сентября французское правительство предложило созвать конференцию по борьбе с пиратством на Средиземном море, Англия поддержала эту инициативу.

10—14 сентября 1937 г. в Нионе (Швейцария) состоялась международная конференция, призванная выработать конкретное и эффективное соглашение о борьбе с пиратством на Средиземном море. Выступая на конференции, М. М. Литвинов заявил, что Советский Союз заинтересован в обсуждаемых на конференции вопросах не только потому, что СССР омывается водами, непосредственно сливающимися со Средиземным морем, которое связывает как советские порты с внешним миром, так и советские порты между собой, но и потому, что «Советский Союз, как крупнейшая держава, сознавая свои права и обязанности, заинтересован в сохранении международного порядка и мира и в борьбе против всех видов агрессии и международного произвола»¹⁶⁶.

На конференции было решено уничтожать подводные лодки, которые попытаются нападать на торговые суда, и намечены соответствующие меры. Осуществление решений Нионской конференции сразу же привело к почти полному прекращению фашистского пиратства на Средиземном море.

Нионская конференция показала возможность и эффективность коллективных мер борьбы против агрессии. Она была убедительным свидетельством того, что при совместных решительных действиях СССР, Англии и Франции фашистские агрессоры вынуждены отступить. Решения ее были большим достижением, в чем немалая заслуга принадлежала советской дипломатии. Американская газета «Вашингтон стар» 12 сентября 1937 г. в статье «Победа красной дипломатии» с полным основанием писала: «При-

ходится признать, что результат антипиратской конференции в Нионе слишком смахивает на победу советской дипломатии. Эту конференцию организовали Англия и Франция, но только благодаря России конференция вынуждена была принять быстрые и конкретные решения»¹⁶⁷.

Этот позитивный опыт коллективных действий против агрессора, к сожалению, не был учтен правящими кругами Англии и Франции впоследствии в еще более сложной обстановке.

Заговор международной реакции против республиканской Испании

Между тем фашистские державы продолжали оказывать огромную помощь Франко. Накопив силы, интервенты и мятежники перешли в начале 1938 года в наступление. 15 апреля им удалось прорваться к Средиземному морю севернее Валенсии, в результате чего территория республиканской Испании оказалась разрезанной на две части. Это серьезно осложнило ее положение.

Удар в спину республике нанес английский премьер Н. Чемберлен. Прибыв с визитом в Рим, он подписал с Муссолини 16 апреля 1938 г. договор о дружбе и сотрудничестве. По этому договору английское правительство согласилось после проведения частичной эвакуации из Испании иностранных добровольцев признать за Франко право воюющей стороны. Одновременно Англия признала захват Италией Эфиопии.

Мало чем отличалась от позиции Англии и политика французского правительства. Пришедшее к власти в апреле 1938 года во Франции правительство Э. Даладье круто повернуло руль вправо. Советский полпред в Париже Я. З. Суриц отмечал 26 июня 1938 г., что министр иностранных дел Франции Ж. Бонне «взял определенную установку на удушение Барселоны и на установление «нормальных» отношений с Франко»¹⁶⁸.

Испанский народ при поддержке прогрессивных сил всего мира продолжал героическое сопротивление фашистскому нашествию. Однако положение республики в результате сговора реакционных правящих кругов западных держав с германо-итальянскими фашистами становилось критическим.

27 февраля 1939 г. Англия и Франция признали правительство Франко и порвали дипломатические отношения с Испанской Республикой. В таких условиях Советское правительство сочло невозможным дальнейшее участие в

работе Комитета по невмешательству. 1 марта 1939 г. оно приняло решение отозвать своего представителя из комитета.¹⁶⁹

Фашистским войскам вскоре удалось захватить Мадрид и к концу марта установить свое господство над всей страной. Победа итало-германских интервентов и мятежников над Испанской Республикой существенно изменила обстановку в Европе. Подорвав тылы Франции, Германия и Италия создали благоприятные возможности для активизации своих агрессивных действий в Центральной и Восточной Европе.

Необъявленная война на Дальнем Востоке

Агрессивные устремления Японии

Продолжая наращивать вооруженные силы, все агрессивнее становился японский империализм. По мере роста военной мощи росли и аппетиты милитаристских кругов Японии. Становилось очевидным, что в Токио вынашивались планы установления японского господства во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Японские агрессоры по-прежнему обращали алчные взоры в сторону советского Дальнего Востока. Германский посол в Токио Г. фон Дирксен доносил в Берлин, что Япония настроена враждебно в отношении СССР и преисполнена решимости разрешить свои противоречия с Советским Союзом «силой оружия, как только она почувствует себя достаточно мощной в военном отношении»¹⁷⁰.

На советских дальневосточных рубежах не прекращались провоцируемые японской военщиной вооруженные инциденты, но на крупные военные акции в отношении СССР она все же не решалась.

Наиболее острым в отношениях между СССР и Японией оказался вопрос о Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). Захватив в 1931 году Маньчжурию, японские агрессоры решили овладеть и этой железной дорогой, проходившей через нее, но принадлежавшей Советскому Союзу.

КВЖД имела для СССР немаловажное экономическое и стратегическое значение, так как сокращала путь из центральных районов страны во Владивосток. Лишенное возможности мирным путем оградить свои права на КВЖД и поддерживать нормальное функционирование

дороги, еще в мае 1933 года Советское правительство предложило Японии выкупить КВЖД¹⁷¹.

Из-за провокаций на КВЖД и стремления японского правительства заставить СССР уступить железную дорогу буквально за бесценок переговоры затянулись. Они завершились лишь 23 марта 1935 г. соглашением о продаже КВЖД за 140 млн. японских иен¹⁷². Урегулирование этого вопроса содействовало некоторому ослаблению напряженности в советско-японских отношениях, но лишь временно. Вскоре агрессивные действия Японии привели к их новому обострению.

Усиливалась агрессивность Японии и в отношении других стран. Не встречая серьезного сопротивления, японские агрессоры занимали все новые районы Северного Китая (провинции Жэхэ, Хэбэй и Чахар).

Япония активизировала агрессивные происки также по отношению к Монгольской Народной Республике. По типу марионеточного государства Маньчжоу-Го, созданного японцами на территории Маньчжурии, они планировали создать и зависимое от них «Монгольское государство», в состав которого предполагалось включить Внутреннюю Монголию (китайские провинции Чахар и Суйюань) и территорию МНР.

26 февраля 1936 г. группа «молодые офицеры» предприняла в Токио попытку совершить путч с целью установления в стране военно-фашистского режима. Этот путч провалился, но он послужил толчком к дальнейшему усилению милитаризации и фашизации Японии.

В августе 1936 года японское правительство утвердило план установления господства Японии в Восточной Азии — «Основные принципы национальной политики». Прежде всего японские милитаристы намеревались установить свое господство над Китаем. Япония намечала значительно усилить свои военные приготовления в Маньчжоу-Го и Корее (она была захвачена Японией еще до первой мировой войны), чтобы «нанести первый удар по расположенным на Дальнем Востоке вооруженным силам Советского Союза»¹⁷³.

Готовясь к большой войне, Япония нуждалась в союзниках. Особое значение в Токио придавали заключению военного союза с фашистской Германией. В ноябре 1936 года, как уже говорилось, Япония и Германия подписали «антикоминтерновский пакт», к которому затем присоединилась Италия. Сложился агрессивный блок трех империалистических, милитаристских, фашистских держав.

7 июля 1937 г. японские войска спровоцировали инцидент с китайскими частями у моста Лугоуцяо, близ Пекина. Это явилось началом широкомасштабного вторжения японских войск в Северный, а затем в Центральный Китай.

Японские правящие круги считали, что интервенция Германии и Италии в Испании создает благоприятную обстановку для осуществления их агрессивных планов. Заместитель государственного секретаря США С. Уэллес отмечал в этой связи, что «государства-бандиты» все более отчетливо согласовывают свои действия¹⁷⁴.

Завершив подготовительный этап, Япония приступила в июле 1937 года к осуществлению своих далеко идущих захватнических планов. Началась японо-китайская война.

ЦК ВКП(б) и Советское правительство понимали всю серьезность обстановки, сложившейся как в Европе, так и на Дальнем Востоке. «Известия» в передовой статье «Против войны, против фашизма» прямо поставили вопрос: «Мир или война?» Как никогда зловеще звучит сегодня этот вопрос, указывала газета, ибо он волнует миллионы и миллионы людей, охваченных тревогой за свой завтрашний день¹⁷⁵.

Агрессивные действия Японии привели к еще большему обострению международной обстановки. Японская агрессия серьезно задевала интересы монополий США, Англии и Франции. Потенциально англо-франко-американская группировка была значительно сильнее Японии. Совместное выступление этих трех держав могло бы остановить агрессоров. Тем более военные планы Японии можно было бы пресечь в самом начале, если бы США, Англия и Франция захотели установить сотрудничество с Советским Союзом. Однако правительства трех западных держав не желали иметь дело с СССР, хотя тем самым подрывали и собственные позиции.

Реакционные круги западных держав все еще наделись, что рано или поздно начнется война между Японией и СССР. А в этом случае, как они полагали, Япония вынуждена будет прекратить экспансию в районах интересов США, Англии и Франции. Более того, западные державы рассчитывали, что в результате такой войны окажутся ослабленными как СССР, так и Япония, а это даст возможность Соединенным Штатам, Англии и Франции не только сохранить, но и укрепить свои позиции на Дальнем Востоке. Как признают даже реакционные американские публи-

цисты, в Соединенных Штатах всегда существовала надежда, что СССР и Японию «можно будет различными маневрами заставить воевать друг с другом»¹⁷⁶.

Английские империалисты проводили на дальнем Востоке, как и в Европе, политику попустительства агрессии. Они явно стремились к компромиссу с Японией за счет Китая и были не против того, чтобы их интересы защищались другими. Больше всего Англию, как уже указывалось, устраивала война между Японией и СССР.

Соединенные Штаты Америки считали свои интересы гораздо больше задетыми действиями Японии в Китае, чем итальянской агрессией в Эфиопии, германо-итальянской интервенцией в Испании или другими событиями в Европе. Тем не менее США также заняли весьма сдержанную позицию в связи со вторжением японских войск в Китай. Правящие круги США опасались, в частности, что в случае вступления их в войну против Японии Англия и Франция переложат основную тяжесть этой войны на Соединенные Штаты. В результате такого курса США вместе с Англией и Францией оказались на позициях попустительства японской агрессии. Меры, принятые США, Англией и Францией в связи с японской агрессией, свелись к попытке как-то оградить свои главные интересы в Китае путем империалистического сговора с Японией. О защите интересов Китая, оказании ему помощи в борьбе с японскими захватчиками правящие круги этих стран и не помышляли. Напротив, империалистические державы опасались того, что китайцы, если они отразят нашествие японских империалистов, вышвырнут из своей страны и других колонизаторов.

Советский Союз на стороне Китая

Только Советский Союз выражал готовность оказывать Китаю помощь в борьбе против японских агрессоров. Советское правительство не имело перед Китаем каких-либо особых договорных обязательств. И тем не менее оно готово было прийти на помощь китайскому народу в борьбе против иностранной интервенции.

Советское правительство воспользовалось в 1935 году визитом в Москву лорда-хранителя печати Англии А. Идена, для того чтобы обсудить с ним вопрос о Тихоокеанском пакте. Советский Союз предлагал теперь заключить пакт не о ненападении, как в 1933 году, а о взаимопомощи. Народный комиссариат иностранных дел СССР писал накануне визита Идена: «Мы готовы сотрудничать с Англией

как и с другими странами, в деле обеспечения мира на Дальнем Востоке. Конкретно мы мыслим себе региональный Тихоокеанский пакт о взаимопомощи с участием СССР, Китая, Японии, Великобритании, США, Франции, Голландии...» Суть пакта в том, что «дальнейшей агрессии Японии были бы противопоставлены силы всех остальных участников пакта»¹⁷⁷.

28 марта 1935 г. нарком иностранных дел СССР в беседе с А. Иденом подчеркнул, что для прочного обеспечения мира на Тихом океане «нужны коллективные усилия всех заинтересованных государств». Однако Иден не поддержал это предложение. Он выразил сомнение в готовности США активно сотрудничать в деле обеспечения мира и безопасности на Дальнем Востоке¹⁷⁸.

Английское правительство и само не было склонно принимать участие в создании системы коллективной безопасности на Дальнем Востоке, но старалось возложить вину за попустительство японской агрессии на Соединенные Штаты Америки.

Американское правительство по-прежнему предпочитало иной путь обеспечения своих интересов на Дальнем Востоке. Об этом откровенно заявил заместитель государственного секретаря США Р. Мур в разговоре с поверенным в делах СССР в США А. Ф. Нейманом. Нужно несколько лет, сказал он, чтобы США получили превосходство над Японией. «Они-де надеялись, — писал Нейман о высказываниях Мура, — что СССР облегчит им положение, начав войну с Японией»¹⁷⁹.

В связи с агрессивными действиями Японии глава китайского правительства Кун Сянси в октябре 1935 года поставил перед советским полпредом Д. В. Богомоловым вопрос, может ли Китай в случае оказания военного сопротивления Японии рассчитывать на получение из СССР военных материалов. 20 ноября 1935 г. советский полпред сообщил Куну о согласии СССР поставить Китаю военные материалы¹⁸⁰. Но правительство Чан Кайши, надеясь путем уступок избежать открытого вооруженного конфликта с Японией, стало само затягивать переговоры о реализации этой договоренности.

Японский спрут начал протягивать щупальца и в сторону Монгольской Народной Республики, захват которой мыслился как ступень в подготовке к войне против СССР. 28 марта 1936 г. начальник штаба Квантунской армии генерал С. Итагаки в беседе с министром иностранных дел Х. Аритой говорил о значении захвата МНР для Японии:

«Если Внешняя Монголия будет присоединена к Японии и Маньчжурии, то безопасности советского Дальнего Востока будет нанесен сильнейший удар... Поэтому армия планирует распространение влияния Японии и Маньчжурии на Внешнюю Монголию всеми средствами, имеющимися в ее распоряжении»¹⁸¹. В связи с угрозой японской агрессии еще 27 ноября 1934 г. по просьбе правительства МНР Советское правительство заключило с ним джентльменское (устное) соглашение, которое предусматривало «взаимную поддержку всеми мерами в деле предотвращения и предупреждения угрозы военного нападения, а также оказывать друг другу помощи и поддержки в случае нападения какой-либо третьей стороны на СССР или МНР»¹⁸².

Поскольку опасность со стороны Японии продолжала усиливаться (дело дошло до настоящих боев у границ МНР), 12 марта 1936 г. между СССР и МНР был подписан протокол о взаимной помощи¹⁸³. Касаясь значения этого протокола, НКВД отмечал в письме советскому полпреду в Японии, что он «является новым звеном в той цепи последовательных действий, которыми мы обуздываем агрессию против МНР». Теперь Япония уже, конечно, не сомневается в том, что ее попытка захватить Монголию привела бы к войне с Советским Союзом¹⁸⁴. Этот протокол, как и джентльменское соглашение, имел огромное значение для обеспечения независимости МНР и упрочения мира на Дальнем Востоке, был наглядным проявлением верности СССР принципу пролетарского интернационализма.

11 марта 1937 г. М. М. Литвинов поставил вопрос о Тихоокеанском пакте о взаимопомощи в беседе с китайским послом в СССР Цзян Тинфу. «Я убежден, — сказал он, — что только такой пакт может окончательно прекратить агрессию Японии и обеспечить мир на Дальнем Востоке». Далее он отметил необходимость убедить в этом другие державы, в особенности Великобританию и США, и в этом направлении должны быть сделаны усилия как китайской, так и советской дипломатией¹⁸⁵.

Советскому полпреду в Китае (в Нанкине) Д. В. Богомолу были даны обстоятельные директивы, которые должны были лечь в основу переговоров с китайским правительством. В них содержалось предложение о заключении с нанкинским правительством договора о дружбе, предусматривающего «обязательство непринятия одной из сторон мер и заключения ею соглашений, которые могли бы

поставить в выгодное положение третье государство, со стороны которого угрожает опасность нападения другой договаривающейся стороне». Далее предусматривалось принятие обеими сторонами мер «в целях охраны их общих интересов». Советское правительство выразило готовность заключить с нанкинским правительством военнотехническое соглашение, предусматривавшее продажу ему самолетов, танков и другого военнотехнического снаряжения с предоставлением в этих целях кредита на сумму 50 млн. долл., а также подготовку в СССР китайских летчиков и танкистов. Советский Союз предлагал включить в договор о дружбе обязательство обеих сторон всемерно содействовать скорейшему заключению Тихоокеанского пакта о взаимопомощи. 1 апреля Д. В. Богомолов передал эти предложения Кун Сянси¹⁸⁶.

Однако китайское правительство продолжало колебаться. 16 июня 1937 г. полпред в Китае сообщал в НКВД, что китайское правительство в настоящее время относится к идее Тихоокеанского пакта отрицательно, так как опасается вызвать недовольство Японии и «окончательно закрыть дверь к двустороннему соглашению с Японией, на что Чан Кайши, по-видимому, еще не потерял надежду». Китайцы не дают ответа ни на предложения о заключении договора о ненападении, ни об оказании Китаю помощи военными материалами¹⁸⁷.

14 мая премьер-министр Австралии Дж. Лайонс также выступил с предложением о заключении Тихоокеанского пакта, правда, пакта о ненападении, а не о взаимной помощи. Советское правительство решило поэтому еще раз попытаться добиться заключения пакта.

Во второй половине мая, находясь в Женеве в связи с сессией Совета Лиги наций, М. М. Литвинов вел переговоры о Тихоокеанском пакте с министром иностранных дел Англии А. Иденом и председателем исполнительного юаня Китая Кун Сянси¹⁸⁸. Советскому полпреду в Лондоне И. М. Майскому было дано указание обсудить этот вопрос с Дж. Лайонсом. Полпреду предлагалось сообщить премьер-министру Австралии о положительном отношении СССР к его предложению, но высказать соображения в пользу пакта о взаимной помощи¹⁸⁹.

В беседе с И. М. Майским 15 июня Лайонс отнесся положительно к идее заключения пакта о взаимопомощи, но высказал мнение, что ни Англия, ни США не готовы заключить подобное соглашение¹⁹⁰.

Полпреду в Вашингтоне А. А. Трояновскому было

поручено выяснить позицию США. «Правда, — писал НКВД, — мы имели в виду Тихоокеанский пакт о взаимной помощи, а Лайонс сводит это к обязательству о ненападении»¹⁹¹.

Рузвельт не проявил, однако, желания принять участие в таком пакте. Он заявил 28 июня Трояновскому, что США не могут вступать в союзы и другие подобные соглашения. Что касается предложения Лайонса о заключении Тихоокеанского пакта о ненападении, то Рузвельт, ссылаясь на то, что нет смысла заключать пакт, если в нем не будет участвовать Япония, не поддержал и это предложение¹⁹².

Когда 7 июля 1937 г. началось вторжение японских войск в Китай, советская печать решительно осудила действия японских агрессоров. «Речь идет о новом важном этапе в империалистической борьбе в Восточной Азии, на Тихом океане, — писала газета «Известия», — о новом существенном этапе в агрессии японского империализма, стремящегося поработить китайский народ»¹⁹³.

19 июля 1937 г. китайское правительство наконец решилось принять советскую помощь. Оно обратилось к СССР через советского полпреда с просьбой о поставке Китаю военных материалов и предоставлении необходимых в связи с этим кредитов¹⁹⁴. Советское правительство сразу же откликнулось на просьбу Китая о помощи. 29 июля полпреду в Китае было дано указание сообщить китайскому правительству о согласии СССР удовлетворить его просьбу¹⁹⁵.

Выражая готовность поставлять Китаю военные материалы, ЦК ВКП(б) и Советское правительство одновременно считали необходимым предварительное заключение между СССР и Китаем договора о дружбе и ненападении, так как надо было иметь гарантию, что советское оружие не будет использовано против СССР. Советский полпред неоднократно ставил этот вопрос перед представителями китайского правительства¹⁹⁶.

Между тем Китай стал усиленно добиваться заключения советско-китайского договора о взаимопомощи. 16 июля этот вопрос поднимал перед советским полпредом председатель законодательного юаня Китая Сунь Фо. Раскрывая суть этих предложений, советский полпред писал в Москву: «Ставка на японо-советскую войну остается у Чан Кайши по-прежнему идеей фикс»¹⁹⁷.

В условиях, когда Китай уже находился в состоянии фактической войны с Японией, ЦК ВКП(б) и Советское

правительство, естественно, не считали возможным заключать в двустороннем порядке договор о взаимопомощи с Китаем¹⁹⁸. М. М. Литвинов писал советскому полпреду, что «форсирование китайцами этого вопроса в настоящий момент сводится ведь к тому, чтобы мы теперь же ввязались в войну с Японией»¹⁹⁹.

21 августа 1937 г. между СССР и Китаем был подписан договор о ненападении²⁰⁰, имевший в тех условиях важнейшее значение для укрепления международных позиций Китая. В редакционной статье газеты «Правда», посвященной договору, подчеркивалось, что этот договор является выражением дружественных чувств, которые народы СССР питают по отношению к китайскому народу, борющемуся за свою свободу и независимость. Советско-китайский договор, указывалось в статье, практически подтверждает и закрепляет принцип неделимости мира, необходимость защиты мира как на Западе, так и на Востоке. Советско-китайский договор показывает всем странам путь борьбы с военной угрозой. Он является новым инструментом мира²⁰¹.

Заключение советско-китайского договора о ненападении, как отмечал полпред СССР в Японии М. М. Славутский, произвело в Японии «огромное впечатление»²⁰². В Токио расценивали договор как дипломатическое поражение Японии²⁰³.

Уже 14 сентября была достигнута договоренность о конкретных поставках в Китай военных материалов за счет предоставляемого Советским Союзом долгосрочного кредита. По просьбе китайской делегации сроки доставки первой партии самолетов были самыми минимальными. Первые 225 самолетов, в том числе 62 средних бомбардировщика и 155 истребителей, советская сторона обязалась подготовить и отправить в Китай до 25 октября 1937 г.²⁰⁴ Китайский посол в СССР Цзян Тинфу заявил в беседе с заместителем наркома Б. С. Стомоняковым, что китайцы исключительно довольны духом и результатом переговоров, которые дали Китаю даже больше того, что они ожидали²⁰⁵.

1 марта 1938 г. было подписано соглашение о предоставлении Советским Союзом Китаю кредита в размере 50 млн. долл. для финансирования осуществлявшихся поставок военных материалов²⁰⁶.

К середине 1938 года Советский Союз поставил Китаю 297 самолетов, 82 танка, 425 пушек и гаубиц, 1825 пулеметов, 400 автомашин, 360 тыс. снарядов, 10 млн. патронов

и другие военные материалы²⁰⁷. Помощь Советского Союза дала Китаю возможность избежать разгрома и капитуляции, продолжать оказывать сопротивление японским агрессорам.

В связи с советской помощью Китаю усилилась опасность нападения Японии на СССР. Министр иностранных дел Франции И. Дельбос информировал американского посла в Париже У. Буллита 26 августа 1937 г. о получении от посла в Японии телеграммы о том, что «Япония, по-видимому, намерена объявить Советскому Союзу войну». Английский посол в Японии Р. Крейги также отмечал желание японцев свести счеты с СССР. Помощник американского военного атташе в Японии Векерлинг писал в Вашингтон, что японская армия «своим главным врагом считает Советскую Россию» и «предотвратить новую русско-японскую войну невозможно»²⁰⁸. Полпред СССР в Японии М. М. Славущий констатировал старание японской военщины всеми силами привить японскому народу мысль о «неизбежности близкой войны с Советским Союзом»²⁰⁹.

Международное положение Советского Союза усугублялось и тем, что в случае войны на Дальнем Востоке он должен был считаться также с серьезными осложнениями на своих западных рубежах. Японский посол в Берлине сообщил французскому послу об обещаниях германского и итальянского правительств предоставить Японии «активную военную помощь в том случае, если СССР окажется в дальневосточном конфликте на стороне Китая»²¹⁰.

Серьезные опасения вызывала также позиция Польши. Японский военный атташе в Польше генерал Р. Савада, обратившись 24 августа 1937 г. к польскому правительству с просьбой поддержать японцев при обсуждении вопроса о японо-китайском конфликте в Лиге наций, особенно подчеркнул, что Китай сотрудничает с СССР, а у Японии и Польши «общие интересы» в отношении Советского Союза. Польское правительство охотно откликнулось на эту просьбу, считая Японию естественным союзником Польши²¹¹.

Япония не решилась на войну против СССР. Вместе с быстрым экономическим развитием Советского государства росла также его оборонная мощь. К началу 1936 года Советские Вооруженные Силы насчитывали 1300 тыс. человек, а к 1937 году их численность была доведена до 1433 тыс. человек²¹². К тому же Советское правительство постоянно уделяло самое серьезное внимание укреплению

обороны дальневосточных рубежей страны. Все это подействовало отрезвляюще на японских агрессоров.

Японская агрессия и Лига наций

В середине сентября 1937 года китайское правительство официально обратилось в Совет Лиги наций с просьбой о применении к Японии санкций, предусмотренных в уставе этой организации. Советское правительство сообщило Китаю, что поддержит его просьбу²¹³.

Правительства Англии и Франции считали нежелательным обсуждение в Лиге наций вопроса о японской агрессии прежде всего потому, что они не намеревались принимать каких-либо мер против японских захватчиков. Кроме того, если уж невозможно избежать обсуждения этого вопроса, то в Лондоне и Париже были заинтересованы в том, чтобы в нем приняли участие и Соединенные Штаты Америки. Поэтому Англия и Франция предпочитали, чтобы рассмотрение японо-китайского конфликта происходило не в Лиге наций, а в органе, в котором были бы представлены также и США.

Выступая 21 сентября на ассамблее Лиги наций, нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов подчеркнул, что агрессия находит все новые и более частые проявления и во все более резкой форме. Однако Лига наций остается в стороне от этих событий, не реагируя на них. Нарком призвал все страны объединиться в борьбе за мир, против агрессии. Он отмечал, что «решительная политика Лиги в одном случае агрессии избавила бы нас от всех остальных случаев. И тогда, и только тогда, все государства убедились бы, что агрессия нерентабельна, что агрессию не следует предпринимать»²¹⁴.

Советский Союз вошел в историю Лиги наций как наиболее последовательный защитник жертв германской, итальянской и японской агрессии и как лидер тех сил, которые выступали в ней за неукоснительное соблюдение положений устава Лиги²¹⁵.

В связи с назначенным на 27 сентября обсуждением в Лиге наций вопроса о японской агрессии М. М. Литвинову были направлены следующие директивы: «Для нас желательно и признание Японии агрессором, и применение к ней эффективнейших санкций. Однако при наличии явной пассивности прочих государств... мы не считаем политически целесообразным, чтобы советская делегация брала на себя роль застрельщика, рискуя еще более обо-

стрить отношения СССР с Японией и дать новую пищу обвинениям нас в подстрекательстве. Если бы, однако, со стороны других членов Лиги наций проявилось серьезное намерение поставить вопрос об ответственности Японии и о признании ее агрессором, Вы должны были бы активно поддержать эту попытку. Так как для признания агрессором необходимо единогласие, сомнительно, чтобы удалось добиться такого решения. Если бы все же, вопреки ожиданиям, такое постановление было принято и автоматически возник бы вопрос о санкциях, ничто не помешало бы Вам высказаться... за применение к Японии эффективнейших санкций»²¹⁶.

Представители Англии и Франции в Лиге наций не скрывали нежелания обеих держав принимать какие-либо меры против японского агрессора²¹⁷. Они ссылались на то, что им неизвестна позиция США.

Согласно полученным из Москвы указаниям, 2 октября советский поверенный в делах в США К. А. Уманский обратился к заместителю государственного секретаря С. Уэллсу с вопросом о позиции Соединенных Штатов. Последний ответил, что американское правительство лишено возможности делать различие между агрессором и жертвой агрессии и «на каком бы ни было основании сочувствовать жертве»²¹⁸. Выслушав высказывания Уэллса, Уманский охарактеризовал политику США как «крайне обескураживающую»²¹⁹.

В таких условиях решения Лиги наций по вопросу о японской агрессии, принятые 6 октября, оказались половинчатыми. Лига лишь констатировала нарушение Японией своих обязательств по существующим договорам и ограничилась заявлением о «моральной поддержке» Китая. Она рекомендовала заинтересованным державам созвать по этому вопросу специальную конференцию²²⁰.

Брюссельская конференция

Согласно решению Лиги наций, началась подготовка международной конференции стран, имеющих свои интересы на Дальнем Востоке. Местом проведения конференции был избран Брюссель.

Сразу же встал вопрос об участниках конференции. Особенно усердно США, Англия и другие организаторы конференции добивались участия в ней японских агрессоров. В связи с этим М. М. Литвинов писал полпреду в США А. А. Трояновскому, что, убеждая японцев при-

нять участие в конференции, их всячески заверяют, что «речь будет идти лишь о примирении, а отнюдь не о каких-либо мерах против Японии. Я полагаю, что так оно и будет. Предложат перемирие, посредничество и т. п., создадут процедуру, которая позволит оттягивать более практические решения на долгое время и этим помешать вновь заняться вопросом Лиге наций... Ничего хорошего Брюссельская конференция при таком положении вещей не предвещает»²²¹.

Правительство Японии, однако, отказалось принять участие в работе конференции.

По мнению правительства США, конференция должна была попытаться примирить Японию и Китай. Ф. Рузвельт заявил главе американской делегации на конференции Н. Дэвису, что слова «санкции» необходимо «строжайшим образом избегать»²²².

Английское правительство также исходило из того, что конференция созывается «не для того, чтобы рассматривать вопрос о применении санкций против Японии», а в целях восстановления мира путем соглашения²²³.

За принятие эффективных мер против японских агрессоров, в защиту Китая по-прежнему выступал только СССР. М. М. Литвинов писал 20 октября 1937 г., что СССР считает желательным применение к японскому агрессору эффективных санкций²²⁴. 29 октября в беседе с американским послом в СССР нарком снова заявил, что Советский Союз серьезно заинтересован в прекращении агрессии и в обеспечении мира и коллективной безопасности. СССР готов занять в сотрудничестве с Соединенными Штатами, Францией и Англией решительную позицию, подчеркнул он²²⁵.

На Брюссельской конференции, открывшейся 3 ноября 1937 г., тон сразу же задавала американская делегация, выступив со своей программой «умиротворения» японских агрессоров. Н. Дэвис не считал возможным даже уточнить в своей речи, кто является агрессором и кто его жертвой. Япония и Китай, говорил он, «оказались в состоянии конфликта и начали военные действия». Он предложил урегулировать конфликт на основе, «приемлемой для обеих сторон»²²⁶. Это могло означать только одно: США были готовы удовлетворить агрессивные устремления Японии за счет Китая, а китайский народ должен был покорно мириться с этим. Англичане и французы пошли по тому же пути. А. Иден и И. Дельбос заявили, что они присоединяются к сказанному Н. Дэвисом.

Только советская делегация заняла на конференции принципиальную позицию. Глава советской делегации в Брюсселе М. М. Литвинов в речи 3 ноября выразил несогласие с политикой США, Англии и Франции, выступавших за мир, «приемлемый для обеих сторон». Он отметил, что нет ничего легче, как сказать агрессору: «Возьми себе добычу, то, что захватил силой, и да будет мир с тобой», — а жертве агрессии: «Люби своего агрессора и не сопротивляйся злу». Но это может вызвать, подчеркнул он, лишь новые акты агрессии. В таком случае конференция вместо борьбы с агрессией может оказаться «орудием агрессора». Напомнив неоднократно излагавшуюся ранее позицию СССР по вопросу о борьбе с агрессией, М. М. Литвинов подчеркнул необходимость сплочения стран, выступающих за сохранение мира²²⁷.

Характерна оценка позиции советской делегации, которую дал Н. Дэвис. «Литвинов убеждал меня, — писал он в Вашингтон, — в целесообразности тесного сотрудничества и взаимопонимания между Англией, Соединенными Штатами и Россией, утверждая, что в случае, если Япония окажется один на один с такой группировкой, она согласится прекратить военные действия»²²⁸.

6 ноября конференция выработала текст повторного обращения к Японии с приглашением принять участие в ее работе. До получения ответа был объявлен перерыв в работе.

Тем временем Япония продолжала усиливать и расширять военные действия в Китае. 12 ноября японские войска захватили Шанхай, значительно укрепив свои позиции в Центральном Китае. В тот же день японское правительство вновь отвергло обращение Брюссельской конференции.

13 ноября конференция возобновила свою работу. Китайский представитель поднял вопрос об экономических санкциях против Японии и об оказании помощи Китаю. Однако представители США, Англии и Франции оставались глухи. Суть очередной речи Н. Дэвиса заключалась в его надеждах на сотрудничество Японии с конференцией.

В поддержку китайского предложения снова выступила советская делегация. В. П. Потемкин, возглавлявший после возобновления работы конференции советскую делегацию, заявил, что для прекращения агрессии должны быть приняты «солидарные и действенные усилия держав, заинтересованных в сохранении мира на Дальнем Востоке.

Всякая конкретная инициатива в этом плане будет поддержана Советским Союзом»²²⁹. Н. Дэвис сообщал в Вашингтон, что В. П. Потемкин «очень упорно настаивал на необходимости принятия конкретных мер против Японии», так как другими средствами прекратить конфликт невозможно. Потемкин неоднократно заявлял, что СССР «примет участие во всех мерах, на которые выразят согласие Англия и США»²³⁰.

В связи с тем, что в Брюсселе началась работа над проектом заключительной декларации, в соответствии с решением ЦК ВКП(б) 20 ноября советской делегации было послано указание добиваться, чтобы в ней рекомендовалось членам конференции «оказывать Китаю всевозможную помощь, как индивидуальную, так и коллективную»²³¹. Предпринятые советской делегацией попытки включить эти положения в проект декларации, однако, не были поддержаны представителями западных держав.

24 ноября конференция приняла декларацию о временном прекращении своих заседаний, чтобы предоставить участвующим в ней правительствам время «для дальнейшего изучения мирных методов урегулирования конфликта»²³². Это заседание конференции оказалось последним.

Провал Брюссельской конференции был прямым результатом политики попустительства японской агрессии, проводившейся США, Англией и Францией. В то время как главную ответственность за «невмешательство» в связи с германо-итальянской интервенцией в Испании несли английские и французские «умиротворители», основная вина за политику попустительства японской агрессии ложилась на Соединенные Штаты Америки.

Лучшим выходом из создавшегося положения правящие круги США, Англии и Франции считали империалистический сговор с Японией о «мирном» грабеже всеми ими Китая, с тем чтобы японская агрессия обратилась против Советского Союза. Поскольку японские империалисты продолжали свои агрессивные действия в Китае, нарушая интересы США, Англии и Франции, и не намеревались до поры до времени нападать на СССР, правящие круги западных держав попытались толкнуть СССР на выступление против Японии. Это отчетливо проявилось в последние дни работы Брюссельской конференции.

В. П. Потемкин сообщал о своей беседе с председателем конференции министром иностранных дел Бельгии

П. Спааком, в ходе которой последний провокационно заявил, что «лучшим средством сделать Японию сговорчивее было бы послать несколько сот советских самолетов поугатать Токио». Потемкин ответил на это, что в Брюсселе, очевидно, имеются охотники «загребать жар чужими руками»²³³.

Советское правительство трезво оценивало создавшееся положение. Оно было готово на самые эффективные меры помощи Китаю в борьбе против японских агрессоров, но вместе с США, Англией и Францией. Советский Союз не мог при этом не считаться, в частности, с тем, что в случае войны с Японией он мог подвергнуться нападению со стороны Германии, а то и некоторых своих западных соседей, давно сотрудничавших с Японией на анти-советской основе.

Провокационные планы правящих кругов США, Англии и Франции в Брюсселе были разоблачены и в советской печати.

Так, журнал «Большевик» писал, что в Брюсселе «представители западных держав сгорали желанием столкнуть с Японией Советский Союз. Почему бы, в самом деле, СССР не поддержать Китай? Почему бы Советскому Союзу не произвести мобилизацию на маньчжурской или монгольской границах? Почему не послать в Токио воздушные эскадрильи из Владивостока, чтобы таким образом образумить Японию? То осторожно, намеками, то открыто, в порядке дружественного внушения, то развязно и назойливо различные делегаты и журналисты пробовали заговаривать об этом с советской делегацией. Нужно ли говорить о том, какой ответ получали они от представителей СССР?»²³⁴.

После конференции М. М. Литвинов в письме полпреду в США А. А. Трояновскому отмечал скептическое отношение СССР к возможным результатам Брюссельской конференции. Поэтому он занимал на ней «весьма сдержанную позицию», но конференция закончила свое существование «даже более позорно, чем можно было ожидать»²³⁵.

Полная бесплодность Брюссельской конференции в результате позиции западных держав имела своим последствием дальнейшее усиление японской агрессии в Китае. 27 ноября, то есть два дня спустя после окончания конференции, японские войска начали наступление на Нанкин, где в то время находилось китайское правительство. 13 декабря город оказался в их руках.

Наглядным свидетельством решимости и готовности Советского Союза дать решительный отпор агрессии были события, разразившиеся в июле — августе 1938 года на Дальнем Востоке, в районе озера Хасан.

Ведя войну против Китая, японские империалисты начали проявлять свою агрессивность на всем Дальнем Востоке, в том числе на советских рубежах. Советскому правительству неоднократно приходилось делать представления в этой связи японским властям. Заместитель народного комиссара иностранных дел Б. С. Стомоняков обратил внимание японского посла в Москве М. Сигемицу, что в Японии ведется систематическая кампания клеветы и пропаганды войны против Советского Союза. Японские военные деятели не останавливаются перед прямыми призывами к войне против СССР²³⁶.

Японские вооруженные силы систематически нарушали советскую границу. Так, 11 апреля в советское воздушное пространство вторглось более десяти японских военных самолетов²³⁷. 8 июня японцы попытались высадить на берегу Амура на советскую территорию вооруженную банду из 29 человек для совершения диверсионных актов²³⁸. Японские власти неоднократно без всяких на то оснований задерживали советские корабли. 19 февраля ими был захвачен зашедший в японский порт советский грузовой пароход «Кузнецкстрой», имевший на борту команду в составе 35 человек и 37 пассажиров. Советская печать с полным основанием характеризовала это как «очередную сознательную провокацию» японцев²³⁹.

В то же время японские правящие круги, готовя население страны к агрессивной войне против СССР, все больше разжигали в Японии антисоветскую истерию. «Позиция Японии в отношении СССР, — писал НКВД, — стала еще более агрессивной и наглой». Японская военщина «планомерно стремится к обострению отношений, не упуская для этого никакого случая и повода. За нею идет выслуживающаяся перед нею японская дипломатия во главе с Хиротой и Сигемицу»²⁴⁰.

Особого накала провокационные действия японцев достигли в середине года. Японская пресса (газеты «Асахи», «Иомиури» и др.) открыто призывала к войне против Советского Союза, к захвату советского Дальнего Востока.

В середине июля японский поверенный в делах в Москве обратился в НКВД с необоснованными претензиями

по поводу того, что советские войска якобы незаконно занимают западный берег озера Хасан на границе с Маньчжоу-Го. Японскому дипломату были предъявлены соответствующие соглашения и приложенная к ним карта, которые не оставляли никакого сомнения в принадлежности западного берега озера территории СССР²⁴¹.

Явившись 20 июля к народному комиссару иностранных дел СССР, японский посол М. Сигемицу все же снова требовал вывода советских войск из соответствующего района. «Иначе Япония, — угрожал посол, — должна будет прийти к выводу о необходимости применения силы». М. М. Литвинов напомнил послу, что японскому поверенному в делах были предъявлены официальные документы, на которых совершенно ясно очерчена граница, проходящая по горам, расположенным к западу от озера Хасан. Советские наряды в этом районе не имеют иной цели, сказал нарком, кроме, как защита советской границы. «На границе царит полное спокойствие, и оно может быть нарушено лишь японо-маньчжурской стороной, которая в таком случае и будет нести ответственность за последствия». Что касается угрозы Сигемицу о применении силы, то нарком заявил: «Посол, очевидно, считает тактику угроз хорошим средством дипломатии». Немало стран теперь действительно поддаются запугиванию и угрозам, но «это средство в Москве успешного применения не найдет»²⁴².

29 июля 1938 г. японские войска открыли военные действия против советских пограничных отрядов, расположенных на западном берегу озера Хасан. Впоследствии Международный военный трибунал для Дальнего Востока на основе многочисленных фактов признал в приговоре по делу главных японских военных преступников, что нападение японских войск у озера Хасан было сознательно спланировано японцами. Трибунал констатировал, что «операции японских войск носили явно агрессивный характер»²⁴³.

Военные действия приняли широкие масштабы. По указанию Политбюро ЦК ВКП(б) в район конфликта был направлен стрелковый корпус в составе трех дивизий и механизированной бригады. Общее руководство операциями было возложено на командующего Дальневосточным фронтом В. К. Блюхера. На время боевых действий командиром корпуса был назначен начальник штаба фронта Г. М. Штерн. Непосредственно в районе боевых действий было сосредоточено свыше 15 тыс. человек, 285 танков, 237 орудий²⁴⁴.

В начале августа советские войска предприняли решительные ответные действия против японских агрессоров и 9 августа очистили от них советскую территорию. Потерпев серьезное поражение, японцы вынуждены были дать отбой. 10 августа была достигнута договоренность о прекращении военных действий²⁴⁵.

Поражение японских захватчиков в районе озера Хасан явилось серьезным ударом по агрессивным планам империалистической Японии в отношении СССР. Председатель СНК В. М. Молотов, подводя 6 ноября 1938 г. в докладе на торжественном заседании Моссовета итоги событий у озера Хасан, констатировал: «Может ли быть сомнение о том, что японское нападение в Приморье было пробой для развязывания войны на Дальнем Востоке? Если бы Советский Союз на деле не показал твердости своей внешней политики и непоколебимости своей линии в защите своих границ оружием Красной Армии, это не могло бы не послужить поводом к разжиганию новых военных авантур. Наша твердая позиция в этих событиях заставила одуматься зарвавшихся авантюристов как в Токио, так и в Берлине, заставила их дать ход назад. Бесспорно, что этим Советский Союз оказал величайшую услугу делу мира»²⁴⁶.

Разгром японских войск у озера Хасан был и немаловажной помощью китайскому народу, продолжавшему борьбу против японских агрессоров. Продемонстрировав, что японские захватчики вовсе не всесильны, эти события в немалой степени содействовали укреплению воли китайского народа к сопротивлению агрессорам.

Китаю помогает только СССР

Для Китая по-прежнему остро стоял вопрос о закупках за границей военных материалов. В январе 1938 года китайское правительство направило в СССР, Англию и Францию чрезвычайную миссию во главе с председателем законодательного юаня Китая Сунь Фо, с тем чтобы она обратилась к правительствам этих стран с просьбой об оказании Китаю помощи в борьбе против агрессии. Прибыв в Москву, Сунь Фо заявил в беседе с Б. С. Стомоняковым, что, «ведя войну против интервентов, то есть за свое освобождение, китайский народ черпает силы в симпатии и поддержке со стороны СССР»²⁴⁷.

Из Москвы Сунь Фо отправился в Лондон и Париж, однако через несколько месяцев вернулся оттуда с пустыми

ми руками. В беседе с заместителем наркома В. П. Потемкиным 19 мая 1938 г. он признал, что результаты его поездки неутешительны и что Англия и Франция уклоняются от оказания помощи Китаю. «Единственной страной, которая оказывает Китаю реальную помощь, остается СССР»²⁴⁸, — заявил Сунь Фо.

Позиция Англии по отношению к Китаю видна из меморандума, который 31 мая Форин оффис представил комитету по иностранным делам английского правительства. Китай, говорится в меморандуме, «ведет на Дальнем Востоке нашу войну, так как в случае победы Японии наши интересы там обречены... Прежде всего будут потеряны наши необъятные капиталовложения в Северном Китае и Шанхае... Если бы только Китай мог устоять в борьбе против Японии, мы с американцами тогда могли бы осуществить эффективную и результативную интервенцию, снова обеспечив наши позиции на целое поколение»²⁴⁹.

На следующий день при рассмотрении этого вопроса на заседании внешнеполитического комитета канцлер казначейства Дж. Саймон категорически выступил против предоставления британским правительством займа Китаю. Он высказал также очень серьезные опасения, что помощь Китаю, даже незначительная, может повлечь за собой самые отрицательные последствия для англо-японских отношений²⁵⁰.

Китай по-прежнему получал помощь только от Советского Союза. 20 июня 1938 г. был подписан контракт о поставке Китаю военных материалов в счет не израсходованной еще части кредита, предоставленного 1 марта, в том числе 120 самолетов и боекомплекты к ним²⁵¹. 1 июля 1938 г. в Москве было подписано соглашение о предоставлении Советским Союзом кредита Китаю еще на 50 млн. долл.²⁵² По контракту, заключенному в соответствии с этим соглашением, Советский Союз поставил Китаю 180 самолетов, 300 орудий, 1500 ручных и 500 станковых пулеметов, 300 грузовых автомашин и другие военные материалы²⁵³.

В письме председателя исполнительного юаня Китая Кун Сянси Советскому правительству выражалась «глубочайшая благодарность» за «деятельное сочувствие и подлинную дружбу». Кун Сянси отмечал, что в результате «великолепной и ценной помощи» в виде боевых самолетов и других военных материалов Китай получил возможность «истощить агрессивные силы противника и продолжать длительную борьбу»²⁵⁴.

Английский буржуазный историк К. Миддлмас отмечал, что СССР, снабжавший Китай военными материалами, еще раз «предстал как лидер свободного мира против агрессии»²⁵⁵.

В Китай прибыли опытные советские военные советники (В. И. Чуйков, П. С. Рыбалко, П. Ф. Батицкий, А. И. Черепанов и др.). Они участвовали в подготовке планов ведения войны против японских захватчиков, обучении китайских солдат и офицеров. В Китай отправились также советские летчики добровольцы²⁵⁶.

Летом 1938 года китайское правительство снова усиленно начало добиваться заключения китайско-советского союза и вступления СССР в войну против Японии²⁵⁷. Однако Советское правительство проявляло необходимую предосторожность, предоставляя Китаю помощь военными материалами. Советский Союз все же не считал возможным вступить в войну с Японией в одиночку, без участия США, Англии и Франции²⁵⁸.

8 сентября 1938 г. советскому полпреду были направлены следующие очередные указания об ответе, который он должен был дать китайскому правительству:

«1. СССР не считает сейчас целесообразным выступать войной против Японии изолированно, без Англии или США...

2. СССР выступит войной против Японии лишь при трех следующих условиях: а) если Япония нападет на СССР; б) если Англия или США присоединятся к войне против Японии; в) если Лига наций обяжет тихоокеанские державы выступить против Японии.

3. СССР готов при всяких условиях помогать Китаю средствами обороны согласно договорам, заключенным между Китаем и СССР»²⁵⁹. В тот же день И. Г. Луганец-Орельский передал этот ответ Сунь Фо.

Разгром японских агрессоров у озера Хасан и эффективная помощь Советского Союза Китаю наглядно продемонстрировали потенциальные возможности СССР, его решимость принять необходимые меры для обуздания агрессоров. Вместе с тем Коммунистическая партия и Советское правительство проявляли осмотрительность, чтобы СССР не оказался в состоянии войны с Японией, в то время как США, Англия и Франция оставались бы в стороне. Вместе с ними, то есть путем коллективной акции, Советский Союз был готов на все меры, необходимые для обуздания японских агрессоров, оказания помощи Китаю в национально-освободительной войне.

ПУТЬ К МЮНХЕНУ

Австрия — первая жертва фашистской Германии

По мере того как фашистские правители империалистической Германии все более нарастающими темпами осуществляли подготовку к войне, росла и их агрессивность. Укрепив вводом своих войск в демилитаризованную Рейнскую зону западные границы рейха, Германия постепенно приступала к претворению в жизнь своих планов в Центральной и Восточной Европе. Прежде всего она стремилась захватить Австрию.

Советский Союз исходил из того, что сохранение независимости Австрии имело принципиально важное значение для поддержания мира в Европе. В случае захвата Австрии Германия получила бы исключительно выгодные стратегические исходные позиции для дальнейшей агрессии, прежде всего против Чехословакии. СССР был готов сотрудничать с другими странами в деле защиты Австрии. Еще в 1935 году М. М. Литвинов писал, что судьба Австрии серьезно затрагивает интересы безопасности Советского Союза. «Мы не можем быть индифферентны, — отмечал он, — к какому бы то ни было усилению гитлеровской Германии»¹. В феврале 1936 года советский полпред в Париже В. П. Потемкин подтвердил в беседе с министром иностранных дел Франции П. Фланденом, что СССР готов вместе с другими членами Лиги наций в случае нападения на Австрию принять участие в коллективных санкциях против агрессора².

11 июля 1936 г. гитлеровцы навязали австрийскому правительству соглашение, обязывавшее его согласовывать с Германией свою внешнюю политику³. Характеризуя это соглашение и его последствия для Австрии, советский полпред в Вене И. Л. Лоренц писал в мае 1937 года, что Берлин продолжает резкий и грубый нажим на Австрию. «Здесь все больше отдают себе отчет в том, что соглашение от 11 июля 1936 г. в берлинском понимании должно явиться инструментом к проведению аншлюса»⁴.

24 июня 1937 г. военный министр Германии В. Блом-

берг утвердил директиву о подготовке вторжения в Австрию под кодовым названием план «Отто». Излагая 5 ноября 1937 г. руководящему составу генерального штаба свою внешнеполитическую программу, Гитлер подчеркнул, что для осуществления целей, стоящих перед Германией, имеется «только один путь — путь насилия». Очередной задачей он считал захват Австрии и Чехословакии. Но для Гитлера это было лишь первым шагом, «средством для осуществления дальнейших завоеваний»⁵. 7 декабря 1937 г. Бломберг подписал план подготовки к захвату Чехословакии (план «Грюн»).

Об усилении опасности войны свидетельствовали также присоединение в ноябре 1937 года Италии к «антикоминтерновскому пакту», начало переговоров о превращении этого пакта в военно-политический союз трех агрессоров и выход Италии месяц спустя из Лиги наций.

СССР за отпор агрессорам

Советское правительство считало, что для сохранения мира блоку агрессоров необходимо противопоставить единый фронт государств, заинтересованных в предотвращении войны. «Теперь уже для всех ясно, — писала «Правда» 10 ноября 1937 г. — что речь идет об образовании блока агрессоров, намеревающихся осуществить новый передел мира». Чем скорее будет осознана правящими кругами Англии, Франции и США необходимость коллективной защиты мира, указывала газета, тем легче будет положить конец агрессивным действиям фашистских государств, готовящих новую мировую войну.

Силы мира по-прежнему были сильнее сил агрессии и войны. Поэтому действия агрессоров, к тому же прибегавших к методам блефа и шантажа, могли быть пресечены. Советское правительство последовательно выступало за принятие неотложных мер к тому, чтобы объединенными усилиями стран и народов, заинтересованных в сохранении мира, связать руки агрессорам, обуздать их.

Большую роль в деле предупреждения агрессии по-прежнему могли сыграть Лига наций, а также советско-французский договор о взаимопомощи. Агрессоры, со своей стороны, все настойчивее добивались подрыва Лиги, в том числе путем ревизии ее устава. Особенно они настаивали на исключении из ее устава ст. 16, предусматривавшей санкции против агрессора. «Главной побудительной причиной антилигонационных интриг Бека и других

агентов Германии, Италии и Японии, — подчеркивал нарком иностранных дел СССР 4 января 1938 г., — является желание уничтожения франко-советского и советско-чехословацкого пактов, базирующихся на 16-й статье устава Лиги». Советское правительство энергично выступало за сохранение и даже усиление этой статьи. М. М. Литвинов отмечал, излагая позицию СССР в отношении Лиги наций, что колоссальное политическое значение в создавшихся условиях могло бы иметь опубликование совместной англо-франко-советской декларации в защиту Лиги наций, за что СССР выступает уже больше года. Однако Англия уклоняется от такой декларации⁶.

Самое серьезное внимание Советский Союз обращал на грозные тучи, нависшие над Австрией. Советское правительство понимало, что захват гитлеровцами этой страны был бы лишь звеном в цепи событий, которые в конце концов могли привести к новой мировой войне. Советское правительство ставило вопрос о принятии коллективных мер для защиты мира в центре Европы. Сохранение независимости Австрии, подчеркивала «Правда», требует быстрых и сплоченных действий всех стран, заинтересованных в обеспечении европейского мира⁷.

*Чемберлен мечтает
«ездить верхом на тигре»*

Начав подготовку к захвату других стран, германские фашисты придавали важнейшее значение и арсеналу дипломатических средств. На нацистский внешнеполитический аппарат была возложена задача предотвратить установление сотрудничества СССР, Франции и Англии, так как это фактически сделало бы германскую агрессию невозможной. Один из ближайших подручных Гитлера фон Риббентроп, назначенный в 1936 году германским послом в Лондоне, сразу же принялся за обработку английских правящих кругов, делая при этом ставку прежде всего на их антикоммунизм и антисоветизм. Так, он доказывал в беседе с У. Черчиллем, что Германия стремится-де к дружбе с Англией. Она даже «оберегала бы все величие Британской империи», но необходимо, чтобы Англия предоставила Германии «свободу рук на востоке Европы»⁸.

Заверения Риббентропа, что Германия стремится к взаимопониманию с Англией, были, разумеется, лишь дымовой завесой. В одном из секретных документов Риббентроп писал о задачах германской дипломатии в облас-

ти германо-английских отношений, которые заключаются в том, чтобы создавать у англичан «впечатление, что урегулирование и договоренность между Германией и Англией все же в конце концов возможны», но в то же время «сколачивать в глубокой тайне, но со всей возможной решительностью союз против Англии»⁹.

Среди многих членов тогдашнего английского правительства нацистские заверения нашли благодатную почву, так как соответствовали их надеждам на то, что фашистские агрессоры будут обращать свои взоры прежде всего на Восток.

Наиболее последовательным проводником курса на соглашение с Германией был в Англии Невиль Чемберлен, ставший в мае 1937 года премьер-министром. Он был консерватором до мозга костей, плоть от плоти реакционной правящей верхушки отживавшей свой век — хотя казавшейся еще могущественной — Британской империи. Коммунизм был для него «врагом номер один», к Советскому Союзу он испытывал ненависть. Это признают и английские историки, изучавшие политику Н. Чемберлена. Так, Р. Сенкэт констатировал, что главным лейтмотивом в политике Чемберлена был антикоммунизм¹⁰.

Политические симпатии Чемберлена были на стороне крайне реакционных сил как в Англии, так и в других странах. В Гитлере и Муссолини, несмотря на их агрессивную политику, он видел прежде всего своих классовых союзников.

Чемберлен возомнил, что он ниспослан богом для того, чтобы осуществить план двойного действия: руками гитлеровцев удушить Советский Союз, а заодно измотать силы Германии как конкурента Англии. «Невиль уверен, что на него самой судьбой возложена миссия достигнуть соглашения с диктаторами»¹¹, — отмечал А. Иден в своем дневнике. Он полагал, что можно договориться с агрессорами, причем на условиях, не затрагивавших коренных интересов Британской империи. Чемберлен думает, метко сказал о нем Черчилль, что «можно ездить верхом на тигре»¹².

Английскую политику того времени нередко излагают как отражение взглядов чуть ли не одного Чемберлена. Но возлагать всю вину за этот курс на одного Чемберлена было бы неверно. Это был политический курс, вырабатывавшийся английским правительством в целом. Активными проводниками его выступали министры иностранных дел Дж. Саймон, С. Хор, А. Иден и Э. Галифакс.

Не менее близорукой была также политика правящих кругов Франции. Нет сомнений в том, что многие французы отчетливо представляли себе всю серьезность приближавшегося урагана. Франция не должна была допускать захвата фашистским рейхом других стран, а тем самым его усиления. Она могла опираться в этом на договор о взаимопомощи с СССР, однако французские правящие круги не желали сотрудничества с Советским Союзом.

С приходом к власти во Франции в 1936 году правительства Народного фронта все большую роль в определении внешнеполитического курса буржуазных партий стали играть внутривластные соображения. Если раньше многие деятели выступали за проведение твердой самостоятельной внешней политики, за укрепление безопасности страны и в этой связи за сотрудничество с СССР, то после победы на выборах Народного фронта страх перед «красной опасностью» толкнул правые круги на путь сговора с агрессорами «любой ценой», то есть на путь предательства национальных интересов страны¹³. Эти соображения оказывали все возрастающее воздействие и на представителей правого крыла радикал-социалистской партии, входившей в состав Народного фронта. Это касалось, в частности, таких деятелей, как Э. Даладье, Ж. Бонне и др., игравших важнейшую роль в определении внешнеполитического курса Франции.

Классовая основа политики как Англии, так и Франции была раскрыта М. М. Литвиновым в беседе с французским послом в СССР Р. Кулондром. Нарком отметил, что Англия стремилась бы к сближению с СССР, если бы этому не мешала социальная вражда к Советскому Союзу господствующих классов Англии. Это же можно сказать и о Франции, где немало влиятельных людей (Фланден и др.) открыто выступают за «пакт четырех»¹⁴.

Советский полпред во Франции Я. З. Суриц писал, что в этой стране все меньше проявляется стремление придать действенный характер советско-французскому договору о взаимной помощи, подходить к нему с точки зрения его «первоначального предназначения». Этот договор, как и вообще отношения с СССР, рассматривается во Франции «не в плане общей борьбы против германской угрозы, не в плане, словом, позитивном, а больше — негативном: превалирует стремление удержать СССР подальше от Германии, не допустить и помешать германо-советскому сближению»¹⁵.

Отречение французского правительства от франко-советского пакта Д. Ллойд Джордж считал проявлением совершенного безумия. Касаясь вопроса о том, кто может спасти Францию в случае войны, он справедливо указывал: «Не Англия, а только СССР... Победа над Германией может быть решена только большой сухопутной армией. Такая армия имеется лишь у СССР»¹⁶.

Правящие круги Франции тем не менее исходили из того, что ее наиболее важной союзницей является Англия. Однако это были ничем не обоснованные иллюзии. Особенно характерна в этом отношении следующая запись, сделанная 6 февраля 1938 г. в дневнике английским генералом У. Айронсайдом. Очевидно, наше правительство понимает, писал он, что, если мы снова высадим армию во Франции, это будет означать повторение боев 1914—1918 годов, но в более трудных условиях. Теперешнее правительство правильно решило не делать этого «даже перед лицом опасности, что Франция может оказаться разгромленной»¹⁷.

Таким образом, Франция пренебрегала своим договором с СССР, ставя на первое место союз с Англией. Однако это был такой союз, который мог погубить Францию (так и случилось), а не спасти ее, так как оказывать Франции действительно эффективную помощь в случае нападения на нее Германии в Лондоне не собирались, да и не могли.

Впрочем, военная доктрина самих французов в принципе соответствовала английской. Заместитель председателя французского правительства Э. Даладье считал, что Франция «могла бы жить в безопасности за «линией Мажино», невзирая на то, что может произойти в Центральной и Восточной Европе»¹⁸.

Об агрессивных планах гитлеровцев было информировано и правительство Соединенных Штатов Америки. Помощник государственного секретаря США Дж. Мессерсмит писал 11 октября 1937 г., что планы германских фашистов сводятся к следующему: захват Австрии и Чехословакии; установление господства Германии в Юго-Восточной Европе; захват Украины; изоляция России; ослабление Франции путем расторжения ее союза с Россией; постепенное расчленение Британской империи; наконец, действия против США¹⁹.

И тем не менее Соединенные Штаты не только не принимали каких-либо мер против агрессоров, но поощряли политику соглашения с ними, проводившуюся пра-

вящими кругами Англии и Франции. Министр иностранных дел Франции И. Дельбос даже не скрывал во время встречи с М. М. Литвиновым 6 ноября 1937 г., что США толкают Францию на соглашение с Германией²⁰. Как признает в своих воспоминаниях заместитель государственного секретаря США С. Уэллес, позиция США объяснялась господствовавшим в Соединенных Штатах убеждением, что Германия не начнет войны против западных держав, пока она не уничтожит своего истинного врага — СССР²¹.

Американский историк Ф. Шуман, характеризуя политику Англии, Франции и США, писал, что имущие классы западных держав «восхищались фашизмом и полагали, что их собственные интересы были бы обеспечены сохранением и распространением фашизма». Более того, многие политические деятели этих стран надеялись, что «предоставление фашистской тройке свободы рук... приведет к германо-японскому нападению на Советский Союз» и «цивилизация» таким путем будет «предохранена от большевизма», а Франция, Англия и Америка смогут оставаться нейтральными, пока «фашизм и коммунизм будут уничтожать друг друга»²².

Стремясь к достижению соглашения с гитлеровцами, английское правительство решило направить в Германию одного из наиболее влиятельных членов правительства — лорда-председателя королевского тайного совета Галифакса (бывшего вице-короля Индии). 19 ноября 1937 г. состоялась беседа лорда Галифакса с Гитлером. Галифакс отметил заслуги Гитлера в «уничтожении коммунизма» в Германии, в связи с чем она может по праву считаться «бастионом Запада против большевизма». Он дал понять, что в случае заключения «широкого соглашения», по которому Германия обязалась бы уважать целостность Британской империи, английское правительство готово предоставить ей свободу рук в Центральной и Восточной Европе. Галифакс сказал, что это относится, в частности, к планам Германии в отношении Австрии, Чехословакии и Данцига. Он сделал лишь оговорку о том, что Германия должна осуществлять свою экспансию, не прибегая к вооруженной силе²³.

Эта оговорка была связана с существованием военного союза между Францией и Чехословакией. Английское правительство опасалось, что вторжение германских войск в Чехословакию могло бы привести к вооруженному конфликту, в который вслед за Францией оказалась бы втяну-

той и Англия. А такая война означала бы крах всех расчетов английских реакционных кругов на войну между Германией и СССР.

Галифакс, со своей стороны, пришел в восторг от нацистских главарей прежде всего потому, что все они были «смертельными врагами коммунизма»²⁴. 24 ноября он сделал на заседании английского правительства отчет о своем вояже. Выслушав его, Н. Чемберлен отметил, что цель поездки заключалась в выяснении позиции немцев по вопросу о возможности достижения англо-германского соглашения, и выразил глубокое удовлетворение итогами визита²⁵.

В конце ноября 1937 года в Лондон для согласования дальнейших планов двух держав относительно переговоров с Германией были приглашены французский премьер К. Шотан и министр иностранных дел И. Дельбос. При этом была уточнена их позиция в случае германской агрессии против Чехословакии. Чемберлен твердо заявил, что Англия «не должна быть втянута в войну из-за Чехословакии». Дельбос, излагая позицию Франции, отметил, что ее договор с Чехословакией вступит в действие, если со стороны Германии будет иметь место вооруженное вмешательство, но если Германия осуществит аннексию Судетской области без прямого «акта агрессии», то договор «не вступит в силу»²⁶.

Это заявление Дельбоса свидетельствовало о готовности Франции согласиться на расчленение своего союзника, лишь бы не были нарушены определенные «правила игры». Как показали дальнейшие события, Чемберлен прилагал все силы к тому, чтобы агрессивные действия Германии осуществлялись без грубого нарушения этих «правил».

Во время неофициальных встреч английских и французских деятелей их политика обсуждалась еще более откровенно. И Дельбос, прибывший в Варшаву после визита в Лондон, рассказывал о господствовавших в Англии настроениях: «Чемберлен убежден, что нет иного пути и следует договориться о сотрудничестве с Германией и Италией». Из переговоров с англичанами было видно, сказал французский министр, что «в Лондоне настроение по отношению к СССР ухудшилось» и что «Англия не имеет ничего против того, чтобы СССР остался вне пакта и, более того, чтобы возник конфликт между Германией и СССР»²⁷.

Состоявшиеся в Лондоне переговоры свидетельствова-

ли о том, что ни Англия, ни Франция не собирались оказывать помощь и поддержку Чехословакии, если Германия будет добиваться осуществления своих планов, не прибегая к открытой агрессии. Тем более они не намеревались противодействовать захвату Германией Австрии.

При рассмотрении итогов англо-французских переговоров на заседании английского правительства Чемберлен сообщил о достижении договоренности «продолжить попытку добиться общего урегулирования с Германией»²⁸. На заседании внешнеполитического комитета английского правительства 24 января и 3 февраля 1938 г. подробно рассматривались вопросы, которые должны были быть урегулированы в англо-германском соглашении. При этом был поднят также вопрос о советско-французском и советско-чехословацком договорах о взаимопомощи. Участники заседания не скрывали, что они считали эти договоры препятствием к достижению соглашения с Германией. Английский посол в Берлине Н. Гендерсон, принимавший участие в дискуссии, прямо заявил: «Чехословакии необходимо будет избавиться от ее соглашения с Советской Россией»²⁹.

Гитлер мог не беспокоиться и по поводу позиции правящих кругов Соединенных Штатов. 2 марта 1938 г. полпред в США А. А. Трояновский констатировал, что «судьба Австрии не вызывает здесь большого беспокойства. Изоляционисты всех толков в общем готовы примириться со всеми захватами фашистов»³⁰.

Захват Германией Австрии

Готовясь к крупному вооруженному конфликту, фашистская Германия стремилась до поры до времени получить все, что возможно, без войны. Англо-франко-американская политика попустительства агрессии лила воду на ее мельницу.

В начале марта 1938 года Гитлер начал форсировать захват Австрии.

Ради перестраховки бывший германский посол в Англии фон Риббентроп, назначенный министром иностранных дел Германии, прибыл 10 марта в Лондон «для нанесения прощальных визитов». Воспользовавшись приездом Риббентропа, Чемберлен и Галифакс снова предложили Гитлеру «руку и сердце»³¹.

В тот же день состоялась и другая встреча, менее официальная, но не менее важная. Это — беседа Г. Виль-

сона, ближайшего советника Н. Чемберлена, явно имевшего задание последнего более откровенно изложить гитлеровцам сокровенные планы английского правительства, с сотрудником аппарата Риббентропа Э. Кордтом. Вильсон заявил, что Чемберлен преисполнен стремления «продолжать свой курс на достижение соглашения с Германией и Италией». Коснувшись сотрудничества между западноевропейскими державами и раскрывая конечную цель английского правительства, Г. Вильсон подчеркнул: «Россия должна быть в настоящее время полностью оставлена в стороне. В один прекрасный день господствующая там система... должна исчезнуть»³².

Это было уже прямое предложение Чемберлена заключить англо-германское соглашение по интересовавшим обе стороны вопросам, после чего они могли бы объединить усилия для уничтожения Советского государства.

Риббентроп сразу же сообщил Гитлеру первые результаты выполненного им задания о выяснении позиции Англии на случай, «если австрийский вопрос нельзя будет урегулировать мирным путем». Он выражал уверенность, что никакого противодействия Англия оказывать не будет. Чемберлен и Галифакс добиваются, писал Риббентроп, «взаимопонимания четырех великих держав Европы, исключая Советский Союз»³³.

Гитлер лишний раз убедился, что он может действовать, не опасаясь вмешательства западных держав. 11 марта он издал директиву о вторжении в Австрию. Если другие меры окажутся безуспешными, писал он в этой директиве, «я намереваюсь вторгнуться в Австрию при помощи вооруженных сил»³⁴. По распоряжению из Берлина австрийские нацисты предъявили канцлеру Австрии К. Шушнигу ультиматум о его отставке и назначении на его место фюрера местных нацистов Зейсс-Инкварта. В ночь на 12 марта гитлеровские войска вступили в Австрию. Она была присоединена к Германии.

Эта акция гитлеровцев не встретила противодействия со стороны Англии, Франции и США. Что касается Лиги наций, то британское и французское правительства договорились не поднимать в ней этого вопроса, так что Лига наций даже «не заметила» исчезновения австрийского государства, хотя оно и было ее членом. Как видно из записи в дневнике Н. Чемберлена от 13 марта, несмотря на захват Германией Австрии, он рассчитывал в один прекрасный день снова начать англо-германские переговоры³⁵. Следует, однако, отметить, что в Лондоне, Париже и Ва-

шингтоне понимали, что аннексия Австрии была началом конца Версальско-Вашингтонской системы договоров, на которой основывалось их господствующее положение как в Европе, так и во всем мире. И. М. Майский писал 12 марта 1938 г. о явной растерянности в правительственных кругах Англии в связи с захватом гитлеровцами Австрии: «Престижу премьера нанесен сильный удар, а шансы близкой реализации «пакта четырех» сразу же упали»³⁶.

Захват гитлеровцами Австрии резко обострил положение в Европе. 14 марта НКВД констатировал в письме в ЦК ВКП(б), что это представляется важнейшим событием после первой мировой войны, «чреватым величайшими опасностями», не в последнюю очередь и для СССР³⁷.

СССР выступил с решительным осуждением германской агрессии. В советской печати широко публиковались материалы, разоблачавшие агрессивные действия фашистского рейха.

Какая-то захвата Германией Австрии, нарком иностранных дел СССР указывал 17 марта в интервью представителям печати, что за последние годы Советское правительство неоднократно выступало с осуждением международных преступлений, заявляя о своей готовности «принять активное участие во всех мероприятиях, направленных к организации коллективного отпора агрессору». Советское правительство заклеило военное вторжение в Австрию и насильственное лишение австрийского народа независимости³⁸.

Одновременно Советский Союз разоблачал и тех, кто своей политикой соглашательства с агрессорами сделал возможным захват Австрии Германией, мостил немецким фашистам дорогу в Вену. Можно с уверенностью сказать, указывала «Правда», что разгул фашистской агрессии является непосредственным следствием политического курса Чемберлена. «Проводимая им политика открытого сговора с агрессорами и отказа от системы коллективной безопасности, — отмечалось в газете, — развязала руки поджигателям войны»³⁹.

После присоединения Австрии к фашистской Германии непосредственная угроза нависла над Чехословакией.

Польский ультиматум Литве

Не бездействовали и реакционные правящие круги Польши, которые мечтали о новых захватах чужих земель, прежде всего советских. Посол США в Варшаве Д. Биддл

на основе своих бесед с польским министром иностранных дел Ю. Беком пришел к выводу, что Польша стремится к установлению тесных отношений с Германией и приветствует германо-итальянское сотрудничество против коммунистической России, так как рассматривает ее как своего главного врага⁴⁰. Гитлеровцы исходили из того, что внешняя и внутренняя политика Польши вполне соответствует политике Германии, Италии и Японии и поэтому следовало бы привлечь ее к участию в «антикоминтерновском пакте». Они неоднократно обращались к ней с соответствующими предложениями⁴¹. Не считая удобным открыто присоединяться к «антикоминтерновскому пакту» (во всяком случае, в то время), Польша самым тесным образом сотрудничала с участниками пакта. 13 января 1938 г. Ю. Бек заявил министру иностранных дел Германии фон Нойрату, что он считает уничтожение большевизма «основной целью своей политики»⁴². 31 марта новый министр иностранных дел Германии фон Риббентроп не преминул поднять в беседе с польским послом в Берлине Ю. Липским «не выходящую у него из головы идею широкого антикоммунистического сотрудничества». Польский посол в ответ заявил о своей убежденности в целесообразности сотрудничества Германии и Польши «в борьбе против коммунизма»⁴³. Подогревая аппетиты польских правящих кругов, гитлеровцы подчеркивали, что Польше «недостаточно» выхода к Балтийскому морю и она должна иметь также «выход к Черному морю»⁴⁴.

Агрессивные устремления польских правящих кругов обращались и в сторону Литвы. В ночь на 11 марта польские пограничники спровоцировали инцидент на польско-литовской границе, чтобы создать повод для вторжения польских войск в Литву. Тогдашние польские правители рассматривали захват Литвы как «компенсацию» за поддержку агрессивных планов Германии в отношении Австрии⁴⁵. Польский журнал «Пшеглэнд Повшехны» писал: «В связи с аншлюсом мы должны получить какую-то компенсацию... Качественно, ввиду своего геополитического положения, Литва является очень ценной»⁴⁶.

12 марта в Варшаве срочно было созвано чрезвычайное совещание, в котором принимали участие генеральный инспектор вооруженных сил Э. Рыдз-Смиглы, премьер Польши Ф. Складковский и Я. Шембек, замещавший отсутствовавшего в Варшаве министра иностранных дел Ю. Бека. Было решено добиваться политического подчинения Литвы Польше⁴⁷.

У литовской границы были сосредоточены крупные силы польских войск, и в любой момент можно было ожидать их вторжения в Литву.

Польша и фашистская Германия действовали в самом тесном контакте. Так, во время пребывания Бека в Берлине в январе 1938 года Геринг сообщил ему, что Германия считает своей очередной задачей аншлюс. Гитлер подчеркнул, что он готов прибегнуть в этих целях к применению силы. Бек заявил гитлеровцам, что Польша не имеет каких-либо возражений против аншлюса: «Польша имеет с Австрией только экономические отношения; у нас там нет каких-либо политических интересов»⁴⁸. 23 февраля и 12 марта во время очередных бесед с Герингом Бек и Липский снова подтвердили свои заявления о том, что Польша не возражает против захвата Германией Австрии. Геринг ответил, что Гитлер «будет обязан Польше за такую позицию»⁴⁹.

Гитлеровцы «расплатились» с польскими правящими кругами уже 16 марта. Геринг пригласил в этот день Липского для разговора о дальнейшем германо-польском сотрудничестве. Польский посол ознакомил его с агрессивными планами Польши в отношении Литвы. В тех же выражениях, в каких поляки дали свое согласие на захват Германией Австрии, Геринг сообщил о согласии Германии на захват Польшей Литвы, сделав оговорку только в отношении Клайпеды. Липский писал, что Геринг «проявил понимание нашей позиции. Он подчеркнул заинтересованность Германии в Клайпедке, в то же время выразив ее незаинтересованность в отношении Литвы»⁵⁰. Геринг, однако, отметил, что действия Польши могут повлечь за собой осложнения в ее отношениях с СССР. И в этой связи он сделал «открытое предложение о польско-германском военном сотрудничестве против России». Липский сразу же известил Варшаву о позиции, занятой германским правительством в отношении «возможной акции Польши против Литвы»⁵¹, то есть в отношении вторжения в Литву польских войск.

Одновременно готовилось вторжение в Литву германских войск. 17 марта Бек дал польскому посланнику в Берлине Липскому указание конфиденциально информировать Геринга, что «обострение отношений с Литвой возникло не только из-за пограничного инцидента». Липский должен был заявить, что, если в случае отклонения Литвой польского ультиматума последует вторжение польских войск в Литву, «польская сторона будет учитывать

интересы Германии в Клайпедe». Липский немедленно выполнил это поручение и заверил Геринга, что будет держать германское правительство в курсе дальнейших событий. Липский считал эту беседу исключительно важной, так как в результате ее мог информировать Варшаву о позиции Германии «в связи с нашей возможной акцией против Литвы»⁵². Таким образом, Польша намеревалась захватить Литву, но за исключением Клайпеды, которую она была готова «уступить» Германии.

Намерения Германии видны из записки Риббентропа от 17 марта. «В случае конфликта между Польшей и Литвой, — писал он, — следует в первые же часы оккупировать территорию Клайпеды. Необходимые меры уже приняты». Начальник верховного командования вермахта В. Кейтель подготовил специальную карту с германо-польской демаркационной линией на территории Литвы, согласно которой германские войска должны были занять наряду с Клайпедской областью и некоторые другие районы Литвы⁵³.

Литва оказалась перед смертельной опасностью одновременно со стороны двух агрессоров — Польши и Германии, действовавших в тесном контакте.

Советское правительство энергично выступило в поддержку Литвы. 16 марта 1938 г. нарком иностранных дел СССР вызвал польского посла в Москве В. Гжибовского и сделал ему заявление о том, что серьезность положения заставляет Советское правительство обратить внимание польского правительства на то обстоятельство, что Советский Союз не смог бы остаться безучастным, если бы Литва оказалась под угрозой⁵⁴.

Одновременно Советское правительство приняло меры к тому, чтобы оказать воздействие на Польшу через ее союзницу — Францию. Нарком дал советскому полпреду в Париже указание немедленно обсудить с французским министром иностранных дел Ж. Поль-Бонкуром возможные меры, с тем чтобы «удержать Варшаву от безумной авантюры, которая грозит пожаром на всем востоке Европы». Полпреду поручалось проинформировать французского министра также о демарше, сделанном им 16 марта В. Гжибовскому⁵⁵.

Поскольку 17 марта Польша вручила Литве ультиматум, в котором угрожала прибегнуть к военным действиям, на следующий день М. М. Литвинов сделал В. Гжибовскому для передачи в Варшаву повторное серьезное предупреждение⁵⁶.

Вмешательство Советского правительства предотвратило захват Литвы Польшей и Германией.

Польские правители, однако, не отказались от своих агрессивных устремлений. Польский посланник в Бухаресте А. Арцишевский доказывал румынскому королю, что гитлеровская Германия сильнее Советского Союза и что в случае назревания войны Польша войдет в блок, состоящий из Германии, Италии, Финляндии, Латвии, Эстонии, Венгрии и Болгарии; Польша приветствовала бы присоединение к этому блоку Румынии, а вместе с ней — Югославии и Греции⁵⁷. В июле 1937 года начальниками генеральных штабов Польши и Румынии было заключено соглашение, в соответствии с которым в случае войны с СССР Польша обязалась выставить 350 тыс. солдат и Румыния — 250 тыс. солдат. Было решено, что если в их руках окажется вновь приобретенная территория, то она будет поделена между ними: области к югу от линии Винница — Киев — р. Десна, включая Одессу, отойдут к Румынии, а к северу от этой линии, включая Ленинград, — к Польше⁵⁸.

Как будет показано дальше, Польша тесно сотрудничала с фашистским рейхом и в агрессии против Чехословакии.

Два курса по отношению к агрессивным планам Германии против Чехословакии

План «Грюн»

После присоединения Австрии к Германии генеральный штаб германской армии по указанию Гитлера приступил к подготовке захвата Чехословакии, то есть осуществлению плана «Грюн», утвержденного еще 7 декабря 1937 г.⁵⁹

В военном смысле захват Чехословакии был нелегкой задачей. Германия еще не завершила подготовку к крупной войне. В то же время чехословацкая армия по своему оснащению и боевой подготовке по праву считалась одной из лучших среди капиталистических стран Европы. В пограничных с Германией районах Чехословакии была создана полоса укреплений по образцу «линии Мажино».

Кроме того, Чехословакия имела договоры о взаимной помощи с двумя крупнейшими державами Европы — СССР и Францией. Поэтому гитлеровская дипломатия считала важнейшей задачей международную изоляцию (нейтрализацию) Чехословакии. Учитывая, что она явля-

лась связующим звеном между различными союзами (Малой Антантой и др.), созданными Францией в межвоенный период, гитлеровцы рассчитывали добиться нейтрализацией Чехословакии ликвидации и всех этих союзов. Как в целях осуществления плана «Грюн», так и для облегчения осуществления других своих агрессивных планов нацисты по-прежнему добивались также внешнеполитической изоляции Советского Союза⁶⁰.

В Берлине решили начать подготовку захвата Чехословакии с постановки вопроса о присоединении к Германии так называемой Судетской области — полосы чехословацкой территории вдоль всей границы с Германией, где большинство населения составляли немцы.

На «пятую колонну» гитлеровцев в Чехословакии — их агентуру среди судетских немцев — была возложена задача изнутри подорвать страну и тем самым ослабить ее способность к сопротивлению. 28 марта 1938 г. Гитлер дал Гейнлейну, «фюреру» судетско-немецких фашистов, указания активизировать свою деятельность и предъявить правительству Чехословакии требования, которые были бы для него заведомо неприемлемыми⁶¹.

Курс СССР на коллективный отпор агрессии

Советское правительство считало необходимым коллективными усилиями предотвратить захват гитлеровцами Чехословакии. СССР был готов принять в этом самое активное участие. Он имел для этого достаточно сил и возможностей. В результате претворения в жизнь второго пятилетнего плана Советский Союз стал одной из самых мощных в мире держав. С 1933 по 1938 год продукция оборонной промышленности СССР выросла в 2,8 раза. К началу 1938 года в Советских Вооруженных Силах насчитывалось 1 513 400 человек⁶².

В меморандуме «Военная сила Советского Союза», подготовленном в апреле 1938 года американским военным атташе в СССР Ф. Фэймонвиллем для госдепартамента США, констатировалось, что Красная Армия со своими 1,5 млн. солдат и значительным количеством танков и самолетов представляла собой большую силу, чем армии Германии и Японии, вместе взятые⁶³.

Французский военный атташе в СССР полковник О. Палас также докладывал в Париж, что вооружение Красной Армии «современное и имеется в достаточном количестве. Достигнут прогресс в развитии артиллерии». Возможности производства вооружения и военного сна-

ряжения в результате развития советской индустрии значительны и будут продолжать расти. Советская армия, считал О. Палас, способна «обеспечить надежную оборону своей страны» и предпринять наступление⁶⁴. Французский посол Р. Кулондр, со своей стороны, писал 18 апреля, что Советское правительство уделяло и уделяет первостепенное внимание укреплению обороны страны. Мощь советской армии «не уступает силе других армий Европы». Он выражал несогласие с имевшими хождение на Западе утверждениями, будто советская армия «неспособна предпринимать крупные наступательные действия»⁶⁵. Таким образом, О. Палас и Р. Кулондр свидетельствовали о том, что в случае нападения Германии советские войска, несмотря на ослабление в результате репрессий в отношении военных кадров, в состоянии активными наступательными действиями прийти на помощь странам, которым это может понадобиться.

15 марта 1938 г. заместитель народного комиссара иностранных дел В. П. Потемкин заверил чехословацкого посланника в Москве З. Фирлингера, что Советское правительство в случае нападения на Чехословакию полностью выполнит свои союзнические обязательства. Одновременно такое же заявление Советское правительство сделало также правительствам Франции и Великобритании⁶⁶.

По поручению ЦК ВКП(б) и Советского правительства 17 марта нарком иностранных дел СССР выступил с официальным заявлением в связи с обострением положения в Европе. Он констатировал, что захват Германией Австрии, расположенной в центре Европы, создал несомненную опасность для всех европейских государств. Касаясь обязательств СССР, вытекавших из устава Лиги наций и договоров о взаимной помощи с Францией и Чехословакией, нарком заявил, что Советское правительство «по-прежнему готово участвовать в коллективных действиях, которые были бы решены совместно с ним и которые имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранение усилившейся опасности новой мировой бойни. Оно согласно приступить немедленно к обсуждению с другими державами в Лиге наций или вне ее практических мер, диктуемых обстоятельствами. Завтра может быть уже поздно, но сегодня время для этого еще не прошло, если все государства, в особенности великие державы, займут твердую недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира»⁶⁷.

Тексты этого заявления были направлены правительствам Англии, Франции, США, Чехословакии, Балканских, Прибалтийских, Скандинавских государств, Польши, Бельгии и Турции.

Английский посол в Москве лорд Чилстон во время встречи с М. М. Литвиновым 19 марта 1938 г. признал, что заявление Советского правительства «вызвало большое движение в Англии среди членов парламента». Поясняя суть этого заявления, нарком сказал, что его необходимо понимать как приглашение начать переговоры и что в зависимости от реакции западных держав может быть поставлен вопрос о месте и времени этих переговоров. Надо предварительно выяснить мнение соответствующих стран, отметил он, после чего можно было бы «рассылать приглашения на конференцию»⁶⁸.

Предложение Советского Союза о коллективных мерах по защите мира не встретило поддержки у западных держав.

Курс западных держав на соглашение с агрессором

Английское правительство продолжало прежний курс своей политики, о чем наглядно свидетельствуют высказывания Н. Чемберлена на заседании внешнеполитического комитета правительства 15 марта. Премьер-министр «не думает, — говорится в протоколе этого заседания, — что происшедшие события должны побуждать правительство к изменению своей политики; наоборот, последние события укрепили его уверенность в правильности этой политики, и он сожалеет лишь о том, что этот курс не был начат раньше»⁶⁹. Такого же мнения был и лорд Галифакс. Он заявил в беседе с чехословацким посланником в Лондоне Я. Масариком: «Я не хочу окончательно отказываться от надежды, что все-таки с Германией когда-то можно будет договориться»⁷⁰.

18 марта Форин оффис представил на рассмотрение внешнеполитического комитета английского правительства подробно разработанный меморандум по чехословацкому вопросу, в котором указывалось, что английское правительство должно сделать выбор из трех возможных курсов:

- 1) заключить «большой альянс» с участием Франции и других стран против агрессии (предложение У. Черчилля в палате общин 14 марта);

- 2) взять обязательство оказать помощь Франции в

случае выполнения ею своих договорных обязательств в отношении Чехословакии;

3) не брать новых обязательств в отношении Франции⁷¹.

В тот же день этот вопрос был подробно рассмотрен на заседании внешнеполитического комитета правительства. Общий тон дискуссии задавали Чемберлен, Галифакс и министр координации обороны Инскип, которые выступили против первых двух возможных курсов английской политики.

Министр иностранных дел Галифакс в своем выступлении намекал, что не следует создавать препятствий на пути к соглашению с Германией. Чем теснее «Англия свяжет себя с Францией и Россией», утверждал он, «тем труднее будет достигнуть действительного соглашения с Германией». В конце заседания, подводя итоги, Галифакс констатировал общее мнение, что Англии не следует брать на себя каких-либо новых обязательств, а необходимо внушить чехам и французам, что лучший выход — это компромисс между Германией и Чехословакией⁷².

Принятые на этом заседании решения легли в основу всей дальнейшей деятельности английской дипломатии. Свою главную задачу она видела в том, чтобы не допустить оказания Францией помощи Чехословакии, что могло вовлечь Англию в войну с третьим рейхом. А это означало бы крах всей внешнеполитической линии Чемберлена, направленной на достижение соглашения с Германией. Основной предпосылкой такого соглашения в тогдашних условиях английское правительство считало «решение судетской проблемы», то есть присоединение Судетской области к Германии «мирным путем». Это был курс, который «увенчался успехом» в Мюнхене.

22 марта 1938 г. французскому правительству была направлена нота, в которой сообщалось, что Англия не считает возможным взять на себя какие-либо новые обязательства в Европе и что Франция не может рассчитывать на помощь Англии в случае вступления ее в войну в целях оказания помощи Чехословакии⁷³.

В Лондоне все же считали необходимым обратить внимание Берлина, что в случае, если Германия в Центральной Европе прибегнет к мерам открытой вооруженной агрессии, Англия против собственной воли может оказаться вовлеченной в войну. Выступая 24 марта в палате общин, Н. Чемберлен сделал официальное заявление о том, что Англия не намерена брать на себя новые обяза-

тельствва в Европе. Но если начнется война, говорилось в нем, «представляется вполне возможным почти немедленное вовлечение в нее других стран помимо участников первоначального конфликта. Это особенно относится к таким двум странам, как Великобритания и Франция, которые связаны давними узами дружбы и интересы которых тесно переплетаются...»⁷⁴. Правительство Чемберлена, таким образом, «убеждало» Берлин не развязывать вооруженного конфликта, фактически заверяя нацистскую Германию о возможности достижения ею своих целей другими средствами.

В основе такой позиции английских правящих кругов лежала надежда на то, что, осуществив свои агрессивные планы в отношении Чехословакии, германские агрессоры будут двигаться дальше на Восток. Проводя такую политику, британская реакция ставила под смертельную угрозу жизненные интересы также и английского народа, ибо гитлеровцы планировали сначала войну против Англии и лишь затем — против СССР. Поэтому в случае сотрудничества с СССР обеспечивала бы свою безопасность прежде всего сама Англия. Эта слепота английских «твердолобых» особенно наглядно видна из следующей директивы Риббентропа статс-секретарю МИД Германии от 19 апреля 1938 г.: «Официально врагом называть Россию, в действительности же все направлять против Англии»⁷⁵.

Советское предложение от 17 марта о принятии неотложных мер по борьбе с агрессией ни на одном из состоявшихся в те дни заседаний английского правительства и его внешнеполитического комитета даже не упоминалось. Отрицательное отношение к нему заранее было предопределено общим внешнеполитическим курсом правящих кругов Англии. Однако, поскольку советское предложение получило во многих странах широкий отклик, Н. Чемберлен оказался вынужденным коснуться его в своей внешнеполитической речи в парламенте 24 марта. Он выразил недовольство тем, что это предложение имеет целью «заранее договориться о некоторых совместных обязательствах против агрессии», и заявил о неприемлемости его для английского правительства⁷⁶.

Франция также не поддержала советского предложения от 17 марта, хотя захват Германией Австрии представлял собой прямую опасность для ее союзницы Чехословакии. Чехословацкий вопрос был рассмотрен 15 марта на заседании постоянного комитета национальной обороны под председательством Э. Даладье. В ходе прений востор-

жестовала точка зрения капитулянтов. Даладье утверждал, что Франция, мол, не в состоянии оказать Чехословакии «никакой непосредственной помощи»; она может лишь, осуществив мобилизацию, сковывать германские войска на франко-германской границе. По вопросу о возможном сотрудничестве с СССР в деле оказания помощи Чехословакии участники заседания заняли негативную позицию. В итоге заседавшие пришли к выводу, что Франция «не может помешать действиям против Чехословакии». Французские государственные деятели, отказавшись от сотрудничества с Советским Союзом, фактически бросали свою союзницу Чехословакию на произвол нацистской Германии⁷⁷. Английский историк А. Адамтуэйт констатирует, что в Париже франко-советский договор о взаимопомощи был «предан забвению»⁷⁸.

НКВД отмечал 4 апреля в письме полпредству в Париже, характеризуя политику Франции, что, несмотря на крайнюю напряженность международной обстановки, французское правительство не меняет своей позиции нерешительности, бездеятельности и легковерия перед лицом событий, создающих непосредственную угрозу для общего мира и прямую опасность для самой Франции. Ни захват Австрии Германией, ни критическое положение Чехословакии, ни польский ультиматум Литве, ни появление германских и итальянских войск на испано-французской границе, ни, наконец, вызывающие заявления Муссолини, грозящего Европе войной, «не заставили французов встрепунуться, одуматься и что-либо предпринять хотя бы для самозащиты... Франция неизбежно дойдет до катастрофы». Нечего и думать, чтобы французское правительство пришло на помощь своему чехословацкому союзнику⁷⁹.

Было очевидно, что реакционные правящие круги Франции опасались народа своей страны больше, чем немецко-фашистских агрессоров. Они становились на путь национального предательства.

В сложившихся условиях существенное значение могла иметь позиция США. Что касается советского предложения от 17 марта, то правительство США оставило его без ответа. Государственный секретарь США К. Хэлл, излагая в своих воспоминаниях историю вопроса, писал, что поскольку американский ответ, «диктуемый политикой уклонения от связующих обязательств», должен был быть отрицательным, то, для того чтобы не обескураживать Россию, было сочтено, что лучше вообще не посылать ответа⁸⁰. В инструктивном письме наркома иностранных

дел СССР советскому полпреду в Вашингтоне по поводу позиции США говорилось: «Рузвельт и Хэлл продолжают дарить мир своими проповедями, но в то же время палец о палец не ударяют в пользу мира. На фоне сохранения закона о нейтралитете и неограниченного снабжения Японии оружием означенные проповеди становятся тошнотворными»⁸¹.

В Вашингтоне надеялись, что фашистский рейх, осуществляя агрессию на Восток, не будет представлять собой опасности для Соединенных Штатов. Американские историки У. Лэнджер и С. Глисон отмечают, что Ф. Рузвельт был «не особенно обеспокоен захватом Германией Австрии. Он был уверен, что Гитлер приступает к осуществлению своей восточной программы»⁸².

Советский Союз верен своим обязательствам

ЦК ВКП(б) и Советское правительство придавали предотвращению захвата Германией Чехословакии первостепенное значение. В апреле 1938 года этот вопрос рассматривался ЦК ВКП(б) и было принято соответствующее решение⁸³.

Чехословацкий посланник в СССР З. Фирлингер сообщал в Прагу 23 апреля 1938 г., что он получил от находившегося в тот момент в Москве советского полпреда в Чехословакии С. А. Александровского для передачи чехословацкому правительству следующие сведения о принятом решении: «СССР, если его об этом попросят, готов вместе с Францией и Чехословакией предпринять все меры по обеспечению безопасности Чехословакии. Для этого он располагает всеми необходимыми средствами. Состояние армии и авиации позволяет это сделать»⁸⁴. 27 апреля чехословацкий посланник подчеркнул в беседе с В. П. Потемкиным, что такая позиция правительства СССР «весьма ободряет чехословаков»⁸⁵. 28 апреля французский посол в Москве Р. Кулондр также писал в Париж, сообщая о беседе с М. М. Литвиновым, что в отношении Чехословакии «позиция Советов очень четкая и они согласны рассмотреть конкретные формы оказания ей помощи»⁸⁶.

Нарком обороны К. Е. Ворошилов, в свою очередь, 2 мая 1938 г. заявил британскому военному атташе в Москве Р. Файэрбрейсу, что Советский Союз, безусловно, выполнит свои обязательства по договору с Чехословакией⁸⁷.

Если бы Англия, Франция и США заняли столь же твердую позицию, то можно было бы преградить германским войскам путь в Прагу. Однако правящие круги этих стран продолжали проводить политику попустительства агрессорам.

Все более капитулянтской становилась позиция Франции. 10 апреля было образовано новое французское правительство, важнейшие посты в котором заняли сторонники соглашения с Германией. Это были прежде всего правые радикалы — глава правительства Э. Даладье и министр иностранных дел Ж. Бонне. Они, правда, то и дело заявляли о готовности Франции выполнить обязательства перед Чехословакией. Фактически же, предавая не только Чехословакию, но и национальные интересы Франции, они были готовы на любые уступки Германии в Центральной и Восточной Европе. Э. Даладье и Ж. Бонне лелеяли надежду, что таким путем им удастся избежать войны между Францией и Германией и приблизить час конфликта между фашистским рейхом и СССР.

Внешнеполитический курс английского правительства снова отчетливо проявился в связи с предстоявшими англо-французскими переговорами. 27 апреля состоялось заседание английского правительства, созванное с целью выработки английской позиции на этих переговорах. Министр иностранных дел лорд Галифакс предложил заявить французам, что Англия «стремится возобновить прерванные переговоры» с Германией⁸⁸.

Это же заседание снова подтвердило стремление правительства Чемберлена уклониться от принятия на себя каких-либо обязательств и по отношению к Франции. Так, подводя итоги состоявшейся на заседании дискуссии, лорд Галифакс заявил, что, согласно общему мнению членов кабинета, Англия «не может взять на себя обязательства посылать войска на континент». Для того чтобы держать Францию на привязи, он в то же время считал нежелательным заявлять французам, что англичане не пошлют войска ни при каких обстоятельствах. Было также решено, что если англичане все же сочтут необходимым направить во Францию свои войска, то количество посылаемых в начале войны войск не будет превышать двух дивизий, хотя это «вызовет у французов сильнейший шок». По вопросу о Чехословакии решили снова заявить французам, что Англия не может принимать никаких военных обязательств⁸⁹.

Состоявшиеся в Лондоне 28—29 апреля англо-французские переговоры показали, что обе страны намерены были продолжать и дальше в чехословацком вопросе свою прежнюю политику. Так, Н. Чемберлен решительно заявил французам, что в случае оказания Францией помощи Чехословакии Англия останется в стороне⁹⁰. Английские министры добивались также того, чтобы французы «дистанцировались от русских»⁹¹. Э. Даладье и Ж. Бонне заявили о решимости навязать Чехословакии «любое решение», включая ее нейтрализацию, лишь бы избежать войны⁹².

Была достигнута договоренность об активизации английской дипломатией «посредничества» между Берлином и Прагой с целью «урегулирования» чехословацкого вопроса без войны. Суть достигнутой договоренности была сформулирована постоянным заместителем министра иностранных дел Англии А. Кадоганом следующим образом: «Договорились, что обе страны будут настаивать, чтобы Бенеш сделал максимум возможного, и что нам следует спросить Берлин, чего они хотят»⁹³.

Английское правительство действительно усилило свое «посредничество». По его указанию британский посланник в Праге Б. Ньютон явился к министру иностранных дел Чехословакии и сделал ему заявление, в котором усиленно доказывал «абсолютную необходимость» пойти на уступки гитлеровцам⁹⁴.

С другой стороны, 9 мая 1938 г. английское посольство известило МИД Германии, что если немцы конфиденциально сообщат, какого именно решения судетского вопроса они добиваются, то «английское правительство оказало бы в Праге такой нажим, что правительство Чехословакии вынуждено было бы удовлетворить требования Германии»⁹⁵.

Несмотря на то что Франция имела с Чехословакией договор о взаимопомощи, французское правительство считало возможным выполнять свои обязательства перед ней только в том случае, если бы Англия также заявила о своей готовности прийти на помощь Чехословакии. Поскольку в Лондоне не собирались оказывать помощь Чехословакии, Франция также не была намерена выступать в ее поддержку, хотя это представляло собой позорную измену своему союзническому долгу. Французское правительство к этому времени фактически полностью отказалось от проведения самостоятельного внешнеполитического курса и послушно шло в фарватере проводившегося Англией курса на сговор с Германией. Публично отречься

ся от выполнения своего договора с Чехословакией французские правящие круги все же не решались. Признав в беседе с поверенным в делах США, что без Англии Франция не намерена оказывать помощь Чехословакии, министр иностранных дел Франции Ж. Бонне сказал, что публично он «вынужден был бы говорить противоположное», как это и делало французское правительство⁹⁶.

Искаженно понимая национальные интересы страны, жизненные интересы чехословацкого народа, постепенно склонялись к капитуляции также чехословацкие буржуазные правящие круги. Они не считали возможным оказывать сопротивление германской агрессии, не имея твердых заверений о помощи со стороны Франции. Без них чехословацкое правительство не было заинтересовано и в получении помощи от СССР. В Праге твердо придерживались той позиции, что в вопросе о военных переговорах с Советским Союзом Чехословакия должна следовать за Францией⁹⁷. Во время встречи с французским послом в Польше Л. Нозлем, прибывшим в конце апреля в Прагу, президент Чехословакии Э. Бенеш подчеркнул силу Красной Армии, но тут же добавил: «Я хочу сотрудничать с СССР только в той мере, в какой это делает сама Франция»⁹⁸.

17 мая президент Чехословакии Э. Бенеш заявил в беседе с английским посланником Б. Ньютоном, что отношения Чехословакии с СССР «всегда были, всегда останутся второстепенным вопросом, зависящим от позиции Франции и Великобритании... Если Западная Европа потеряет интерес к России, то и Чехословакия его тоже потеряет»⁹⁹.

Находясь в середине мая 1938 года в Женеве (в связи с сессией Совета Лиги наций), М. М. Литвинов встретился с министрами иностранных дел Франции и Англии Ж. Бонне и Э. Галифаксом. Бонне, в частности, поинтересовался, какова будет позиция СССР в случае германской агрессии против Чехословакии. Как сообщал нарком в Москву, в вопросе французского министра чувствовалось желание получить ответ, который был бы равносителен отказу СССР от оказания помощи Чехословакии. Он явно хотел воспользоваться этим ответом для того, чтобы Франции было легче уклониться от выполнения обязательств в отношении Чехословакии¹⁰⁰. Отвечая ему, нарком отметил желательность того, чтобы представители французского, советского и чехословацкого генштабов обсудили конкретные военные меры, которые должны быть приняты тремя

странами ¹⁰¹. Однако Бонне не откликнулся на эту важную инициативу.

Таким образом, Прага смотрела на Париж, а Париж — на Лондон. Лондон же смотрел... на Берлин. Чтобы не вызывать недовольства Германии, а вслед за ней и Англии, французское правительство не соглашалось на переговоры военных представителей Франции, СССР и Чехословакии.

Э. Галифакс также не проявил интереса к сотрудничеству с СССР. Когда нарком напомнил ему советское заявление от 17 марта 1938 г. о готовности СССР участвовать в коллективных действиях против агрессии и принять участие в совещании заинтересованных государств для согласования необходимых мер, Галифакс пропустил эти слова мимо ушей. Подвергнув критике политику Англии в отношении Германии, нарком изложил советскую «концепцию коллективной безопасности, осуществление которой спасло бы Эфиопию, Австрию, Чехословакию и Китай» ¹⁰².

Между тем гитлеровцы начали форсировать события. 22 мая в Чехословакии должны были начаться муниципальные выборы. По мере приближения выборов фашистские организации судетских немцев резко активизировали свои подрывные действия. Они пытались представить эти выборы как референдум по вопросу о судьбе так называемой Судетской области. Одновременно у границ Чехословакии скрыто стали концентрироваться германские войска ¹⁰³. Были серьезные основания опасаться, что 22 мая судетские немцы могут спровоцировать беспорядки и одновременно произойдет вторжение в Чехословакию германских войск. Это повлекло за собой вполне естественную мобилизацию (частичную) в Чехословакии. Она была произведена быстро и организованно.

Опасаясь вооруженного конфликта, английские и французские правящие круги пришли в полное смятение. Французское правительство сочло необходимым сделать очередное публичное заявление о том, что оно, мол, поддерживает Чехословакию. Волей-неволей пришлось как-то реагировать на происходившие события и английскому правительству. Оно решило, однако, не идти дальше своего заявления от 24 марта, суть которого заключалась в том, что Германия должна «теряться в догадках» о позиции Англии в случае возникновения войны. Постоянный заместитель министра иностранных дел Англии А. Кадоган записал в своем дневнике, что обсуждение им с Галифаксом вопроса о позиции Англии привело к следующему итогу:

«Решено, что мы не должны воевать!» После этого Кадоган послал английскому послу в Берлине текст заявления германскому правительству, не имеющего, как он сам отмечал, серьезного значения¹⁰⁴.

Английское правительство, таким образом, фактически не рассматривало создавшегося положения. Никакого решения об изменении его прежнего курса не принималось. О чем-то серьезно предупредить гитлеровцев, а тем более угрожать им возможностью вступления Англии в войну британская дипломатия не собиралась. А. Кадоган прекрасно представлял себе бессодержательность очередного английского «демарша».

21 мая германскому правительству было передано английское заявление, в котором говорилось, что в случае германо-чехословацкого конфликта Франция будет обязана вмешаться, а в таких условиях Англия «не может гарантировать, что обстоятельства не вынудят ее тоже вмешаться. Эта мысль совершенно ясно выражена в речи премьер-министра в палате общин 24 марта с.г.» Одновременно английское правительство заверяло Гитлера, что оно делает все возможное для «урегулирования» судетского вопроса мирным путем, и поэтому призывало его «проявлять терпение»¹⁰⁵.

Таким образом, это заявление носило чисто показной характер, на деле же англичане фактически заверили нацистов, что помогут им осуществить их цели без войны. Адъютант Гитлера капитан Ф. Видеман отмечал, что англичане дали знать немцам: «Бомбардировка Праги означает войну. Тактика в отношении чехов — не стрелять, а душить»¹⁰⁶.

В то же время правящая верхушка Англии делала все, чтобы предупредить возможную помощь Чехословакии со стороны Франции. Ознакомившись с заявлением французского правительства от 21 мая о том, что оно готово-де выполнить свои обязательства перед Чехословакией, англичане решили одернуть своих французских союзников. Галифакс дал английскому послу в Париже Э. Фиппсу указания предупредить французов, что Англия, со своей стороны, «не пошла дальше заявления, сделанного премьер-министром в парламенте 24 марта»¹⁰⁷. 22 мая Фиппс официально заявил Ж. Бонне, что английское правительство не обязано и не намерено помогать Франции, если она вступит в войну с целью защиты Чехословакии от германской агрессии. Более того, английское правительство потребовало, чтобы, прежде чем принимать какие-либо ме-

ры, которые могут обострить положение или привести к войне, французы проконсультировались с английским правительством¹⁰⁸.

Правительство Чемберлена предприняло также очередной демарш в Праге, оказывая давление на Чехословакию, с тем чтобы побудить ее к капитуляции. Касаясь итогов совещания, состоявшегося в те дни в Форин оффисе, А. Кадоган писал: «Было решено использовать в отношении Бенеша большую дубинку»¹⁰⁹.

Все усиливавшееся давление оказывало на Чехословакию и французское правительство. Гитлеровцы тотчас же были информированы об этих представлениях как о свидетельстве того, что Чехословакия и без войны вынуждена будет капитулировать.

Единственной страной, которая на деле была готова в те опасные для Чехословакии дни оказать ей помощь в соответствии со своими договорными обязательствами, был Советский Союз.

Правительство Чехословакии неоднократно выражало свою признательность Советскому государству за поддержку Чехословакии в чрезвычайно трудных и опасных для нее условиях. Советский полпред в Праге С. С. Александровский отмечал в записи беседы с министром иностранных дел Чехословакии, состоявшейся 30 мая 1938 г.: «Крофта несколько раз и в довольно теплых выражениях высказывал прямую благодарность за ту спокойную и твердую поддержку, которую он чувствовал за последнее критическое время со стороны СССР. Уверенность в том, что СССР совершенно серьезно и без всяких колебаний намеревается и готовится оказать помощь Чехословакии в случае действительной нужды, действует очень успокоительно и ободряюще на Чехословакию»¹¹⁰.

Хотя, как свидетельствуют приведенные материалы, никакого сдерживающего влияния на Германию английское правительство в дни майского кризиса не оказывало, после кризиса английская пропаганда усиленно распространяла информацию, будто Германия отступила в результате решительной позиции Англии. Даже английские историки признают, что «британские министры не против были присвоить себе честь за проявленную твердость, которой на самом деле вовсе не было»¹¹¹.

Таким образом, майский кризис подтвердил, что Англия и Франция не только не противодействуют германской агрессии против Чехословакии, а даже потворствуют ей. Становилось очевидным, что вопреки публичным заяв-

лениям французское правительство фактически отреклось от своих договоров как с Чехословакией, так и Советским Союзом.

Учитывая позицию Англии и Франции, фашистский рейх продолжал подготовку к агрессии против Чехословакии. 28 мая 1938 г. Гитлер заявил на совещании со своими приближенными — Герингом, Риббентропом, Кейтелем, Браухичем и др., — что он преисполнен решимости добиться того, «чтобы Чехословакия исчезла с карты Земли». Это обеспечит Германии тыл, сказал он, «для наступления на Запад, то есть против Англии и Франции». Два дня спустя, 30 мая, Гитлер утвердил новый вариант плана захвата Чехословакии. Он начинался словами: «Мое неизменное решение — в ближайшее время путем вооруженной акции уничтожить Чехословакию»¹¹². После издания этих директив в фашистском рейхе началась лихорадочная подготовка к нападению на Чехословакию. Была установлена и точная дата завершения этих приготовлений («день X»), с тем чтобы в любой момент после этой даты — в зависимости от общей обстановки — Гитлер мог принять решение о вторжении. Сначала этой датой было намечено 1 октября, но впоследствии окончательным «днем X» было назначено 28 сентября 1938 г.

Давление перерастает в угрозу

Английская дипломатия продолжала способствовать гитлеровцам в осуществлении плана международной изоляции Чехословакии. Для достижения этой цели английские консерваторы стремились любыми путями удержать Францию от оказания помощи Чехословакии. Тем более что вступление в войну Франции могло втянуть в нее и Англию¹¹³.

Политика Англии по отношению к Чехословакии была изложена в упомянутом выше заявлении английского посла в Париже Э. Фиппса от 22 мая. В ответ на него Ж. Бонне дал твердые заверения в том, что Франция не будет прибегать к военным мерам без консультации с английским правительством. Он подчеркнул, что в случае, если Чехословакия будет проявлять «неблагоразумие», «французское правительство может заявить, что Франция считает себя свободной от своих обязательств»¹¹⁴.

Галифакс вынес 25 мая вопрос о будущем политическом курсе Англии на рассмотрение английского кабинета. Отметив, что французское правительство постоянно выражает опасения, как бы ему не пришлось делать выбор

между бесчестьем и войной, Галифакс считал необходимым «добиться освобождения французов от их обязательств перед Чехословакией». Он высказался за превращение Чехословакии в нейтральное государство. Англия неудобно ставить вопрос о ликвидации союзных договоров Чехословакии с Францией и Россией, сказал он, но в случае нейтрализации Чехословакии «эти союзы будут автоматически ликвидированы». Н. Чемберлен и кабинет в целом одобрили предложенный Галифаксом курс ¹¹⁵.

Американский посол в Англии Дж. Кеннеди, вернувшись в Лондон из поездки в США, заверил германского посла в Лондоне фон Дирксена, что правительство США поддерживает кабинет Чемберлена, в том числе «его стремление к достижению соглашения с Германией» ¹¹⁶.

Париж вслед за Лондоном все больше склонялся к поискам соглашения с Германией, а вернее — к капитуляции перед ней. О сотрудничестве с СССР в деле оказания помощи Чехословакии в Париже и не помышляли. В разговоре с польским послом Ю. Лукасевичем Ж. Бонне заявил, что франко-советский пакт является очень «условным» и французское правительство «отнюдь не стремится опираться на него». Он лично «не является приверженцем сотрудничества с коммунизмом». Бонне указал, что был бы исключительно доволен, если бы мог в результате расширения сотрудничества с Польшей «заявить Советам, что Франция не нуждается в их помощи» ¹¹⁷.

Когда чехословацкий посланник во Франции С. Осуский поставил перед Ж. Бонне вопрос о военных переговорах с СССР, он получил ответ, что «ввиду успешного сотрудничества между Англией и Францией такие переговоры теперь несвоевременны» ¹¹⁸.

20 июля Ж. Бонне заявил чехословацкому посланнику: «Чехословацкое правительство должно точно знать нашу позицию. Франция не будет воевать из-за судетского вопроса... Чехословацкое правительство не должно считать, что если разразится война, то мы будем на его стороне». Осуский, для которого это не было новостью, просил лишь о том, чтобы публично французское правительство и впредь подтверждало свою солидарность с Чехословакией, ибо иначе будет ослаблена позиция чехословацкого правительства по судетскому вопросу. Бонне обещал удовлетворить эту просьбу. Но чехословацкое правительство, сказал он, «должно отдавать себе отчет в том, что Франция, как и Англия, на войну не пойдет» ¹¹⁹.

В начале августа в Прагу прибыл в качестве «посред-

ника» в переговорах между чехословацким правительством и судетско-немецкими фашистами английский представитель лорд Ренсимен. С этого времени еще больше усилилось англо-французское давление на Чехословакию. Как отмечал помощник министра иностранных дел Англии О. Харви, «Ренсимен был подключен к делу, чтобы помочь правительству в грязной работе»¹²⁰.

Разумеется, английское правительство не рассчитывало на урегулирование конфликта. Но британской дипломатией было предусмотрено, что в критический момент Ренсимен выдвинет предложения, которые затем поддержало бы английское правительство и которые были бы приемлемы для Германии. Тогда они были бы предложены Чехословакии как единственно возможное конструктивное решение. Если бы чехословацкое правительство отказалось принять эти предложения, то вся вина была бы свалена на него, а Англия и Франция воспользовались бы этим поводом, чтобы «умыть руки»¹²¹.

Почти одновременно с лордом Ренсименом в Прагу прибыл американский посол в Берлине Хью Вильсон. Смысл его высказываний в Праге сводился к тому, что чехи могут надеяться на нормализацию своих отношений с Германией лишь в том случае, если Чехословакия отречется от своего пакта с СССР¹²². Тем самым американская дипломатия поддержала планы Лондона.

Английская и французская дипломатия все больше усиливала давление на правительство Чехословакии, добиваясь, чтобы оно удовлетворило требования нацистов в отношении Судетской области. Лондонские и парижские «умиротворители» стремились к тому, чтобы Чехословакия «совершила самоубийство с целью избежать убийства»¹²³.

Излагая высказывания чехословацкого посланника в Лондоне Я. Масарика, И. М. Майский сообщал в Москву, что «английское правительство всемерно давило на Чехословакию, рекомендуя ей максимально уступать судетским немцам. Почти каждую неделю Галифакс вызывал к себе Масарика и советовал, обращал его внимание, указывал, предостерегал, даже грозил, требуя все новых уступок «чехословацким немцам»¹²⁴.

Советские предложения игнорируются

Советское правительство отчетливо представляло себе опасность политики западных держав для дела мира в Европе. Оно было готово принять эффективные коллектив-

ные меры для борьбы против агрессии, но оценивало обстановку реально. 11 августа 1938 г. НКВД писал дипломатическим представительствам СССР в Праге, Берлине, Лондоне и Париже: «Мы чрезвычайно заинтересованы в сохранении независимости Чехословакии, в торможении гитлеровского устремления на юго-восток». Однако западные державы «не считают нужным добиваться нашего содействия, игнорируют нас и между собой решают все, касающееся германо-чехословацкого конфликта»¹²⁵.

По указанию Советского правительства 17 августа 1938 г. полпред в Лондоне И. М. Майский заявил министру иностранных дел Англии лорду Галифаксу, что «СССР все больше разочаровывается в политике Англии и Франции» и считает ее «слабой и близорукой», способной лишь поощрять агрессора к дальнейшим «прыжкам». Тем самым, сказал он, на западные державы «ложится ответственность приближения и развязывания новой мировой войны». Политика Англии и Франции в отношении Чехословакии была охарактеризована полпредом как попытка «обуздать не агрессора, а жертву агрессии». В Праге английские и французские представители, сказал он, «говорят столь громким голосом, что это не без основания воспринимается чехами как явная несправедливость, а в Берлине же говорят столь тихим голосом, что Гитлер игнорирует все их демарши. Мы не можем сочувствовать такой политике и считаем, что судьба Чехословакии в первую очередь зависит от того, сумеют ли Англия и Франция в этот критический час занять твердую позицию против агрессора»¹²⁶.

Майский заявил 16 августа чехословацкому посланнику в Лондоне, что в случае нападения на Чехословакию СССР «выполнит свои обязательства»¹²⁷. Аналогичное заявление 17 августа советский полпред сделал и лорду Галифаксу¹²⁸. В тот же день полпред встретился также с американским поверенным в делах в Англии Х. Джонсоном. Снова подтвердив готовность Советского правительства выполнить свои договорные обязательства, полпред отметил, что Чехословакия является ключом к положению в Центральной Европе. Поэтому «нельзя позволять Гитлеру уничтожить Чехословакию и меры по предотвращению ее уничтожения необходимо принимать немедленно»¹²⁹.

Советский Союз придавал предотвращению захвата Германией Чехословакии огромное значение. Это соответствовало общему курсу советской внешней политики, направленному на сохранение мира, но одновременно было

связано также с конкретными соображениями. Пока существовала Чехословакия, Германии было не так-то просто решиться на нападение, например, на Францию или Польшу. Она была серьезным барьером на пути германской агрессии в Юго-Восточную Европу. Затрудняя германскую агрессию на Восток вообще, Чехословакия была определенной преградой в осуществлении агрессивных планов Германии в отношении СССР. Советский Союз был готов сотрудничать с Францией в деле защиты независимости Чехословакии, оказывать чехословацкому народу всю возможную помощь.

Вполне естественно, что в Чехословакии интересовались тем, каковы реальные возможности СССР оказать ей помощь. Начальник генерального штаба чехословацкой армии генерал Л. Крейчи оценивал их очень высоко: Россия может выставить на поле боя такие же силы, как и Германия, сохраняя при этом достаточно войск и на Дальнем Востоке. Он характеризовал советскую армию как первоклассную, отмечая, что у нее хорошая дисциплина. Численность ее составляет 1,7 млн. человек. Обученный резерв насчитывает 8 млн. человек. Он говорил, что, по мнению германских специалистов, Советская Россия может немедленно выставить на поле боя 90—100 дивизий, а в течение короткого времени увеличить число дивизий до 240—260; если русская армия очень хороша, то русская авиация исключительная. Военные ресурсы СССР неисчерпаемы. Советский Союз имеет развитую военную промышленность. Техническое вооружение русской армии великолепное. И что самое главное: «СССР хочет оказать нам помощь»¹³⁰.

Для того чтобы попытаться как-то оправдать предательство Францией своего чехословацкого союзника, французское правительство решило предпринять коварную дипломатическую акцию, надеясь свалить хотя бы часть вины на Советский Союз. 31 августа Ж. Бонне дал французскому поверенному в делах в Москве Ж. Пайяру указания поставить перед Советским правительством вопрос, каким образом СССР сможет оказать помощь Чехословакии, учитывая позицию, занятую Польшей и Румынией. Польское правительство, сообщил при этом Ж. Бонне, категорически заявило, что оно приняло решение «воспрепятствовать проходу советских войск и перелету советской авиации через свою территорию». Правительство Румынии «дало идентичный ответ, но в более сдержанных выражениях»¹³¹.

1 сентября 1938 г. Пайяр передал этот запрос В. П. Потемкину¹³².

Сообщая об этой беседе советскому полпреду в Праге, В. П. Потемкин отмечал, что обращает на себя внимание особое ударение, делаемое Ж. Бонне на затруднения, которые встретила бы военная помощь Советского Союза Чехословакии со стороны Польши и Румынии. По-видимому, подчеркивая эти затруднения, Бонне рассчитывает получить от СССР такой ответ, которым французское правительство могло бы воспользоваться «для оправдания своего собственного уклонения от помощи Чехословакии»¹³³.

2 сентября 1938 г. Ж. Пайяр официально поставил вопрос о позиции СССР и перед М. М. Литвиновым. В связи с этим нарком иностранных дел СССР заметил, что «Франция обязана помогать Чехословакии независимо от нашей помощи, в то время как наша помощь обусловлена французской», и что поэтому «мы имеем большее право интересоваться помощью Франции».

Отвечая затем на вопрос французского представителя, нарком заявил: «При условии оказания помощи Францией мы исполнены решимости выполнить все наши обязательства по советско-чехословацкому пакту, используя все доступные нам для этого пути». «Что касается определения конкретной помощи, — заявил далее нарком, — мы считаем для этого необходимым созвать совещание представителей советской, французской и чехословацкой армий».

Нарком подчеркнул также необходимость «использовать все средства для предупреждения военного столкновения». Он напомнил, что сразу же после аншлюса Австрии СССР рекомендовал созвать совещание представителей государств, заинтересованных в сохранении мира. «Мы считаем, что в настоящий момент такое совещание с участием Англии, Франции и СССР и вынесение общей декларации... имеет больше шансов удержать Гитлера от военной авантюры, чем всякие другие меры»¹³⁴.

Касаясь упомянутых «затруднений», З. Фирлингер спросил наркома, может ли СССР дать Польше и Румынии в случае прохода советских войск через их территорию гарантию их территориальной неприкосновенности. Нарком иностранных дел СССР ответил, что «это само собой разумеется»¹³⁵.

Советские предложения были переданы также британскому правительству.

Положение в Европе становилось с каждым днем все более угрожающим. 3 сентября 1938 г. нацисты приняли

решение о приведении германских войск в боевую готовность к 28 сентября¹³⁶. Через три дня английское правительство получило соответствующую информацию¹³⁷. Принятые Германией меры военного характера все же не означали, что она действительно собирается воевать.

8 и 9 сентября Н. Чемберлен провел совещания так называемых «старших министров», а 12 сентября — заседание правительства, чтобы обсудить дальнейшее обострение положения. Однако ни на одном из этих совещаний и заседаний советские предложения даже не упоминались. Английский историк К. Миддлмас отмечает, что они игнорировались британским кабинетом¹³⁸.

11 сентября, прибыв в Женеву на очередную сессию ассамблеи Лиги наций, заместитель министра иностранных дел Англии Р. Батлер передал Ж. Бонне, что английское правительство, по-видимому, не согласится на совместный англо-франко-советский демарш¹³⁹. Когда в тот же день нарком иностранных дел СССР встретился с Бонне, последний ограничился заявлением, что он, мол, передал англичанам советские предложения, но они были ими отклонены. О позиции самого французского правительства Бонне даже не упомянул. «Бонне разводил руками, — сообщал в Москву нарком, — что, мол, ничего сделать нельзя»¹⁴⁰.

Советские предложения от 2 сентября, таким образом, не были поддержаны правительствами Англии и Франции. А между тем осуществление этих предложений, предусматривавших как политические, так и в случае необходимости военные меры, могло сыграть важную роль в предотвращении агрессии и укреплении мира. Это не означало, однако, что правящие круги Англии и Франции не были охвачены глубокой тревогой. Вторжение германских войск в Чехословакию могло привести к войне между капиталистическими странами Европы, а тем самым рухнули бы надежды использовать фашистскую Германию как ударную силу против СССР. Вместе с тем реакционные круги западных держав испытывали страх, как бы такая война не повлекла за собой революционные потрясения в охваченных ею странах.

Дело доходило до того, что представители французского правительства стали обращаться к гитлеровцам с призывом учитывать прежде всего общие классовые интересы. Так, французский премьер Э. Даладье во время встречи с германским поверенным в делах 7 сентября подчеркнул, что «по окончании войны, независимо от того, кто окажется

победителем и кто побежденным, неизбежно начнется революция как во Франции, так и в Германии и Италии»¹⁴¹.

Английский журналист и историк Л. Мосли с полным основанием отмечает, что французские правящие круги испытывали панический страх перед германской опасностью, хотя французская армия была сильнее немецкой. «Правящая клика, — писал он, — была полностью заражена коррупцией и пораженчеством; мучимые кошмарами угроз со стороны фашистской Германии и опасностью коммунизма внутри своей страны, многие из них все более склонялись к поиску компромисса с Германией в надежде, что с помощью соглашения с национал-социалистами можно будет задуть угрозу красной революции»¹⁴².

Было бы неправильно считать, что в Париже недооценивали всю серьезность германской опасности для Франции и значение Чехословакии как военного фактора. Об этом свидетельствует записка начальника генерального штаба французской армии М. Гамелена от 9 сентября 1938 г. Чехословакия, писал он, представляет, с точки зрения Франции, определенный интерес в случае военных действий в Европе. Чехословацкая армия достаточно сильна, чтобы в случае войны отвлечь значительную часть германских войск, тем самым ослабив их силы на Западном фронте. Чехословакия располагает 17 пехотными дивизиями, число которых может быть быстро удвоено, и 4 механизированными дивизиями. Кроме того, Германия вынуждена учитывать удобное расположение чехословацких аэродромов, особенно если страна получит авиационные подкрепления. Оккупация же Германией Чехословакии привела бы к весьма значительному увеличению германского военного потенциала (заводы «Шкода» и др.); способствовала бы захвату Германией также ресурсов Венгрии и Румынии; открыла бы ей выход к портам Черного моря¹⁴³. Вопреки всем этим соображениям французское правительство готово было принести Чехословакию в жертву фашистской Германии.

Не национальными интересами страны, а узко понятыми классовыми соображениями руководствовались и правящие круги Англии. Открыто об этом, разумеется, не писалось, но, например, в своих дневниковых записях кое-кто из англичан то и дело останавливался на этой проблеме. Так, английский политический деятель Г. Никольсон сделал 11 сентября в дневнике следующую запись после разговора с членом правительства О. Стэнли: «Оливер согласен, что конфликт действительно порожден вовсе не че-

хословацкой проблемой... В то же время любое упоминание о помощи со стороны России выводит его из равновесия, и, глубоко вздохнув, он сказал: «Видите ли, победим мы или потерпим поражение, это будет конец всего того, что мы отстаиваем». Не было сомнений в том, что «мы» для него — это класс буржуазии»¹⁴⁴. Аналогичную запись несколько позже мы находим и в дневнике помощника министра иностранных дел Англии О. Харви: «Любая война, завершится она победой или поражением, уничтожит богатые, праздные классы, и поэтому они за мир любой ценой»¹⁴⁵.

Таким образом, правительства Франции и Англии не проявляли заинтересованности в сотрудничестве с СССР, чтобы остановить германских агрессоров. Они продолжали придерживаться политики попустительства германской агрессии, лишь бы она была обращена не на Запад, а на Восток.

Мюнхенский сговор

Вояж Н. Чемберлена в Берхтесгаден

Правящие верхушки Англии и Франции все больше склонялись к тому, чтобы отдать Судетскую область гитлеровской Германии, надеясь достигнуть таким путем взаимопонимания между Британской империей и фашистским рейхом. 7 сентября в передовой статье газеты «Таймс» открыто был поставлен вопрос, не следует ли чехословацкому правительству подумать о передаче Германии Судетской области.

Один из деятелей консервативной партии, Г. Ченнон, отмечал в дневнике, что эта передовая статья явилась результатом договоренности Галифакса с издателем «Таймс» Дж. Даусоном и была «пробным шаром», запущенным с целью выявить позицию общественности и подготовить ее к опубликованию доклада Ренсимена с аналогичными предложениями¹⁴⁶. Галифакс говорил 11 сентября 1938 г., что присоединение к Германии Судетской области — это единственная надежда избежать войны. Для решения этого вопроса он считал желательным созвать конференцию четырех держав — Англии, Франции, Германии и Италии¹⁴⁷.

Вопрос о созыве конференции в тот же день был обсужден английским послом в Париже Э. Фиппсом с генеральным секретарем МИД Франции А. Леже. Фран-

цузский дипломат выразил полное согласие с идеей созыва такой конференции, специально отметив нежелательность приглашения на конференцию Советского Союза¹⁴⁸. 13 сентября решение о целесообразности созыва конференции было принято на заседании французского правительства. Об этом сразу же было сообщено в Лондон. Ж. Бонне считал, что целью конференции должно явиться принятие решения о передаче Судетской области Германии и что в ней должны участвовать четыре западные державы¹⁴⁹. Это было полным отречением правительства Даладье — Бонне от борьбы с агрессией, от союзных договоров с СССР и Чехословакией, капитуляцией перед фашистским рейхом¹⁵⁰.

13 сентября в связи с обострением международного положения в результате того, что фашистская агентура повсеместно начала в Судетской области провокационные акции, на совещании английского премьера со «старшими министрами» по инициативе Чемберлена было принято решение о срочной поездке его в Германию¹⁵¹.

Это был сверхсекретный план «Зет». Британский премьер полагал, что, возможно, придется привлечь к осуществлению плана «Зет» и лорда Ренсимена, отправленного им незадолго до этого в Прагу в качестве посредника между чехословацким правительством и судетскими немцами. Поэтому Чемберлен послал ему 12 сентября письмо, в котором изложил суть этого плана. Я решил, писал британский премьер, сделать неожиданный и драматический шаг, а именно отправиться в Германию для встречи с германским канцлером. Если Гитлер согласится, а ему отказаться будет трудно, «я сумею убедить его, что у него имеется неповторимая возможность достичь англо-немецкого понимания путем мирного решения чехословацкого вопроса. Обрисую перспективы, исходя из того, что Германия и Англия являются двумя столпами европейского мира и главными опорами против коммунизма и поэтому необходимо мирным путем преодолеть наши нынешние трудности... Будем обсуждать и другие политические вопросы. Один из них будет касаться, вероятно, системы договоров между Францией, Чехословакией и Россией... Наверное, можно будет найти решение, приемлемое для всех, кроме России. Это и есть план Зет»¹⁵².

В этом небольшом документе как в капле воды отражена суть внешнеполитического курса британских консерваторов — достижение империалистического сговора

Англии с Германией с целью устранения опасности войны на Западе и поощрения антисоветских замыслов германского империализма и фашизма. Этот документ является ключом, который дает возможность разобраться во всех хитросплетениях британской дипломатии накануне второй мировой войны.

В Берлине, разумеется, понимали, что приезд Н. Чемберлена в тех условиях мог означать только одно — готовность Англии на серьезные уступки. К тому же гитлеровцам удалось раскрыть чужие коды, и они были в курсе переговоров между Лондоном и Парижем, с одной стороны, и Прагой — с другой. Поэтому судетские немцы открыто начали выступать (разумеется, по указанию Гитлера) с требованием о присоединении Судетской области к Германии, а Гитлер просто «разыгрывал» Чемберлена¹⁵³.

К этому времени в результате совещаний с командованием вермахта германский канцлер склонялся к выводу, что осуществить захват сразу всей Чехословакии будет не так-то просто. Это был довольно твердый орешек: большая часть германо-чехословацкой границы проходила по Судетским горам, превращенным чехословацкой армией в почти не проходимую линию обороны. Но ввиду капитулянтской позиции Англии и Франции вполне возможно присоединить к германскому рейху без особых осложнений вместе с судетскими немцами и Судетские горы со всеми этими укреплениями. После этого Чехословакия, лишенная укрепленной оборонительной линии и значительно ослабленная во многих других отношениях, будет представлять уже легкую добычу. Это был бы тогда орешек без скорлупы.

15 сентября Н. Чемберлен в сопровождении Г. Вильсона и У. Стрэнга прибыл в Берхтесгаден — резиденцию фашистского канцлера. Английский премьер начал беседу с фашистским канцлером с заявления о его стремлении к англо-германскому сближению и выразил пожелание обменяться общими взглядами о политике обеих держав. Гитлер проявил, однако, явное нежелание обсуждать такого рода проблемы. Он свел все переговоры к рассмотрению интересовавшего его конкретного вопроса. Гитлер решительно потребовал передачи Германии Судетской области, угрожая в противном случае мировой войной. Он требовал также ликвидации договоров Чехословакии о взаимопомощи с другими странами. Чемберлен выразил готовность удовлетворить эти требования, но заявил, что

должен получить на это официальную санкцию своего правительства, а также согласовать вопрос с французским правительством¹⁵⁴.

Берхтесгаденское свидание дало Гитлеру возможность сделать вывод, что ему нечего опасаться противодействия Англии в связи с его планами захвата Судетской области.

Более того, вскоре же после встречи представитель МИД Германии при ставке Гитлера В. Хевель получил сведения о том, что «Гитлер планирует затем захват всей Чехословакии. Он теперь совершенно уверен в осуществлении этой задачи без вмешательства британского правительства»¹⁵⁵.

Изложив на совещании с лордом Галифаксом, Саймоном и Хором итоги своих переговоров с Гитлером, Чемберлен заявил, что он считает возможным удовлетворить требование Гитлера о присоединении к Германии Судетской области. Он подчеркивал лишь важность того, чтобы это было осуществлено «упорядоченным способом», то есть не вызвало вооруженного конфликта. Чемберлен выражал уверенность, что урегулирование судетского вопроса откроет путь к англо-германскому соглашению¹⁵⁶.

Еще даже и не зная конкретного содержания происшедших в Берхтесгадене переговоров, М. М. Литвинов телеграфировал в тот же день из Женевы: «Что Чехословакия будет предана, не подлежит сомнению»¹⁵⁷. Более подробно сообщал в Париж 18 сентября о мнении М. М. Литвинова генеральный секретарь французской делегации на ассамблее Лиги наций Р. Арналь. Советский нарком охарактеризовал поездку Чемберлена как капитуляцию перед Гитлером, писал Арналь, потерю Англией и Францией престижа и подрыв их влияния в Европе. В связи с этим перед Советским Союзом, естественно, встает вопрос, не следует ли ему пересмотреть свою позицию. Вместе с тем нарком предупреждал, что Германия не удовлетворится сделанными ей уступками, а выдвинет новые требования. В недалеком будущем между Францией и Англией, с одной стороны, и Германией и Италией — с другой, неизбежно разразится война, причем в условиях, крайне неблагоприятных для первых¹⁵⁸.

Французский посол в Москве Р. Кулондр также был весьма встревожен тем, что заключение нового соглашения типа «пакта четырех» может отразиться на позиции СССР. Перед Советским Союзом может встать вопрос, писал

Кулондр, о необходимости заключения соглашения с Германией, а в результате этого усилились бы позиции Германии по отношению к западным державам¹⁵⁹.

На совещании глав правительств Англии и Франции в Лондоне 18 сентября было решено удовлетворить требование Гитлера о расчленении Чехословакии. Это решение вызвало смущение даже у некоторых представителей правящих кругов Англии. «Кажется чудовищным, как мы с расчетливым цинизмом подписались под уничтожением свободы 9 млн. человек»¹⁶⁰, — отмечал в своем дневнике генерал У. Айронсайд. Французский поверенный в делах в Лондоне признал, что принятые англичанами и французами решения являются «самым позорным» актом французского правительства за многие годы¹⁶¹.

На следующий день англо-французские пособники фашистских агрессоров вручили чехословацкому правительству ноты, содержавшие, по существу, совместное ультимативное требование Германии, Англии и Франции о передаче рейху Судетской области. Одновременно английское и французское правительства потребовали согласия Чехословакии на замену ее договоров о взаимной помощи с другими странами общей гарантией от неспровоцированной агрессии, выражая готовность принять участие в этой гарантии¹⁶².

16 сентября Ж. Бонне снова решительно предупредил чехословацкого посланника С. Осуского, что Чехословакии не следует рассчитывать на помощь Франции¹⁶³. После вручения упомянутых нот Бонне заявил Осускому, что если Чехословакия не примет содержащихся в ней требований, то Англия и Франция никакой помощи ей не окажут, а бросят ее на произвол судьбы¹⁶⁴.

Пригласив к себе 20 сентября английского посла для совершенно секретного разговора, президент США Ф. Рузвельт признал, что Англия и Франция требуют от Чехословакии «самой ужасной, безжалостной жертвы, которая когда-либо требовалась от какого-нибудь государства». В то же время Рузвельт заявил, что если осуществляемый англичанами курс окажется успешным, то он «был бы первым, кто приветствовал бы его»¹⁶⁵. Когда в тот же день чехословацкий поверенный в делах обратился к американскому правительству с просьбой опубликовать хоть какое-то заявление в поддержку Чехословакии, эта просьба была оставлена без внимания¹⁶⁶.

Совершенно иной была позиция СССР. 19 сентября 1938 г. чехословацкое правительство передало Советскому правительству просьбу дать как можно скорее ответ на вопросы: а) окажет ли СССР, согласно договору, немедленную действительную помощь, если Франция останется верной и тоже окажет помощь; б) поможет ли СССР Чехословакии как член Лиги наций¹⁶⁷.

Обсудив 20 сентября этот запрос, ЦК ВКП(б) счел возможным дать на оба эти вопроса положительные ответы¹⁶⁸.

Советскому полпреду в Праге в тот же день были даны следующие указания:

«1. На вопрос Бенеша, окажет ли СССР согласно договору немедленную и действительную помощь Чехословакии, если Франция останется ей верной и также окажет помощь, можете дать от имени правительства Советского Союза утвердительный ответ.

2. Такой же утвердительный ответ можете дать и на другой вопрос...»¹⁶⁹.

Полпред в Праге С. С. Александровский немедленно передал этот ответ чехословацкому правительству. О нем была поставлена в известность и Франция. Таким образом, Советское правительство в этих трудных и опасных для Чехословакии условиях снова официально подтвердило, что СССР выполнит свои обязательства по пакту об оказании ей помощи в случае нападения Германии.

Рассмотрев вопрос о позиции советской делегации на предстоявшей ассамблее Лиги наций, Политбюро ЦК ВКП(б) сочло необходимым, чтобы советский представитель еще раз четко и ясно разъяснил там позицию СССР в отношении помощи Чехословакии¹⁷⁰. В соответствии с этим решением М. М. Литвинов, выступая 21 сентября 1938 г. на ассамблее Лиги наций, снова обстоятельно изложил позицию Советского правительства по вопросу о борьбе с агрессией. Он подчеркнул, что против агрессора должны быть приняты меры, намеченные уставом Лиги наций, причем решительно, последовательно и без колебаний, и тогда агрессор не будет введен в искушение и «мир будет сохранен мирными средствами». Литвинов в своей речи разоблачил позорную политику попустительства агрессии, когда дело доходит до того, что едут к агрессору «за получением диктатов и ультиматумов, принося ему в жертву жизненные интересы того или иного

государства». Глава советской делегации на ассамблее во всеуслышание изложил заявления, которые Советское правительство передало 2 сентября правительству Франции и 20 сентября — правительству Чехословакии¹⁷¹.

Однако Лондон и Париж по-прежнему оставались глухи к советским предложениям. Абсурдность такого положения очень ярко показана в мемуарах Черчилля. «Советские предложения, — писал он, — фактически игнорировались... К ним отнеслись с равнодушием, чтобы не сказать — с презрением... События шли своим чередом, так, как будто Советской России не существовало. Впоследствии мы дорого заплатились за это»¹⁷².

Выполняя экстренные указания своих правительств, в ночь на 21 сентября английский и французский посланники в Чехословакии решительно заявили чехословацкому правительству, что в случае, если оно не примет англо-французских предложений, французское правительство «не выполнит договора» с Чехословакией. «Если же чехи объединятся с русскими, — подчеркнули они, — война может принять характер «крестового похода» против большевиков. Тогда правительствам Англии и Франции будет очень трудно остаться в стороне»¹⁷³. Даже один из самых влиятельных членов английского правительства, С. Хор, впоследствии вынужден был признать, что это была одна из наиболее бесстыдных акций в истории британской дипломатии¹⁷⁴.

Подчиняясь англо-французскому давлению, чехословацкое правительство капитулировало, дав согласие удовлетворить берхтесгаденские требования Гитлера. Э. Бенеш впоследствии признал, что и на нем лежит вина за гибель Чехословакии¹⁷⁵.

М. М. Литвинов неоднократно подтверждал готовность СССР принять участие в оказании помощи Чехословакии также в беседах с иностранными дипломатами и политическими деятелями. Так, 22 сентября нарком имел в Женеве встречу с членом английского парламента лордом Бутби. Возвратившись сразу же в Лондон, Бутби изложил содержание этой беседы Галифаксу. Бутби передал ему сообщение Литвинова, что он на протяжении последней недели несколько раз виделся с чехами и каждый раз заверял их в готовности Советского Союза оказать Чехословакии, согласно договору, эффективную помощь. Литвинов считает желательным также созыв совещания заинтересованных держав и полагает, что совместное предупреждение Англии, Франции и Советского Союза Гер-

мании все еще может возыметь действие. «По его мнению, — сказал Бутби, — твердое заявление, что Россия примет участие в случае войны против Германии, является единственным средством, которое может произвести впечатление на г-на фон Риббентропа»¹⁷⁶.

М. М. Литвинов имел в Женеве беседу и с английскими представителями на ассамблее Лиги наций лордом-хранителем печати де ла Уарром и заместителем министра иностранных дел Англии Р. Батлером. Освещая эти события, нельзя обойти молчанием тот факт, что в своих воспоминаниях, вышедших в 1971 году, Р. Батлер грубо фальсифицирует содержание этой беседы. Вот что он телеграфировал в Форин оффис 23 сентября из Женевы: Литвинов заявил, что «если Франция вступит в войну, чтобы оказать помощь чехам, то русские также выступят». Советский нарком сказал, что «давно стремится начать переговоры между Великобританией, Францией и Россией» и предлагает созвать совещание этих трех держав и других государств, предпочтительно в Париже, «чтобы показать немцам, что мы собираемся действовать»¹⁷⁷.

В мемуарах же Батлера позиция СССР представлена совершенно иначе. Коллективная безопасность накануне мюнхенского кризиса, отмечает он, безусловно, не могла быть создана без участия Англии, Франции и России; однако Франция и Россия проявляли-де «не большее стремление к действию, чем мы... У меня не оставалось сомнений, что русские сами вовсе не собираются действовать»¹⁷⁸.

Таким образом, Батлер пишет прямо противоположное тому, что он сообщил из Женевы в 1938 году. Налицо явное стремление очернить СССР, чтобы тем самым менее неприглядной выглядела позиция Англии.

Обелить тогдашнюю позицию Англии, однако, трудно. Батлер не получил из Лондона даже ответа на свою телеграмму о далеко идущих предложениях Советского правительства. Более того, Н. Чемберлен, ознакомившись с высказываниями наркома в беседе с де ла Уарром и Батлером, пришел чуть ли не в ужас. Он увидел в них «огромную опасность» (!?), так как осуществление их могло, по его мнению, «усилить большевизм во всем мире»¹⁷⁹.

В течение последующих дней английское правительство заседало почти непрерывно, обсуждая все осложнявшееся положение, но Чемберлен и Галифакс даже не упомянули об изложенных важнейших предложениях

М. М. Литвинова, скрыв их от членов кабинета. Молчал по этому поводу и присутствовавший на всех заседаниях де ла Уарр.

Хотя Советское правительство и не могло знать о реакции Чемберлена на предложение наркома, оно совершенно правильно оценивало создавшееся положение и возможные перспективы. 23 сентября НКВД писал наркому в ответ на его сообщение о беседе с де ла Уарром и Батлером, что сомнительно, чтобы Франция и Англия согласились на созыв конференции с участием СССР, так как до сих пор они игнорировали его¹⁸⁰.

Даже многие буржуазные политические деятели и историки были вынуждены признать безукоризненность позиции СССР в отношении оказания помощи Чехословакии. Например, видный деятель английской консервативной партии Л. Эмери отмечал, что «Россия во время всего этого кризиса занимала абсолютно ясную позицию». Советский Союз, писал он, «последовательно отстаивал идею коллективной безопасности»¹⁸¹. Американский историк А. Фэрниа в своем исследовании «Политика умиротворения» также признает, что, в отличие от Англии и Франции, «Советский Союз действительно проявлял поразительную готовность оказать военную помощь Чехословакии»¹⁸².

Твердую и решительную позицию Советское правительство занимало и в связи с тем, что вкупе с гитлеровскими агрессорами против Чехословакии выступала в то время и Польша.

В начале апреля 1938 года польские правящие круги разработали планы дальнейших агрессивных действий. Учитывая опыт использования нацистами в своих интересах немцев, проживавших в других странах, в Варшаве было решено использовать польские национальные меньшинства в других странах как «активное политическое оружие». Прежде всего это касалось поляков, проживавших в Литве. В качестве образца действий приводился польский ультиматум Литве в марте 1938 года, когда поляки «ломались с револьвером со снятым предохранителем в открытую дверь». В Прибалтике предусматривалось продолжать добиваться усиления польского влияния «под знаком объединенного антимосковского фронта».

Была определена политика Польши в отношении Тешинской области Чехословакии, большинство населения которой составляли поляки. Было решено, что в случае «германской акции» против Чехословакии одновременно

выступит и польская армия (ранее предполагалось в таком случае на первых порах сохранять нейтралитет). В Варшаве были намерены кроме захвата Тешинской области «посредством... военного выступления обеспечить контроль над Словакией» и воспрепятствовать оказанию Советским Союзом помощи Чехословакии.

Главной намеченной мерой была «активизация украинского вопроса», то есть «наступательная позиция против Востока». Это связывалось с возможным «вооруженным конфликтом между Москвой и Берлином» или «хаосом в России». Предусматривалось, что украинское национальное меньшинство в Польше «следует использовать как ядро националистической украинской пропаганды, направленной против Советов и выступающей за создание самостоятельного украинского государства, сотрудничающего с Польшей в рамках федерации»¹⁸³.

Это была агрессивная, империалистическая программа, аналогичная тем, которые разрабатывались в Германии, Японии и Италии в целях передела мира.

17 апреля 1938 г. Б. С. Стомоняков констатировал, что «Польша все более и более открыто выступает как фактический участник блока агрессоров. Торопясь не опоздать, она сейчас же после аншлюса предъявила ультиматум Литве и добилась насильственного установления дипломатических и всяких иных сношений с Литвой, которые она... рассматривает лишь как начало постепенного освоения ею Литвы. В германских планах разрешения чехословацкого вопроса Польша играет активную роль. Она открыто провоцирует обострение тешинского вопроса... Польша, как это теперь очевидно для всех, прочно связана с Германией и будет и дальше идти по ее пути»¹⁸⁴.

25 мая 1938 г. Э. Даладье, со своей стороны, информировал советского полпреда в Париже Я. З. Сурица, что его зондаж о позиции Польши в случае германской агрессии против Чехословакии дал самый отрицательный результат. Не только не приходится рассчитывать на поддержку со стороны Польши, сказал Даладье, но «нет уверенности, что Польша не ударит с тыла»¹⁸⁵.

Агрессивность Польши в отношении Чехословакии стала настолько очевидной, что вызывала раздражение даже в Париже и Лондоне, ибо затрудняла их попытки урегулировать конфликт между Германией и Чехословакией без открытого вооруженного столкновения. Даже британский посол в Берлине Н. Гендерсон заявил Ю. Лип-

скому, что военное содействие Польши разделу Чехословакии было бы для нее «моральным падением»¹⁸⁶.

Развернув непосредственную подготовку к нападению на Чехословакию, фашистская Германия проявляла все большую заинтересованность в том, чтобы не оказаться единственным агрессором, а иметь соучастников. 10 августа 1938 г. Г. Геринг снова начал переговоры с польским послом в Берлине Ю. Липским о германо-польском сотрудничестве, прежде всего против СССР и Чехословакии. Он заметил, что после решения чешского вопроса «станет актуальной» русская проблема. Геринг вновь заявил, что «в случае советско-польского конфликта Германия не может оставаться нейтральной и не оказывать помощи Польше». Он не преминул отметить также, что Польша «может иметь известные интересы непосредственно в России, например на Украине»¹⁸⁷.

Поддерживаемые германскими фашистами, польские правящие круги вели себя все более агрессивно в отношении как Чехословакии, так и Советского Союза. 19 сентября польский министр иностранных дел направил Ю. Липскому директивы для переговоров с германским канцлером. Он подчеркивал, что исключительная серьезность положения позволяет «смело ставить проблемы». Польша проводит военные маневры вблизи советской границы, писал он, чтобы затруднить оказание Советским Союзом помощи Чехословакии, и она будет располагать «значительными военными силами у чехословацкой границы»¹⁸⁸.

На следующий день Липский сделал Гитлеру соответствующее заявление, подчеркнув, что Польша с целью осуществления своих требований не остановится «перед применением силы». Гитлер заверил Липского, что в таком случае третий рейх будет на стороне Польши¹⁸⁹.

21 сентября польские правители предъявили чехословацкому правительству ультимативное требование о передаче Польше некоторых районов Чехословакии, а также денонсировали польско-чехословацкий арбитражный договор 1925 года¹⁹⁰. В то же время продолжалась концентрация польских войск у чехословацких границ. Польский военный атташе в Париже информировал французский генеральный штаб, что в случае вторжения германских войск в Судетскую область поляки оккупируют, в частности, Словакию, которая будет затем поделена между Польшей и Венгрией¹⁹¹.

22 сентября чехословацкое правительство, сообщая

о непосредственной опасности нападения со стороны Польши, обратилось за поддержкой к СССР. Откликаясь на это обращение, на следующий же день Советское правительство передало польскому правительству заявление, что в случае, если бы польские войска вторглись в пределы Чехословакии, СССР считал бы это актом агрессии и денонсировал бы договор о ненападении с Польшей¹⁹². Чехословацкий посланник в Москве З. Фирлингер сразу же был поставлен в известность об этом заявлении¹⁹³. Таким образом, Советский Союз снова решительно выступил в защиту Чехословакии.

Касаясь политики Советского Союза, английский историк Дж. Уилер-Беннет писал: «Он использовал любую возможность, чтобы продемонстрировать свою готовность выполнить свои обязательства перед Францией и Чехословакией. Все снова и снова, к полному замешательству английского и французского правительств, это подчеркивалось в Лондоне, Париже, Праге, Женеве, а также в Берлине. По всем имеющимся данным, позиция России на всем протяжении чешского кризиса была образцовой. Она пошла даже дальше буквы своих обязательств, пригрозив денонсировать свой договор о ненападении с Польшей, если последняя приняла бы участие в нападении на Чехословакию»¹⁹⁴.

И это все происходило в условиях, когда положение было весьма опасным и для самого Советского Союза, так как польское правительство вынашивало планы совместного похода германских и польских войск против СССР. Польский посол в Париже Ю. Лукасевич заявил У. Буллиту 25 сентября, что «начинается религиозная война между фашизмом и большевизмом» и что в случае оказания Советским Союзом помощи Чехословакии Польша готова к войне с СССР плечом к плечу с Германией. Польское правительство уверено в том, заявил Лукасевич, что «в течение трех месяцев русские войска будут полностью разгромлены и Россия не будет более представлять собой даже подобия государства»¹⁹⁵.

Благоприятную для агрессоров позицию заняла также Румыния. Информировав итальянское правительство о позиции Румынии, румынский посланник в Риме А. Замфиреску заявил министру иностранных дел Италии Чиано, что Румыния возражала, возражает и будет возражать против прохода советских войск через ее территорию с целью оказания помощи Чехословакии. Что касается обострения отношений между Польшей и СССР из-за Чехословакии,

то румынский посланник сказал, что «Румыния будет на стороне Варшавы» и что «в любом случае союз с Польшей будет иметь приоритет перед обязательствами в отношении Праги»¹⁹⁶. Это означало, что в случае вооруженного конфликта Румыния, несмотря на союз с Чехословакией, была бы на стороне агрессоров¹⁹⁷.

Япония также продолжала занимать по отношению к СССР враждебную позицию.

В конце июля — начале августа 1938 года, как уже было показано, Япония развязала крупный вооруженный конфликт в районе озера Хасан. Сразу же после разгрома там японских войск в Токио было принято решение предпринять следующей весной хорошо подготовленное вторжение в восточные районы Монгольской Народной Республики¹⁹⁸.

Продолжались переговоры о союзе трех фашистских агрессоров — Германии, Японии и Италии. 3 сентября советский военный разведчик Р. Зорге сообщал из Токио, что в связи с напряженным положением в Европе Риббентроп по согласованию с Муссолини передал японцам предложение заключить трехсторонний политический и военный союз. Японский генеральный штаб и премьер-министр Коноэ выразили согласие на заключение союза, направленного против СССР¹⁹⁹. 14 сентября Р. Зорге писал, что возрастает решимость японцев «начать войну против СССР, когда СССР будет вовлечен в европейскую войну»²⁰⁰.

26 сентября Геринг сообщил английскому послу в Берлине Гендерсону, что в случае германо-советского конфликта Япония обязалась напасть на СССР²⁰¹. Советское полпредство в Японии также писало 21 сентября в НКВД, что японские газеты подняли злобный вой против СССР, целиком солидаризируясь с нацистами в чехословацком вопросе. Раздаются призывы о превращении «антикоминтерновского пакта» в военное соглашение Германии, Италии и Японии²⁰².

И тем не менее Советский Союз по-прежнему был готов выполнить свои договорные обязательства в отношении Чехословакии. Для этого заблаговременно были приняты и необходимые военные подготовительные меры. Еще 26 июня 1938 г. Главный Военный Совет Красной Армии принял постановление преобразовать Белорусский и Киевский военные округа в особые военные округа²⁰³, то есть об их усилении.

21 сентября в условиях резко обострившегося чехо-

словацкого кризиса были даны указания о немедленном приведении ряда воинских частей в боевую готовность. Одновременно были осуществлены и другие мероприятия по усилению войск западных приграничных военных округов. В общей сложности в боевую готовность были приведены: танковый корпус, 30 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий, 7 танковых, мотострелковая и 12 авиационных бригад и т. д.²⁰⁴ Для отправки в Чехословакию было подготовлено 548 боевых самолетов²⁰⁵.

25 сентября 1938 г. Народный комиссариат обороны СССР поручил советскому военно-воздушному атташе во Франции Н. Н. Васильченко передать начальнику генерального штаба Франции Гамелену следующее:

«Наше командование приняло пока следующие предупредительные меры:

1. 30 стрелковых дивизий продвинуты в районы, прилегающие непосредственно к западной границе. То же самое сделано в отношении кавалерийских дивизий.

2. Части соответственно пополнены резервистами.

3. Что касается наших технических войск — авиации и танковых частей, то они у нас в полной готовности»²⁰⁶.

На следующий день эти сведения были переданы генеральному штабу французской армии. В ходе состоявшихся в те дни англо-французских переговоров о них было информировано и английское правительство. При этом глава французского правительства Э. Даладье особенно положительно отзывался о Советских Военно-Воздушных Силах, которые не уступают немецким. Советский Союз располагает 5 тыс. самолетов, сказал он, и в Испании русские самолеты успешно сражались с немецкими²⁰⁷.

В последние дни сентября в Киевском, Белорусском, Ленинградском и Калининском военных округах были приведены в боевую готовность еще 17 стрелковых дивизий, 22 танковые и 3 мотострелковые бригады и т. д. Мобилизационными мероприятиями был охвачен и ряд других военных округов, вплоть до Урала. В Вооруженные Силы СССР было дополнительно призвано в общей сложности до 330 тыс. человек²⁰⁸.

Зная о готовности СССР оказать вместе с Францией помощь Чехословакии, французский посол в Москве Р. Кулондр телеграфировал 24 сентября в Париж о целесообразности принятия мер по координации действий двух стран в этом вопросе.

Но в Париже считали иначе. В генеральном штабе

французской армии был подготовлен документ «Рассуждения о возможных последствиях советско-французских военных контактов». Суть его сводилась к тому, что такие контакты принесут-де больше вреда, чем пользы. Первый вывод, сделанный в документе, заключался в том, что безопасность Франции основывается прежде всего на союзе с Англией. Второй вывод авторов документа гласил, что, учитывая постоянное усиление мощи Германии, может быть признано обоснованным — наряду с тесным соглашением с Англией — «установление более солидных связей с русской мощью, которая растет такими темпами, что с ней не могут равняться ни страны Малой Антанты, ни Польша». Но к этому выводу были сделаны такие оговорки, которые сводили его значение на нет. Так, в документе утверждалось, что усиление связей Франции с СССР может отрицательно сказаться на франко-английском сотрудничестве. Общий смысл документа заключался в том, что устанавливать военное сотрудничество с СССР, мол, невозможно. Правда, высказывалось опасение, что отказ Франции от установления более тесного сотрудничества с СССР может побудить его «вернуться к политике Рапалло»²⁰⁹.

Приведенные факты наглядно свидетельствуют о том, что позиция всех основных участников рассматриваемых событий четко определилась. Фашистские агрессоры действовали с каждым днем все более нагло. В союзе с ними выступали польские правящие круги. Позиция же Англии и Франции становилась все более капитулянтской. Они не только не оказывали никакой поддержки Чехословакии, но, напротив, помогали фашистскому рейху в аннексии Судетской области, с тем чтобы он мог осуществить ее, не вызвав общей войны в Европе, в которую могли бы оказаться вовлеченными и западные державы. И только Советский Союз продолжал занимать твердую и последовательную позицию, решительно заявляя о своей готовности выполнить свои договорные обязательства по отношению к Чехословакии и оказать ей помощь.

Гитлер издевается над «умиротворителями»

22 сентября Н. Чемберлен в сопровождении Г. Вильсона и У. Стрэнга прибыл в Бад-Годесберг для новой встречи с Гитлером. Британский премьер с явно довольным видом сообщил Гитлеру, что ему удалось добиться согласия на передачу Германии Судетской области не только от английского, но также от французского и чехословацкого правительств.

Видя готовность Англии и Франции идти на самые существенные уступки, Гитлер решил, однако, ужесточить свои требования, с тем чтобы сделать еще один шаг в деле ликвидации чехословацкого государства²¹⁰. Совершенно неожиданно для Чемберлена главарь германских фашистов нанес ему заранее подготовленный удар. Он язвительно произнес: «Мне очень жаль, но этого уже недостаточно». Он в ультимативном порядке потребовал, чтобы передача Германии Судетской области была начата немедленно, а именно 26 сентября, и закончена к 28 сентября²¹¹. Вместе с тем он решительно настаивал теперь также на передаче некоторых районов Чехословакии Польше и Венгрии. Наконец, он заявил, что больше нет условий для существования чехословацкого государства. В случае отклонения его требований Гитлер грозил войной²¹².

Отчитываясь о поездке в Бад-Годесберг, Чемберлен был вынужден признать на заседании английского правительства, что в результате этих новых требований Гитлера он оказался в состоянии шока²¹³. Несмотря на все более наглые требования нацистов, английский премьер все же не прекратил своих попыток договориться с ними, с тем чтобы аннексия Судетской области Германией была осуществлена «упорядоченно» и не вызвала войны. Перед отъездом из Бад-Годесберга Чемберлен заверил Гитлера, что сделает все возможное для обеспечения выполнения его требований²¹⁴.

План созыва конференции агрессоров и их покровителей

В Англии и Франции вернулись к рассмотрению вопроса о созыве конференции с участием западных держав и фашистского рейха, с тем чтобы решить на ней вопрос о «мирной передаче» Германии Судетской области, то есть о расчленении Чехословакии. Ж. Бонне заявил на заседании французского правительства (27 сентября), что нужно стремиться к соглашению с Германией «любой ценой»²¹⁵.

28 сентября Чемберлен сообщил в послании Гитлеру, что готов в третий раз прибыть в Германию, чтобы обсудить условия передачи ей Судетской области. Он указал, что если канцлер пожелает, то в переговорах могли бы принять участие также представители Франции и Италии. При этом английский премьер высказывал уверенность, то есть фактически заверял германского канцлера, что тот таким путем сможет добиться безотлагательного осуществ-

вления своих требований и без войны²¹⁶. Президент США, получив телеграмму американского посла в Лондоне Дж. Кеннеди о предложении Н. Чемберлена, направил английскому премьеру 28 сентября следующее послание: «Молодец!» («Good man!»). Кеннеди, со своей стороны, заявил Галифаксу, что он «искренне симпатизирует» всему, что делает Чемберлен, и «горячо поддерживает» предпринимаемые им шаги²¹⁷. Англия и США действовали, таким образом, в полном взаимопонимании.

После достижения договоренности о созыве конференции четырех держав — Англии, Франции, Германии и Италии — Галифакс информировал об этом чехословацкого посланника в Лондоне, который, естественно, не мог не выразить недоумения.

— Но ведь это — конференция для обсуждения судьбы моей страны. Разве мы не приглашены принимать в ней участие?

— Это конференция великих держав.

— Тогда, значит, приглашен также Советский Союз. Ведь Россия также имеет договор с моей страной.

— У нас не было времени пригласить русских, — раздраженно закончил разговор английский лорд²¹⁸.

Весьма ярко охарактеризовал позицию СССР и Англии У. Черчилль в беседе с советским полпредом в Лондоне 29 сентября. «Сегодня Черчилль в разговоре со мной, — писал И. М. Майский, — с большим уважением и удовлетворением отзывался о поведении СССР в нынешнем кризисе. В частности, он очень высоко расценивает речь Литвинова на ассамблее и нашу ноту Польше. СССР, по словам Черчилля, выполняет свой международный долг, в то время как Англия и Франция капитулируют перед агрессорами. В связи с этим сочувствие к СССР быстро возрастает...» Что же касается позиции английского правительства, то Черчилль подверг ее самой резкой критике, отмечая, что она ведет «к неизбежному развязыванию войны». Стремление Чемберлена «игнорировать и отталкивать» СССР, по словам Черчилля, было «не только нелепо, но и преступно», а англо-французский план расчленения Чехословакии возмутителен²¹⁹.

Западногерманский историк Г. Нидхарт, изучивший документы английских архивов о политике правительства Н. Чемберлена по отношению к СССР, констатировал, что она характеризовалась «открытым игнорированием Советского Союза и стремлением к его изоляции»²²⁰.

29—30 сентября в Мюнхене состоялась конференция Чемберлена, Даладье, Гитлера и Муссолини, завершившаяся сделкой об отторжении от Чехословакии и присоединении к Германии широкой полосы территории вдоль всей германо-чехословацкой границы.

Главы правительств Англии и Франции прибыли в Мюнхен, заранее приготовившись к капитуляции. Они даже не пытались возражать против требований, предъявляемых Гитлером (формально их внес Муссолини). Напротив, Чемберлен и Даладье соперничали между собой в славословии по поводу чуть ли не благородства этих предложений. Гитлер впоследствии похвалялся, что в Мюнхене Чехословакия была преподнесена ему на блюде ее друзьями²²¹.

Представителям Чехословакии объявили результаты мюнхенского сговора четырех держав как приговор, не подлежащий обжалованию. Первым это сделал Г. Вильсон ещё до окончания конференции. Явившись в «комнату ожидания», где с волнением в течение нескольких часов ждали этого приговора вызванные в Мюнхен чехословацкие представители, он решил «осчастливить» их.

— Почти все решено. Вам будет приятно узнать, что мы пришли к соглашению почти по всем вопросам.

— И какова наша судьба?

— Не так плохо, как могло оказаться.

Г. Вильсон по карте показал замазанную красными чернилами полосу, охватывавшую с севера, запада и юга чуть ли не половину территории Чехословакии и включавшую почти всю укрепленную оборонительную линию страны.

— Это возмутительно! Это жестоко и преступно глупо!

— Извините, но спорить бесполезно²²².

Таким образом, Чемберлен и Даладье пошли в Мюнхене на сговор с агрессорами, на капитуляцию перед ними, позорно предав Чехословакию и оказав фашистским агрессорам помощь в ее расчленении.

Разумеется, эти четыре империалистические державы не имели ни малейших законных оснований присваивать себе право принимать решение о разделе Чехословакии. Поскольку эта сделка была грубым нарушением суверенных прав чехословацкого государства и была навязана Чехословакии под угрозой применения силы, она была незаконной.

Ф. Рузвельт считал за честь примкнуть к компании «мюнхенских миротворцев». Он отправил Чемберлену через своего посла в Лондоне Дж. Кеннеди поздравительную телеграмму. Хотя Кеннеди также полностью поддерживал политику попустительства германской агрессии, он все же понимал, что впоследствии она не прибавит чести ее творцам. И поэтому он проявлял известную осторожность. Получив телеграмму, он направился в резиденцию английского премьера на Даунинг-стрит, 10, но вместо вручения Чемберлену текста телеграммы лишь зачитал ее. «У меня было такое чувство, — писал он впоследствии, — что когда-нибудь эта телеграмма обратится против Рузвельта, и я оставил ее при себе»²²³.

После подписания мюнхенского соглашения Чемберлен изъявил желание поговорить с Гитлером с глазу на глаз. Фашистский канцлер согласился. Английский премьер придавал этой беседе совершенно исключительное значение. Ведь для него мюнхенский сговор о разделе Чехословакии был скорее средством к достижению цели. Он подкармливал агрессора, чтобы задобрить его. Цель же Чемберлена заключалась в выработке соглашения между Британской империей и фашистским рейхом по всем интересовавшим обе стороны проблемам, с тем чтобы отвести германскую агрессию от Британской империи и направить ее на Восток, против СССР. Чемберлен надеялся, что теперь, после удовлетворения столь остро поставленного Германией требования относительно Судетской области, сложилась самая благоприятная обстановка для начала делового разговора о таком соглашении²²⁴.

Чемберлен в ходе беседы с Гитлером достаточно прозрачно изложил свою внешнеполитическую программу. Считая необходимым продемонстрировать свое враждебное отношение к СССР, английский премьер отметил, что Германия не должна, мол, теперь больше бояться, что Чехословакия будет использована как плацдарм для «русской агрессии». Он подчеркнул далее, что Германии не следует опасаться, что Англия будет проводить в Юго-Восточной Европе политику военного и экономического окружения Германии.

Итак, Чехословакия и Юго-Восточная Европа Англию не интересуют, а к России она относится, как к злейшему врагу. Учтите, мол, и действуйте!

Что же, однако, интересовало Англию? Чемберлен подчеркнул, что главное — улучшение англо-германских отношений. И тут он предложил Гитлеру за все, что

Англия уже сделала для германских агрессоров и пообещала на будущее, подписать англо-германскую декларацию о ненападении.

Гитлер не стал упираться, и тут же эта декларация была подписана. По существу, это было соглашение о ненападении и консультациях между Англией и Германией. Нацистский канцлер счел возможным несколько подсластить для английского премьера мюнхенскую капитуляцию, так как ему было важно поддержать и защитить Чемберлена от его возможных критиков. «Жаждающему, — заметил по этому поводу Муссолини, — не отказывают в стакане воды»²²⁵.

Подписание этой декларации, однако, вовсе не означало, что фашистская Германия собиралась придерживаться ее. Наоборот, гитлеровцы там же, в Мюнхене, продолжили переговоры с Муссолини о заключении германо-итало-японского союза с целью подготовки к войне против Англии и Франции. Риббентроп сразу же после окончания конференции заявил, что Чемберлен «сегодня подписал смертный приговор Британской империи и предоставил нам проставить дату приведения этого приговора в исполнение»²²⁶.

Мюнхен — шаг к войне

Правящие круги Англии и Франции при заключении мюнхенского соглашения особое значение придавали его антисоветской заостренности. Наглядно свидетельствуют об этом приведенные выше материалы об обсуждении важнейших внешнеполитических вопросов в английском правительстве. Это же явствует из тогдашних дипломатических документов США, Франции, Германии, Италии, Польши и других стран. Так, польский посол в Лондоне Э. Рачиньский писал, касаясь Мюнхена, что в Англии господствует мнение, что Чемберлен «защитил английские ворота и перенес таким образом игру на восток Европы»²²⁷. 4 октября 1938 г. французский посол в Москве Р. Кулондр, со своей стороны, отмечал, что мюнхенское соглашение «особенно сильно угрожает Советскому Союзу»²²⁸. Лорд Лотиан, назначенный вскоре английским послом в США, отмечал, что в связи с Мюнхеном политические круги Лондона полагали, что Гитлер после захвата Чехословакии «двинется на Украину». «В Европе все ожидали этого»²²⁹, — подчеркивал он.

Антисоветская подоплека мюнхенского сговора четырех держав не скрывается и некоторыми западными исто-

риками. Английский историк Дж. Уилер-Беннет отмечает, что среди правящих кругов Англии в период Мюнхена существовала тайная надежда, что если бы удалось повернуть направление германской агрессии на Восток, то она «израсходовала бы свои силы в русских степях в борьбе, которая истощила бы обе воюющие стороны»²³⁰. Об этом же свидетельствуют известный американский публицист и обозреватель У. Липпман и американский дипломат Ч. Болен, работавший в то время в посольстве США в Москве. Они писали, что мюнхенская политика Англии основывалась на надежде, что Германия и Россия окажутся в состоянии войны и «обескровят друг друга»²³¹.

Историк из ФРГ Б. Человский признает, что Советское правительство в течение всего предмюнхенского периода пыталось добиться изменения «политики умиротворения», с тем чтобы создать единый фронт против агрессоров. «Чемберлен и Бонне делали все возможное, чтобы устранить Советский Союз. По причинам идеологическим и соображениям политики силы они были против сотрудничества с Советами». Правительства Франции и Великобритании руководствовались в своей внешней политике «не принципами демократии и права, а антисоветизмом»²³².

В работах ряда западных публицистов встречаются попытки как-то бросить тень в связи с Мюнхеном и на СССР, но они несостоятельны.

Даже биограф лорда Галифакса Ф. Биркенхед вынужден признать, что в течение всего чехословацкого кризиса не было оснований сомневаться в том, что Советский Союз относился к своим предложениям об оказании помощи Чехословакии со всей серьезностью и что он выполнит свои обязательства. Поэтому было исключительно важно открыто иметь СССР в качестве союзника, и «можно считать непростительной ошибкой, что не были приняты меры для достижения этого»²³³.

В Советском Союзе отчетливо видели опасность, связанную с мюнхенской сделкой четырех империалистических держав. В советской прессе отмечалось, что за короткий срок Эфиопия, Испания, Китай, Австрия, Чехословакия стали жертвами «прожорливых фашистских людоедов». Наряду с осуждением действий агрессоров в печати критиковалась и проводившаяся в Лондоне и Париже политика попустительства агрессии, которая привела к мюнхенской сделке о расчленении Чехословакии. «Капитуляция Англии и Франции перед агрессором, — писали

«Известия», — по видимости отдалив войну, в действительности ее приближает»²³⁴.

Мюнхенское соглашение коренным образом меняло положение в Центральной Европе. Захватив Австрию, а затем часть Чехословакии, фашистская Германия значительно укрепила свои позиции.

В жертву гитлеровцам в Мюнхене была принесена Чехословакия. Ей было навязано незаконное решение, согласно которому она потеряла значительную часть своей территории и населения, в том числе исключительно важные в экономическом отношении районы. Ввиду смешанного состава населения присоединенных к Германии районов под властью фашистского рейха оказались 1 161 616 чехов и словаков²³⁵. Новыми границами были перерезаны важнейшие транспортные магистрали страны, что серьезно затрудняло внутригосударственные экономические и иные связи. Чехословакия была лишена своих естественных границ, проходивших по труднопреодолимым горным хребтам, и созданных в них мощных пограничных укреплений²³⁶. Тем самым мюнхенской сделкой были созданы условия, которые полгода спустя были использованы фашистским рейхом для полной ликвидации чехословацкого государства.

Резко ослабленными оказались в результате Мюнхена также стратегические и политические позиции Франции и Англии. Была окончательно ликвидирована англо-французская гегемония в Европе, основывавшаяся на Версальском договоре. В Мюнхене, по существу, была уничтожена система военных союзов, заключенных Францией с другими государствами Европы. Была похоронена Лига наций. Фактически перестал существовать и советско-французский договор о взаимопомощи против агрессии как средство обеспечения мира и безопасности в Европе.

Фашистская Германия получила наилучшие возможности для дальнейшей экспансии, в том числе и для агрессии против Англии и особенно Франции. Тогдашний французский посол в Варшаве Л. Ноэль признает в своих воспоминаниях, что «мюнхенские соглашения и вытекавшее из них предательство Чехословакии представляют собой один из самых жалких, постыдных и унижительных эпизодов политики, проводимой от имени Франции в период между двумя мировыми войнами, которая привела к наиболее губительной катастрофе в нашей истории»²³⁷.

Мюнхенский сговор четырех империалистических держав приблизил начало второй мировой войны.

Провал англо-французской политики «умиротворения» агрессоров

Пойдут ли гитлеровцы на Украину?

Реакционные правящие круги Англии и Франции рассчитывали, что в результате мюнхенского сговора агрессивные устремления Германии будут обращены на Восток, в конечном счете против Советского Союза.

СССР действительно находился в весьма опасном положении. Совместными усилиями Чемберлена, Даладье, Гитлера и Муссолини Советский Союз был поставлен в положение фактически полной, причем крайне враждебной, международной изоляции. Правительства Англии и Франции, подталкивая Германию на войну с Советским Союзом, открыто заявляли, что они не желают иметь с СССР ничего общего. Форин оффис прекратил после Мюнхена всякие контакты с советским полпредством в Лондоне. Английский посол лорд Чилстон покинул Москву. В Англии серьезно начал рассматриваться вопрос о разрыве с Советским Союзом торгового договора. Французская дипломатия также свела отношения с СССР почти на нет. Сразу же после Мюнхена был отозван французский посол в Москве Р. Кулондр. Этот опытный дипломат переводился на пост посла в Берлине.

Как отмечало советское полпредство в Лондоне, сразу же после Мюнхена в политических кругах Англии, а также в печати выражалась уверенность, что «теперь Гитлер пойдет на Восток и что его ближайшим крупным объектом является Украина». Не подлежит сомнению, указывало полпредство, что целый ряд влиятельных деятелей (в том числе некоторые члены кабинета) «прямо нашептывали Гитлеру эту восточную авантюру, обещая ему по крайней мере благожелательный нейтралитет...»²³⁸. Английская газета «Ньюс кроникл» отмечала 25 октября, что «твердолобые» пытаются побудить Россию и Германию вцепиться в горло друг другу.

Английский историк К. Миддлмас, ознакомившись с рассекреченными документами английского правительства за предвоенные годы, вынужден признать «наличие доказательств, оправдывающих советские утверждения, что Англия планировала толкнуть Германию на войну против России»²³⁹.

Таких же взглядов придерживались и в Париже. 11 ноября советский полпред во Франции Я. З. Суриц сообщал в Москву, что среди французской правящей верхушки «осо-

бенно популярна версия о «Дранг нах Остен», версия о предоставлении Германии свободы действий и свободы рук на Востоке. В конечном счете при этом, естественно, имеется в виду предоставление свободы действий против СССР»²⁴⁰.

Американский посол в Париже У. Буллит, касаясь послевоенной политики Англии и Франции, говорил, что они желали бы, чтобы на Востоке «дело дошло до войны между германским рейхом и Россией», длительной и изнурительной войны между ними. Затем западные державы «могли бы атаковать Германию и добиться ее капитуляции»²⁴¹.

Когда 6 декабря 1938 г. в результате визита министра иностранных дел Германии фон Риббентропа в Париж состоялось подписание франко-германской декларации о ненападении, Даладье и Бонне еще больше уверовали, что отныне алчные взоры агрессоров будут обращены только на Восток. Возвратившись в Берлин, Риббентроп мог заявить, касаясь советско-французского договора о взаимопомощи, что подписанная в Париже декларация окончательно «отколола Францию от СССР и устраняет последние остатки опасности русско-французского сотрудничества»²⁴².

Заключив соглашение с Германией, правящие круги Франции явно ликовали. Они были уверены в том, что их мюнхенская политика увенчалась успехом. Ж. Бонне писал, информируя французских послов о своих переговорах с Риббентропом, что «германская политика отныне ориентируется на борьбу против большевизма. Германия проявляет свою волю к экспансии на Восток»²⁴³.

Для того чтобы откупиться самим и толкнуть Германию на «крестовый поход» против СССР, английские и французские правящие круги были готовы выдать германским фашистам на съедение все страны Восточной Европы. Союзный договор с Польшей, сотрудничество с Малой Антантой и франко-советский пакт, отмечал заместитель наркома иностранных дел В. П. Потемкин в беседе с французским послом в СССР П. Наджиаром 9 февраля 1939 г., «признаются уже как будто пройденными этапами внешней политики Франции, едва ли не достоянием истории»²⁴⁴. Форин оффис также располагал сведениями о том, что Франция намерена ликвидировать свои обязательства по договорам с Польшей и особенно с СССР²⁴⁵. Такой курс политики английских и французских правящих кругов после Мюнхена по-прежнему предопределяла их ненависть к коммунизму, будь то в лице Советского государства или же в форме революционного движения в собственных странах. «Англия ползает на брюхе перед Гитлером, боясь комму-

низма»²⁴⁶, — отмечал в своем секретном дневнике министр внутренних дел США Г. Икес. Именно этой ненавистью к коммунизму объясняется и тот факт, что английское правительство ставило даже вопрос об англо-германском военном сотрудничестве в борьбе против Советского Союза²⁴⁷.

Мюнхенский сговор всецело поддерживали наиболее реакционно настроенные представители правящих кругов США. Как утверждал в речи 26 октября 1938 г. бывший президент Соединенных Штатов Г. Гувер, западноевропейским странам не следовало опасаться Германии, так как благоприятные возможности для диктаторских режимов открывала-де только экспансия на Восток; не надо лишь мешать такой экспансии²⁴⁸. Советское полпредство в США отмечало в этой связи, что реакционная часть республиканцев по-прежнему «мечтает о сближении с фашистскими странами и тешит себя иллюзией и надеждой, что европейские агрессоры пойдут против нас»²⁴⁹. Соединенные Штаты еще с лета 1938 года были представлены в Москве лишь временным поверенным в делах и не торопились с назначением нового посла.

Англо-франко-американская реакция всячески подстрекала германских, японских и прочих агрессоров. Со страниц печати западных держав не сходили сообщения о «слабости» Советского Союза как в военном, так и в экономическом отношении. У. Буллит заявил, что если в прошлом веке «больным человеком», обреченным на гибель, считалась Османская империя, то теперь «больным человеком Европы» стала Россия²⁵⁰.

В Лондоне были получены сведения о том, что в Германии началось подробное изучение возможностей «решения украинского вопроса» и что Гитлер дал германскому генеральному штабу указания начать подготовку к нападению на СССР. Создание «Великой Украины», которая состояла бы из населенных украинцами районов СССР и Польши, а также Закарпатской Украины, рассматривалось гитлеровцами как важнейшая составная часть германской восточной политики. Сама же эта «Великая Украина» могла бы существовать, по их мнению, «лишь безоговорочно опираясь на Германию, в связи с чем она, по существу, превратилась бы в германского вассала»²⁵¹.

Гитлер: с Польшей или против Польши?

Нацисты начали с Польшей переговоры по «украинскому вопросу». Выше уже говорилось о германо-польском сотрудничестве в марте 1938 года, когда после захвата Гер-

манией Австрии буржуазно-помещичья Польша хотела захватить Литву. С июня между польским послом Липским и Герингом начались переговоры о сотрудничестве, в том числе и военном, в деле «полного расчленения Чехословакии», ликвидации ее²⁵².

27 сентября Бек дал послу в Берлине Липскому директиву договориться с Герингом о том, чтобы Польша заранее была информирована о начале Германией военной акции против Чехословакии. «Для вашей секретной информации сообщаю, — писал Бек, — что мы располагаем вооруженными силами, готовыми к действию. В зависимости от развития событий мы можем принять необходимые действия вслед за началом германо-чехословацкого конфликта»²⁵³.

Ю. Липский согласовал со статс-секретарем МИД Германии Э. Вайцзеккером конкретные действия обеих стран, в том числе и «военную демаркационную линию на случай польско-чешской войны»²⁵⁴. Сразу же после мюнхенского сговора четырех держав, в полночь с 30 сентября на 1 октября, Польша предъявила Чехословакии ультиматум о немедленной передаче ей Тешинской области²⁵⁵, а на следующий день начала ввод своих войск в Тешинскую область. Польские правящие круги за свои действия получили даже похвалу гитлеровцев²⁵⁶.

Но в большинстве других государств польские агрессоры заслужили самую дурную славу. Например, польский посол в Лондоне Э. Рачиньский сообщал в Варшаву, что в Англии действия Польши сочли «глумлением над трупом». Приходится считаться с тем, что в течение определенного времени Польша будет в Англии «непопулярной»²⁵⁷.

Проводя агрессивную, империалистическую внешнюю политику, правящие круги Германии и Польши считали естественным сотрудничество против СССР. Германские и польские агрессоры, по существу, заключили антисоветский военный союз на тот случай, если в результате оказания Советской страной помощи Чехословакии в защите от нападения со стороны фашистской Германии и Польши они окажутся в состоянии войны с СССР. 30 сентября польское правительство поставило перед гитлеровцами вопрос, может ли оно рассчитывать на доброжелательную позицию Германии, если в результате предстоящего вторжения польских войск в Чехословакию возникнет вооруженный конфликт между Польшей и СССР. На следующий же день Липский писал в Варшаву об ответе, полученном им от Риббентропа: «В случае польско-советского конфликта правительство

Германии займет по отношению к Польше позицию более чем доброжелательную». При этом он дал ясно понять, что правительство Германии оказало бы помощь²⁵⁸. Геринг также заверил Липского 1 октября, что «в случае осложнений с Россией Польша может рассчитывать на самую эффективную помощь со стороны Германии»²⁵⁹.

Вскоре встал вопрос о совместной агрессивной войне Германии и Польши против СССР. Риббентроп в беседе с польским послом Липским выдвинул 24 октября 1938 г. предложение об «общем урегулировании спорных проблем, существующих между Польшей и Германией». Эти предложения предусматривали: присоединение к Германии вольного города Данцига (с сохранением экономических льгот в Данциге для Польши); строительство Германией экстерриториальной автостреды и железнодорожной линии через польское Поморье; продление польско-германской декларации о дружбе и ненападении на 10 или 25 лет; признание обеими сторонами существующей польско-германской границы. Риббентроп предложил, чтобы, укрепив таким образом польско-германскую дружбу, обе страны проводили «общую политику в отношении России на базе антикоминтерновского пакта»²⁶⁰.

Крайне заинтересованы в германо-польском сотрудничестве против СССР были также японские империалисты, строившие планы совместной войны трех стран против Советского Союза²⁶¹.

Польский посол в Москве В. Гжибовский утверждал в разговоре с вице-министром иностранных дел Польши Я. Шембеком, что «ослабление Советской России возрастает» и «русская проблема назревает». Польша «должна иметь влияние на судьбу этой проблемы, — заявил Гжибовский, — причем в истории уже был момент, когда Польша имела решающее слово в русских делах». Он привел также слова Пилсудского: «На Россию я пойду сам». Гжибовский высказался за восстановление польской границы 1772 года. Нацистская Германия не без основания считала, что — наравне с Италией и Японией — «в будущем германо-русском конфликте Польша будет естественным союзником Германии»²⁶².

Урегулирование германо-польских империалистических противоречий, связанное с достижением сговора против СССР, оказалось, однако, делом непростым. Гитлеровская Германия, поднимая вопрос о дальнейшем укреплении германо-польской «дружбы», мыслила ее как полное подчинение Польши германскому господству. Если аннексия

Германией Судетской области была первым шагом к захвату гитлеровцами всей Чехословакии, то присоединение к рейху Данцига рассматривалось гитлеровцами как проверка готовности Польши к такому сотрудничеству с Германией, которое означало бы добровольную капитуляцию. Советский военный разведчик Р. Зорге сообщал в Москву 3 октября 1938 г., что очередной проблемой внешней политики Германии является «польский вопрос», но его предполагается разрешить между Германией и Польшей «подружески в связи с их совместной войной против СССР»²⁶³. Комиссар Лиги наций в Данциге К. Буркхардт также писал 20 декабря, после посещения им Германии, что там широко говорят об Украине. «В известной степени с подобными планами связывают Польшу, конечно, при условии, что заплатит Варшава, что она подчинится, что она будет «разумной», что она пойдет по пути чехов»²⁶⁴.

Характерно высказывание германского военного атташе в СССР генерала Э. Кёстринга в беседе с литовским военным атташе: «Польша является клячей, которую Германия впрягла в свою упряжь на время... Если Польша рассчитывает на помощь Германии в ее войне с СССР, то, во всяком случае, германские войска, вступив в «коридор» и в Силезию, оттуда никогда не уйдут»²⁶⁵.

Правящие круги Польши были готовы сотрудничать с Германией в империалистическом грабеже чужих земель, особенно в борьбе против Советского государства. В то же время они не могли быть в восторге от перспективы превращения Польши в бесправного вассала гитлеровской Германии, от захвата нацистами польских земель. Тем более что это вызвало бы бурю негодования в польском народе. Польскому правительству вовсе не импонировала также идея создания подвластного Германии «украинского государства», так как оно опасалось, что гитлеровцы захотят присоединить к нему также и те украинские земли, которые вошли в состав Польши после 1920 года. Так, вице-директор политического департамента МИД Польши Т. Кобыляньский подчеркнул 18 ноября в беседе с советником германского посольства в Польше Р. фон Шелией, что если немцы не будут выдвигать идею создания «Великой Украины», то «Польша будет согласна впоследствии выступить на стороне Германии в походе на Советскую Украину». В противном случае, указывал он, такое выступление может оказаться невозможным²⁶⁶.

Постепенно стала проявляться, таким образом, обратная сторона медали, выяснялась «цена», которую фа-

шистский рейх требовал с Польши за согласие допустить ее к участию в грабеже чужих земель. Но среди правящих кругов Польши оказалось немало людей, которые готовы были к сотрудничеству с гитлеровцами чуть ли не на любых условиях. Ю. Бек заявил, например, американскому послу Д. Биддлу, что Польша может оказаться перед «необходимостью» сотрудничества с Германией в создании украинского государства за счет территорий Польши, СССР и Румынии²⁶⁷.

Характерны в этом отношении также высказывания А. Каршо-Седлевского, бывшего советника польского посольства в Москве, назначенного в декабре посланником Польши в Иране. Каршо-Седлевский сказал в беседе с фон Шелией 28 декабря 1938 г., что через несколько лет Германия будет воевать с Советским Союзом, а «Польша поддержит... в этой войне Германию. Для Польши лучше до конфликта совершенно определенно встать на сторону Германии, так как территориальные интересы Польши на западе и политические цели Польши на Востоке, прежде всего на Украине, могут быть обеспечены лишь путем заранее достигнутого польско-германского соглашения»²⁶⁸.

Нацисты во время каждой встречи с польскими дипломатами и впоследствии неизменно ставили вопрос об анти-советском сотрудничестве двух стран. Так, Гитлер заметил в беседе с Беком 5 января 1939 г., что между Германией и Польшей существует полная общность интересов в отношении России²⁶⁹. Отвечая на следующий день на вопрос Риббентропа, не отказалось ли польское правительство от устремлений Пилсудского в отношении Украины, Бек, подтверждая агрессивные планы Польши, подчеркнул, что поляки «уже были в Киеве» и что «эти устремления, несомненно, все еще живы и сегодня»²⁷⁰.

26 января 1939 г., во время визита в Польшу, Риббентроп снова поднял этот вопрос. Гитлеровский министр опять предложил Беку установить сотрудничество между Германией и Польшей в отношении Советского Союза, а также по вопросу о создании «Великой Украины». «Г-н Бек не скрывал, — указано далее в записи беседы, — что Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю». Выслушав такие заявления польского министра, Риббентроп поставил вопрос о присоединении Польши к «антикоминтерновскому пакту», с тем чтобы она оказалась с Германией в «одной лодке». Бек заверил его, что «серьезно продумает» поставленный вопрос²⁷¹. После окончания визита германский посол в Варшаве Г. Мольтке заявил, отвечая

на вопрос о позиции Польши в случае столкновения между Германией и Россией: «Обстановка полностью ясна. Мы знаем, что Польша в случае германо-русского конфликта будет стоять на нашей стороне. Это совершенно определено»²⁷².

В случае совместной с Германией войны против СССР правящие круги Польши предпочитали, чтобы германские войска двинулись против Советского Союза не через Польшу, а через территорию других стран. Нарком иностранных дел СССР отмечал 19 февраля 1939 г., что Польша мечтает превратить Советскую Украину в собственную сферу влияния. «Она, однако, будет готова в случае надобности поступиться своими мечтаниями и не возражать против похода Гитлера через Румынию... Не возражала бы Польша также против похода Гитлера через Прибалтику и Финляндию, с тем чтобы она сама выступила против Украины, синхронизируя все это с политикой Японии»²⁷³.

Как ни старались правящие круги Англии и Франции превратить Мюнхен в отправной пункт всестороннего сотрудничества с Германией и Италией для создания «директората четырех», который господствовал бы над Европой, все их планы были заранее обречены на провал. Это было связано, в частности, с коренным изменением соотношения сил в Западной Европе, происшедшим в результате мюнхенской капитуляции Англии и Франции.

В первые месяцы после Мюнхена гитлеровцы действительно рассматривали вопрос о выступлении вместе с Польшей против Советского Союза, но это не мешало им одновременно обстоятельно разрабатывать и другой вариант, а именно планы войны против Польши, как и против Франции и Англии. 16 ноября 1938 г. Гитлер обстоятельно обсудил с генералами Браухичем и Кейтелем планы войны в союзе с Италией против Франции и Англии²⁷⁴. К концу декабря 1938 года дальнейшие агрессивные планы германских фашистов фактически были окончательно определены. Было решено «ликвидировать» весной 1939 года Чехословакию, а затем и Польшу, с тем чтобы, накопив необходимые силы и укрепив тылы, в следующем году выступить против Франции и Англии.

В германской печати, правда, еще некоторое время продолжалось широкое обсуждение «украинского вопроса», но это было уже дезинформацией, предназначенной скрыть действительные планы гитлеровцев.

Между тем гитлеровцы занялись конкретными мерами подготовки к нападению на Польшу. На совещании Риббентропа с нацистским генералитетом 22 января прямо

говорилось о том, что германо-польская декларация 1934 года будет соблюдаться лишь до тех пор, пока это будет целесообразно. Предусматривалось, что будут приняты меры к тому, чтобы «обострить отношения с Польшей в такой степени, что будет возможно лишь военное решение вопроса»²⁷⁵.

Нападение на СССР откладывается

Как показали дальнейшие события, расчеты реакционных кругов Англии, Франции и США направить агрессоров в сторону советских рубежей оказались несостоятельными. Агрессоры были достаточно хорошо осведомлены об обороноспособности СССР: Германия же не считала себя пока достаточно подготовленной в военном отношении, чтобы отважиться на войну с СССР.

Намеченные Гитлером планы, как уже указывалось, предусматривали прежде всего разгром ряда других стран. Об этом свидетельствовал с конца 1938 года даже тон высказываний гитлеровцев по отношению к западным державам, который становился все более циничным.

Один из немецких экспертов по проблемам Восточной Европы, В. Маркерт, имел сведения о том, что до ноября—декабря 1938 года Берлин намеревался форсировать «столкновение с Москвой и в этих целях обеспечить в лице Польши союзника против Советского Союза». Риббентроп и Розенберг «выступали за войну против Советского Союза, используя постановку украинского вопроса». Поворот в оценке политической обстановки и шансов в войне в Восточной Европе наступил, по его данным, около рождества. После длительного пребывания в Оберзальцберге Гитлер заявил, касаясь войны против СССР, что нужно еще время для ее «основательной подготовки»²⁷⁶.

Все большее изменение соотношения сил в Европе в пользу агрессивных держав и особенно усиливавшийся поток сообщений о том, что Германия намерена направить свой очередной удар не против СССР, а против Польши, Франции и Англии, в конце концов начали вызывать беспокойство у западных держав.

Уже 13 ноября 1938 г. в дневниках О. Харви, личного секретаря министра иностранных дел Англии, появилась следующая тревожная запись: «Скудная информация, секретная и открытая, получаемая нами теперь из Германии, показывает, что германское правительство смеется над нами, презирает нас и намеревается морально и матери-

ально лишить нас наших мировых позиций»²⁷⁷. На следующий день лорд Галифакс сделал на заседании внешнеполитического комитета правительства резюме полученных им секретных сообщений, свидетельствовавших о том, что фашистский рейх придерживается «все более антианглийской позиции» и что он «намерен добиваться развала Британской империи и по возможности установления мирового господства немцев»²⁷⁸.

В середине декабря в Лондон прибыл первый секретарь английского посольства в Берлине И. Киркпатрик, который привез с собой материалы о том, что нацисты планируют агрессию не только на Восток, но и на Запад. Однако Н. Чемберлен все еще надеялся на успех намеченного им курса. Касаясь предложений о мерах по укреплению способности Англии оказывать отпор германской агрессии, он заявил на заседании правительства, что эти предложения противоречат его «представлениям о следующей акции Гитлера, которая будет обращена на Восток, и в этом случае Англия могла бы вообще остаться вне войны»²⁷⁹.

19 января 1939 г. английскому правительству была представлена записка Форин оффиса, в которой обобщалась информация о планах нацистов, полученная из различных секретных источников. Во введении к этой записке Галифакс указывал, что «до сих пор было общепринятым ожидать, что устремления Гитлера будут направлены на Восток и в особенности что он планирует что-то в отношении Украины». За самое последнее время, однако, поступают сообщения, что Германия может нанести удар по западным державам²⁸⁰. Форин оффис располагал в то время сведениями о том, что гитлеровцы намерены начать крупные военные акции с разгрома Польши²⁸¹.

Генеральный штаб французской армии также пришел к заключению, что Германия скорее начнет войну с западными державами, чем с СССР²⁸².

Таким образом, к началу 1939 года фашистский рейх, пользуясь политикой попустительства германской агрессии со стороны Англии, Франции и США, занял господствующее положение в центре Европы. Надежды Чемберлена и его единомышленников на то, что им удастся добиться сделки с гитлеровцами и толкнуть их агрессию на Восток, против СССР, оказались несостоятельными. Германские фашисты, намечая свои дальнейшие захватнические планы, предпочитали иметь дело с более слабыми противниками. На схватку с СССР они пока не решались.

НА ПОРОГЕ ВОЙНЫ

Агрессивные действия гитлеровцев. Позиция СССР и западных держав

Весна 1939 года оказалась последней предвоенной весной. Некоторое затишье, наблюдавшееся в зимние месяцы, подходило к концу. Это было затишье перед бурей. Империалистическая, фашистская Германия взяла курс на войну.

К марту дальнейшие агрессивные планы гитлеровцев приобрели уже конкретную форму. Вот как они были изложены весной 1939 года советником министра иностранных дел Германии П. Клейстом. Решение оккупировать Чехословакию даст Германии возможность держать в руках Венгрию, Румынию и Югославию и реально угрожать Польше. Присоединение Мемеля (Клайпеды) позволит Германии «твердо стать на ноги также в Прибалтике». Если раньше предполагалось привлечь Польшу к участию в войне против СССР, то теперь намерения Германии изменились. «Очевидно, — сказал Клейст, — Польша должна быть вначале территориально разделена (отделение областей, принадлежавших ранее Германии, и образование западноукраинского государства под германским протекторатом) и политически организована (назначение надежных, с германской точки зрения, руководителей польского государства)...» Все эти меры должны были укрепить тылы Германии. После разгрома Польши намечается «акция против Запада» — «западный этап», который закончится поражением Франции и Англии. Затем станет возможным «великое и решающее столкновение с Советским Союзом и будет осуществим разгром Советов»¹.

Германские агрессоры в Праге

15 марта 1939 г. гитлеровские войска вступили в Прагу. Чехословакия была ликвидирована германскими фашистами как самостоятельное государство. Хотя Англия и Франция, навязывая Чехословакии условия мюнхенского соглашения, обещали ей свои гарантии, никакой помощи Чехословакии в эти трагические дни они не оказали.

Английское правительство получило точные сведения о предстоящих событиях еще за четыре дня. Однако оно сделало вид, что ничего не видит и ничего не слышит. Только 14 марта в связи с поступавшими в Лондон все более тревожными сообщениями Галифакс созвал совещание для рассмотрения вопроса о позиции Англии. Решили, писал его помощник О. Харви об этом совещании, что «мы не должны прибегать к пустым угрозам, поскольку мы не намерены бороться за Чехословакию... Мы не должны считать, что мы каким-то образом гарантировали Чехословакию»².

Такую же позицию занимали и Соединенные Штаты. Помощник государственного секретаря США А. Берли отмечал в своем дневнике 17 марта, что захват Германией Чехословакии «не очень беспокоил» Рузвельта: как и многие англичане, он, возможно, надеялся, что германская агрессия на Восток облегчит положение Англии и Франции³.

Принципиальную позицию в связи с захватом гитлеровцами Чехословакии заняло только Советское правительство.

Подробная характеристика внешней политики СССР в сложившейся в то время обстановке была дана в Отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVIII съезду партии, с которым выступил 10 марта 1939 г. И. В. Сталин. В докладе были подвергнуты критике как агрессоры, так и политика попустительства агрессии, проводимая западными державами. В нем содержалось серьезное предупреждение о том, что большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики «невмешательства», может окончиться для них серьезным провалом. В Отчетном докладе отмечалось, что необходимо «соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками».

В докладе было дано четкое и ясное изложение основ советской внешней политики:

«1. Мы стоим за мир и укрепление деловых связей со всеми странами, стоим и будем стоять на этой позиции, поскольку эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом, поскольку они не попытаются нарушить интересы нашей страны.

2. Мы стоим за мирные, близкие и добрососедские отношения со всеми соседними странами, имеющими с СССР общую границу...

3. Мы стоим за поддержку народов, ставших жертва-

ми агрессии и борющихся за независимость своей родины...»⁴.

СССР решительно осудил новый агрессивный акт нацистов против Чехословакии, заклеил позором агрессоров. 18 марта Советское правительство направило правительству Германии ноту, в которой подчеркивалось, что действия Германии «не могут не быть признаны произвольными, насильственными, агрессивными». Советское правительство заявляло, что оно не может признать включение Чехословакии в состав Германской империи⁵.

Лондон меняет методы, но не цели

Заняв в результате оккупации Чехословакии выгодные исходные позиции для дальнейшей агрессии, фашистский рейх начал подготовку к нападению на Польшу. Непосредственная опасность германской агрессии нависла также над Румынией и многими другими европейскими странами.

Между тем в результате подрывных действий агрессоров и политики потворства им со стороны мюнхенских «умиротворителей» силы тех стран Европы, которым угрожала агрессия, оказались разрозненными. Лондон и Париж сделали все возможное, чтобы, поставив СССР в положение международной изоляции, направить германскую агрессию против него. Но когда весной 1939 года стало выясняться, что фашистская Германия предпочитает до поры до времени воевать не с СССР, а с более слабыми противниками, то оказалось, что, пытаясь изолировать Советский Союз, Англия, Франция, Польша и некоторые другие страны поставили в положение еще более опасной изоляции самих себя.

Правящие круги Англии и Франции наконец вынуждены были признать, что прежней политикой уступок и подачек добиться заключения с Германией соглашения им не удастся и в эту политику необходимо внести коррективы.

Не отказываясь от прежних целей, английское и французское правительства сочли необходимым принять кое-какие меры к тому, чтобы укрепить свои ослабленные Мюнхеном международные позиции, решили припугнуть нацистов возможностью англо-франко-советского сближения. В Москву прибыли их новые послы — У. Сидс и П. Наджиар. «Пока секретные информационные службы сообщали, что следующая акция Гитлера будет направлена на Восток, — писал английский историк С. Эстер, — в Лондоне и Париже считали, что лучше всего игнорировать СССР, с тем чтобы Гитлер обращался с ним по собствен-

ному усмотрению». Но когда сообщения секретных служб изменились и начали предсказывать, что Германия намерена предпринять наступление на Запад, «настроения в Форин оффисе начали меняться в пользу улучшения отношений с русскими»⁶.

О действительном же сближении с СССР, сотрудничестве с ним в борьбе против агрессии ни Н. Чемберлен, ни Э. Даладье не помышляли. Это был лишь их очередной дипломатический маневр, с помощью которого они намеревались отвести от себя опасный тайфун, зарождавшийся в центре Европы, и повернуть его на Восток.

В Лондоне и Париже смотрели на свои связи со странами Восточной Европы и контакты с СССР и как на средство перестраховки на тот случай, если попытки западных держав сговориться с гитлеровцами все же будут безрезультатными и они окажутся в состоянии войны с Германией.

Кроме того, английское и французское правительства опасались, что если Советский Союз ввиду позиции Англии и Франции окончательно придет к выводу о невозможности создать коллективный фронт защиты мира, то он будет вынужден искать иных путей обеспечения своей безопасности. В частности, они боялись, что СССР, поставленный в положение международной изоляции, может согласиться на какую-то форму нормализации отношений с Германией, например на подписание с ней договора о ненападении⁷. А стремление Германии как-то ослабить напряженность в отношениях с Советским Союзом уже не являлось в то время особым секретом для дипломатических кругов западных держав.

Правящие круги Англии и Франции вынуждены были учитывать также все усиливавшиеся требования народных масс своих стран принять меры против опасности агрессии и в том числе установить тесное сотрудничество с СССР.

Советская инициатива о созыве совещания

Агрессивные планы Германии, Японии и Италии, бесспорно, представляли огромную опасность для СССР. Неоднократные высказывания германских фашистов и японских милитаристов о том, что они считают уничтожение Советского государства своей главной целью, были хорошо известны.

Коммунистическая партия и Советское правительство, учитывая усиление опасности войны, принимали дополнительные меры для укрепления обороноспособности страны.

Нарком обороны К. Е. Ворошилов в выступлении на XVIII съезде ВКП(б) 13 марта 1939 г. сообщил, что по сравнению с началом 1934 года (о численности советских войск в 1933—1934 гг. см. гл. 1) численный состав Красной Армии увеличился в 2 раза, количество танков — в 2,9 раза, самолетов — в 2,3 раза и т. д.⁸ Растущая оборонная мощь Советского государства и Советских Вооруженных Сил была, безусловно, важнейшим фактором, отбивавшим у агрессоров охоту померяться силами с СССР. Они предпочитали до поры до времени иметь дело с более податливыми слабыми противниками.

В то же время Советское государство было готово внести максимальный вклад в борьбу против агрессии, за сохранение мира. Если бы Англия и Франция проявили действительное желание сотрудничать с СССР, то они встретили бы полную взаимность со стороны Советского правительства. Вооруженные силы держав, которым угрожала опасность со стороны Германии, все еще превосходили силы агрессоров⁹. Это означало, что, выступая единым фронтом, СССР, Англия и Франция были бы в состоянии сделать германскую агрессию невозможной.

Разумеется, Советское правительство не могло не учитывать горького опыта прежних лет, особенно событий последнего периода, когда правительства Англии и Франции в Мюнхене и после него открыто встали на путь империалистической сделки с Гитлером и Муссолини. Внешнеполитический курс Англии и Франции за предыдущие годы свидетельствовал об их нежелании сотрудничать с СССР в борьбе против агрессии. Было ясно, что они не имели бы ничего против германской и японской агрессии, лишь бы она была обращена не против них, а против Советского Союза.

Тем не менее Советское правительство весной и летом 1939 года пыталось договориться с Англией и Францией о создании коллективного фронта защиты мира, чтобы совместными усилиями обуздать гитлеровских агрессоров и предотвратить развязывание войны. Существовала надежда, что все более агрессивная политика гитлеровцев, а также растущее давление на английское и французское правительства со стороны народных масс, обеспокоенных угрозой войны, могут в конце концов привести к изменению их позиции.

Но уже само начало советско-английских контактов в марте 1939 года свидетельствовало о том, что принципиальных изменений в политике Англии не произошло.

Два дня спустя после ввода германских войск в Чехословакию в Лондоне стало известно, что гитлеровцы усиленно добиваются установления своего экономического и политического господства над Румынией. 18 марта этот вопрос в срочном порядке был поставлен на рассмотрение английского правительства. Были высказаны опасения, что это может привести к установлению германского господства в Европе и к выходу германских войск в район Средиземноморья, в результате чего Англия может быть превращена во второразрядную державу. Если румынская сельскохозяйственная продукция и нефть попадут в руки Германии, попытки Англии установить в случае войны блокаду рейха окажутся бесполезными. Министр координации обороны лорд Четфилд признал, что сама Англия не в состоянии предотвратить установление над Румынией германского господства. Но положение было бы гораздо лучше, если бы Польша и СССР согласились принять участие в этом деле. В таком случае Англия должна была бы объединиться с ними в оказании сопротивления германской агрессии. Правительство ограничились, однако, решением запросить правительства СССР, Польши, Югославии, Турции, Греции и Румынии об их позиции, а также согласовать возможные меры с Францией¹⁰.

В тот же день английский посол в Москве У. Сидс обратился к наркому иностранных дел СССР с вопросом, какую позицию займет Советский Союз в случае германской агрессии против Румынии. Советское правительство воспользовалось полученным запросом для того, чтобы снова со всей серьезностью поставить вопрос о коллективных мерах борьбы против агрессии. Уже через несколько часов У. Сидсу было передано предложение Советского правительства о немедленном созыве международного совещания с участием СССР, Англии, Франции, Польши, Румынии и Турции¹¹.

*Лондон считает борьбу с агрессией
«преждевременной»*

Чемберлен и Галифакс решили отклонить это предложение как не соответствующее общему курсу их политики, не считая нужным поставить его даже на рассмотрение правительства. 19 марта Галифакс заявил советскому полпреду в Лондоне, что созыв предложенной Советским правительством конференции был бы «преждевременным»¹². Советское предложение было передано также французскому правительству, однако от Франции не было получено

вообще никакого ответа. Советское правительство могло сделать из этого лишь один вывод: Англия и Франция, по существу, продолжают прежнюю политику¹³.

Поскольку совершенно не реагировать на агрессивные действия фашистской Германии все же было невозможно, 20 марта Галифакс внес на заседании английского правительства предложение, выработанное накануне с участием Чемберлена, об опубликовании декларации правительств Англии, Франции, СССР и Польши, согласно которой они «обязуются проводить немедленные совместные консультации» в случае угрозы политической независимости какого-либо европейского государства. Даже Галифакс не мог не признать при этом, что опубликование подобной декларации о консультациях «не является особенно героическим решением». Чемберлен, напротив, считал достоинством этого проекта именно то, что в нем не содержится «конкретных обязательств» и указаний о том, что представляет собой «угроза» и какие именно меры будут приниматься. Проект был одобрен членами правительства¹⁴.

После заседания Галифакс ознакомил с проектом декларации французского посла в Лондоне Ш. Корбэна. Последний с полным основанием констатировал, что подобная декларация будет истолкована другими странами таким образом, что в случае новой агрессии четыре державы не намерены принимать какие-либо контрмеры, а имеют в виду ограничиться лишь разговорами¹⁵. Галифакс оказался вынужденным внести в проект декларации некоторые исправления, от чего содержание декларации все же не стало особенно «героическим».

21 марта британское правительство выступило с предложением, чтобы Англия, Франция, СССР и Польша опубликовали декларацию о том, что в случае каких-либо действий, представляющих угрозу политической независимости любого европейского государства, они «обязуются немедленно совещаться о тех шагах, которые должны быть предприняты для общего сопротивления таким действиям»¹⁶.

Опубликование такой декларации не могло быть сколько-нибудь серьезным средством противодействия агрессии. Но поскольку она все же могла оказаться хотя бы некоторым шагом вперед в деле создания фронта защиты мира, Советское правительство на следующий же день дало свое согласие на ее опубликование¹⁷. Однако через несколько дней заместитель министра иностранных дел Англии А. Кадogan сообщил советскому полпреду, что «поляки совершенно категорически, румыны в менее решительной форме зая-

вили, что они не примкнут ни к какой комбинации (в форме ли декларации или какой-либо иной), если участником ее будет также СССР»¹⁸.

Польские правящие круги, ослепленные классовой ненавистью к СССР, не желали сотрудничать с ним даже в условиях, когда над Польшей нависла смертельная опасность. Надеясь все же как-то договориться с нацистами, они не захотели принимать участие в декларации и сорвали ее опубликование. 25 марта Ю. Бек дал Ю. Липскому, польскому послу в Берлине, указание заверить Риббентропа, что Польша всегда выступала и выступает против участия СССР в европейских делах¹⁹. Таким образом, правители Польши становились на путь прямого предательства национальных интересов страны, измены польскому народу.

На переговорах Н. Чемберлена и Э. Галифакса с президентом Франции А. Лебреном и Ж. Бонне 21—22 марта в Лондоне было решено интенсифицировать сотрудничество генеральных штабов двух стран. Основное, что показали эти переговоры, — это нежелание Англии оказывать действительную помощь даже французам: она намеревалась отправить во Францию всего несколько дивизий, да и то не сразу после начала военных действий. Кроме того, было решено, что в любом случае, в том числе и при нападении фашистской Германии на Польшу, стратегия Англии и Франции будет не наступательной, а оборонительной²⁰.

Фашистский рейх действовал все более нагло и бесцеремонно. Еще 21 марта Риббентроп начал дипломатическую подготовку войны с Польшей. Он в ультимативной форме потребовал от польского правительства согласия на присоединение к Германии Данцига и на строительство через территорию Польши экстерриториальной автострადы в Восточную Пруссию. В целях создания «конфликтной ситуации» между Германией и Польшей эти предложения были составлены таким образом, чтобы они ни в коем случае не могли быть приняты польским правительством. 22 марта гитлеровцы захватили Клайпеду. Статус Клайпеды был гарантирован Англией и Францией, но они и пальцем не пошевелили для того, чтобы оказать Литве помощь. 23 марта нацисты нанесли очередной удар: Германия навязала Румынии кабальное экономическое соглашение.

В таких условиях большое значение имело заявление, сделанное 23 марта 1939 г. наркомом иностранных дел СССР по поручению ЦК ВКП(б) и Советского правительства прибывшему в Москву министру внешней торговли Англии Р. Хадсону. Исходя из факта существования агрес-

сивного блока, подчеркнул нарком, не следует отрицать необходимость совещаний, конференций и соглашений неагрессивных государств. В частности, Советское правительство всегда было и теперь готово сотрудничать с Великобританией, рассматривать и обсуждать любые конкретные предложения²¹.

Хадсон в отчете английскому правительству о поездке в Москву даже не упомянул об этом заявлении. Он высказался против расширения отношений с СССР²².

Советское правительство наряду с обращением к Англии сочло необходимым установить контакты в целях борьбы против агрессии также и со своими западными соседями, находившимися под угрозой германского нападения. 28 марта 1939 г. оно передало правительствам Латвии и Эстонии заявление о том, что СССР заинтересован в предотвращении установления агрессорами своего господства над Прибалтийскими государствами, ибо это противоречило бы как интересам народов этих стран, так и жизненным интересам Советского государства. Сославшись на условия мирных договоров с ними, Советское правительство заявило, что не может оставаться безучастным зрителем установления господства Германии в Прибалтике и в случае необходимости готово доказать это на деле²³.

Еще в ходе переговоров о заключении Восточного пакта в 1933—1935 годах Советское правительство неоднократно указывало на стратегическое значение северо-западных рубежей Советского Союза. В условиях, когда фашистский рейх приступит к осуществлению своих захватнических планов, вопрос о предотвращении захвата Германией Прибалтики, естественно, приобретал для Советского Союза особую важность. Это и понятно, если учесть близость Прибалтики к жизненным центрам СССР, особенно к Ленинграду. Поэтому вполне естественно, что Советское правительство внесло предложение о присоединении Прибалтийских государств к предполагавшейся декларации Англии, Франции, СССР и Польши, сделало правительствам Латвии и Эстонии указанные заявления, а также в ходе последующих переговоров с Англией и Францией неизменно проявляло глубокую озабоченность обеспечением безопасности Прибалтийских государств.

Советское правительство было серьезно заинтересовано также в сохранении независимости Польши и Румынии, тем более что захват их Германией дал бы гитлеровским войскам возможность выйти к западным границам СССР.

Разумеется, в Советском Союзе не могли питать ка-

кие-либо симпатии к реакционной Польше, захватившей в результате вооруженной интервенции в 1920 году Западную Украину и Западную Белоруссию. Свежо было в памяти и сотрудничество польских империалистов с нацистами в агрессии против Литвы и Чехословакии в 1938 году. То и дело появлялись сведения о совместных агрессивных планах Германии, Японии и Польши против СССР. Тем не менее в условиях, когда стали очевидны агрессивные планы фашистского рейха по отношению к Польше, Советский Союз готов был к сотрудничеству с Англией и Францией ради обеспечения независимости и безопасности польского государства.

То же самое можно сказать и о позиции Советского Союза по отношению к Румынии. В конце 1917 — начале 1918 года войска королевской Румынии, проводившей агрессивный внешнеполитический курс, опираясь сначала на державы Антанты, а затем на кайзеровскую Германию, захватили Бессарабию. Советское правительство никогда не признавало этого захвата и продолжало считать Бессарабию составной частью СССР, которая временно оккупирована Румынией. Капитулянтская позиция румынских правящих кругов по отношению к фашистскому рейху вызывала опасения, что Германия может использовать территорию Румынии для агрессивных целей против СССР. Поэтому Советский Союз был готов к сотрудничеству с Англией и Францией для защиты наравне с Польшей также и Румынии.

Из сказанного видно, что Советский Союз придавал огромное значение предотвращению захвата фашистским рейхом Прибалтийских государств, Польши и Румынии.

В ряде работ, изданных на Западе, можно встретить утверждение, будто Советский Союз проводил в то время по отношению к Польше и Румынии «реваншистскую» политику, стремясь возвратить западные районы Украины и Белоруссии, а также Бессарабию. Однако такие утверждения не имеют ничего общего с действительностью (никаких доказательств авторы их не приводят, да и не могут привести, так как их не существует). Достаточно сказать, что постановка Советским правительством в тогдашних условиях такого вопроса могла бы самым отрицательным образом отразиться на безопасности СССР, так как тем самым он толкнул бы Польшу и Румынию в объятия Германии.

Даже германский посол в СССР фон Шуленбург писал в этой связи, что «Советский Союз заинтересован в сохра-

нении на Востоке статус-кво, то есть в сохранении Польши и Балтийских государств в теперешнем виде как буферов, изолирующих его от Германии»²⁴. Французский поверенный в делах в СССР Ж. Пайяр также констатировал 28 марта, что Советский Союз не стремится к территориальным изменениям, не хочет географического сближения с Германией, а проявляет заинтересованность в том, чтобы способствовать обороне государств, которые играют роль буфера между Германией и СССР²⁵.

Советское правительство считало целесообразным установить в борьбе против агрессии непосредственные контакты и сотрудничество с этими странами. 29 марта 1939 г. М. М. Литвинов заявил румынскому посланнику в Москве Н. Диану, что СССР не мог бы «относиться равнодушно к получению агрессивной страной господства в Румынии или к возможности получения опорных пунктов вблизи нашей границы или в черноморских портах»²⁶. Однако ответа на это обращение получено не было. Но 2 апреля французский посол в Румынии А. Тьерри сообщил в Париж, что, как его информировало румынское правительство, оно не намерено вести переговоры с СССР.

Отвечая 29 марта на вопрос французского поверенного в делах Ж. Пайяра, готов ли СССР к сотрудничеству с Польшей, М. М. Литвинов напомнил, что Советское правительство неоднократно предлагало такое сотрудничество, и заявил, что оно по-прежнему считает его «очень важным»²⁷.

Поскольку Польша отказывалась сотрудничать с СССР, перед английским и французским правительствами встал вопрос о том, кого считать более важным для них союзником в Восточной Европе — Польшу или СССР. Чемберлен и Галифакс считали, что Польша и Румыния, которые ненавидят Советский Союз, имеют-де для Англии в качестве союзников большее значение, чем СССР²⁸. Английский историк С. Эстер писал, что таким образом Советский Союз «после кратковременного появления на дипломатической арене вновь был поставлен в прежнее положение изоляции»²⁹.

Во второй половине марта (после захвата Чехословакии) фашистская Германия развернула резкую антипольскую кампанию. В газетах начали появляться сообщения о возможности захвата Германией в ближайшие дни Данцига, о передвижении германских войск к польской границе. Это вызвало серьезное беспокойство в Англии и Франции, которые не могли не учитывать, что захват Германией

Польша приведет к дальнейшему ухудшению их собственного положения, ослаблению их позиций.

Еще в начале марта 1939 года британское правительство пригласило министра иностранных дел Польши Ю. Бека посетить Лондон. 18 марта оно получило от генерального секретаря министерства иностранных дел Франции А. Леже «абсолютно достоверную» информацию, что Бек предложит в Лондоне союз, но исходит из того, что это предложение будет признано неприемлемым (в течение 20—30-х годов британское правительство категорически отказывалось принимать на себя какие-либо обязательства о помощи Польше и другим странам Восточной Европы). Тогда Бек вернется в Польшу, сообщит о своем предложении и его отклонении, после чего заявит, что «у Польши были две альтернативы — склониться к Великобритании или Германии, а теперь ясно, что она должна объединиться с Германией». Он готов найти выход из создавшегося положения «даже путем превращения в вассала (может быть, главного вассала) нового Наполеона»³⁰.

В таких условиях в Лондоне возникли серьезные опасения за то, что Польша может оказаться во враждебном Англии лагере³¹. Было признано, что необходимо добиваться отрыва Польши от Германии и привлечения ее на сторону Англии и Франции³².

27 марта Н. Чемберлен на заседании внешнеполитического комитета британского правительства предложил установить сотрудничество с Польшей. Английский премьер отметил при этом, что новый план «оставляет Советскую Россию в стороне».

Галифакс решительно поддержал Чемберлена. «Если нам приходится делать выбор между Польшей и Россией, — заявил он, — то, очевидно, следует отдать предпочтение Польше». При этом он ссылаясь на то, что министр иностранных дел Франции Ж. Бонне также «не испытывает любви к Советской России» и «Франция, по-видимому, мало заинтересована в России». Английский лорд доказывал, что Польша располагает 50 дивизиями, которые могут внести «полезный вклад», тогда как наступательные возможности советских войск, мол, «ничтожны»³³.

Через два дня этот вопрос рассматривался на заседании английского правительства. Галифакс убеждал, что «ключом к ситуации» является Польша. Несмотря на серьезные сомнения, высказывавшиеся министром внутренних дел С. Хором и министром здравоохранения У. Эл-

лиотом по поводу того, что исключать Советский Союз из состава привлекаемых к сотрудничеству стран нежелательно, кабинет одобрил курс Чемберлена и Галифакса³⁴.

В Лондоне решили добиваться установления тесного сотрудничества Англии и Франции с Польшей и Румынией (без участия СССР).

Французское правительство присоединилось к решениям, принятым в Лондоне. 29 марта Бонне направил французским послам в Польше и Румынии инструкции с указанием действовать вместе с британскими послами в этих странах. В инструкциях говорилось, что правительства Англии и Франции сообщат Советскому правительству о своем решении вести переговоры в первую очередь с Польшей и Румынией. Перед Советским же правительством будет поставлен вопрос лишь о том, как оно представляет себе свое участие в оказании сопротивления германской агрессии против Польши и Румынии. При этом высказывалось мнение, что благожелательный нейтралитет со стороны СССР позволил бы ему поставлять этим странам военную технику³⁵.

30 марта по указанию Э. Даладье французский военный атташе в Варшаве генерал Ф. Мюсс говорил с фактическим главой польских властей генералом Э. Рыдз-Смиглы, который заявил о нежелании Польши сотрудничать с СССР. Ф. Мюсс, со своей стороны, отметил, что речь идет только о поставках Советским Союзом сырья и техники в тех размерах, какие пожелает Польша³⁶.

Таким образом, Лондон и Париж отводили Советскому Союзу третьестепенную роль поставщика Польше сырья и военных материалов. Однако реакционные, крайне антисоветски настроенные правящие круги Польши не хотели разговаривать даже о такой помощи со стороны СССР.

Англо-французские «гарантии» Польше

29 марта в Лондоне были получены сведения о предложениях, сделанных Риббентропом 21 марта польскому послу Ю. Липскому об «урегулировании» польско-германских отношений. Принятие их означало бы капитуляцию Польши перед нацистской Германией, ее фактическое присоединение к блоку фашистских агрессоров. Эти сведения всполошили британское правительство, так как это означало бы принципиальное изменение соотношения сил в Европе, предельно опасное для Англии и Франции.

Во время обсуждения этого вопроса 30 марта на засе-

дании английского правительства Галифакс внес предложение об опубликовании заявления о том, что в случае нападения Германии на Польшу Англия придет последней на помощь. Чемберлен поддержал его. Фактически признавая ошибочность своей политики осенью 1938 года, он отметил, что вместо того, чтобы чехословацкая армия была на стороне Англии, теперь ресурсы Чехословакии используются Германией*. А если ресурсы Польши отойдут к рейху, то это будет иметь очень серьезные последствия для Англии. Английский министр координации обороны признал, что в случае фашистской агрессии Польша продержится не более двух-трех месяцев. Однако, продолжал он, и Германия понесет значительные потери.

На заседании указывалось, что если Англия вовремя не займет твердую позицию в связи с угрозой Польше, то авторитет ее во всем мире будет серьезно подорван³⁷.

Таким образом, английские правящие круги думали лишь о том, чтобы в течение какого-то времени пользоваться польским «пушечным мясом» ради «экономии» жизней английских солдат. В те же дни начались англо-французские штабные переговоры, в результате которых было решено на первом этапе войны применить только экономическую блокаду Германии³⁸. Они даже и не ставили вопроса о том, чтобы действительно помочь Польше и спасти ее от разгрома. А ведь захват Германией Польши можно было предотвратить! Советский Союз, будучи, в отличие от Англии, глубоко заинтересован в том, чтобы Польша не была уничтожена, со своей стороны, был готов бросить на чашу весов войны и мира всю свою мощь ради сохранения независимости и неприкосновенности Польши. Но на заседании английского правительства вопрос о сотрудничестве Англии с СССР даже не поднимался.

31 марта 1939 г. было опубликовано заявление английского правительства о его готовности оказать Польше помощь в случае агрессии против нее. В результате визита в Лондон Ю. Бека 6 апреля было опубликовано англо-польское коммюнике, в котором указывалось, что между Англией и Польшей достигнута договоренность о взаимной помощи «в случае любой угрозы, прямой или косвенной, независимости одной из сторон»³⁹. Англо-французские га-

* По сведениям французского военного атташе в Чехословакии, германские войска захватили в ней такое количество военных материалов, что их было достаточно для оснащения 30—35 дивизий, в том числе 600 танков, 750 самолетов, 2200 орудий, 1800 противотанковых орудий, 1,5 млн. винтовок и др. (DDF. — Sér. 2. — Т. 15. — Р. 131—133).

рантии вскоре были даны также Румынии и Греции, а несколько позже — Турции. Бек отклонил британское предложение, чтобы польское правительство договорилось с Советским Союзом об оказании им материальной помощи Польше в случае нападения на нее Германии. Польский министр не скрывал при этом своего крайне враждебного отношения к СССР. Англичане изложили ему свой план заключения соглашения с участием Англии, Франции, Польши и Румынии. Однако польское правительство отклонило и это предложение. Польша еще с 1921 года имела союзный договор с Румынией, направленный против СССР. Распространять свои обязательства на случай конфликта между Германией и Румынией она не хотела⁴⁰. Отрицательную позицию по отношению к этому предложению заняло и правительство Румынии, поставив в известность об этом Берлин⁴¹.

Предоставляя свои гарантии Польше и другим указанным странам, английское и французское правительства выдавали их за бескорыстную заботу об их судьбе. В связи с этим заслуживает внимания обсуждение вопроса о гарантиях на заседании внешнеполитического комитета английского правительства. «Премьер-министр напомнил, — говорится в протоколе заседания комитета, — что генеральная линия нашей политики в отношении Германии определяется не защитой отдельных стран, которые могли бы оказаться под германской угрозой, а стремлением предотвратить установление над континентом германского господства, в результате чего Германия стала бы настолько мощной, что могла бы угрожать нашей безопасности. Господство Германии над Польшей и Румынией усилило бы ее военную мощь, и именно поэтому мы предоставили гарантии этим странам. Господство Германии над Данией не увеличило бы военной мощи Германии, и поэтому в данном случае нам не следует брать обязательств о военном вмешательстве с целью восстановления статус-кво»⁴².

Это означает, что Англия заботилась о своих и только своих интересах. Польша, Румыния, Дания и другие страны интересовали ее исключительно в зависимости от того, могли ли они иметь какое-то военное, стратегическое или экономическое значение для британского империализма.

Даже английские буржуазные историки теперь не могут не признать, что британский кабинет так же мало был обеспокоен судьбой Польши, как ранее судьбой Чехословакии⁴³.

Значение англо-французских гарантий было для Польши, Румынии и других стран весьма относительным. Еще 30 марта на это указал Н. Чемберлену бывший премьер-министр Англии Д. Ллойд Джордж. Он заявил, что действительный отпор Германии на Востоке может быть организован только при участии СССР; односторонние английские гарантии Польше являются «безответственной азартной игрой»⁴⁴. В таком же духе Ллойд Джордж выступил 3 апреля в прениях в палате общин. Аналогичные взгляды высказывал в ходе этих прений и ряд других депутатов.

Советское полпредство в Англии также писало по этому вопросу: «Что реальное может сделать, на самом деле, Англия (или даже Англия и Франция, вместе взятые) для Польши и Румынии в случае нападения на них Германии? Очень мало. Пока британская блокада против Германии станет для последней серьезной угрозой, Польша и Румыния перестанут существовать»⁴⁵.

В эти дни в Лондон прибыл министр иностранных дел Польши Ю. Бек, с ним был подписан предварительный англо-польский договор о взаимной помощи. Однако английские гарантии Польше не были достаточно сильным рычагом для оказания давления на Германию. Об этом свидетельствовала изданная 3 апреля Гитлером директива о подготовке германских войск к нападению на Польшу 1 сентября 1939 г. 11 апреля он подписал пресловутый план «Вайс», то есть план военного разгрома Польши.

В связи с продолжавшимся обострением обстановки в Англии и Франции усиливались выступления против мюнхенских банкротов, за коренное изменение внешнеполитического курса обеих стран. Опрос общественного мнения, проведенный в Англии в конце апреля — начале мая, показал, что 87 % населения страны выступало за заключение союза между Англией, Францией и СССР⁴⁶. Во Франции процесс отрезвления шел даже относительно быстрее, чем в Англии. Это и понятно, так как она оказалась под более непосредственной угрозой⁴⁷.

13 апреля английское и французское правительства выступили с согласованным заявлением о том, что в случае угрозы независимости Греции или Румынии они немедленно окажут им всю поддержку, которая в их силах. Одновременно глава французского правительства Э. Даладье заявил, что Франция и Польша подтвердили существующий франко-польский союз. «Франция и Польша, — заявил он, — дают друг другу немедленную и пря-

мую гарантию против всякой прямой и косвенной угрозы, которая затронет их жизненные интересы»⁴⁸.

В Париже подсчитали, что Германия вместе с Италией могут выставить 250 дивизий, а Франция вместе с Англией — только 120. Поэтому в Париже сочли необходимым более серьезно отнестись к вопросу о сотрудничестве с СССР. Председатель палаты депутатов Э. Эррио предложил Э. Даладье свои услуги, чтобы поехать в Москву и заключить договор⁴⁹.

Правительство Чемберлена по-прежнему считало принятие каких-либо совместных с СССР обязательств нежелательным. Но решив предоставить свои гарантии Румынии, оно начало добиваться принятия Советским правительством односторонних обязательств об оказании помощи странам Восточной Европы в случае нападения на них.

Так, 11 апреля Галифакс в беседе с советским полпредом в Лондоне коснулся вопроса, «в какой форме СССР мог бы оказать помощь Румынии в случае нападения на нее Германии». 14 апреля И. М. Майский, получив указание Советского правительства, заявил Галифаксу, что СССР не относится безучастно к судьбе Румынии и готов принять участие в оказании ей помощи, но хотел бы знать, как английское правительство мыслит себе формы помощи Румынии со стороны Англии и других заинтересованных держав⁵⁰. Однако глава дипломатического ведомства Англии оставил вполне естественный и логичный контрвопрос Советского правительства без ответа.

Британская дипломатия продолжала добиваться того, чтобы СССР, невзирая на последствия, взял на себя односторонние обязательства. 15 апреля английский посол в Москве У. Сидс по указанию Галифакса официально поставил перед Советским правительством вопрос, не согласно ли оно опубликовать декларацию о том, что любой европейский сосед Советского Союза может рассчитывать в случае агрессии на советскую помощь, если он признает эту помощь желательной⁵¹.

Это предложение предусматривало оказание Советским Союзом помощи как Польше и Румынии, которые имели англо-французские гарантии, так и другим европейским соседям СССР — Латвии, Эстонии и Финляндии, которые таких гарантий не имели. Поэтому опубликование Советским правительством такой декларации могло привести к тому, что в случае германской агрессии в Прибалтике Советский Союз вынужден был бы воевать с Германией,

в то время как Англия и Франция остались бы в стороне.

Крайне опасное для СССР положение возникло бы даже в случае германо-польского или германо-румынского конфликта. Англия и Франция, несмотря на свои гарантии Польше и Румынии, могли фактически остаться вне войны (как это и произошло в сентябре 1939 г.). Советский Союз, выступив на помощь Польше или Румынии, мог в таких условиях оказаться в состоянии войны с Германией фактически без серьезных союзников.

Не было секретом, что французские войска намеревались отсиживаться за «линией Мажино», а британское правительство не собиралось отправлять на континент в случае войны сколько-нибудь крупные войска. Из этого следовало, что СССР не мог брать на себя односторонние обязательства об оказании помощи Польше и Румынии. Если же был бы заключен эффективный договор о взаимопомощи с Англией и Францией, то Советский Союз не только мог бы дать согласие на оказание вместе с ними помощи Польше и Румынии, но был бы глубоко заинтересован в предоставлении этим странам, как и некоторым другим государствам, гарантий трех держав. Тем более что это могло предотвратить и опасность присоединения Польши и Румынии к Германии в войне против СССР. (Румыния впоследствии действительно стала союзником фашистской Германии и в июне 1941 г. приняла участие в нападении на СССР.)

Кроме того, обязательства о взаимной помощи между Англией и Францией, с одной стороны, и Польшей — с другой, имели взаимный характер: в случае нападения на Польшу ей должны были оказать помощь Англия и Франция, а в случае нападения агрессора на Англию или Францию им на помощь должна была прийти Польша. Советские же гарантии Польше должны были носить, согласно английскому запросу, односторонний характер. Например, в случае нападения Германии на СССР Польша не была обязана оказывать помощь Советскому Союзу. Советское правительство не имело даже гарантий того, что Польша не присоединится в таком случае к Германии в войне против СССР.

В конфиденциальных беседах даже сами западные дипломаты признавали неблагоприятность позиции Англии по отношению к СССР⁵². Даже У. Сидс не мог не признать в своей телеграмме в Форин оффис, что английский запрос создает впечатление, что Англия не имеет серьезных намерений договориться с СССР.

Контакты, установленные в марте — апреле 1939 года между Советским правительством, с одной стороны, и правительствами Англии и Франции — с другой, по вопросам обеспечения сохранения мира в Европе, снова показали искреннее стремление Советского Союза к совместному отпору германской агрессии. Однако правящие круги Англии и Франции, по существу, продолжали свою мюнхенскую политику, проявляя нежелание к сотрудничеству с СССР.

Переговоры между СССР, Англией и Францией

Советские предложения о сотрудничестве трех держав

Особое значение в предотвращении разгула немецко-фашистской агрессии Советское правительство придавало установлению тесного сотрудничества СССР, Франции и Англии. Оно рассчитывало, что в таком случае на их стороне было бы и немало других стран.

17 апреля 1939 г. Советский Союз обратился к Англии и Франции с конкретными, далеко идущими предложениями, в которых предусматривались:

заключение между Англией, Францией и СССР соглашения о взаимной помощи;

оказание тремя державами помощи граничившим с СССР странам Восточной Европы в случае агрессии против них.

В соответствии с советскими предложениями три державы должны были в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждой из них жертве агрессии, то есть заключить военную конвенцию. Договор о взаимной помощи и военную конвенцию предусматривалось подписать одновременно сроком на 5—10 лет. В случае вооруженного конфликта запрещалось заключение с агрессором сепаратного мира⁵³. Вручая английскому послу У. Сидсу эти предложения, нарком иностранных дел СССР особенно подчеркнул значение одновременного подписания обоих соглашений — политического и военного.

Эти предложения представляли собой четкую программу создания в Европе надежного фронта защиты мира, основанного на тесном сотрудничестве СССР, Англии и Франции. Это были те предложения, осуществления ко-

торых Советское правительство добивалось в течение последующих англо-франко-советских переговоров. Их реализация поставила бы надежную преграду на пути агрессоров.

Новое предложение Советского правительства существенно отличалось от ряда инициатив о мерах по защите мира, которые вносились им начиная с 1933 года. Раньше Советское правительство выступало за создание в Европе надежной системы коллективной безопасности, в которой участвовал бы целый ряд государств, в частности за укрепление Лиги наций как органа коллективной безопасности и заключение дополнительно региональных пактов о взаимной помощи. Но после позорного мюнхенского соглашения, в результате которого многие малые и средние страны Европы встали на путь капитуляции перед фашистской Германией, стало очевидным, что надежд на создание в Европе системы коллективной безопасности против агрессии уже не осталось. Теперь Советское правительство ставило вопрос иначе: прежде всего необходимо заключить договор о взаимной помощи (оборонительный союз) трех держав — СССР, Англии и Франции, в том числе и военной конвенции. Советское правительство исходило из того, что в условиях, когда блок фашистских агрессоров вел дело к новой мировой войне, требовались самые срочные, решительные и эффективные меры.

В связи с советскими предложениями британское посольство в Москве констатировало, что «Советский Союз занял позицию исключительно широкого сотрудничества с Францией и Англией»⁵⁴.

Лондон против соглашения с СССР

Советские предложения, однако, не встретили поддержки английского и французского правительств. Как ни парадоксально это может показаться сейчас, но они сочли их неприемлемыми. Постоянный заместитель министра иностранных дел Англии А. Кадоган сразу же подготовил записку о советских предложениях для внешнеполитического комитета правительства.

Советское предложение, писал Кадоган, ставит нас в «чрезвычайно затруднительное» положение. «Мы должны взвесить пользу от бумажного обязательства [!] России присоединиться в войне к нам и ущерб [!], который мы потерпим от открытого объединения с Россией». Кадоган утверждал, что с практической точки зрения все говорит «против принятия русского предложения». Однако он от-

мечал, что левые круги постараются использовать его отклонение в борьбе против правительства. Кроме того, если Англия отвергнет советское предложение, существует опасность того, что Советы могут заключить с Германией какое-то соглашение о «невмешательстве»⁵⁵.

Обсуждение советских предложений на заседании внешнеполитического комитета британского правительства 19 апреля свелось к тому, что Англия заинтересована-де только в поставке Советским Союзом военных материалов Польше и Румынии в случае нападения на них Германии. Н. Чемберлен, излагая в этой связи свою позицию, подчеркнул, что для оказания Советским Союзом этим странам помощи военными материалами нет необходимости в заключении англо-франко-советского военного союза. Как констатировал в конце заседания министр координации обороны лорд Четфилд, общее мнение членов комитета заключалось в том, что политические соображения против военного союза Англии, Франции и СССР настолько существенны, что они «перевешивают» любые военные выгоды. В протоколе заседания указано, что члены комитета «не расположены принимать советские предложения». Было также решено предупредить французское правительство, чтобы оно не давало ответа на советские предложения, не согласовав его с Лондоном, а также скрыть это предложение от общественности⁵⁶.

24 апреля начальники штабов трех видов вооруженных сил Англии подготовили доклад «Военное значение России». В нем была дана заведомо искаженная оценка возможностей СССР. Отметив, что в начале войны Советский Союз может мобилизовать и выставить на своем Западном фронте 130 дивизий, они в то же время утверждали, будто экономика страны сможет поставлять военные материалы для поддержания боеспособности лишь 30 дивизий.

Начальники штабов доказывали, что некоторые страны из-за «глубокой враждебности к коммунизму» могут не дать согласия на проход советских войск через их территорию, а это может «свести на нет» значение военного сотрудничества с СССР. Высказывая сомнения относительно наступательной способности советских войск и состояния советских железных дорог, начальники штабов делали заключение, что возможность оказания Россией сколько-нибудь существенной военной помощи Польше «стоит вне вопроса». В докладе утверждалось, что СССР

фактически будет не в состоянии поставлять Польше, Румынии и Турции также военные материалы.

В то же время в докладе отмечалось, что сотрудничество СССР с Англией перекрыло бы пути Германии к советским ресурсам продовольствия и сырья. Начальники штабов писали, что отклонение советских предложений может иметь своим последствием заключение соглашения между Германией и Россией⁵⁷.

Докладывая на следующий день выводы начальников штабов на заседании внешнеполитического комитета английского правительства, лорд Четфилд суммировал их следующим образом: «Хотя Россия в другом плане и является великой державой, в военном отношении она стра-на лишь среднего ранга»⁵⁸.

Что касается этого заключения о военных возможностях СССР, то в нем в такой степени искажалось действительное положение, что даже сами начальники штабов, как будет показано дальше, вскоре же вынуждены были коренным образом изменить свои оценки. Особенно одиозным оно выглядит в свете тех возможностей, которые так наглядно продемонстрировал Советский Союз всему миру, в том числе и английским генералам, в годы Великой Отечественной войны.

Степень тенденциозности заключения британских начальников штабов отчетливо видна и при сопоставлении его с оценками, содержащимися в справках военного атташе Великобритании в Москве Р. Файэрбрейса от 6 марта 1939 г., где отмечалось, что численность Красной Армии мирного времени около 1,6 млн. человек (110 пехотных и 35 кавалерийских дивизий, 5 механизированных корпусов). В случае войны Красная Армия может быть намного увеличена, что лимитируется только производством военных материалов и снаряжения для новых формирований. Файэрбрейс отмечал, что Красная Армия, по-видимому, в состоянии дополнительно сформировать для использования на своем Западном фронте по крайней мере 100 пехотных и 30 кавалерийских дивизий в течение трехмесячного срока. Для нужд Дальнего Востока, то есть против японцев, может быть сформировано еще около 32 пехотных и 5 кавалерийских дивизий. Файэрбрейс отмечал, что в прежние годы было подвергнуто «чистке» высшее командование Красной Армии, в связи с чем ее наступательные возможности снизились. Однако в защите советской территории Красная Армия проявила бы бо́льшую боеспособность, ее боевой дух был бы выше. Большое

значение имело бы ее численное превосходство. Британский военный атташе писал также, что репрессии против высших офицеров Красной Армии прекратились и принимаются меры к повышению ее боеготовности. В печати появились сообщения о повышении 61 старшего офицера и комиссара, что свидетельствует о стабилизации высшего командования. Файэрбрейс считал, что Красная Армия, по всей вероятности, снова набирает силу⁵⁹.

При рассмотрении 26 апреля советских предложений на заседании английского правительства лорд Галифакс высказался против «всеобъемлющего» соглашения с СССР. Главный аргумент английского министра иностранных дел заключался в том, что подписание Англией и Францией союза с СССР отрицательно отразилось бы на англо-германских отношениях, то есть сделало бы невозможным достижение нового англо-германского соглашения. А английское правительство считало это своей главной целью. Советские предложения были признаны на этом заседании неприемлемыми⁶⁰.

Характеризуя позицию, занятую английским правительством, глава Северного департамента МИД Англии Л. Кольер констатировал, что оно не желает связывать себя с СССР, «а хочет дать Германии возможность развивать агрессию на Восток за счет России...»⁶¹.

Британская дипломатия потратила немало сил с целью поставить СССР в положение международной изоляции, с тем чтобы сделать для агрессоров более привлекательной идею нападения на него. Н. Чемберлен продолжал строить свою политику в расчете на советско-германский конфликт. Если же Англия заключила бы соглашение с СССР, то это, напротив, в какой-то степени удерживало бы Германию от агрессии против него. Поэтому заключение соглашения о сотрудничестве с СССР находилось в коренном противоречии со всем курсом политики английского правительства.

Хотя самые широкие круги французского народа были глубоко обеспокоены развитием событий, французское правительство также не проявило действительного стремления к сотрудничеству с СССР⁶².

Тем временем международная обстановка продолжала быстро ухудшаться. 28 апреля Гитлер заявил о расторжении польско-германской декларации о ненападении 1934 года, а также англо-германского морского соглашения 1935 года. И. М. Майский сообщал в те дни в Москву, что среди населения Англии настроение резко антигер-

манское и необходимость сопротивления агрессии становится всеобщим убеждением. «Отсюда громадная популярность в массах идеи союза с СССР. На политических митингах и собраниях во всех концах страны каждое упоминание о таком союзе вызывает настоящую орацию»⁶³.

И тем не менее английское правительство по-прежнему считало, что для оказания известного давления на Гитлера, с тем чтобы он согласился на англо-германское соглашение, достаточно одного факта каких-то переговоров между Англией, Францией и СССР.

Вопрос об ответе на советское предложение рассматривался на заседании английского правительства 3 мая. Надеясь договориться с Германией, Э. Галифакс и другие члены правительства не торопились изменять английскую политику. Были выражены лишь опасения в том, как бы в результате позиции, занимаемой Англией, Советское правительство не оказалось вынужденным пойти на нормализацию отношений с Германией. Это было признано, правда, маловероятным, но все же в целях предотвращения такого развития событий было сочтено целесообразным «в течение какого-то времени продолжать поддерживать переговоры» с СССР⁶⁴. Г. Ченнон отмечал в этот день в своем дневнике, что в правительстве отношение к России высокомерное и в Англии собираются спустить дело на тормозах⁶⁵.

Посетив в тот же день М. М. Литвинова, британский посол У. Сидс сообщил, что британское правительство изучает советское предложение и ответ задерживается лишь ввиду «занятости» правительства другими делами⁶⁶. Таким образом, по указанию из Лондона британский посол заведомо пытался ввести Советское правительство в заблуждение, причем его «объяснение» было фактически бестактным.

В конфиденциальных беседах даже западные дипломаты признавали неблагоприятность позиции Англии по отношению к СССР. Так, американский посол в Париже У. Буллит отмечал, что политика британского правительства в отношении СССР была «чуть ли не оскорбительной»⁶⁷. Французский поверенный в делах в СССР Ж. Пайяр также констатировал, что англичане своей позицией «добавляли, с советской точки зрения, к обиде еще и оскорбление»⁶⁸.

3 мая 1939 г. обязанности наркома иностранных дел СССР были возложены по совместительству на Председателя Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Моло-

това, в руках которого были сосредоточены в дальнейшем также и переговоры с британским и французским представителями в Москве.

Английское правительство 8 мая снова обратилось к СССР с «предложением» о том, чтобы Советское правительство взяло одностороннее обязательство, а именно обязалось оказать помощь Англии и Франции, если они, выполняя взятые на себя обязательства в отношении некоторых восточноевропейских стран, окажутся вовлеченными в войну⁶⁹. Советский Союз, естественно, не считал возможным брать на себя такие односторонние обязательства.

Советское правительство придерживалось позиции, что переговоры должны вестись не только о том, какую помощь СССР в случае войны окажет Англии и Франции, но одновременно и о том, какую помощь эти две державы на основе взаимности окажут в случае войны Советскому Союзу. Но как только вставал вопрос о помощи Англии и Франции Советскому Союзу, их представители становились глухонемыми. Из ставших теперь доступными документов английского и французского правительств за предвоенные годы видно, что они такого вопроса не рассматривали и рассматривать не собирались.

Вопрос об отношениях с СССР 16 мая снова был поставлен на обсуждение внешнеполитического комитета английского правительства. Начальники штабов трех видов вооруженных сил Англии представили новый меморандум, в котором в связи с дальнейшим обострением обстановки высказывали теперь иные взгляды. Они констатировали, что соглашение о взаимной помощи между Англией, Францией и Советским Союзом будет иметь «определенное положительное значение. Оно будет представлять собой солидный фронт внушительной силы против агрессии». Напротив, в случае, если такое соглашение не будет заключено, это окажется «дипломатическим поражением, которое повлечет за собой серьезные военные последствия». Если, отвергая союз с Россией, Англия толкнула бы ее на соглашение с Германией, «то мы совершили бы огромную ошибку жизненной важности»⁷⁰.

В связи с явным усилением угрозы германской агрессии, и в частности с провозглашенным 7 мая Германией и Италией намерением заключить между собой военный союз, начальники штабов Англии постепенно начинали менять свою позицию. Однако Н. Чемберлен по-прежнему решительно выступал против каких-либо обязательств по

отношению к СССР. Он заявил, что кроме военных и стратегических соображений, которыми руководствовались начальники штабов, необходимо учитывать и политические, а они подсказывают «другой курс». Его поддержал Галифакс, повторивший старый тезис о том, что политические аргументы против пакта с СССР более существенны, чем военные соображения за пакт⁷¹.

В разговоре со своим помощником О. Харви лорд Галифакс отмечал в те дни, что Чемберлен «ни за что не желает соглашаться на полный тройственный союз». У. Стрэнг, в свою очередь, заметил, что премьер-министр и его ближайший советник Г. Вильсон руководствуются тем, что в случае заключения договора с СССР «будет невозможно продолжение политики умиротворения», то есть курса на соглашение с Германией. Все в резиденции правительства на Даунинг-стрит, 10, сказал Стрэнг, «настроены антисоветски»⁷². Это подтверждает и запись в дневниках А. Кадогана: «Премьер-министр заявил, что он скорее подаст в отставку, чем подпишет союз с Советами»⁷³. Один из сторонников англо-германского сговора, Г. Ченнон, отмечал, что Чемберлен и Галифакс решительно против англо-русского союза. Они не расположены заключать «русского медведя» в свои объятия; решено «протянуть ему руку и осторожно пожать лапу. Не больше. Но и это самое худшее, что может быть на свете»⁷⁴. Некоторые западные историки прямо отмечают, что ввиду своего резко выраженного антикоммунизма Чемберлен был «в принципе против подлинного союза с коммунистическим государством»⁷⁵.

Вынужденное «согласие»

Между тем английская общественность проявляла все большую озабоченность. 19 мая в английской палате общин развернулись бурные прения по вопросу о внешнеполитическом курсе страны. Политика Н. Чемберлена подверглась резкой критике со стороны Д. Ллойд Джорджа, У. Черчилля, К. Эттли и других депутатов, выступавших за скорейшее заключение англо-франко-советского соглашения. Выступая за принятие Англией советских предложений, Черчилль подчеркивал, что без Советского Союза невозможен действенный Восточный фронт, а без действенного Восточного фронта нельзя защитить интересы Англии на Западе. Если правительство Чемберлена, предостерегал он, «отклонит и отбросит необходимую нам

помощь России», то оно вовлечет Англию «наихудшим путем в наихудшую из всех войн»⁷⁶.

Англо-французская дипломатия была немало встревожена также появившимися в печати 21 мая 1939 г. сведениями о том, что в Москву направляется германская торговая делегация. (Германское правительство действительно поставило 20 мая вопрос о поездке в Москву торговой делегации, но Советское правительство отклонило это предложение.)

Серьезным ударом для Англии и Франции явилось подписание 22 мая 1939 г. германо-итальянского союзного договора («стального пакта»)⁷⁷. Английскому и французскому правительствам на самом деле было о чем беспокоиться. На следующий день, 23 мая, Гитлер созвал совещание руководящего состава вермахта, на котором поставил задачу эффективной подготовки к войне. Он заявил, что «достичь новых успехов без кровопролития уже нельзя». Эти высказывания Гитлера свидетельствуют о том, что он готовился к войне с Англией и Францией, но для обеспечения тыла считал необходимым сначала разгромить их союзницу Польшу⁷⁸.

Правительство Н. Чемберлена против своей воли оказалось вынужденным дать наконец согласие начать переговоры об англо-франко-советском сотрудничестве.

22 мая в английском министерстве иностранных дел был составлен меморандум, авторы которого подробно рассматривали минусы и плюсы заключения англо-франко-советского договора. Касаясь отрицательных последствий заключения договора, авторы меморандума выражали беспокойство, что в Германии могут подумать, что Англия «отказалась от всякой надежды добиться урегулирования с Германией». Другим отрицательным моментом договора было сочтено то, что Англия вопреки своему желанию может оказаться вынужденной поддержать в случае войны Советский Союз против Германии. Тем не менее авторы меморандума считали желательным заключение «какого-то соглашения с СССР», чтобы в случае войны на Западе а) Германии пришлось бы воевать на два фронта и б) Советский Союз тоже был бы вовлечен в войну и не оставался бы вне ее, в то время как Англия и Германия будут лежать в руинах⁷⁹.

На заседании английского правительства 24 мая лорд Галифакс признал, что срыв переговоров Англии и Франции с СССР может побудить Гитлера начать войну, и поэтому высказался за то, чтобы принять советское предло-

жение о заключении англо-франко-советского соглашения. Однако тут же было решено сделать целый ряд оговорок, которые должны были фактически свести на нет значение договора. Н. Чемберлен, подчеркнув свое глубокое предубеждение против любого союза с СССР, предложил связать договор со ст. 16 устава Лиги наций. Эта статья, сказал он, возможно, впоследствии будет изменена, так что ссылкой на нее договору будет придан временный характер. Он выступил также против того, чтобы договор был заключен более чем на пятилетний срок (хотя на заседании упоминалось, что германо-итальянский союз подписан на 10 лет). Галифакс же считал нужным включить в договор условие проведения консультаций участников договора до принятия военных мер⁸⁰. Это давало бы Англии возможность под тем или иным «благовидным» предлогом уклониться от выполнения ее обязательств по договору.

Г. Ченнон записал в этот день в своем дневнике, что правительство проявило хитрость, связав договор с Лигой наций, в результате чего новое обязательство в действительности было совершенно пустым. Предусматриваемое соглашение «такое легковесное, такое нереальное и такое неприменимое, что оно может только побудить нацистов посмеяться над нами»⁸¹.

27 мая английский посол У. Сидс и французский поверенный в делах Ж. Пайяр сообщили В. М. Молотову о «согласии» их правительств принять советское предложение о заключении англо-франко-советского договора о взаимопомощи, но выдвинули указанные оговорки. Разумеется, Советское правительство прекрасно понимало, что эти оговорки превращают договор в пустую бумажку, о чем прямо заявило английскому и французскому дипломатам⁸².

Для ускорения переговоров, а также устранения пороков англо-французских предложений 2 июня Советское правительство передало правительствам Англии и Франции проект договора о взаимной помощи. В нем предусматривалась немедленная и всесторонняя эффективная взаимопомощь трех держав в случае нападения на одну из них, а также оказание ими помощи Бельгии, Греции, Турции, Румынии, Польше, Финляндии и Прибалтийским странам. Договор о взаимопомощи должен был вступить в силу одновременно с военной конвенцией⁸³.

Глава французского правительства Э. Даладье признал на следующий день в беседе с советским полпредом

Я. З. Сурицем логичность советского проекта договора. Вместе с тем он предложил, чтобы гарантии трех держав другим государствам распространялись на случай как прямой, так и косвенной агрессии⁸⁴ (как это уже было предусмотрено в англо-французских гарантиях Польше и Румынии). Французское правительство, по-видимому, понимало, что захват Германией, например, Бельгии представлял для Франции огромную опасность независимо от того, произойдет ли это путем прямого вооруженного нападения или же путем косвенной агрессии, то есть другими средствами. А факты свидетельствовали о том, что в отношении некоторых стран, в том числе Прибалтийских, Германия встала на путь именно косвенной агрессии.

5 и 9 июня советский проект рассматривался на заседаниях внешнеполитического комитета английского правительства. Смысл дебатов сводился к тому, что Англии следует уклониться от конкретных обязательств, в том числе от оказания помощи Прибалтийским государствам и включения в договор пункта, запрещающего подписание сепаратного мира или перемирия⁸⁵.

В то время основной обсуждавшейся на переговорах проблемой был вопрос о помощи трех держав другим, более слабым странам, в том числе Прибалтийским. Британское правительство, не намереваясь препятствовать германской агрессии в Прибалтике, не хотело распространения своих гарантий на Прибалтийские государства. В Париже считали возможным принять советские предложения о гарантиях Прибалтийским странам⁸⁶.

Еще 10 июня советскому полпреду в Лондоне были даны указания заявить Галифаксу, что без удовлетворительного решения вопроса о гарантиях Прибалтийским государствам довести переговоры СССР, Англии и Франции до конца невозможно⁸⁷. Как сообщал в Москву И. М. Майский, Галифакс в беседе с ним по этому вопросу вынужден был признать «правомерность нашего желания иметь гарантии трех держав против прямой или косвенной агрессии в отношении Латвии, Эстонии и Финляндии»⁸⁸. Это не означало, однако, что английское правительство было готово пойти по данному вопросу навстречу Советскому Союзу. Напротив, оно исходило из того, что германская агрессия в Прибалтике и отпор ей со стороны СССР — один из вполне устраивавших его вариантов развязывания вооруженного конфликта между Советским Союзом и Германией. Так, У. Сидс отмечал в телеграмме Галифаксу,

что английские предложения не предусматривают безусловной гарантии Прибалтийским странам и что в соответствующем пункте этих предложений имеется «лазейка, которая дает Великобритании и Франции возможность уклониться от выполнения обязательств по оказанию помощи Советскому Союзу»⁸⁹.

Английское и французское правительства по-прежнему не соглашались и на одновременное подписание политического и военного соглашений.

В середине июня 1939 года вместо пересылки и передачи друг другу предложений и ответов на них, как это делалось ранее, начались непосредственно переговоры представителей трех держав в Москве.

Когда Англия в сентябре 1938 года договаривалась с гитлеровцами, в Германию трижды вылетал глава британского правительства Н. Чемберлен. Он посетил также Италию. Поскольку с советской стороны переговоры вел В. М. Молотов, было бы логично, если бы в Москву прибыл Н. Чемберлен или хотя бы лорд Галифакс.

Советское правительство сообщило англичанам, что приветствовало бы приезд в Москву министра иностранных дел Англии. Однако лорд Галифакс, сославшись на сложность международной ситуации, сказал И. М. Майскому, что ему трудно отлучиться из Лондона⁹⁰. Однако Чемберлен же заявил на заседании правительства, что поездка в Москву британского министра якобы «была бы унижительна»⁹¹.

Переговоры, начавшиеся в Москве 15 июня между В. М. Молотовым и послами Англии и Франции, двигались вперед крайне медленно, хотя Советское правительство, со своей стороны, делало все возможное для их скорейшего успешного завершения. Даже Чемберлен отмечал 19 июня, что «русские преисполнены стремления достигнуть соглашения»⁹². Молотов же, информируя советских полпредов в Лондоне и Париже о первых заседаниях с английским и французским послами, вынужден был констатировать, что Англия и Франция своими предложениями «ставят СССР в унижительное положение, с чем мы ни в коем случае не можем мириться... Нам кажется, что англичане и французы... не хотят серьезного договора, отвечающего принципу взаимности и равенства обязательств»⁹³.

В это время в газете «Правда» появилась статья, в которой говорилось, что английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР, затягивают

переговоры и нагромождают в них искусственные трудности. Газета подчеркивала, что англичане и французы хотят «лишь разговоров о договоре, для того чтобы... облегчить себе путь к сделке с агрессорами»⁹⁴. Это была резкая, но, как показывают факты, справедливая критика в адрес английского и французского правительств, вполне обоснованная характеристика их позиции.

1 июля английский и французский послы наконец дали согласие распространить гарантии трех держав и на Прибалтийские страны. Они предложили, однако, чтобы страны, получающие гарантии, были перечислены не в самом договоре, а в протоколе, который не подлежал бы опубликованию. По их мнению, в списке соответствующих стран следовало указать Эстонию, Финляндию, Латвию, Польшу, Румынию, Турцию, Грецию, Бельгию, Люксембург, Голландию и Швейцарию⁹⁵.

В то же время, если англо-французские гарантии Польше и Румынии распространялись на случай как прямой, так и косвенной агрессии, помощь Прибалтийским странам предусматривалась только при прямом вооруженном нападении на них. В случае же косвенной агрессии Англия и Франция по-прежнему были согласны только на консультации, то есть оставляли за собой возможность уклониться от оказания помощи.

8 июля Советское правительство предложило свое определение понятия «косвенная агрессия», которое британский и французский послы в Москве сочли приемлемым⁹⁶. Но, стремясь создать в переговорах новые трудности, английское правительство затеяло бесконечную дискуссию вокруг определения «косвенная агрессия».

Срывать или не срывать переговоры?

Протоколы состоявшихся в те дни заседаний внешнеполитического комитета английского правительства наглядно свидетельствуют о том, что у британских правящих кругов по-прежнему не было желания заключать с СССР эффективное соглашение против агрессии. Если Советское правительство стремилось к скорейшему подписанию конкретного и эффективного соглашения, то Э. Галифакс внес на заседании внешнеполитического комитета 4 июля 1939 г. предложение совершенно иного характера. Он представил на рассмотрение два возмож-

ных решения, которые исходили из совершенно иных соображений:

- 1) срыв переговоров;
- 2) заключение ограниченного пакта.

Галифакс высказывался за то, чтобы переговоры не срывать, но он не считал нужным заключать с СССР и действительно эффективный пакт. Обосновывая свою позицию, он сказал: «Наша главная цель в переговорах с СССР заключается в том, чтобы предотвратить установление Россией каких-либо связей с Германией»⁹⁷.

Западногерманский исследователь Г. Нидхарт в результате изучения британских правительственных архивов также констатирует, что к началу июля 1939 года цель переговоров с английской стороны «все больше сводилась лишь к тому, чтобы воспрепятствовать заключению германо-советского соглашения»⁹⁸.

Предложения Галифакса раскрывают всю глубину пропасти, которая лежала между позициями СССР и Англии. Если Советский Союз выступал за всеобъемлющее эффективное соглашение, то английский министр иностранных дел не считал возможным идти дальше «ограниченного пакта», а точнее, как уже говорилось, «пустой бумажки».

Что же касается заявления Галифакса о существовании «главной цели» английского правительства в переговорах с СССР, то оно нуждается в некотором пояснении. Приходится сделать небольшой экскурс в историю и вспомнить о событиях 20-х годов.

Английская и французская дипломатия делала в те годы все возможное для создания единого блока капиталистических стран в целях борьбы, в том числе и вооруженной, против первого в мире социалистического государства. Все эти усилия оказались бесплодными в значительной степени в результате того, что Советскому правительству удалось заключить в 1922 году с Германией договор (в Рапалло), который сделал невозможным создание этого блока и на основе которого вплоть до 1932 года между СССР и Германией осуществлялось широкое и взаимовыгодное сотрудничество. Британские и французские дипломаты хорошо помнили тогдашние советско-германские отношения.

После прихода фашистов к власти в Германии расстановка сил в Европе существенно изменилась, хотя и не во всем. Вражда реакционных правящих кругов Англии и Франции к первому в мире социалистическому государ-

ству отнюдь не ослабла. Но если в 20-е годы они стремились привлечь Германию к возглавлявшемуся ими самими антисоветскому блоку, то теперь они отводили фашистской Германии роль главной ударной силы в борьбе лагеря империализма против Советского Союза.

Однако летом 1939 года английских и французских государственных деятелей немало смущало одно обстоятельство. Им было известно, что германский империализм предполагал после захвата Польши сначала разгромить своего основного противника на Западе, то есть Францию, и лишь потом направить свою военную машину на Восток, против СССР, так как одержать победу над ним представлялось значительно труднее.

В Лондоне сделали определенные выводы также из того, что, несмотря на все попытки английского правительства прийти к соглашению с Германией, гитлеровцы уклонялись от него. В то же время оно получало все больше сведений о стремлении Берлина помешать заключению англо-франко-советского союза, о проявлениях с его стороны заинтересованности в примирении с СССР.

Поэтому английское и французское правительства уже не сомневались в том, что, саботируя заключение договора с СССР, они идут на огромный риск. Они понимали также, что если Советское правительство окончательно убедится в тщетности всех его попыток договориться с Англией и Францией, то у него не останется иного разумного выхода, как откликнуться на зондажи со стороны Германии и согласиться на определенную нормализацию отношений с ней, используя опыт заключения в 1922 году Рапалльского договора.

Н. Чемберлен был в такой степени одержим стремлением договориться с фашистской Германией, что был готов на любой риск. Вместе с тем каждый раз, когда в английском правительстве формулировался очередной отрицательный ответ на советские предложения, неизменно вставал вопрос: не окажется ли этот ответ той каплей, которая переполнит чашу терпения советских руководителей, не приведет ли он к возрождению Рапалльского договора? Поэтому английское правительство, не желая заключать с СССР эффективное соглашение, считало необходимым продолжать «поддерживать переговоры» с ним, чтобы предотвратить возможную нормализацию отношений между Германией и СССР.

На одном из заседаний английского кабинета Э. Галифакс отмечал, что «отклонение предложения России

может бросить ее в германские объятия». Военный министр Л. Хор-Белиша, разделяя его опасения, добавил: «Хотя это в настоящее время кажется невероятным, элементарная логика подсказывает, что не исключена договоренность между Германией и Россией». Министр колоний М. Макдональд добавил к этому, что в случае войны создастся бы серьезное положение, если бы Россия оставалась нейтральной и поставляла Германии продовольствие и сырье⁹⁹.

Для того чтобы предотвратить срыв переговоров с СССР, фактически зашедших в тупик, Галифакс 10 июля 1939 г. предложил на заседании внешнеполитического комитета английского правительства дать согласие на одновременное подписание политического и военного соглашений и начать переговоры о содержании военного соглашения. Давая понять, что он имеет в виду лишь создание условий, позволяющих продолжать «переговоры ради переговоров», Галифакс заметил, что «военные переговоры затянутся на очень длительный период». Кроме того, военное соглашение могло бы и не быть очень существенным по своему содержанию. Такой же позиции придерживался и Чемберлен. Министр координации обороны лорд Четфилд, однако, был вынужден признать, что Советское правительство придает военным переговорам первостепенное значение и желает иметь соглашение с конкретными обязательствами его участников.

Завершая обсуждение, Галифакс повторил: «Несмотря на начало военных переговоров, большого прогресса не будет. Переговоры будут едва двигаться с места... Таким образом мы выиграли бы время и нашли бы лучший выход из создавшегося положения. Комитет одобрил намеченный Галифаксом очередной дипломатический ход¹⁰⁰.

Высказывания английских политиков на этом заседании комитета свидетельствовали о намерениях правительства лишь продолжать тянуть время, все еще надеясь достигнуть соглашения с гитлеровцами. Это обрекало переговоры в Москве на безрезультатность.

Французское правительство не согласилось с намеченным Лондоном курсом, то есть не соглашалось начинать военные переговоры, считая необходимым сначала подписать какой-то политический договор. Оно заявило англичанам, что во время военных переговоров сразу возникнут серьезные трудности, так как необходимо будет

получить согласие Польши и Румынии на проход советских войск через их территории¹⁰¹.

Осуществление разработанного англичанами хода пришлось отложить. На следующий день лорд Галифакс направил У. Сидсу шифротелеграмму о том, что он должен «отклонить оба главных предложения Советского правительства»¹⁰², то есть как предложение об одновременном подписании политического и военного соглашений, так и советский проект определения косвенной агрессии.

Хотя переговоры продолжались, британское правительство самым обстоятельным образом изучало вопрос, не следует ли с ними кончать. Большое внимание уделялось, в частности, поискам предлога их срыва.

Еще 8 июня Н. Чемберлен признавал в беседе с американским послом Дж. Кеннеди, что не исключена возможность того, что он «положит конец» переговорам с СССР¹⁰³. Даже в беседе с японским послом М. Сигемицу в конце июня Чемберлен не скрывал своего «сокровенного желания разорвать переговоры с СССР»¹⁰⁴.

С начала июля вопрос о срыве переговоров неоднократно рассматривался и на заседаниях внешнеполитического комитета английского правительства. Ж. Бонне отмечал в те дни в беседе с польским послом Ю. Лукасевичем, что «англичане хотят прекращать переговоры» с СССР¹⁰⁵.

Позиция английского и французского правительств неотвратимо обрекала переговоры в Москве на безрезультатность. Советское правительство все более убеждалось в том, что у английских и идущих за ними французских руководящих деятелей нет действительного стремления к успешному завершению московских переговоров.

Подвергая самой резкой критике английских и французских политиков, В. М. Молотов телеграфировал 17 июля советским полпредам в Лондоне и Париже, что они «прибегают к всевозможным жульничествам и недостойным уверткам... Видимо, толку от всех этих бесконечных переговоров не будет»¹⁰⁶.

К этому времени стало проявлять беспокойство и французское правительство. 19 июля французскому послу в Лондоне Ш. Корбену было дано указание подчеркнуть в беседе с Галифаксом, что колебания британского правительства могут привести к срыву московских переговоров. Поэтому необходимо «взвесить меру ответственности», которую возьмут на себя за срыв переговоров Англия

и Франция. «Вся наша система безопасности в Европе будет подорвана, эффективность помощи, обещанной нами Польше и Румынии, будет скомпрометирована». Исход переговоров решит, будет в ближайшие недели война или нет¹⁰⁷.

Анализируя в письме в Форин оффис от 20 июля состояние дел в переговорах, английский дипломат У. Стрэнг, прибывший в Москву для оказания в них помощи У. Сидсу, отмечал, что недоверие Советского правительства и подозрение относительно планов англичан не исчезают. Тот факт, писал он, что Англия затрудняет переговоры, создает у Советского правительства впечатление отсутствия у английской дипломатии серьезных намерений заключить соглашение. Относительно вопроса о срыве переговоров Стрэнг полагал лучше сохранить «неопределенную ситуацию», нежели «окончательный срыв переговоров сейчас». Он отмечал, что Германия может воспользоваться срывом переговоров для начала агрессии. Кроме того, срыв переговоров «может вынудить Советский Союз встать на путь изоляции или компромисса с Германией». Поэтому Стрэнг высказался за военные переговоры, но такие, которые «не дают немедленных конкретных результатов»¹⁰⁸.

Резкое усиление потока сообщений, что в Германии проводится мобилизация и началось передвижение войск к польской границе, а также, по-видимому, опубликование 21 июля сообщения о начале торговых переговоров между СССР и Германией побудило англичан и французов дать 23 июля согласие на одновременное вступление в силу политического и военного соглашений. Через два дня они сообщили и о своем согласии начать переговоры с целью согласования текста военного соглашения между тремя державами¹⁰⁹.

Но все это отнюдь не означало, что в Лондоне наконец решили сделать шаг вперед. 30 июля Н. Чемберлен записал в своем дневнике: «Англо-советские переговоры обречены на провал, но прерывать их не следует; напротив, надо создавать видимость успеха, чтобы оказывать давление на Германию»¹¹⁰. Таким образом, английская и французская дипломатия по-прежнему вела с СССР лишь «переговоры ради переговоров». В частности, они должны были служить средством давления на Германию, чтобы побудить гитлеровцев в конце концов дать согласие на заключение англо-германской империалистической сделки.

Планы англо-германского империалистического сговора

Английский проект «широкого соглашения»

Английское правительство считало, что, укрепив связи с Польшей и некоторыми другими государствами Восточной Европы и вступив в переговоры с СССР, оно в достаточной степени упрочило свои позиции и наступил черед снова попытаться прийти к соглашению с фашистским рейхом. Польский посол в Лондоне Э. Рачиньский писал 8 июня 1939 г. после беседы с Н. Чемберленом, что «премьер имеет в виду попытки соглашения с Германией уже на основе не слабости, а силы. Окончательно захлопнуть дверь, ведущую к соглашению с Германией, он считал бы катастрофой»¹¹¹.

Н. Чемберлен еще 3 мая поставил на заседании правительства вопрос о желательности возобновления англо-германских экономических переговоров, которые оказались прерванными в связи с захватом Германией Чехословакии. Он при этом продолжал выражать уверенность в том, что «все взоры г-на Гитлера обращены к Восточной Европе». Галифакс, как и Чемберлен, предполагал, что Гитлер будет требовать от Англии только «свободу рук в Восточной Европе». В этой связи Галифаксом был поднят вопрос о возможности уклониться от выполнения английским правительством его гарантийных обязательств в отношении Польши. Он отметил, что гарантии предоставлены только на случай, если «независимость Польши окажется под открытой угрозой», и это дает Англии известную возможность решать вопрос о помощи Польше по собственному усмотрению. Чемберлен поддержал мнение Галифакса¹¹².

Сотрудничество Англии и Франции с фашистской Германией мыслилось установить теперь за счет Польши. Американский поверенный в делах во Франции писал в госдепартамент 24 июля 1939 г., что у него сложилось впечатление, что «готовится второй Мюнхен, на этот раз за счет Польши». Те силы, писал он, которые действовали во Франции и Англии в сентябре прошлого года, «опять поднимают голову»¹¹³.

К этой игре подключился и папа римский Пий XII. Он предложил созвать новую конференцию — наподобие мюнхенской — для «урегулирования» германо-польского конфликта. Участие СССР в этой конференции папа римский считал нежелательным¹¹⁴.

Попытки английских правящих кругов договориться с гитлеровцами особенно усилились во второй половине июля 1939 года.

В Лондоне решили воспользоваться приездом крупного германского экономиста Х. Вольтата. 18 и 21 июля между Г. Вильсоном, ближайшим советником Н. Чемберлена, и Х. Вольтатом состоялись беседы по вопросу об установлении англо-германского сотрудничества. Вильсон изложил внешнеполитические планы правящей верхушки Англии. Он подчеркнул особую важность того, чтобы развитие событий не привело к «военному столкновению, которое вышло бы за пределы Восточной Европы» и вылилось бы в войну между группировками, руководимыми Германией, с одной стороны, и Англией — с другой.

Это было недвусмысленное подтверждение отсутствия у англичан возражений против германской агрессии в Восточной Европе, лишь бы Германия дала заверения в том, что она не будет покушаться на интересы Британской империи.

Затем Вильсон предложил конкретную программу англо-германского сотрудничества («широкого соглашения»), заранее сформулированную в специальном меморандуме и одобренную Чемберленом. Эта программа предусматривала: заключение англо-германского соглашения об отказе от применения силы; опубликование заявления о невмешательстве Германии в дела Британской империи и Англии — в дела «Великой Германии»; пересмотр положений Версальского договора о колониях и подмандатных территориях¹¹⁵.

3 августа Г. Вильсон изложил английские планы также германскому послу в Лондоне Дирксену. По словам Вильсона, «сокровенный план английского правительства состоял в заключении англо-германского соглашения, которое начисто освободило бы британское правительство от принятых им на себя в настоящее время гарантийных обязательств в отношении Польши, Турции и т. д.»¹¹⁶.

Многие документы английского правительства за 1939 год рассекречены, однако наиболее важные материалы по вопросу об английской политике по отношению к Германии в Лондоне было решено сохранить на положении секретных до 2000 и даже 2039 года. Очевидно, там есть что скрывать от общественности¹¹⁷.

Сторонником соглашения с Германией по-прежнему был министр иностранных дел Франции Ж. Бонне. Он заявил германскому послу в Париже Й. Вельчеку, что,

«несмотря ни на что, Франция придерживается идеи сотрудничества с Германией, которое снова начинает налаживаться и со временем станет более тесным», и он никогда не откажется от этой генеральной линии своей политики¹¹⁸.

Американские дипломатические представители в столицах многих европейских стран всецело поддерживали такие планы. Американский посол в Лондоне Дж. Кеннеди полагал, что следует бросить поляков на произвол судьбы, с тем чтобы они оказались вынужденными пойти на соглашение с Гитлером, что «даст нацистам возможность осуществлять свои цели на Востоке». В результате этого разразился бы вооруженный конфликт между СССР и Германией, который принес бы «большую выгоду всему западному миру»¹¹⁹. Посол США в Берлине Г. Вильсон также считал лучшим выходом, если бы Германия решилась напасть на Россию с молчаливого согласия западных держав «и даже с их одобрения»¹²⁰.

Могильщики Польши

Тот факт, что в планах германской агрессии на лето 1939 года на первом месте фигурировала Польша, не составлял секрета для других стран. Документы свидетельствуют, что об этом знали и польские правящие круги¹²¹. Если бы они руководствовались в своей политике действительными национальными интересами Польши, то они должны были бы сделать максимум возможного для создания в Европе мощного единого фронта стран, заинтересованных в предотвращении войны, обуздании германских агрессоров. И нет сомнений в том, что Польша, при доброй воле с ее стороны, могла сыграть немаловажную роль в деле объединения усилий соответствующих стран, тем более что она уже находилась в союзе с Францией, Англией и Румынией.

Советский Союз, проявляя глубокую заинтересованность в сохранении Польшей своей независимости, неоднократно предлагал Польше сотрудничество и помощь против агрессии. Особенно следует отметить в этой связи миссию В. П. Потемкина в Варшаву в мае 1939 года. Он заявил в беседе с Ю. Беком 10 мая, что «СССР не отказал бы в помощи Польше, если бы она того пожелала»¹²². Однако на следующий же день польский посол в Москве В. Гжибовский явился к В. М. Молотову и заявил, что Польша не желает англо-франко-советских гаран-

тий и «не считает возможным заключение пакта о взаимопомощи с СССР»¹²³.

25 мая 1939 г. советский полпред в Польше Н. И. Шаронов снова заявил в беседе с Бекком: «Мы, конечно, готовы были бы помочь, но чтобы помочь завтра, надо быть готовым сегодня, т. е. заранее знать о необходимости помогать»¹²⁴. Но Бек оставил это заявление без ответа. Как отмечает польский историк О. Терлецкий в книге о Беке, последний отвергал любую возможность соглашения с Советским Союзом¹²⁵.

Правящая верхушка Польши ставила на первое место не жизненные интересы польского народа, не защиту его от германской агрессии, а свои узкоклассовые интересы. Главное для нее заключалось в том, чтобы сохранить свое господство над польским народом. Польские правители больше всего опасались, что сотрудничество Польши с Советским Союзом может усилить в стране симпатии к идеям социализма. Французский историк М. Мурен с полным основанием писал, что «странная политика полковника Бека была новым выражением националистической оргии, великодержавного комплекса». Бек питал иллюзии, что Польша не пострадает от германо-русского столкновения. Из-за своей «русофобии и боязни коммунизма», связанного, в частности, с аграрной реформой, писал Мурен, он не желал сотрудничества с Советским Союзом и предпочитал гитлеровский режим¹²⁶.

Польские правители все еще лелеяли надежду как-то договориться с фашистским рейхом на то, что германская агрессия, минуя Польшу, обратиться против СССР. Этими расчетами объяснялось продолжение Польшей даже в условиях 1939 года своей крайне недружелюбной в отношении СССР политики.

Ю. Бек неоднократно давал понять гитлеровцам о своем желании как можно быстрее урегулировать германо-польские разногласия, причем Польша готова при этом на серьезные уступки. Заместитель министра иностранных дел Польши А. Арцишевский заявил в мае германскому послу в Варшаве Г. Мольтке, что Бек «был бы готов договориться с Германией, если бы удалось найти какую-либо форму, которая не выглядела бы, как капитуляция». Бек придает этому большое значение, продолжал Арцишевский, о чем свидетельствует «та сдержанность, которую Польша проявляет в отношении переговоров о пакте между Западом и Советским Союзом»¹²⁷.

Польские правители исходили из того, что Германия

намечает прежде всего захват Данцига, и были готовы пойти в этом вопросе на удовлетворение требований нацистов. Германское правительство, стремясь не к урегулированию, а к обострению отношений с Польшей, оставляло подобные обращения без внимания. К тому же все новые предложения англичан о сотрудничестве убеждали его, что в случае нападения на Польшу ему не придется опасаться вмешательства Англии и Франции. Как теперь установлено документально, Гитлер делал из сообщения Х. Вольтата о его беседах в Лондоне и других аналогичных фактов именно такие выводы. Например, военно-воздушный атташе Германии в Польше А. Герстенберг, побывавший в начале августа 1939 года в Берлине, говорил: «Еще в этом году у нас будет война с Польшей. Из совершенно надежного источника я знаю, что Гитлер принял решение в этом смысле. После визита Вольтата в Лондон Гитлер убежден в том, что в случае конфликта Англия останется нейтральной»¹²⁸.

Выступая перед руководителями вермахта, Гитлер заявил: «В Мюнхене я познакомился на практике с этими жалкими существами — Даладье и Чемберленом. Они слишком большие трусы для того, чтобы нападать. Они не пойдут дальше блокады»¹²⁹. Англо-французская политика убедила гитлеровцев, что они могут напасть на Польшу, не опасаясь активных военных действий со стороны Англии и Франции.

Переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции

*Лондон и Париж за разговоры,
но не за договор*

Дело стремительно шло к войне. В Лондоне и Париже знали о принятом Гитлером решении напасть на Польшу, что в Германии проводится мобилизация и она полностью подготовлена к тому, чтобы в конце августа начать военные действия. Советское правительство также имело достаточно полную и точную информацию о военных планах и приготовлениях гитлеровцев.¹³⁰

Несмотря на то что 25 июля английское правительство наконец приняло советское предложение начать переговоры военных представителей СССР, Англии и Франции, это вовсе не означало, как уже говорилось,

что Чемберлен действительно решил договориться о сотрудничестве с СССР. Характерен уже один тот факт, что английским и французским военным представителям понадобились целых 17 дней, чтобы прибыть в Москву. Военные переговоры могли начаться только 12 августа. До назначенной гитлеровцами даты нападения на Польшу оставалось всего две недели! Французский историк Т. -Б. Дюрозель отмечает, что он располагает документами, свидетельствующими, что эта задержка была умышленной¹³¹.

О несерьезном отношении Англии и Франции к военным переговорам с Советским Союзом свидетельствовал и состав английской и французской военных миссий. На заседании внешнеполитического комитета английского правительства 10 июля министр координации обороны лорд Четфилд высказал мнение, что военные переговоры ввиду их сложности придется вести на уровне заместителей начальников штабов¹³². Однако впоследствии в Москву были направлены военные представители гораздо более низшего ранга. Возглавлял английскую делегацию адмирал П. Дракс, не имевший никакого опыта разработки военных операций крупных масштабов. Даже У. Стрэнг признает в своих воспоминаниях, что, поскольку английское правительство не хотело заключения военного соглашения с СССР, в Москву была послана военная делегация «недостаточно высокого уровня» с инструкциями «ограниченного характера»¹³³.

Не лучшее впечатление производила французская военная миссия, возглавлявшаяся членом высшего военного совета французской армии генералом Ж. Думенком. Советский полпред во Франции Я. З. Суриц, сообщая в Москву о составе миссии, отмечал, что он свидетельствует о том, что французское правительство, по-видимому, поставило перед ней «скромную программу»¹³⁴.

Правильность этой оценки подтверждают ставшие теперь достоянием гласности сведения о директивах, которые были даны английской и французской военным делегациям.

Директивы английской делегации были рассмотрены на заседании британского правительства 26 июля. При этом следует отметить, что в протоколе заседания нет ни единого слова, свидетельствующего о заинтересованности Англии в успешном завершении переговоров и подписании эффективной военной конвенции. Это недвусмысленно указывало на то, что такой задачи перед собой

английское правительство не ставило. Галифакс в своем выступлении отметил, что начало военных переговоров произведет благоприятное впечатление на русских и английскую общественность. Суть всех высказываний на этом заседании сводилась к тому, что переговоры следует вести как можно медленнее и в конце концов надо завести их в тупик¹³⁵. Речь шла, таким образом, исключительно о том, чтобы ввести в заблуждение и Советское правительство, и общественное мнение Англии, а тем временем попытаться договориться с фашистским рейхом. (Именно к этому времени относятся изложенные выше предложения Г. Вильсона германскому эmissару Х. Вольтату.)

Обсуждение этого вопроса на заседании правительства предопределило характер директив, полученных английской военной миссией. В них констатировалось, что русские серьезно желают заключения как политического, так и военного соглашения. Однако британское правительство «не желает быть втянутым в какое бы то ни было определенное обязательство», которое могло бы связать ему руки. Миссии предписывалось «вести переговоры весьма медленно» и стремиться, чтобы дело свелось к тому, что будет выработано «что-нибудь вроде декларации политического характера», ограничивающейся «сколь возможно общими формулировками»¹³⁶.

Инструктируя П. Дракса, лорд Галифакс 2 августа ставил перед ним не задачу скорейшего заключения военного соглашения, а нечто совсем другое — «тянуть с переговорами возможно дольше»¹³⁷. Через день Н. Чемберлен напутствовал Дракса заявлением о своем отрицательном отношении к сотрудничеству с СССР¹³⁸. Излагая все эти указания, Дракс в своих воспоминаниях, опубликованных в журнале «Нэйвел ревью», фактически не скрывает, что никто перед ним задачу выработки военной конвенции не ставил; его посылали в Москву с миссией, которая должна была закончиться безрезультатно. Но ему было вменено в обязанность сделать все возможное, чтобы запланированная бесплодность переговоров выявилась не сразу.

Английское правительство по-прежнему намеревалось вести с СССР лишь «переговоры ради переговоров». Касаясь целей этих «переговоров», Галифакс отмечал, что до тех пор, пока ведутся военные переговоры, будет предотвращено сближение между Германией и СССР¹³⁹.

Ознакомившись с директивами генералу Драксу,

У. Сидс не мог не прийти к выводу, что они означали создание в переговорах безнадёжного тупика. Он понимал, что это сразу же станет очевидным и Советскому правительству. Нет сомнений в том, писал он в Лондон 13 августа, что в таких условиях военные переговоры не будут иметь положительных результатов, а еще раз возбудят у русских «опасения, что мы не действуем всерьез и не хотим заключить конкретное и определенное соглашение»¹⁴⁰. Французский посол в Москве П. Наджиар оценивал эти директивы аналогичным образом. «Эти инструкции очень опасны, — телеграфировал он в Париж, — так как могут привести к срыву переговоров»¹⁴¹.

Французская военная миссия имела инструкции, подписанные 27 июля начальником генерального штаба французской армии генералом М. Гамеленом. В них шла речь об обеспечении линий коммуникаций «между европейским Западом и Мурманском», о действиях русских в Балтийском море против немецких морских коммуникаций, об участии советской авиации в действиях в Эгейском море, о поставках Советским Союзом Польше, Румынии и Турции сырья, продовольствия, вооружения, снаряжения и оборудования¹⁴².

Разумеется, такой директивы для подписания конвенции о согласованных военных действиях СССР, Франции и Англии против германских агрессоров в случае войны было совершенно недостаточно. Задача заключения военной конвенции в них даже не ставилась.

Британский генерал Х. Исмей, ознакомившись с инструкциями французской делегации, писал о них: «Документ поражает меня обилием общих выражений, из-за которых становится почти бесполезным, чтобы служить в качестве инструкции: в нем говорится лишь о том, чего бы хотели французы от русских, и ничего не говорится о том, что собираются делать французы». Когда в беседе с генеральным секретарем верховного совета национальной обороны Франции генералом Л. Жаме и генералом Ж. Думенком Исмей спросил, что французы намерены сообщить о вкладе Франции и Англии в войну, Жаме «улыбнулся и пожал плечами», а Думенк сказал: «Весьма немного. Я просто буду слушать»¹⁴³.

В Лондоне и Париже прекрасно понимали, что центральной проблемой в переговорах будет вопрос о проходе советских войск через территорию Польши, с тем чтобы они могли войти в соприкосновение с германскими войсками. Советское правительство, как выше было показано,

поднимало этот вопрос еще в 1937 году, а также и в 1938 году в связи с возможным оказанием Советским Союзом помощи Чехословакии. Этот вопрос ставили и французы в ноте англичанам от 11 июля 1939 г. Об этой проблеме У. Стрэнг напоминал Галифаксу и 20 июля — как раз в тот момент, когда английское правительство разрабатывало директивы своей делегации для военных переговоров. «Военные переговоры не будут, видимо, — писал Стрэнг, — доведены до конца до тех пор, пока удастся достигнуть договоренности между Советским Союзом и Польшей о том, что Советскому Союзу будет разрешен проход по крайней мере через часть польской территории в случае войны, в которой Польша должна участвовать на нашей стороне»¹⁴⁴. Как свидетельствуют опубликованные не так давно французские документы, это хорошо понимали и в Париже. В записке, подготовленной в министерстве иностранных дел Франции 29 июля, констатировалось, что главным камнем преткновения в военных переговорах может оказаться постановка Советским правительством вопроса об установлении сотрудничества между СССР и Польшей¹⁴⁵.

Меры с целью урегулирования вопроса о сотрудничестве Польши с СССР, однако, не были намечены ни английским, ни французским правительствами. Это лишний раз доказывает, что ни Англия, ни Франция не стремились к успешному завершению переговоров. Более того, этот вопрос заведомо планировалось использовать для затягивания, а затем и срыва переговоров.

Политические переговоры английское правительство фактически завело в тупик своей позицией по вопросу о гарантиях другим странам в случае косвенной агрессии. Что же касается военных переговоров, то оно явно хотело загнать их в тупик по вопросу о проходе советских войск через территорию Польши. Вину за срыв переговоров Лондон стремился переложить на польское правительство, поскольку его обструкционистская позиция давала для этого достаточные основания.

Нельзя не подчеркнуть, что, отправив в Москву военную миссию с указаниями, которые обрекали переговоры на провал, все английские министры (т. е. английское правительство целиком) в первых числах августа по установившейся традиции ушли в отпуск. И это в условиях, когда в Лондоне знали, что до окончания этих отпусков фашистская Германия запланировала нападение на Польшу! В историю вошло понятие «дипломатическая

болезнь». В данном случае с полным основанием можно говорить о «дипломатическом отпуске» британского правительства. Смысл этого хода таков: какие претензии можно предъявлять к британскому правительству за то, что оно не оказывало противодействия германской агрессии, если оно находилось в законном отпуске? Все это означало отсутствие у английского правительства намерений вносить какие-либо изменения в директивы своей военной миссии даже в том случае, если в конце августа фашистская Германия, как это было запланировано (и это было известно в Лондоне), действительно решит напасть на Польшу.

2 августа 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело и утвердило состав и задачи советской военной делегации во главе с народным комиссаром обороны К. Е. Ворошиловым. Генеральный штаб Вооруженных Сил СССР подготовил к переговорам подробный план военного сотрудничества трех держав. Все это свидетельствовало о глубокой заинтересованности Советского правительства быстро завершить переговоры и предотвратить таким образом развязывание Германией войны.

В то же время советская сторона не могла не настояться относительно намерений английского и французского правительств. Поэтому фактически первоочередная задача советской военной делегации заключалась в выяснении в ходе переговоров действительных намерений английской и французской миссий, чтобы не оказаться введенной в заблуждение.

Советско-англо-французские военные переговоры начались в Москве 12 августа 1939 г. Глава советской военной миссии К. Е. Ворошилов прежде всего предложил огласить полномочия делегаций. Полномочия советских представителей были полными и исчерпывающими. Однако, как оказалось, глава французской делегации Ж. Думенк имел полномочия лишь на ведение переговоров, но не на подписание соглашения. П. Дракс прибыл в Москву вообще без каких-либо полномочий (он вынужден был заявить, что запросит и представит их впоследствии).

Отсутствие у английской и французской делегаций необходимых полномочий, естественно, не могло не обратить на себя внимания советской делегации.

Когда начались переговоры по существу, глава советской военной миссии попросил англичан и французков изложить свои предложения относительно тех мероприятий, которые должны были обеспечить, по их мнению,

совместную организацию обороны договаривающихся стран, то есть Англии, Франции и Советского Союза. «Есть ли у миссий Англии и Франции соответствующие военные планы?»¹⁴⁶ — спросил К. Е. Ворошилов. Глава советской военной делегации подчеркнул, что три державы должны выработать общий военный план на случай агрессии. «Этот план нужно обсудить в подробностях, — сказал он, — договориться, подписать военную конвенцию, разъехаться по домам и ждать событий в спокойном сознании своей силы»¹⁴⁷. Как выяснилось, английская и французская делегации прибыли в Москву без заранее разработанных конкретных планов военного сотрудничества трех держав.

Уже первые высказывания английских и французских представителей свидетельствовали о том, что они не стремились достичь эффективного соглашения в минимальные сроки.

Неудивительно иное впечатление, которое оставила у П. Дракса позиция советской военной делегации. Он впоследствии писал: «Первые 24 часа моего пребывания в Москве свидетельствовали, что Советы стремились к достижению соглашения с нами»¹⁴⁸.

13 августа на переговорах было заслушано сообщение главы французской делегации генерала Ж. Думенка, но сказанное им не имело ничего общего с действительными планами и намерениями Франции. Как уже говорилось, западные державы давно договорились о том, что в случае войны они будут придерживаться чисто оборонительной тактики, возлагая главные надежды на блокаду Германии. Думенк же утверждал, что французская армия, состоящая из 110 дивизий, задержав на своей линии укреплений наступление неприятеля, «сосредоточит свои войска на выгодных местах для действия танков и артиллерии и перейдет в контратаку». Если же главные силы фашистских войск будут направлены на Восток, то Франция «будет всеми своими силами наступать против немцев»¹⁴⁹. Это выступление было заведомой попыткой ввести в заблуждение Советское правительство.

Английский генерал Т. Хейвуд сообщил, что Англия в то время располагала всего пятью пехотными и одной механизированной дивизиями¹⁵⁰. Такое заявление означало, что в случае войны Англия фактически намеревалась оставаться в стороне.

Все это происходило в условиях, когда, как информировал Дракс участников переговоров, Германия мобили-

зовала уже 2 млн. человек и ее выступление было намечено на ближайшие дни¹⁵¹. К этому времени в Лондоне были получены сведения, что Германия готовится напасть на Польшу в период 15—27 августа и рассчитывает завершить разгром Польши за 15 дней. Гитлер планирует создать тем самым благоприятные условия для войны затем с Францией и Англией¹⁵².

Кардинальный вопрос

13 августа К. Е. Ворошилов поставил на заседании вопрос, как военные миссии и генеральные штабы Франции и Англии представляют себе участие Советского Союза в войне против агрессора, если последний нападет на Францию, Англию, Польшу, Румынию или Турцию. Он пояснил, что этот вопрос связан с тем, что участие СССР в войне ввиду его географического положения возможно только на территории соседних с ним государств, прежде всего Польши и Румынии¹⁵³.

Оценивая итоги второго дня переговоров, П. Дракс пришел к заключению, что К. Е. Ворошилов «не хотел терять времени и стремился как можно скорее заключить соглашение с Францией и Британией»¹⁵⁴.

Проблеме прохода советских войск через территорию Польши и Румынии были посвящены переговоры 14 августа. Глава советской военной миссии подчеркнул, что это является «кардинальным вопросом» переговоров. Он уточнил, что имеется в виду проход советских войск через ограниченные районы Польши, а именно Виленский коридор на севере и Галицию на юге. Советская военная миссия заявила, что «без положительного решения этого вопроса все начатое предприятие о заключении военной конвенции между Англией, Францией и СССР, по ее мнению, заранее обречено на неуспех».

К. Е. Ворошилов рассказал и показал на карте, как СССР своими вооруженными силами может принять участие в совместной борьбе против агрессора. Выслушав эту информацию, глава французской делегации Ж. Думенк воскликнул: «Это будет окончательная победа!»¹⁵⁵.

Что же касается поставленного советской делегацией вопроса, то Думенк, уклоняясь от прямого ответа, отметил, что Польша, Румыния и Турция сами должны защищать свою территорию, а три державы должны быть готовы прийти им на помощь, «когда они об этом попросят». В этой связи глава советской делегации сказал, что Польша и Румыния могут своевременно и не попросить помо-

щи, а капитулировать. Однако не в интересах Великобритании, Франции и Советского Союза, «чтобы дополнительные вооруженные силы Польши и Румынии были уничтожены». И поэтому необходимо заранее договориться о формах участия советских войск в защите этих стран от агрессии¹⁵⁶.

Советской делегацией был поднят, таким образом, важнейший вопрос, без решения которого активное участие СССР в борьбе против общего врага было невозможно. Хотя в Англии и Франции это прекрасно понимали, но никаких мер для урегулирования этого вопроса не приняли.

Позиция Англии и Франции свидетельствовала, что, по существу, не было основы для соглашения между тремя державами. «Я думаю, — заметил П. Дракс после этого заседания, — наша миссия закончилась»¹⁵⁷. Французская военная миссия, в свою очередь, констатировала в своем дневнике, что состоявшееся в этот день заседание, «носившее весьма драматический характер, знаменовало конец настоящих переговоров»¹⁵⁸.

Советское правительство, разумеется, не могло не сделать из этого выводы. Поэтому с полным основанием можно считать, что в результате заседания 14 августа оно должно было прийти к заключению о том, что никаких надежд на достижение договоренности фактически не остается.

В начале заседания 15 августа П. Дракс сообщил, что английская и французская военные миссии передали советское заявление своим правительствам и теперь ожидают ответа. В связи с этим советская делегация согласилась продолжить переговоры.

Советский план военного сотрудничества

15 августа начальник Генерального штаба Красной Армии Б. М. Шапошников изложил на англо-франко-советских военных переговорах подробно разработанный советской стороной план военного сотрудничества трех держав. Он сообщил, что СССР готов выставить против агрессора в Европе 136 дивизий, 5 тыс. орудий, 9—10 тыс. танков и 5—5,5 тыс. боевых самолетов.

В докладе Б. М. Шапошникова были рассмотрены три варианта совместных действий вооруженных сил СССР, Англии и Франции в следующих случаях агрессивных действий со стороны Германии: нападения агрессоров на Англию и Францию; нападения на Польшу и Румынию; нападения на СССР через Прибалтику¹⁵⁹.

Ж. Думенк телеграфировал в Париж после этого засе-

дания, что советские представители изложили планы «весьма эффективной помощи, которую они полны решимости нам оказать». В другой телеграмме он сообщал, что Советский Союз выражает готовность предпринять наступательные действия в поддержку Франции, если бы основной удар был направлен против нее. «Одним словом, — писал он, — мы констатируем ярко выраженное намерение не оставаться в стороне, а как раз наоборот — действовать серьезно»¹⁶⁰.

Касаясь советских предложений, член французской делегации А. Бофр отмечал: «Трудно было быть более конкретным и более ясным... Контраст между этой программой... и смутными абстракциями франко-английской платформы поразительный и показывает пропасть, которая отделяла две концепции... Советские аргументы были весомее... Наша позиция оставалась фальшивой»¹⁶¹.

План военного сотрудничества, изложенный Б. М. Шапошниковым, свидетельствовал о готовности Советского Союза к решительным действиям, чтобы вместе с Англией и Францией нанести агрессору поражение в кратчайший срок. Главное же в том, что в случае заключения соглашения, предложенного Советским Союзом, Германия не решилась бы развязать войну.

Эти предложения Советского правительства наглядно опровергают распространяемые на Западе утверждения, будто в Москве мечтали о войне между двумя группировками империалистических держав, в то время как СССР оставался бы в стороне. Такие утверждения не имеют ничего общего с действительностью. Советское руководство прекрасно понимало, что ни Польша, ни Франция, ни обе вместе без помощи СССР не в состоянии устоять перед натиском фашистской Германии. Советское руководство не сомневалось, что, разгромив эти страны, нацисты всеми силами обрушатся на СССР. Как указывалось выше, Германия в 1939 году планировала уничтожить Польшу, в 1940 году — разгромить Францию, а затем начать войну против СССР. Уже из одного этого ясно, что Советский Союз, зная об этих планах, в целях собственной безопасности должен был сделать все возможное, чтобы предотвратить нападение Германии на Польшу и Францию, ибо их разгром делал по существу невозможным предотвратить нападение Германии затем и на СССР. И напротив, если бы Германии не удалось разгромить Польшу и Францию, уменьшилась бы опасность нападения ее и на Советский Союз.

Военные круги Англии и Франции понимали, чем грозил срыв переговоров. Они были хорошо информированы о том, что до намеченного гитлеровцами нападения на Польшу остались считанные дни. 16 августа Форин оффис запросил мнение заместителей начальников штабов трех видов вооруженных сил Англии. Ответ пришел в тот же день. Если раньше они в своих заключениях преднамеренно принижали значение сотрудничества с СССР, то теперь подготовленный ими документ был совершенно иным: «Мы полагаем, что теперь не то время, когда можно ограничиваться полумерами, и что необходимо приложить все усилия, чтобы побудить Польшу и Румынию согласиться на использование русскими войсками их территории... Совершенно очевидно, что без немедленной и эффективной помощи со стороны России поляки смогут оказывать сопротивление германскому наступлению лишь в течение ограниченного времени... Заключение договора с Россией представляется нам лучшим средством предотвращения войны... Напротив, в случае срыва переговоров с Россией может произойти сближение между Россией и Германией»¹⁶².

Однако это заключение не было даже рассмотрено английским правительством, и никаких мер в связи с ним принято не было.

Ответ на поставленный советской делегацией вопрос о проходе советских войск через территорию Польши и Румыний не был получен ни 15, ни 16, ни 17 августа, после чего по предложению П. Дракса переговоры были прерваны до 21 августа. Такое положение могло означать только одно: правительства Англии и Франции не торопились, а, наоборот, преднамеренно тормозили ход переговоров.

Советское правительство, разумеется, могло оценить создавшееся положение лишь как свидетельство полной бесплодности переговоров.

Если бы правительства Англии и Франции действительно хотели договориться с СССР, то они еще до начала переговоров в Москве должны были урегулировать с правительством Польши вопрос о советско-польском военном сотрудничестве. Когда же этот вопрос встал со всей остротой в ходе московских переговоров, англичане и французы, казалось, должны были принять самые экстренные меры к его урегулированию. Поскольку же правительства Англии и Франции думали не о заключении соглашения с СССР, а только о том, чтобы подольше тянуть с переговорами, они не спешили обращаться к польскому правитель-

ству, а тем более не стремились получить его согласие на военное сотрудничество с СССР. Впрочем, если с польским правительством они все же установили по этому вопросу определенные контакты, то правительство Румынии просто проигнорировали.

Роль Польши в срыве переговоров

Контакты, установленные в те дни Англией и Францией с польским правительством, имели очень своеобразный характер. Например, французские представители в Варшаве вовсе не добивались от польского правительства согласия на сотрудничество с СССР против германской агрессии, а хотели всего лишь получить право сделать в Москве какое-то заявление о позиции Польши, которое позволило бы продолжить переговоры военных миссий трех держав, но в то же время Польшу ни к чему не обязывало бы¹⁶³. Член французской делегации в Москве А. Бофр впоследствии отмечал, что проблема заключалась не в том, чтобы добиться у поляков ответа, согласны они или нет на проход советских войск через их территорию, а в том, чтобы «найти уловку, которая позволила бы продолжать переговоры»¹⁶⁴.

Как бы гитлеровцы ни скрывали свои военные тайны, знали о подготовке вермахта к нападению на Польшу и в Варшаве¹⁶⁵. 29 июля 1939 г. разведывательный отдел польского генштаба докладывал, что около 20 августа начнется продвижение германских танковых и моторизованных частей к польской границе, а к концу августа возможно начало военных действий¹⁶⁶.

Хотя до нападения фашистского рейха на Польшу оставались считанные дни, правящие круги Польши ввиду своей резко антисоветской позиции по-прежнему категорически отказывались от какого-либо сотрудничества с СССР. Военное министерство Франции в записке о переговорах в Москве отмечало: чтобы облегчить принятие Польшей решения о военном сотрудничестве с СССР, советская делегация очень четко ограничивает зоны прохода советских войск через польскую территорию и определяет их, исходя из соображений «исключительно стратегического характера». Однако Ю. Бек и начальник штаба польских войск генерал В. Стахевич проявляют «непримиримую враждебность»¹⁶⁷. 20 августа 1939 г. Стахевич заявил английскому военному атташе, что «не может быть и речи о том, чтобы разрешить пропуск советских войск через польскую границу»¹⁶⁸. Польские правящие

круги дали свое согласие лишь на указанную уловку, предложенную французской дипломатией.

Опасаясь срыва переговоров в Москве, французский посол П. Наджар 20 августа телеграфировал в Париж, что позиция Польши «не может не иметь серьезных последствий для дела мира». Провал переговоров в результате позиции Польши может побудить Гитлера к началу военных действий¹⁶⁹.

Обструкционистская позиция, занятая польскими правящими кругами в связи с англо-франко-советскими переговорами, была прямым предательством ими национальных интересов польского народа.

Позицию польских правителей проясняют воспоминания польского посла в Берлине Ю. Липского. Они все еще носились в эти решающие дни с планами достижения соглашения с фашистским рейхом. 18 августа Липский поставил перед польским правительством вопрос о целесообразности срочного визита Бека в Берлин для переговоров с нацистскими руководителями. На следующий же день польское правительство одобрило это предложение. 20 августа Липский срочно вылетел в Варшаву, чтобы обсудить с Беком содержание предстоящих переговоров¹⁷⁰.

Вряд ли у польских правящих кругов могли быть сомнения в том, какой характер будут носить эти «переговоры» и чем они кончатся.

Тогдашний президент Польши И. Мосьцицкий несколько недель спустя признал: «Польша в конце концов была готова принять германские требования...»¹⁷¹.

Впрочем, Гитлер вовсе не собирался вести какие-либо переговоры с представителями Польши. Его не устраивала даже ее добровольная капитуляция. Он завершил подготовку для военного разгрома Польши и другого решения вопроса не желал. Поездка Ю. Бека в Берлин так и не состоялась.

Англия и Франция заводят переговоры в тупик

Английское правительство, не желая соглашения с СССР и будучи заинтересовано в том, чтобы вину за срыв военных переговоров можно было свалить на Польшу, даже не пыталось убеждать в чем-либо польских правителей. Германские войска готовили свой очередной бросок не на Запад, а на Восток, и английские правящие круги считали возможным особенно не беспокоиться. Хотя союз с СССР «с военной точки зрения был крайне необходимым для

Франции», отмечал А. Бофр, ибо он был «единственным средством» не допустить войны, для английского и французского правительств переговоры с Советским Союзом были только средством для достижения их истинных дипломатических и стратегических целей. Излагая эти цели, Бофр писал, что Англия и Франция думали во время переговоров прежде всего «о возможном германо-советском столкновении»¹⁷².

Как в Лондоне представляли себе это столкновение, видно из высказываний английского военного атташе в Москве Р. Файэрбрейса: «В будущей войне Германия, напав превосходящими силами на Польшу, захватит ее в течение одного-двух месяцев. В таком случае вскоре после начала войны германские войска окажутся на советской границе. Несомненно, Германия затем предложит западным державам сепаратный мир с условием, что ей предоставят свободу для наступления на Восток»¹⁷³.

Наступило 21 августа, то есть намеченный заранее день очередного заседания военных делегаций трех держав, но никакого ответа на поставленный Советским правительством кардинальный вопрос оно не получило. Более того, английская и французская миссии предприняли попытку снова перенести заседание. И все это происходило в условиях, когда на 26 августа было назначено нападение гитлеровской Германии на Польшу, о чем английское правительство было хорошо информировано¹⁷⁴.

Однако советская военная миссия не согласилась на перенос заседания, и оно состоялось. К. Е. Ворошилов сделал на нем заявление, что ввиду отсутствия ответа Англии и Франции на поставленный им кардинальный вопрос «есть все основания сомневаться в их стремлении к действительному и серьезному военному сотрудничеству с СССР. Ввиду изложенного ответственность за затяжку военных переговоров, как и за перерыв этих переговоров, естественно, падает на французскую и английскую стороны».

Учитывая создавшееся в переговорах положение, глава советской делегации признал, что действительно нет практической необходимости собираться на новые заседания до того, как будут получены ответы от английского и французского правительств. Если будут получены положительные ответы, заявил он, «тогда придется наше совещание собрать как можно раньше»¹⁷⁵. Это было последним заседанием, так как английская и французская миссии так и не получили от своих правительств положи-

тельного ответа на вопрос советской стороны. Таким образом, переговоры зашли в тупик.

22 августа состоялся, однако, следующий эпилог этих переговоров, связанный с изложенной выше уловкой относительно позиции Польши. Глава французской военной миссии Ж. Думенк направил К. Е. Ворошилову письмо с сообщением, что он получил от французского правительства «разрешение дать утвердительный ответ на вопрос, поставленный советской делегацией»¹⁷⁶.

Посетив в тот же день К. Е. Ворошилова, Ж. Думенк оказался, однако, не в состоянии сказать что-либо вразумительное ни относительно позиции Франции, ни относительно Польши и Румынии. Он не мог ответить даже на вопрос, согласовано ли его сообщение с польским правительством. К. Е. Ворошилов отметил в этой связи, что если бы польское правительство дало согласие на проход советских войск через территорию Польши, то оно непременно захотело бы принять участие в переговорах. Он подчеркнул необходимость ответа Англии и Франции, согласованного с правительствами Польши и Румынии. «Когда будет внесена полная ясность и будут получены все ответы, тогда будем работать»¹⁷⁷, — сказал в заключение К. Е. Ворошилов.

Правительства Англии и Франции, а также Польши несут, таким образом, ответственность за провал военных переговоров в Москве. Это признает даже член французской военной делегации в Москве А. Бофр¹⁷⁸. Английский историк Дж. Хаслэм также констатирует, что англичане и французы, несомненно, «сами виноваты», что «упустили возможность установления сотрудничества с Советским Союзом»¹⁷⁹.

Как сам ход переговоров, так и отношение к ним правительств западных держав совершенно отчетливо свидетельствовали о том, что Англия и Франция даже тогда, когда до нападения Германии на Польшу оставалось всего несколько дней, все еще строили свою политику в надежде на то, что им удастся прийти к соглашению с Берлином.

Министр внутренних дел США Г. Икес, характеризуя политический курс Англии в тот момент, отмечал в своем дневнике, что Англия давно могла прийти к соглашению с СССР, но она «лелеяла надежду, что ей удастся столкнуть Россию и Германию друг с другом и таким путем самой выйти сухой из воды»¹⁸⁰.

Западные державы не смогли, однако, направить

события в желаемое русло. Агрессивные державы — Германия, Япония и Италия — бросили им перчатку, открыто поставив в порядок дня вопрос о перекройке карты мира в свою пользу. Сотрудничество Англии и Франции с СССР могло остановить агрессоров. Но Запад отверг советские предложения о таком сотрудничестве¹⁸¹.

Япония раздувает пожар войны

Китайский народ находит поддержку в борьбе против японской агрессии только у СССР

Продолжало осложняться положение и на Дальнем Востоке. Японские империалисты захватывали все новые и новые районы Китая, пытаясь распространить свое господство на всю страну. Наряду с военными акциями они прибегали и к дипломатическим средствам, стремясь склонить правящие круги Китая к капитуляции. Под давлением народных масс, решительно выступивших за отпор агрессору, китайское правительство, хотя и не без колебаний, продолжало оказывать сопротивление японцам.

Все обращения Китая за помощью к западным державам по-прежнему никаких результатов не давали. В таких условиях Китай был особенно заинтересован в получении помощи от Советского Союза.

Советское правительство неизменно поддерживало Китай при обсуждении вопроса о японской агрессии в Лиге наций. В связи с предстоявшим очередным рассмотрением этого вопроса М. М. Литвинов писал 11 января 1939 г. полпреду во Франции Я. З. Сурицу, назначенному представителем СССР на сессии Совета Лиги наций, что китайский представитель Веллингтон Ку будет проявлять на ней «некоторую активность». «Вы будете, конечно, — указывалось в письме, — поддерживать предложение Ку... Поощряйте его, обещайте ему всяческое содействие». Необходимо предварительно выяснить позицию англичан и французов, и если они действительно проявят готовность принять более решительные меры против Японии, то «за нами дело не станет»¹⁸². На открывшейся вскоре сессии Совета Лиги советская делегация снова энергично выступила за оказание эффективной помощи Китаю¹⁸³.

13 июня 1939 г. Советский Союз предоставил Китаю новый крупный кредит (150 млн. долл.) для покупки военных материалов. По этому кредиту в Китай было

отправлено более 300 самолетов, 500 пушек, 5700 пулеметов, 50 тыс. винтовок, 850 грузовых автомашин и тракторов, а также большое количество бомб, снарядов, патронов, горюче-смазочных материалов и различные другие военные материалы¹⁸⁴.

Позиция западных держав на Дальнем Востоке мало чем отличалась от их политики в Европе. И там и тут шла борьба между двумя империалистическими группировками. И там и тут западные державы проявляли нежелание сотрудничать с СССР с целью обуздания агрессоров, а шаг за шагом отступали, пытаясь откупиться от агрессоров уступками за счет других государств.

Наглядным примером явился англо-японский конфликт, разразившийся в связи с тем, что японские оккупационные власти в Китае установили блокаду английской концессии в Тяньцзине. У Лондона были две возможности: бороться за свои интересы или позорно капитулировать. Н. Чемберлен решил, что следует «попытаться достичь соглашения с японцами», хотя это и поставит Англию в униженное положение¹⁸⁵. 22 июля было подписано англо-японское соглашение, по которому Англия фактически признала японских оккупантов законной властью на захваченной ими территории Китая¹⁸⁶. Это соглашение вошло в историю как «дальневосточный Мюнхен».

Наилучшим вариантом развития событий на Дальнем Востоке западные державы считали японо-советский конфликт. Надежды их на нападение Японии на СССР были связаны, в частности, с тем, что между тремя агрессорами — Германией, Японией и Италией — шли переговоры о заключении военного союза.

В начале апреля 1939 года японское правительство разработало и передало германскому правительству проект договора трех фашистских держав, в котором предусматривалось, что он направлен прежде всего против СССР¹⁸⁷. Как сообщал 15 апреля из Токио Р. Зорге, позиция Японии заключалась в следующем: «В случае, если Германия или Италия начнут войну с СССР, Япония присоединится к ним в любой момент, не ставя никаких условий»¹⁸⁸. Министр иностранных дел Японии Х. Аrita в доверительной беседе с американским послом Дж. Грю заявил 18 мая 1939 г., что «если Советская Россия будет вовлечена в европейскую войну, то Япония, со своей стороны, сочтет невозможным остаться вне этой войны»¹⁸⁹.

Поскольку Германия готовилась к войне сначала с Францией и Англией, а не с СССР, но Япония была за-

интересована в союзе прежде всего против СССР, переговоры о военном союзе трех фашистских держав затянулись. Германия и Италия, как уже указывалось, подписали 22 мая 1939 г. двусторонний военный договор, но продолжались и японо-германо-итальянские переговоры.

Разгром японских агрессоров у Халхин-Гола

В первых числах мая 1939 года японский генеральный штаб получил указания императора начать военные действия против Монгольской Народной Республики в районе реки Халхин-Гол¹⁹⁰. СССР выступил в поддержку МНР. 19 мая В. М. Молотов, вызвав японского посла М. Сигемицу, сделал ему серьезное предупреждение. Он напомнил о существовании между СССР и МНР протокола о взаимной помощи¹⁹¹. 31 мая 1939 г., выступая на сессии Верховного Совета СССР, Председатель СНК В. М. Молотов заявил, что «границу Монгольской Народной Республики, в силу заключенного между нами договора о взаимопомощи, мы будем защищать так же решительно, как и свою собственную границу»¹⁹².

Вскоре стало очевидным, что японцы намерены захватить часть территории МНР. Советский Союз без промедления пришел на помощь своему союзнику. В Монгольскую Народную Республику были направлены крупные части советских войск. В течение нескольких месяцев между советско-монгольскими и японо-маньчжурскими войсками шли ожесточенные бои. О масштабах этих боев свидетельствует то обстоятельство, что с мая по сентябрь 1939 года японцы потеряли около 61 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными, 660 самолетов, а также значительное количество другой военной техники¹⁹³.

Начав 20 августа решительное контрнаступление, Советские Вооруженные Силы в сотрудничестве с монгольскими войсками нанесли агрессорам сокрушительный удар. К концу августа вся территория МНР была очищена от японских и маньчжурских захватчиков. СССР продемонстрировал верность своему интернациональному долгу, своим союзническим обязательствам.

Разгром японо-маньчжурских войск у реки Халхин-Гол не означал, однако, конца вооруженного конфликта. Японские агрессоры не хотели мириться с поражением, прекращать военные действия. Японское правительство приняло решение, что в случае войны между СССР и Германией Япония готова автоматически принять в ней участие.

Таким образом, положение на советских дальневосточных границах оставалось крайне напряженным.

Советско-германский договор о ненападении

Советская дипломатия делала летом 1939 года, как было показано выше, все возможное, чтобы договориться о политическом и военном сотрудничестве с Англией и Францией в целях предотвращения германской агрессии, сохранения мира. К сожалению, эти усилия Советского правительства из-за политики правящих кругов Англии и Франции, по-прежнему не желавших сотрудничать с СССР, не увенчались успехом.

СССР, по существу, продолжал оставаться в положении международной изоляции, в котором он оказался осенью 1938 года в результате мюнхенского сговора Англии и Франции с германскими и итальянскими агрессорами. Более того, Советский Союз должен был учитывать, что в случае германского нападения он может подвергнуться нападению и со стороны Японии, в связи с чем Советское государство оказалось бы перед угрозой войны на два фронта. К тому же существовала опасность анти-советского сговора всего империалистического лагеря.

Важнейшая задача советской дипломатии заключалась в том, чтобы сорвать антисоветские планы империалистических держав. Поскольку установить сотрудничество с Англией и Францией не удалось, приходилось считаться с опасностью начала войны, причем в ближайшие же дни. А это означало, что теперь надо было думать уже и о том, как в максимально возможной степени обеспечить безопасность СССР в случае, если бы действительно разразилась война, то есть фашистская Германия напала бы на Польшу. В таких условиях Советское правительство было бы заинтересовано в том, чтобы по возможности дальше отодвинуть сроки нападения Германии на СССР, ограничить сферу распространения германо-польского военного конфликта. Советская дипломатия обязана была принять меры к тому, чтобы Советский Союз не оказался втянутым в войну одновременно на западе и на востоке, в крайне невыгодных международных условиях.

Германия пока не решается на войну с СССР

Еще с начала 1939 года германское правительство начало проявлять заинтересованность в том, чтобы осла-

бить напряженность в отношениях с СССР. Как видно из высказываний Гитлера и его приближенных, Советский Союз был на Европейском континенте единственной страной, с которой развязывать войну нацистская Германия считала пока невозможным, ибо сил для этого у нее было недостаточно.

Пропагандистская машина западных держав неустанно твердила о слабости Красной Армии, о непрочности советского тыла. Со страниц буржуазных газет не сходили утверждения о том, что СССР — это колосс на глиняных ногах. Гитлеровцев пытались убедить, что они с легкостью разделаются с Советским Союзом. Убедить фашистского канцлера им не удалось, а в плену этих басен оказались сами правящие круги западных держав. Лорд Галифакс утверждал 4 июля на заседании внешнеполитического комитета английского правительства, что «Гитлер очень низко оценивает Россию с военной точки зрения»¹⁹⁴. Отсюда делался вывод: фашистская Германия намерена начать войну против СССР. Потом английскому народу пришлось кровью расплачиваться за то, что Чемберлен и его сторонники принимали желаемое за действительное.

Немало писали до этого о слабости СССР и нацисты, подогревая надежды правящих кругов западных держав на то, что в фашистском рейхе только о том и думают, как бы скорее покончить с Советским государством. Когда же надо было не на словах, а на деле решать вопрос, кто из противников слабее, с кем война менее опасна, то оказалось, что Германия была готова померяться силами с кем угодно, но только не с Советским Союзом. В сводке германского генштаба от 28 января 1939 г., например, говорилось: «Русские вооруженные силы военного времени в численном отношении представляют собой гигантский военный инструмент. Боевые средства в целом являются современными. Оперативные принципы ясны и определены. Богатые источники страны и глубина оперативного пространства — хорошие союзники»¹⁹⁵. Германское военное руководство считало, что для войны против СССР Германия пока не готова, требуется дальнейшее существенное наращивание мощи ее военной машины¹⁹⁶.

Об этом наглядно свидетельствовали заключения германских генералов В. Кейтеля и В. Браухича. На вопрос Гитлера, чем кончится дело, если рейх нападет на Польшу, а Франция и Англия придут ей на помощь, оба генерала ответили, что Германия покончит с Польшей в течение

месяца. Кейтель считал, что Германия разгромит затем также Францию и Англию. Гитлер задал еще один вопрос: что случится, если против Германии выступит также СССР? Генерал Браухич ответил, что в таком случае «Германия потерпит поражение»¹⁹⁷.

Нацисты понимали, что в случае установления тесного сотрудничества между СССР, Англией и Францией осуществление агрессивных планов Германии оказалось бы невозможным. Ссылаясь на высказывания Гитлера в разговоре с руководителями вермахта, начальник генерального штаба сухопутных сил Германии Ф. Гальдер говорил в этой связи: «Трудно поверить в пакт между англичанами и русскими, но это — единственная мера, которая теперь может остановить Гитлера»¹⁹⁸. Уполномоченный Риббентропа при ставке Гитлера В. Хевель также приводит высказывания главаря фашистского рейха о том, что в случае завершения переговоров в Москве заключением союза между западными державами и СССР он вынужден будет отказаться от нападения на Польшу. Если же западные державы не подпишут союза с СССР, заявил канцлер, то для разгрома Польши путь будет открыт¹⁹⁹.

Это подтверждается и дневниками статс-секретаря МИД Германии Э. Вайцзеккера. Он писал 30 июля, что решение вопроса, быть или не быть войне этим летом, ставится в зависимость от исхода англо-франко-советских переговоров в Москве²⁰⁰.

СССР отклоняет германские предложения

Не считая пока Германию достаточно подготовленной для нападения на СССР, фашистский канцлер заявил Риббентропу, что «необходимо инсценировать в германо-русских отношениях новый рапалльский этап» и что «необходимо будет проводить с Москвой в течение определенного времени политику равновесия и экономического сотрудничества»²⁰¹. Как писал Э. Вайцзеккер, они «начали ухаживать за русскими»²⁰².

Это становилось заметным по изменению тона германской печати. Постепенно из германских газет стали исчезать высказывания об агрессивных планах Германии в отношении Украины, как и столь свойственные для них различные антисоветские инсинуации. На новогоднем приеме (12 января 1939 г.) германский канцлер в течение нескольких минут, к великому удивлению всех присутствующих, беседовал с советским полпредом А. Ф. Мерекаловым, чего он раньше в аналогичных случаях никогда

не делал. Канцлер впоследствии признавал, что он еще на этом приеме начал вести дело к достижению договоренности с СССР. Характерным был и тот факт, что в его речи 20 января не было обычных для него нападок на Советский Союз. Не было их и в последующих речах Гитлера.

Германские представители в беседах с советскими дипломатами начали заговаривать о стремлении к расширению торговых связей и вообще к улучшению отношений с СССР. П. Клейст, советник И. Риббентропа, занимавшийся проблемами Восточной Европы, 7 апреля получил от него соответствующие указания²⁰³. 5 мая заведующий восточноевропейской референтурой экономико-политического отдела германского министерства иностранных дел Ю. Шнурре информировал поверенного в делах СССР в Германии Г. А. Астахова* о согласии германской стороны на то, чтобы завод «Шкода» выполнил советские заказы, сделанные до прекращения существования чехословацкого государства. Такое заявление было весьма симптоматичным, тем более что речь шла о поставках — хотя и незначительных — военных материалов²⁰⁴. В тот же день нацистский министр пропаганды Геббельс в очередной раз проинструктировал редакторов газет не публиковать враждебных высказываний в отношении Советского Союза²⁰⁵. Риббентроп во время встречи с министром иностранных дел Италии Г. Чиано заявил, что он будет стремиться к ослаблению напряженности в отношениях с СССР²⁰⁶. 9 мая Астахов посетил в отделе печати МИД Германии Б. фон Штумма, чтобы представить ему нового корреспондента ТАСС И. Ф. Филиппова. В ходе беседы Штумм отметил следующие моменты, характерные для изменения германской политики в лучшую сторону: улучшение тона германской прессы в отношении СССР, отсутствие агрессивных намерений Германии в отношении Прибалтики (предстоящее заключение Германией пактов о ненападении с Латвией и Эстонией) и Украины**. Штумм заговорил о желательности улучшения германо-советских отношений. Астахов заметил на это, что советская сторона

* В апреле 1939 года советский полпред А. Ф. Мерекалов покинул Берлин, и в течение продолжительного времени полпредство возглавлял временный поверенный в делах СССР в Германии Г. А. Астахов.

**В марте 1939 года с согласия Германии была присоединена к Венгрии бывшая чехословацкая Закарпатская Украина, которая рассматривалась как составная часть будущего вассального украинского государства, создание которого планировалось в Берлине после Мюнхена.

видит во всем этом пока краткосрочный тактический маневр. Она никогда не уклоняется от улучшения отношений. Однако, поскольку германская сторона по своей инициативе вызвала ухудшение отношений, от нее и зависит в основном их улучшение²⁰⁷.

12 мая 1939 г. Г. А. Астахов сообщал в Москву, что «немцы стремятся создать впечатление о наступающем или даже уже наступившем улучшении германо-советских отношений. Отбросив все нелепые слухи, фабрикуемые здесь немцами или досужими иностранными корреспондентами, можно пока констатировать как несомненный факт лишь одно — это заметное изменение тона германской прессы в отношении нас... Но, отмечая эти моменты, мы, конечно, не можем закрывать глаза на их исключительно поверхностный, ни к чему не обязывающий немцев характер... Слишком уж ясны мотивы, заставляющие немцев изменить тон в отношении нас, чтобы к этому можно было в данной стадии относиться достаточно серьезно»²⁰⁸.

Мотивы эти были изложены нацистским канцлером, в частности, в разговоре с его адъютантом Н. фон Беловым. «В наших интересах, — сказал он, — установление взаимопонимания с Россией, так как мы таким путем могли бы изолировать Польшу и одновременно отпугнуть Англию»²⁰⁹.

Представители германского правительства продолжали в осторожной форме затрагивать вопрос об улучшении германо-советских отношений и в беседах с советскими дипломатами. Так, 17 мая Астахов имел беседу с ответственным сотрудником МИД Германии, специалистом по экономическим проблемам Ю. Шнурре по вопросу о статусе советского торгового представительства в Праге. Во время этого разговора Шнурре попытался затронуть также «тему об улучшении советско-германских отношений». Германский представитель начал «заверять об отсутствии у Германии каких бы то ни было агрессивных стремлений в отношении СССР» и спросил, что нужно сделать, чтобы рассеять недоверие с советской стороны. Однако Г. А. Астахов заявил, что Советское правительство не имеет данных «о коренном изменении германской политики»²¹⁰.

20 мая германский посол в Москве фон Шуленбург поставил перед В. М. Молотовым вопрос о возобновлении экономических переговоров. С этой целью предлагался приезд в Москву Ю. Шнурре. Однако Советское правительство не считало возможным из-за напряженности

политической атмосферы в отношениях между СССР и Германией вести переговоры о расширении торгово-экономических связей между обеими странами. На это обстоятельство народный комиссар иностранных дел и указал германскому послу. Он отметил, что экономические переговоры с Германией в последнее время начинались несколько раз, но непременно оказывались безрезультатными. Нарком заявил, что германское правительство вместо деловых переговоров по торгово-экономическим вопросам ведет своего рода игру. Для такой игры, сказал он, Германии следовало бы поискать в качестве партнера другую страну, а не СССР, который в игре такого рода участвовать не собирается. Советское правительство пришло к выводу, сказал В. М. Молотов, что «для успеха экономических переговоров должна быть создана соответствующая политическая база»²¹¹. Обескураженный ответом Шуленбург тут же посетил заместителя наркома В. П. Потемкина и растерянно «жаловался», что он, собственно, теперь не знает, что ему следует сообщить своему правительству. Но посла не смог «утешить» и В. П. Потемкин²¹².

Этот отрицательный ответ, хотя немцы и были готовы к нему, не мог не обескуражить их. В Берлине в растерянности начали планировать следующие «ходы». 25 мая Риббентроп информировал Вайцзеккера, что Гитлер выразил заинтересованность в установлении между Германией и Советским Союзом «более терпимых отношений»²¹³. Вайцзеккер писал в тот же день, что необходимо попытаться осложнить русско-англо-французские переговоры. Он считал полезным, чтобы советник германского посольства в Москве Х. Хильгер, находившийся в Берлине с целью подготовки материалов для переговоров с СССР о расширении торговых отношений, по возвращении в Москву провел зондаж, заявив, что «между Германией и Россией открыты все возможности». Кроме того, через итальянского посла в Москве А. Россо можно было бы «дать понять о готовности немцев к немецко-русским контактам»²¹⁴.

Однако в то же время Вайцзеккер выражал опасения, что новое обращение к СССР связано «с возможностью повторного отказа»²¹⁵. В письме германскому послу в СССР Ф. Шуленбургу 27 мая он отмечал, что новое немецкое обращение может вызвать в Москве саркастический смех. Поэтому Шуленбургу предписывалось проявлять пока «полную сдержанность»²¹⁶.

С одобрения Гитлера очередной зондаж было решено предпринять в Берлине. 30 мая Вайцеккер отметил в беседе с Г. А. Астаховым, что Германия сняла с повестки дня «украинский вопрос», устранив этим повод для войны между двумя странами. Он сказал, что имеется возможность улучшить советско-германские отношения. «Если Советское правительство хочет говорить на эту тему, — продолжал он, — то такая возможность имеется. Если же оно идет по пути «окружения» Германии вместе с Англией и Францией и хочет идти против Германии, то Германия готовится и к этому»²¹⁷.

После этой беседы Вайцеккер записал в своем дневнике, что германское правительство «вносит инициативные предложения», но русские по-прежнему «проявляют недоверие»²¹⁸.

17 июня 1939 г. Шуленбург, прибыв в Берлин за новыми инструкциями, говорил об этом с Астаховым еще более определенно²¹⁹. Касаясь беседы Астахова с Вайцеккером, Шуленбург спросил, почему Советское правительство не реагирует на поставленные Вайцеккером вопросы. Никакого ответа он, однако, так и не получил. Советское правительство не отвечало на все обращения фашистских дипломатов, продолжая в то же время добиваться заключения соглашения с Англией и Францией. Шуленбург вынужден был констатировать в своем отчете об этой беседе, что Астахов снова подчеркивал господствующее в Москве недоверие к политике Германии²²⁰.

28 июня Шуленбург, возвратившись в Москву, посетил наркома иностранных дел СССР. Он заверял, что «германское правительство желает не только нормализации, но и улучшения своих отношений с СССР». Шуленбург подчеркнул, что это заявление, сделанное им по поручению Риббентропа, получило одобрение Гитлера. В ходе беседы он упомянул, в частности, о существовании советско-германского договора 1926 года о нейтралитете. В связи с этим В. М. Молотов переспросил, действительно ли посол уверен, что этот договор все еще остается в силе. Шуленбург ответил, что не имеет никаких оснований сомневаться в этом. Нарком сказал, что принимает это к сведению, отметив, что у Советского правительства были в этом отношении сомнения. Касаясь упоминания Шуленбурга о том, что Германия заключила (7 июня) договоры о ненападении с Латвией и Эстонией, нарком отметил, что, учитывая опыт с германо-польским договором о ненападении (он был объявлен Германией 28 апреля 1939 г.

аннулированным), можно усомниться в прочности договоров. Шуленбург напомнил, что еще со времени беседы Вайцзеккера с Астаховым германская сторона ожидает ответа на поставленные ею вопросы²²¹. Но она не получила его и на этот раз. Таким образом, советская сторона снова дала немцам от ворот поворот.

Через день МИД Германии послал Шуленбургу установку, что «в политической области пока, до дальнейших указаний, сказано достаточно» и что на данном этапе с немецкой стороны не следует заводить новые разговоры²²².

Целый месяц немцы не решались больше обращаться по этим вопросам к Советскому правительству, опасаясь получить от советской стороны «унижающий ответ»²²³ и считая дело безнадежным²²⁴.

Советник германского посольства в СССР В. фон Типпельскирх, прибыв в Берлин, отмечал в беседе с Ю. Шнурре, что германское посольство в Москве «сделало все возможное», но безрезультатно²²⁵. Шнурре, со своей стороны, констатировал в записке от 30 июня: «Главной причиной сдержанных ответов русских является, должно быть, нежелание вести одновременно с происходящими в Москве переговорами с англичанами и французами также и германо-советские переговоры»²²⁶.

В Берлине решили ограничиться пока зондажем по экономической линии. 7 июля германскому посольству в Москве были посланы соответствующие указания. Германское правительство выражало готовность предоставить Советскому Союзу кредит в размере 200 млн. рейхсмарок для размещения в Германии советских заказов. Оно заверяло, что германская промышленность будет в состоянии выполнить эти заказы²²⁷. 10 июля Х. Хильгер информировал об этом наркома внешней торговли А. И. Микояна. Он изложил конкретные предложения об условиях кредита и поставках²²⁸.

Дальнейшие торговые переговоры вел заместитель торгового представителя СССР в Германии Е. И. Бабарин. 22 июля в советской печати было опубликовано сообщение о начавшихся в Берлине переговорах о торговле и кредите²²⁹.

В тот же день германское министерство иностранных дел телеграфировало посольству в Москве, что торговые переговоры будут вестись с немецкой стороны в духе ясно выраженной предупредительности, так как желательно скорейшее заключение соглашения. Ф. Шуленбургу предла-

галосе снова попытаться начать переговоры по этим вопросам²³⁰.

Таким образом, встревоженные достигнутой в это время договоренностью на переговорах между правительствами СССР, Англии и Франции о подписании одновременно с политическим соглашением также и военной конвенции в Берлине решили снова усилить зондаж и по политическим вопросам. Тогдашний сотрудник германского посольства в Москве Х. Херварт впоследствии писал, что Гитлер опасался оказаться в случае нападения на Польшу перед общим фронтом трех великих держав²³¹.

25 июля Г. А. Астахов сообщал в Москву, что накануне Ю. Шнурре со ссылкой на Риббентропа заявил «о необходимости улучшения политических отношений между СССР и Германией» и выразил разочарование, что «все попытки германской стороны заговорить на эту тему Наркоминдел оставляет без ответа»²³².

На следующий день Шнурре пригласил Астахова и Бабарина на обед. Сославшись на советско-германское сотрудничество в 20-е годы, Шнурре сказал, согласно имевшимся у него указаниям, что такое сотрудничество возможно и теперь. Он изложил три предполагаемых этапа его развития: восстановление экономического сотрудничества; нормализация и улучшение политических отношений; восстановление хороших политических отношений на основе договора 1926 года или их новое урегулирование со взаимным учетом наиболее важных политических интересов. Г. А. Астахов отметил, что Советский Союз имеет серьезные опасения. Он напомнил об «антикоминтерновском пакте», германо-японских связях, мюнхенском соглашении, которое могло иметь для СССР серьезные последствия. Для Советского Союза представляет опасность политика Германии в Финляндии, Прибалтийских государствах и Румынии. Поэтому в Москве не считают возможным полагаться на изменение политики Германии²³³.

В последующие дни Берлин стал требовать от Ф. Шуленбурга скорейшего возобновления контактов в Москве. 29 июля и затем снова 31 июля Э. Вайцзеккер послал ему соответствующие указания²³⁴. Однако попытки Ф. Шуленбурга добиться принятия его В. М. Молотовым оставались в те дни безрезультатными.

2 августа 1939 г. Астахов был приглашен к Риббентропу. Германский министр заявил, что между СССР и Германией нет неразрешимых вопросов «на протяжении всего пространства от Черного моря до Балтийского. По

всем этим вопросам можно договориться, если Советское правительство разделяет эти предпосылки». Пытаясь оказать давление, Риббентроп не скрывал, что Германия вела в то время тайные переговоры с Англией и Францией. Но он заявил, что «немцам было бы легче разговаривать с русскими, несмотря на все различия в идеологии, чем с англичанами и французами». Одновременно Риббентроп вновь прибег к недвусмысленным угрозам. «Если у вас другие перспективы, — говорил он, — если, например, вы считаете, что лучшим способом урегулирования отношений с нами является приглашение в Москву англо-французских военных миссий, то это, конечно, дело ваше. Что касается нас, то мы не обращаем внимания на крики и шум по нашему адресу в лагере так называемых западноевропейских демократий. Мы достаточно сильны и к их угрозам относимся с презрением и насмешкой. Мы уверены в своих силах; нет такой войны, которую мы бы не выиграли»²³⁵.

На следующий день германский посол Шуленбург поставил эти вопросы и перед В. М. Молотовым. Отметив, что нормализация советско-германских отношений совпадает с желанием Советского правительства, нарком заявил, что ухудшение этих отношений произошло не по вине Советского правительства. Он указал на «антикоминтерновский пакт» и привел примеры антисоветского курса внешней политики Германии: поддержка и поощрение агрессивной политики Японии в отношении СССР и мюнхенское соглашение. Молотов спросил, как все это может быть поставлено в один ряд с заверениями посла об отсутствии у Германии враждебных замыслов против СССР²³⁶.

Сообщая в Берлин об этой беседе, Шуленбург сделал вывод, что в Москве по-прежнему наблюдается недоверие к Германии и что Советское правительство «преисполнено решимости договориться с Англией и Францией»²³⁷.

Поясняя позицию Советского правительства, три дня спустя Шуленбург писал, что в Москве «в каждом слове и на каждом шагу заметно очень сильное недоверие к нам. То, что это так, мы знали, правда, давно». Несчастье же заключается в том, что недоверие возбуждается очень легко, «а рассеять его можно лишь с трудом и постепенно»²³⁸.

Вайцеккер констатировал 6 августа, что немцы прилагают все более настойчивые усилия, чтобы договориться, но Москва оставляет эти зондажи без ответа²³⁹.

Советское правительство хорошо понимало замыслы

гитлеровцев. Так, 8 августа 1939 г. Г. А. Астахов сообщал в Москву, что фашистские руководители, разумеется, не собираются «всерьез и надолго соблюдать соответствующие эвентуальные обязательства. Я думаю лишь, что на ближайшем отрезке времени они считают мыслимым идти на известную договоренность... Что же касается дальнейшего, то тут дело зависело бы, конечно, не от этих обязательств, но от новой обстановки, которая создалась бы». Астахов отмечал, что немцев «явно тревожат наши переговоры с англо-французскими военными и они не щадят аргументов и посулов самого широкого порядка, чтобы предотвратить эвентуальное военное соглашение. Ради этого они готовы сейчас, по-моему, на такие декларации и жесты, какие полгода тому назад могли казаться совершенно исключенными»²⁴⁰.

Даже западные исследователи и публицисты вынуждены признать исключительную сложность положения Советского Союза в связи с нежеланием западных стран пойти на сотрудничество с ним в защите мира в Европе. Вот, например, как освещает этот вопрос в своей книге о начале второй мировой войны английский историк Л. Мосли. Касаясь усиления недоверия СССР к политике Англии и Франции, он пишет, что советские руководители понимали, что «не могут доверять ни той, ни другой стороне, опасаясь, что в любой момент затягивающие переговоры представители западных демократий и не скупившиеся на заверения немцы могут оказаться просто обманщиками и опять сговориться, как они уже сделали в Мюнхене, оставив русских в еще большей изоляции, чем когда-либо. Нужна была осторожность»²⁴¹.

По-прежнему оставляя без ответа зондаж со стороны германских дипломатов, Советское правительство упорно продолжало добиваться успешного завершения англо-франко-советских переговоров. Но в середине августа стало совершенно очевидно, что договориться с правительствами Англии и Франции о заключении эффективного договора о взаимопомощи и связанной с ним военной конвенции невозможно.

Образовался своего рода заколдованный круг: английская и французская дипломатия добивалась соглашения с Германией, но Берлин такое соглашение не интересовало; германская дипломатия стремилась к нормализации отношений с СССР, но Советское правительство не реагировало на германские предложения; советская дипломатия добивалась заключения договора о взаимной помощи про-

тив германской агрессии с Англией и Францией, но они уклонялись от подписания такого договора.

О нежелании Англии и Франции встать на путь сотрудничества с Советским Союзом неопровержимо свидетельствуют приведенные выше документы английского правительства об англо-франко-советских переговорах, открытые теперь (хотя и не полностью) для исследователей. Среди высказываний Чемберлена, Галифакса и других английских министров на заседаниях английского правительства и его внешнеполитического комитета, а также среди вносившихся на их рассмотрение меморандумов нет ни одного заявления или документа, который свидетельствовал бы о стремлении английского правительства заключить с СССР эффективный договор о взаимной помощи против германской агрессии. Напротив, они неоспоримо доказывают, что английские правящие круги преследовали в переговорах с СССР совсем другие цели.

Пока существовала хоть какая-то надежда на заключение англо-франко-советского договора, Советское правительство не реагировало на немецкие зондажи. Однако в связи с провалом переговоров трех держав игнорировать германские обращения становилось невозможно.

В связи с безрезультатностью англо-франко-советских переговоров перед Советским правительством, по существу, был следующий выбор:

пассивно наблюдать, как Германия захватывает или иными путями подчиняет своему господству все пограничные с СССР страны Восточной Европы, занимая выгодные стратегические позиции для последующего нападения на СССР, причем в условиях, когда любой разразившийся вблизи советских границ вооруженный конфликт мог перерасти в открытые военные действия; или, используя отсутствие у Германии намерения начать войну с СССР, сделать все возможное для ограничения сферы распространения германской агрессии, чтобы максимально оградить интересы как СССР, так и других стран и народов Восточной Европы, а также предотвратить стихийное, непреднамеренное возникновение военных действий между Германией и СССР.

Тем временем германская дипломатия проявляла все большую активность. В беседе с Астаховым 10 августа Шнурре уже прямо говорил о возможном вооруженном конфликте между Германией и Польшей. Но он заверял, что «германские интересы в Польше ограничены. Они не

должны прийти в коллизию с возможными советскими интересами». Шнурре сказал, что если причиной советско-английских переговоров является чувство опасности со стороны Германии в случае германо-польского конфликта, то Германия готова считаться с интересами Советского Союза в деле обеспечения его безопасности²⁴².

Два дня спустя через полпредство СССР в Берлине немцы были извещены о согласии Советского правительства приступить к «поэтапному обсуждению экономических и других вопросов», в том числе вопроса о подписанных ранее между двумя странами политических договорах²⁴³.

14 августа 1939 г. Шуленбург получил указания Риббентропа срочно посетить наркома иностранных дел. Ему поручалось сделать заявление о том, что Англия и Франция вновь пытаются втравить Россию в войну с Германией. В 1914 году такая война имела для России плохие последствия. Интересы Германии и СССР требуют, чтобы они избежали взаимного истребления в угоду западным державам. Рисуя таким образом последствия войны между Германией и СССР, германское правительство выражало готовность урегулировать отношения между двумя странами. Ф. Шуленбургу предписывалось заявить В. М. Молотову, что «у Германии нет каких бы то ни было агрессивных намерений против СССР. Имперское правительство считает, что между Балтийским и Черным морями нет такого вопроса, который нельзя было бы урегулировать к обоюдному удовлетворению обеих стран. Сюда относятся такие вопросы, как Балтийское море, Прибалтика, Польша, вопросы Юго-Востока и т. д.». Для урегулирования в ближайшее же время этих вопросов Риббентроп выражал готовность прибыть в Москву²⁴⁴.

Вечером 15 августа германский посол зачитал это заявление Молотову. Сообщая об этом в Берлин, Шуленбург отмечал, что, хотя нарком приветствовал намерения Германии улучшить отношения с СССР, он тем не менее не дал конкретных ответов на поставленные вопросы, в том числе о возможности приезда в Москву Риббентропа. В ходе беседы, как сообщал в Берлин Шуленбург, нарком информировал его о сообщении, полученном им от поверенного в делах СССР в Италии, о его беседе с итальянским министром иностранных дел Г. Чиано. Последний рассказал, что в Берлине разработан план улучшения отношений с СССР, в котором содержатся, в частности, следующие пункты:

1) Германия готова оказать влияние на Японию с целью улучшения советско-японских отношений;

2) рассматривается возможность заключения с СССР договора о ненападении и совместном гарантировании Балтийских государств;

3) Германия готова заключить с СССР широкое экономическое соглашение.

Нарком спросил, соответствуют ли сведения об этом плане действительности и готов ли Риббентроп во время визита в Москву подписать договор о ненападении²⁴⁵.

17 августа Шуленбург снова явился к наркому иностранных дел СССР. Согласно полученным из Берлина указаниям, он подтвердил готовность Германии заключить с СССР договор о ненападении и гарантировать вместе с СССР суверенитет Балтийских государств. Германское правительство обещало также оказать влияние на Японию в целях нормализации японо-советских отношений. Шуленбург сообщил, что министр иностранных дел Германии готов прибыть в Москву с соответствующими полномочиями 18 августа или в последующие дни²⁴⁶. Гитлер заявил своим приближенным, что в случае необходимости он и сам готов поехать в Москву²⁴⁷.

Отвечая послу, В. М. Молотов отметил, что до сих пор представители германского правительства выступали с враждебными в отношении СССР заявлениями. Поэтому Советское правительство исходило из того, что Германия готовится к нападению на СССР, тем более что оно создало против Советского Союза общий фронт ряда государств. Если теперь германское правительство отходит от старого курса и стремится к серьезному улучшению политических отношений с СССР, то такую перемену можно только приветствовать. Советское правительство готово изменить свою политику в отношении Германии. Первым шагом могло бы быть заключение торгово-кредитного соглашения. Вторым шагом после непродолжительного времени — заключение договора о ненападении. Относительно возможности визита Риббентропа в Москву нарком сказал, что он требует основательной подготовки²⁴⁸.

18 августа Риббентроп послал Шуленбургу новую срочную телеграмму с дальнейшими указаниями. Посол должен был заявить, что германо-польские отношения обострились в такой степени, что возможно возникновение открытого конфликта. В связи с этим желательно прояснение отношений между Германией и СССР до нача-

ла этого конфликта, чтобы в случае его «была возможность учесть русские интересы, что без такого прояснения стало бы, естественно, затруднительным». Одновременно с договором о ненападении Риббентроп выражал готовность «подписать специальный протокол, регулирующий интересы обеих сторон в тех или иных вопросах внешней политики...»²⁴⁹.

Выслушав на следующий день соответствующее заявление Ф. Шуленбурга и проинформировав о нем советское руководство, Молотов сообщил германскому послу, что Риббентроп мог бы прибыть в Москву 26 или 27 августа. Нарком передал также проект договора о ненападении. Как Шуленбург телеграфировал в Берлин, нарком придавал серьезное значение дополнительным обязательствам, которые Германия выражала готовность взять на себя с учетом интересов безопасности СССР, но просил сформулировать их более четко²⁵⁰.

19 августа в Берлине было подписано советско-германское торгово-кредитное соглашение. Германия предоставила Советскому Союзу кредит в размере 200 млн. марок сроком на семь лет для закупки в течение двух лет германских товаров²⁵¹. По этому соглашению Германия обязалась поставить СССР не только в обмен на советские товары, но и в кредит (и действительно поставила) значительное количество промышленных изделий, в том числе таких, которые были необходимы для укрепления обороноспособности страны.

Подписание договора о ненападении

Исчерпав другие возможности, решил вступить в дело Гитлер. 22 августа 1939 г. он обратился к И. В. Сталину с ультимативным по тону посланием. В нем говорилось, что в любой день может «разразиться кризис», в который, возможно, окажется вовлеченным Советский Союз, если он не согласится на подписание с Германией договора о ненападении. «Поэтому я еще раз предлагаю Вам, — говорилось в телеграмме, — принять моего министра иностранных дел во вторник, 22 августа, самое позднее в среду, 23 августа. Имперский министр будет облечен всеми чрезвычайными полномочиями для составления и подписания пакта о ненападении»²⁵².

Продолжать отклонять германские предложения было для СССР уже невозможно, тем более что на Дальнем Востоке советские войска уже находились в состоянии ожесточенных боев с японскими агрессорами у реки Хал-

хин-Гол, то есть была серьезная угроза войны одновременно на западе и на востоке, причем без союзников.

Вечером 21 августа, после безрезультатного окончания последнего заседания советской, английской и французской военных делегаций, Советское правительство сообщило, что оно не возражает против приезда в Москву 23 августа германского министра иностранных дел²⁵³.

Но Советское правительство не отказалось от дальнейших попыток добиться заключения соглашения с Англией и Францией. 22 августа представителям иностранных телеграфных агентств в Москве было передано сообщение о том, что прибытие Риббентропа для заключения пакта о ненападении не является несовместимым с продолжением переговоров между английской, французской и советской военными делегациями в целях организации отпора против агрессии. Напротив, заключение пакта о ненападении вполне совместимо с заключением тройственного договора между Францией, Англией и СССР. Эти акции ни в коем случае не исключают друг друга. Англо-франко-советский пакт, дополненный военным соглашением, имел бы целью обуздать Германию, если бы она продолжала агрессивные действия. Заключение же пакта о ненападении между СССР и Германией ослабило бы напряженность, существующую между двумя странами²⁵⁴.

23 августа министр иностранных дел Германии прилетел в Москву для выработки и подписания договора о ненападении.

В договоре, подписанном в ночь с 23 на 24 августа (в договоре указана дата — 23 августа), содержались условия о ненападении (ст. I) и отказе от оказания помощи державе, напавшей на одну из договаривающихся сторон (ст. II). Обе стороны обязывались информировать друг друга по вопросам, затрагивающим их общие интересы (ст. III), и не участвовать в какой-либо группировке держав, направленной против другой стороны (ст. IV). Договор был заключен на 10-летний срок²⁵⁵.

В ряде книг, изданных на Западе, приводится текст «секретного протокола», который, как утверждают их авторы, был подписан одновременно с договором. Но авторы этих книг признают, что подлинник протокола в ФРГ не обнаружен, а они пользуются лишь копиями с фотопленки. В советских архивах такой протокол также не обнаружен. К тому же на Западе в ходу несколько вариантов упомянутого «протокола». Так что тут еще немало неясного. Но из всей совокупности имеющихся сведений видно, что

при подписании договора Германия, выражая готовность считаться с интересами безопасности СССР, обещала, что в случае германо-польского конфликта германские войска не будут вторгаться в Прибалтику, а в Польше пойдут не дальше линии рек Нарев, Висла и Сан²⁵⁶.

Решение Советского правительства заключить этот договор было вынужденным, но, вероятно, единственно правильным в тогдашних условиях, поскольку добиться подписания англо-франко-советского договора о взаимной помощи против агрессии не удалось. Тем более что до намеченного заранее срока нападения германских войск на Польшу (26 августа) оставалось всего два дня.

В беседе с французским послом 22 августа 1939 г. В. М. Молотов подчеркнул, что Советское правительство решило заключить договор с Германией лишь тогда, когда окончательно убедилось, что в англо-франко-советских переговорах не может быть достигнуто ничего положительного²⁵⁷.

В интервью народного комиссара обороны К. Е. Ворошилова корреспонденту «Известий» также указывалось, что СССР заключил пакт о ненападении с Германией в результате того, что «военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик в силу непреодолимых разногласий»²⁵⁸.

Председатель СНК и нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов заявил несколько дней спустя на заседании Верховного Совета СССР, что, поскольку переговоры с Англией и Францией показали, что нет оснований рассчитывать на заключение пакта о взаимопомощи, Советское правительство не могло не поставить перед собой вопроса о других возможностях устранить угрозу войны между Германией и СССР²⁵⁹. Французский военный атташе генерал в СССР О. Палас признавал, что на всем протяжении англо-франко-советских переговоров Советское правительство проявляло искреннюю заинтересованность в заключении соглашения трех держав и что подписание договора с Германией было для него единственно правильным шагом в тех условиях. Он писал 27 августа, касаясь позиции Советского правительства: «Я по-прежнему полагаю, что, опасаясь чрезмерного усиления Германии, оно предпочло бы соглашение с Францией и Англией, если бы только его достижение оказалось возможным...»²⁶⁰.

К таким же выводам приходят и некоторые буржуазные историки. Так, английский профессор А. Тейлор отмечает, что Советский Союз стремился прежде всего «к безопасности в Европе... Объяснение этого очевидно. Совет-

ские государственные деятели... не доверяли Гитлеру. Союз с западными державами представлялся им курсом, лучше обеспечивающим безопасность... Советское правительство повернулось в сторону Германии только тогда, когда удостоверилось, что заключение этого союза невозможно»²⁶¹.

Другой английский историк, Дж. Хэслем, констатирует, что ввиду очевидного нежелания Англии и Франции твердо встать на путь сотрудничества с СССР у него не оставалось в условиях надвигавшегося с востока и запада опаснейшего урагана «фактически иной возможности, кроме как соглашение с Германией»²⁶². Западногерманский историк К. Хильдебранд, в свою очередь, отмечает, что Советское правительство пришло летом 1939 г. к заключению, что Чемберлен стремится к соглашению не с СССР, а с Германией, и сделало соответствующие выводы²⁶³. Английский историк Ф. Бэлл, отмечая, что соглашение с Германией позволило СССР укрепить свою безопасность, добавляет: «Удивительно лишь, как много оскорблений обрушилось на голову Сталина за то, что он заключил соглашение, которое было лучшим из возможных»²⁶⁴.

Отмечается и тот факт, что вину за срыв переговоров и последствия этого несут также США, в том числе президент Ф. Рузвельт, так как он ничего не сделал для создания общего фронта с СССР против агрессии²⁶⁵.

В западной историографии до сих пор высказывается недовольство по поводу заключения советско-германского договора о ненападении. Германию упрекают за «измену» своим заверениям напасть на СССР, а Советское правительство — по существу, за срыв попыток западных дипломатов водить его за нос. Недовольны советско-германским договором прежде всего те круги Англии и Франции, которые строили свою политику на провоцировании войны между Германией и СССР. Эти планы были сорваны, в результате чего их авторы сами оказались в незавидном положении, и они пытаются как-то оправдаться. Но одно то обстоятельство, что эти измышления повторяются уже в течение многих десятилетий, подтверждает их несостоятельность.

Подписав договор о ненападении с Германией, Советское правительство способствовало сохранению мира не только на западных, но и на дальневосточных рубежах СССР. Заключение Германией этого договора в прямое нарушение «антикоминтерновского пакта» вызвало острейший кризис в правящих кругах Японии, рассчитывавших на нее как на важнейшего союзника в войне против СССР.

«Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в явную растерянность особенно военщину и фашистский лагерь»²⁶⁶, — сообщало в Москву советское полпредство в Японии. Итальянский посол в Токио Г. Аурити также сообщал, что заключение договора вызвало в Японии «сильное негодование в отношении Германии», так как она «предала дружбу и антикоминтерновский пакт»²⁶⁷.

Правительство К. Хиранумы, строившее свою политику на сотрудничестве с Германией на основе «антикоминтерновского пакта», пало. Япония вынуждена была пересмотреть свои планы и пока отказаться от вторжения на советский Дальний Восток.

Оказались ослабленными позиции Японии и по отношению к Китаю. 26 августа 1939 г. китайский посол в Москве Ян Цзе в беседе с заместителем наркома иностранных дел СССР С. А. Лозовским заявил, что его правительство приветствует заключение советско-германского пакта о ненападении, так как этот договор «явится, несомненно, ударом по Японии»²⁶⁸.

Советское правительство не рассматривало договор о ненападении с Германией как полную гарантию своей безопасности. Было ясно, что, как только гитлеровцы сочтут себя достаточно сильными, они обрушатся всей мощью на СССР²⁶⁹.

При ратификации советско-германского договора о ненападении на заседании Верховного Совета СССР было подчеркнуто, что он «не может ослабить нашей бдительности»²⁷⁰.

СССР за продолжение переговоров с Англией и Францией

Советское правительство и после подписания советско-германского договора о ненападении по-прежнему было заинтересовано в сотрудничестве с Англией и Францией. Французский посол П. Наджиар сообщал 22 августа в Париж, что, по словам В. М. Молотова, если и будет подписан советско-германский договор о ненападении, то это необязательно должно означать прекращение переговоров трех стран. Переговоры могли быть продолжены. Договор о ненападении с Германией не является несовместимым с договором о взаимной помощи между Великобританией, Францией и Советским Союзом²⁷¹.

В министерстве иностранных дел Франции в срочном порядке также занялись изучением вопроса, совместимо ли

заключение советско-германского договора о ненападении с советско-французским договором о взаимопомощи 1935 года. Заключение было положительным: договоры совместимы²⁷². Министерство иностранных дел Франции считало, что не противоречат друг другу также ст. IV советско-германского договора и переговоры трех держав, так как они ведутся о заключении договора, направленного не против Германии, а против агрессии, откуда бы она ни исходила. П. Наджиару было дано указание выяснить мнение по этому вопросу Советского правительства²⁷³.

Излагая позицию Советского правительства по этим вопросам, В. М. Молотов подтвердил ему 25 августа, что оно считает договор 1935 года сохраняющим силу. Может продолжаться и сотрудничество в Лиге наций²⁷⁴.

Советское правительство считало возможным продолжение и переговоров о заключении англо-франко-советского договора о взаимопомощи. Французский военный атташе в Москве О. Палас сообщал в Париж, что, по его мнению, для СССР заключение договора с Германией — это лишь «выход на худой конец, а может быть, и средство нажима в целях более быстрого создания прочной, хорошо спаянной во всех своих частях коалиции», которая была предметом желаний советских руководителей²⁷⁵. 24 августа Форин оффис информировал английское посольство в Вашингтоне о готовности В. М. Молотова продолжить через некоторое время переговоры с Францией и Англией²⁷⁶.

Однако английская и французская военные миссии получили приказ срочно вернуться в Лондон и Париж. Когда они 25 августа нанесли визит К. Е. Ворошилову, он заявил: «К сожалению, нам на этот раз не удалось договориться. Но будем надеяться, что в другое время наша работа будет носить более успешный характер»²⁷⁷.

26 августа этот вопрос обсуждался во время беседы заместителя наркома иностранных дел СССР С. А. Лозовского с китайским послом Ян Цзе. Отвечая на вопрос, будут ли продолжаться англо-франко-советские переговоры, заместитель наркома заявил, что «переговоры с Англией и Францией велись в течение пяти месяцев, отъезд делегаций — это эпизод в этих переговорах. Делегации приезжают и уезжают, а вопрос о борьбе за мир остается. Отъезд не есть результат заключения договора о ненападении между СССР и Германией, а результат недоговоренности по ряду вопросов. Если Англия и Франция пойдут на предложения Советского правительства, не исключена возможность заключения договора с ними... В настоящее время

переговоры прерваны, но их возобновление зависит от Англии и Франции»²⁷⁸.

Ссылаясь на высказывания советских дипломатов, английский посол в Москве У. Сидс в письме Галифаксу от 29 августа высказывал мнение, что Советский Союз, несмотря на советско-германский договор, все же мог принять участие «в направленном против агрессии соглашении в целях защиты других стран»²⁷⁹. Глава французской военной делегации в Москве генерал Ж. Думенк, возвратившийся к этому времени в Париж, также высказывал убеждение, что заключение союза трех держав все еще возможно²⁸⁰.

Приведенные материалы о позиции Советского правительства показывают всю несостоятельность утверждений буржуазных авторов о том, что, заключая договор о ненападении с Германией, Советский Союз стремился развязать войну между нею и западными державами²⁸¹. Эти авторы пытаются свалить все с больной головы на здоровую. Ведь в Париже и Лондоне понимали, что одни западные державы без поддержки СССР не в состоянии противостоят Германии, что без помощи Советского Союза не только Польша, но и Франция обречены на разгром. И какие могут быть основания полагать, что это не было очевидным и для советских руководителей, тем более что об этом открыто писалось в газетах многих стран.

Предпосылкой сохранения мира на западных рубежах СССР по-прежнему было предотвращение дальнейшего наращивания военной мощи фашистской Германии путем захвата ею других стран, в частности предотвращение разгрома ее войсками Польши и Франции.

На заседании французского правительства 24 августа рассматривался вопрос, как быть дальше. Э. Даладье высказался за возобновление переговоров с русскими. На следующий день один из его помощников, Р. Жанебрие, предложил послать в Москву для завершения переговоров о соглашении бывшего министра авиации Франции П. Кота, который с 1933 года последовательно выступал за тесное сотрудничество с СССР против германской агрессии²⁸². Однако никаких конструктивных решений по этому вопросу французское правительство так и не приняло.

Правительство Н. Чемберлена предприняло в последнюю декаду августа лихорадочные попытки хотя бы в последнюю минуту договориться с правителями фашистского рейха. Оно утратило всякий интерес к переговорам с Советским Союзом. Таким образом, события последней неде-

ли августа 1939 года окончательно подтвердили, что в Лондоне стремились не к соглашению с СССР, а к новому сговору с фашистским рейхом.

Заключением договора о ненападении с Германией Советский Союз обеспечил до поры до времени мир на своих границах. Но это был все же мир неустойчивый, временный. Приходилось считаться с тем, что в будущем фашистская Германия может, не считаясь с этим договором, развязать войну и против СССР. Как показало дальнейшее развитие событий, Советский Союз не был втянут в мировую войну еще почти два года.

Фашистская Германия развязывает мировую войну

«Мы хотим войны»

Завершив сосредоточение германских войск у польских границ, 22 августа 1939 г. Гитлер заявил на совещании руководящего состава вермахта о необходимости немедленно начать военные действия против Польши. Он утверждал — и не без оснований, — что, хотя Англия и Франция взяли на себя определенные обязательства перед Польшей, фактически они не будут выполнять их²⁸³.

Немецкие фашисты готовились к мировой войне и хотели «обстрелять» в войне с Польшей своих новобранцев.

Поэтому, когда министр иностранных дел Италии Чиано спросил Риббентропа: «Чего вы хотите: коридор или Данциг?» — германский министр цинично заявил: «Теперь ни первого, ни второго... Мы хотим войны»²⁸⁴. Гитлер информировал итальянцев, что, по мнению германского генерального штаба, для разгрома Польши потребуется от четырех до шести недель. Поскольку после 15 октября в Польше наступает осенняя распутица, «последним сроком для начала военных действий является конец августа»²⁸⁵.

В ходе войны с Польшей нацисты планировали мерами невиданного ранее в истории человечества вандализма запугать и других своих возможных противников, особенно малые страны Европы, добиваясь их капитуляции без сопротивления. Фашисты намечали бесчеловечное истребление населения Польши также в целях создания «жизненного пространства» для немецкой «расы господ». Если дело дойдет до вооруженной борьбы между Германией и Польшей, говорил Гитлер Риббентропу, то «германская армия будет действовать жестоко и беспощадно. Во всем ми-

ре... немцы известны как гунны, но то, что будет иметь место в случае войны с Польшей, превзойдет дела гуннов»²⁸⁶.

Планы англо-германской сделки за счет Польши

В условиях, когда дело стремительно шло к войне, английское и французское правительства предприняли новую попытку сговора с гитлеровцами. Английский посол в Берлине Н. Гендерсон пришел к выводу, что, как и накануне Мюнхена, Н. Чемберлен снова сам должен взяться за это дело. По инициативе Гендерсона английский премьер отправил Гитлеру 22 августа послание, которое наглядно отражает лицемерие чемберленовской дипломатии. Делая вид, что английское правительство намерено-де выполнять свои обязательства перед Польшей, Чемберлен в то же время указывал, что готов на переговоры как для рассмотрения спорных вопросов, имеющихсся между Германией и Польшей, так и для обсуждения более широких проблем, затрагивающих будущее международных отношений, включая вопросы, представляющие интерес для Англии и Германии²⁸⁷.

Предпринятая английским правительством акция является недвусмысленным свидетельством того, что ради достижения «широкого соглашения» с Германией оно готово было на повторение мюнхенской сделки, на этот раз за счет Польши²⁸⁸. У. Буллит, ознакомившись с посланием Н. Чемберлена, не случайно пришел к заключению, что оно «похоже на подготовку нового Мюнхена»²⁸⁹. Знакомя на следующий день американского посла в Лондоне Дж. Кеннеди с содержанием послания, Н. Чемберлен и сам признавал, что политика Англии в отношении Польши такая же, как в отношении Чехословакии в период Мюнхена²⁹⁰.

Вместо того чтобы совместно с СССР оказать помощь Польше, английское правительство резко усилило давление на нее, с тем чтобы заставить ее капитулировать перед Германией, не доводя дело до войны.

Чемберлен даже 26 августа все еще считал, что возможно достижение договоренности с Гитлером. Излагая позицию фюрера, как он ее себе представлял, британский премьер заявил на заседании кабинета: «Главное заключается в том, что если Англия оставит господина Гитлера в покое в его сфере (Восточной Европе), то он оставит в покое нас»²⁹¹. Лондон был готов к новой сделке с фашистским канцлером на такой основе.

На следующий день, 27 августа, Чемберлен и Галифакс

ре... немцы известны как гунны, но то, что будет иметь место в случае войны с Польшей, превзойдет дела гуннов»²⁸⁶.

Планы англо-германской сделки за счет Польши

В условиях, когда дело стремительно шло к войне, английское и французское правительства предприняли новую попытку сговора с гитлеровцами. Английский посол в Берлине Н. Гендерсон пришел к выводу, что, как и накануне Мюнхена, Н. Чемберлен снова сам должен взяться за это дело. По инициативе Гендерсона английский премьер отправил Гитлеру 22 августа послание, которое наглядно отражает лицемерие чемберленовской дипломатии. Делая вид, что английское правительство намерено-де выполнять свои обязательства перед Польшей, Чемберлен в то же время указывал, что готов на переговоры как для рассмотрения спорных вопросов, имеющихсся между Германией и Польшей, так и для обсуждения более широких проблем, затрагивающих будущее международных отношений, включая вопросы, представляющие интерес для Англии и Германии²⁸⁷.

Предпринятая английским правительством акция является недвусмысленным свидетельством того, что ради достижения «широкого соглашения» с Германией оно готово было на повторение мюнхенской сделки, на этот раз за счет Польши²⁸⁸. У. Буллит, ознакомившись с посланием Н. Чемберлена, не случайно пришел к заключению, что оно «похоже на подготовку нового Мюнхена»²⁸⁹. Знакомя на следующий день американского посла в Лондоне Дж. Кеннеди с содержанием послания, Н. Чемберлен и сам признавал, что политика Англии в отношении Польши такая же, как в отношении Чехословакии в период Мюнхена²⁹⁰.

Вместо того чтобы совместно с СССР оказать помощь Польше, английское правительство резко усилило давление на нее, с тем чтобы заставить ее капитулировать перед Германией, не доводя дело до войны.

Чемберлен даже 26 августа все еще считал, что возможно достижение договоренности с Гитлером. Излагая позицию фюрера, как он ее себе представлял, британский премьер заявил на заседании кабинета: «Главное заключается в том, что если Англия оставит господина Гитлера в покое в его сфере (Восточной Европе), то он оставит в покое нас»²⁹¹. Лондон был готов к новой сделке с фашистским канцлером на такой основе.

На следующий день, 27 августа, Чемберлен и Галифакс

Главными виновниками второй мировой войны, ее зачинщиками были три империалистические державы: милитаристская Япония, еще в 1931 году начавшая осуществление своего плана установления японского господства над Азиатским континентом; нацистская Германия, возглавлявшая как самый сильный и поэтому самый опасный хищник борьбу блока агрессоров за передел мира; фашистская Италия, в 1935 году развернувшая открытую борьбу за расширение своей колониальной империи в Африке, а затем и за подчинение своему господству стран бассейна Средиземного моря.

Весной 1939 года Англия и Франция наконец начали предпринимать некоторые шаги — правда, запоздалые и половинчатые — к укреплению своих позиций на случай, если война с фашистскими агрессорами окажется неизбежной.

Хотя сотрудничество Англии и Франции с Советским Союзом могло бы предупредить войну, а если бы война все же разразилась, то надежно обеспечить победу в ней, мюнхенцы не хотели сотрудничать с СССР, так как это обеспечивало мир или же победу в войне не только Англии и Франции, но также и Советскому Союзу. Они не были заинтересованы в том, чтобы СССР мог мирно продолжать социалистическое строительство или оказался в результате войны в числе победителей и делил с Англией и Францией плоды победы.

В таких условиях единственным, что устраивало реакционные правящие круги западных держав, была война между Германией и Японией, с одной стороны, и СССР — с другой, в которой истощили бы свои силы их империалистические конкуренты и одновременно было бы ослаблено или даже уничтожено Советское государство.

Для того чтобы направить германскую агрессию против СССР, правящие круги Англии и Франции стремились поставить его в положение международной изоляции. В этом заключалась, например, одна из целей мюнхенского сговора. Пытаясь изолировать Советский Союз, Англия и

Франция, однако, тем самым оставались без союзников, изолировали также и самих себя, подрывали собственные международные позиции. Между тем предопределить направление дальнейшей агрессии фашистской Германии им не удалось. Гитлеровцы решали этот вопрос по своему усмотрению и намечали очередные жертвы агрессии, исходя из своих сил и возможностей. А Гитлер в то время еще опасался, что советским колоссом он может и подавиться.

Единственной страной, делавшей в течение всех предвоенных лет все возможное для того, чтобы коллективными усилиями ряда стран сохранить мир, обуздать наглевших агрессоров — гитлеровскую Германию, милитаристскую Японию и фашистскую Италию, — был Советский Союз. Этим целям служили и советское предложение об определении агрессии, и проект Восточного пакта, и предложение о заключении Тихоокеанского пакта, и стремление к укреплению Лиги наций, и борьба за создание надежного коллективного фронта защиты мира во время московских переговоров трех держав 1939 года.

Борьба Советского Союза за мир, против агрессии соответствовала коренным жизненным интересам народных масс всех стран.

Сотрудничество между СССР, Англией и Францией, создание ими коллективного фронта защиты мира могло бы воздвигнуть на пути фашистских агрессоров надежные преграды. Своей позорной политикой попустительства агрессии, своей узкоклассовой империалистической политикой поощрения германской и японской агрессии против Советского Союза реакционные круги западных держав дали фашистским агрессорам возможность подготовить и развязать вторую мировую войну.

Введение

- ¹ XIII пленум ИККИ. Стенографический отчет. — М., 1934. — С. 591.
² Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 42. — С. 117.
³ Горбачев М. С. Избранные статьи и речи. — М., 1988. — Т. 5. — С. 404.

Глава 1

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 30. — С. 85.
² Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 36. — С. 330.
³ См. Архив внешней политики СССР. — Ф. 0129. — Оп. 16. — Д. 2. — Л. 32—35 (далее: АВП СССР).
⁴ АВП СССР. — Ф. 059. — Оп. 1. — Д. 1262. — Л. 245.
⁵ Сладковский М. И. Очерки развития внешнеэкономических отношений Китая. — М., 1953. — С. 201.
⁶ См. Public Record Office (Государственный архив Англии, Лондон). — Cab. 23/75. — P. 155 (Meeting of the Cabinet, 1933, Febr. 22).
⁷ АВП СССР. — Ф. 05. — Оп. 13. — Д. 21. — Л. 12.
⁸ Документы внешней политики СССР. — М., 1971. — Т. 17. — С. 111. Американский посол в СССР У. Буллит в беседе с членом коллегии Народного комиссариата иностранных дел Б. С. Стомоняковым 13 декабря 1933 г. также не скрывал, что «англичане, по существу, не имеют никаких возражений против того, чтобы Япония захватила Маньчжурию, они также нисколько не возражали бы против захвата Японией Приморья, их беспокоит только возможность японского продвижения в район к югу от Великой стены, где начинается сфера английских интересов» (АВП СССР. — Ф. 05. — Оп. 13. — Д. 55. — Л. 56—57).
⁹ Public Record Office. — Cab. 24/250. — P. 463 (Memorandum, 1934, Oct. 16].
¹⁰ См. История внешней политики СССР. — М., 1986. — Изд. 5. — Т. 1. — С. 265. С нетерпением ожидало начала войны между Японией и СССР также китайское правительство (см. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1934. — Wash., 1950. — Vol. 3. — P. 109; далее: FRUS).
¹¹ Правда. — 1948. — 19 янв.
¹² См. Public Record Office. — FO 371/17152. — 1933. — Oct. 21.
¹³ Ibid. — Cab. 23/76. — P. 149.
¹⁴ Crew J. Ten Years in Japan. — N. Y., 1944. — P. 95, 98
¹⁵ См. Zentrales Staatsarchiv (Potsdam). — Film 105703.
¹⁶ Ibid.
¹⁷ См. Кутаков Л. Н. История советско-японских дипломатических отношений. — М., 1962. — С. 152.
¹⁸ См. История второй мировой войны. 1939—1945. — М., 1973. — Т. 1. — С. 99, 102.

- 19 См. Документы внешней политики СССР. — М., 1970. — Т. 16. — С. 744.
- 20 См. FRUS. The Soviet Union, 1933—1939. — Wash., 1952. — P. 58—59.
- 21 Известия. — 1933. — 30 дек.
- 22 XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 января — 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. — М., 1934. — С. 234.
- 23 См. Ушаков В. Б. Внешняя политика гитлеровской Германии. — М., 1961; Розанов Г. Л. Германия под властью фашизма (1933—1939). — М., 1964; Галкин А. А. Германский фашизм. — М., 1967; Thies J. Architect der Weltherrschaft. Die "Endziele" Hitlers. — Düsseldorf, 1976; Müller K. Z. Armee. Politik und Gesellschaft in Deutschland. 1933—1935 — Paderborn, 1980.
- 24 Цит. по: Rauschning H. Gespräche mit Hitler. — N. Y., 1940. — S. 42, 129.
- 25 См. Barthel R. Das Weltherrschaftsprogramm der deutschen Imperialisten im Zweiten Weltkrieg // Militärwesen. Zeitschrift für Militärpolitik und Militärtheorie. — 1960. — Nr. 10; Hildebrand K. Vom Reich zum Weltreich. — München, 1969. — S. 83; Speer A. Erinnerungen. — F. a/M., 1969. — S. 175; Weltherrschaft in Visir. Dokumente. — Berlin, 1975. — S. 21; Thies J. Architekt der Weltherrschaft. Die „Endziele“ Hitlers. — S. 188—193.
- 26 Цит. по Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. — М., 1973. — Т. 1. — С. 57.
- 27 См. Jacobsen H.-A. Nationalsozialistische Aussenpolitik, 1933 — 1938. — 1968. — S. 12, 313; Deutsche Geschichte seit dem ersten Weltkrieg. — Stuttgart, 1971. — Bd. L. S. 412. 141.
- 28 Цит. по Rauschning H. — Op. cit. — S. 12, 17.
- 29 Цит. по Weizsäcker E. Erinnerungen. — München, 1950. — S. 154.
- 30 Цит. по Rauschning H. — Op. cit. — S. 112.
- 31 Hildebrand K. Deutsche Aussenpolitik, 1933.—1945. Kalkül oder Dogma? — Stuttgart, 1971. — S. 12, 15, 21. Западногерманский историк Ф. Фишер отмечает преемственность агрессивных планов германских правящих элит — землевладельческой аристократии, крупной промышленной буржуазии, милитаристских и дипломатических кругов, церкви, в том числе в период первой и второй мировых войн (см. Fischer F. Bündnis der Eliten. Zur Kontinuität der Machtstrukturen in Deutschland, 1871. — 1945. — Düsseldorf, 1979. — S. 7, 82, 93—94).
- 32 Программа Коммунистической партии Советского Союза. — М., 1964. — С. 54.
- 33 XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). — С. 8, 10—11.
- 34 Niedhart G. Grossbritannien und die Sowjetunion, 1934—1939. — München, 1972. — S. 62.
- 35 Цит. по Cawling M. The Impact of Hitler. British Politics and British Policy, 1933—1940. — L., 1975. — P. 18.
- 36 См. АВП СССР. — Ф. 05. — Оп. 13. — Д. 24. — Л. 246—247.
- 37 Дневник посла Додда, 1933—1938. — М., 1961. — С. 315.
- 38 Известия. — 1934. — 21 мая.
- 39 Правда. — 1933. — 26 янв.
- 40 XVII Всесоюзный съезд Коммунистической партии (б). — С. 308.
- 41 АВП СССР. — Ф. 010. Оп. 8. Д. 23. — Л. 155—156.
- 42 См. Дневник посла Додда. — С. 163, 192, 209, 219, 231, 497 и др.
- 43 Фомин В. Т. Агрессия фашистской Германии в Европе. — М., 1963. — С. 68—69.
- 44 См. Белоусова З. С. «Пакт четырех» 1933 г. // Новая и новейшая ис-

- тория. — 1972. — № 2; Смирнова Н. Д. Политика Италии на Балканах, 1922—1935 гг. — М., 1979. — С. 182—183; Jarausch R. H. The Four Power Pact, 1933. — Madison, 1965.
- 45 Documents on German Foreign Policy, 1918—1945. — L., 1957 — Ser. C. — Vol. I. — P. 161, 163—164 (далее: DGFP).
- 46 См. Documents on British Foreign Policy, 1919—1939. — L., 1956. — Ser. 2. — Vol. V. — P. 360 (далее: DBFP).
- 47 См. Попов В. И. Дипломатические отношения между СССР и Англией (1929—1939 гг.). — М., 1965. — С. 114—122.
- 48 Правительство США поддерживало планы заключения «пакта четырех». Итальянский посол в Москве Б. Аттолико сказал в беседе с М. М. Литвиновым, что, согласно заявлению госдепартамента итальянскому послу, «американское правительство отнюдь не возражает против «пакта четырех», а, наоборот, следит с симпатией за переговорами» (см. АВП СССР. — Ф. 05. — Оп. 13. — Д. 4. — Л. 87).
- 49 См. Документы внешней политики СССР. — Т. 16. — С. 213.
- 50 Цит. по Волков Ф. Д. СССР—Англия. 1929—1945. — М., 1964. — С. 69.
- 51 Documents diplomatiques français, 1932—1939. — P., 1967. — Sér. 1. — Т. 3. — P. 21—22 (далее: DDF).
- 52 Луначарский А. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. — М., 1959. — С. 408.
- 53 Цит. по Белоусова З. С. Франция и европейская безопасность, 1929—1939. — М., 1976. — С. 127.
- 54 Документы внешней политики СССР. — Т. 16. — С. 254.
- 55 См. DDF. — Sér. 1. — Т. 5. — P. 96—97.
- 56 VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. Сборник документов. — М., 1975. — С. 383.
- 57 Цит. по Михутина И. В. Советско-польские отношения, 1931—1935. — М., 1977. — С. 200.
- 58 АВП СССР. — Ф. 059. — Оп. 1. — Д. 1747. — Л. 103.
- 59 Public Record Office. — FO 371/19460.
- 60 Цит. по Документы и материалы по истории советско-польских отношений. — М., 1969. — Т. 6. — С. 173 (далее: Документы... советско-польских отношений).
- 61 FRUS. The Soviet Union. — P. 60—61.
- 62 Public Record Office. — FO 371/17152. — P. 217.
- 63 Документы внешней политики СССР. — Т. 16. — С. 226.
- 64 АВП СССР. — Ф. 05. — Оп. 14. — Д. 117. — Л. 227—228.
- 65 Историко-дипломатический архив. Фонд микрофильмов. Письмо Ф. Харвата в МИД Польши от 29 декабря 1933 г. (далее: ИДА).
- 66 Центральный государственный исторический архив Латвийской ССР (далее: ЦГИА ЛАТВ. ССР). — Ф. 1313 в. — Оп. 22 — Д. 67. — Л. 149.
- 67 Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945. — Baden-Baden, 1953. — Ser. D. — Bd. 5. — S. 447 (далее: ADAP).
- 68 АВП СССР. — Ф. 05. — Оп. 14. — Д. 117. — Л. 8—9.
- 69 Там же. — Л. 1, 2, 8.
- 70 Документы внешней политики СССР. — Т. 17. — С. 50.
- 71 Там же. — С. 588.
- 72 Там же. — С. 637.
- 73 Документы внешней политики СССР. — М., 1973. — Т. 18. — С. 143.
- 74 Public Record Office. — FO 418/80. — P. 33.
- 75 См. Zentrales Staatsarchiv (Potsdam). — Film, 16615.
- 76 Известия. — 1930. — 26 июля.
- 77 См. Документы внешней политики СССР. — Т. 17. — С. 388.

- 78 Правда. — 1930. — 26 июля.
- 79 Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 42. — С. 99.
- 80 Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 44. — С. 297.
- 81 Тезисы и резолюции VI конгресса Коминтерна. Вып. 3. Против империалистической войны. — М. — Л., 1929. — С. 18.
- 82 Мануильский Д. Революционный кризис, фашизм и война. Речь на пленуме ИККИ 5 декабря 1933 г. — М., 1934. — С. 20—21, 28.
- 83 За единство всех революционных и демократических сил. — М., 1966. — С. 19.
- 34 VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. — С. 389.
- 85 Известия. — 1933. — 9 июля.
- 86 VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. — С. 385.
- 87 См. Румянцев А. М. Историческое значение VII конгресса Коминтерна и современное коммунистическое движение // За единство всех революционных и демократических сил. — С. 19—20.
- 88 VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. — С. 345.
- 89 См. Мануильский Д. Итоги VII конгресса Коммунистического Интернационала. Доклад на московском и ленинградском партактиве. — М., 1935. — С. 32—33.
- 90 См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 240—241.
- 91 XVII Всесоюзный съезд Коммунистической партии (б). — С. 13—14.
- 92 История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945. — М., 1960. — Т. 1. — С. 90.
- 93 50 лет Вооруженных Сил СССР. — М., 1968. — С. 198; Известия. — 1935. — 31 янв.
- 94 См. История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945. — Т. 1. — С. 65.
- 95 VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. — С. 234.
- 96 XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). — С. 10.
- 97 Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 241.
- 98 Документы внешней политики СССР. — Т. 16. — С. 310—311.
- 99 См. Хайцман В. М. СССР и проблема разоружения (между первой и второй мировыми войнами). — М., 1959. — С. 341—343.
- 100 Документы внешней политики СССР. — Т. 16. — С. 161.
- 101 См. FRUS. 1933. — Wash., 1950. — Vol. L. — P. 29.
- 102 Документы внешней политики СССР. — Т. 16. — С. 832.
- 103 Там же. — С. 845.
- 104 Там же. — С. 380.
- 105 Там же. — С. 348.
- 106 Там же. — С. 357—358.
- 107 См. Известия. — 1933. — 30 дек.
- 108 Nation. — 1932. — Dec. 28.
- 109 Документы внешней политики СССР. — Т. 16. — С. 564—565.
- 110 Там же. — С. 641.
- 111 Известия. — 1933. — 30 дек. Американский дипломат Ч. Болен признает: «Рузвельт был прав, считая, что Советский Союз становится важным фактором в мире» (Bohlen E. Ch. Witness to History, 1929—1969. — N. Y., 1973. — P. 562).
- 112 Документы внешней политики СССР. — Т. 16. — С. 573—574.
- 113 АВП СССР. — Ф. 0129. — Оп. 16. — Д. 2. — Л. 34.
- 114 См. Документы внешней политики СССР. Т. 16. — С. 133, 745.
- 115 АВП СССР. — Ф. 05. — Оп. 13. — Д. 78. — Л. 204. Интерес к заклю-

- чению Тихоокеанского пакта проявляло также правительство Китая.
 116 **Документы внешней политики СССР.** — Т. 17. — С. 164.
 117 **Там же.** — С. 179.
 118 **Browder R. P.** *The Origins of Soviet-American Diplomacy.* —
 Princeton, 1963. — P. 203.
 119 **Документы внешней политики СССР.** — Т. 17. — С. 327.
 120 **См. FRUS 1934.** — Vol. 3. — В. 180.
 121 **DBFP.** — L., 1973. — Ser. 2. — Vol. 13. — P. 32—33.
 122 **Public Record Office.** — Cab. 24/250. — P. 462—463.
 123 **См. Документы внешней политики СССР.** — М., 1959. — Т. 3. —
 С. 103.
 124 **Там же.** — Т. 16. — С. 735.
 125 **Там же.** — С. 747.
 126 **См. Документы... советско-польских отношений.** — Т. 6. — С. 171;
Документы внешней политики СССР. — Т. 17. — С. 307.
 127 **См. Документы... советско-польских отношений.** — Т. 6. — С. 171.
 128 **Литвинов М. М.** *Внешняя политика СССР. Речи и заявления, 1927 —*
1937. — М., 1937. — С. 85—86.
 129 **См. Wojciechowski M.** *Stosunki polsko-niemieckie, 1933—1938.* — Poz-
 nań, 1965. — S. 92.
 130 **Цит. по Rauschning H.** *Op. cit.* — S. 113.
 131 **Gafencu G.** *Last Days of Europe.* — New Haven, 1948. — P. 52.
 132 **См. Документы... советско-польских отношений.** — Т. 6. — С. 161.
 133 **См. Овсяный И. Д.** *Тайна, в которой война рождалась (как империалисты*
подготовили и развязали вторую мировую войну). — М.,
 1975. — С. 87—88.
 134 **В политическом лексиконе германского империализма давно укрепил-**
ся термин „Machtpolitik“.
 135 **См. Известия.** — 1933. — 9 июля.
 136 **Документы внешней политики СССР.** — Т. 16. — С. 521.
 137 **См. Там же.** — С. 577, 595, 682.
 138 **Ленин В. И.** *Полн. собр. соч.* — Т. 36. — С. 323.
 139 **Документы внешней политики СССР.** — Т. 16. — С. 695—696, 736.
 140 **Там же.** — С. 876—877; *История Коммунистической партии Совет-*
ского Союза. — М., 1971. — Т. 4. — Кн. 2. — С. 28—29.
 141 **Локарнское соглашение 1925 года, которое призвано было гаран-**
тировать безопасность в Западной Европе, принято было называть
Западным пактом. Предложенное Советским Союзом региональное со-
глашение, призванное обеспечить мир в Восточной Европе, стали
сначала называть на Западе Восточным Локарно, но впоследствии
за ним закрепилось название «Восточный пакт».
 142 **Документы внешней политики СССР.** — Т. 17. — С. 411.
 143 **Согласно ст. 17 устава Лиги наций, такие же санкции должны были**
применяться к агрессору, не являвшемуся членом Лиги. При выработке
устава Лиги наций было предусмотрено, что эти гарантии помощи
должны быть коллективными (а не индивидуальными). Это означало,
что помощь жертве агрессии должны были оказывать коллективно,
совместно все члены Лиги наций. То или иное отдельное государство
не было бы обязано применять санкции против агрессора, если не
было бы принято решение Совета Лиги наций о применении санкций,
одинаково обязательное для всех ее членов.
 144 **См. Правда.** — 1933. — 30 дек.
 145 **Документы внешней политики СССР.** — Т. 16. — С. 876.
 146 **См. Борисов Ю. В.** *Советско-французские отношения (1924—*
1945 гг.). — М., 1964. — С. 195—197; **Белоусова З. С.** *Франция и*
европейская безопасность. — С. 153—157.

- 147 См. Дюрозель Ж.-Б. Луи Барту и франко-советское сближение // Французский ежегодник, 1961. — М., 1962. — С. 448—449; DBFP. — L., 1957. — Ser. 2. — Vol. 6. — P. 770.
- 148 См. Документы внешней политики СССР. — Т. 17. — С. 309—310; DDF, — P. 1972. — Sér 2. — T. 6. — P. 376—378.
- 149 См. Herriot E. Jadis. — P., 1952. — T. 2. — P. 437—438.
- 150 Документы внешней политики СССР. — Т. 17. — С. 480.
- 151 Beck J. Dernier rapport. Politique polonaise, 1926—1939. — P., 1951. — P. 281—285; Idem Ostatni raport. — Warszawa, 1987. — S. 78—83.
- 152 Документы внешней политики СССР. — Т. 17. — С. 371, 412.
- 153 Табуи Ж. Двадцать лет дипломатической борьбы. — М., 1960. — С. 227.
- 154 FRUS, 1934. — Vol. 1. — P. 517.
- 155 Документы внешней политики СССР. — Т. 17. — С. 373.
- 156 Zentrales Staatsarchiv (Potsdam). Auswärtiges Amt. — Film 10577.
- 157 См. Документы внешней политики СССР. — Т. 17. — С. 50, 444, 588, 637, 701, 723 и др.
- 158 Там же. — С. 387.
- 159 Цит. по: Известия. — 1934. — 26 июля.
- 160 Документы внешней политики СССР. — Т. 17. — С. 433.
- 161 Hauser O. England und das Dritte Reich. — Bd. 1. — Stuttgart, 1972. — S. 110, 247.
- 162 DGFP. — L., 1959. — Ser. C. — Vol. 2. — P. 901—902; Vol. 3. — P. 146.
- 163 Документы внешней политики СССР. — Т. 18. — С. 74.
- 164 DBFP. — Vol. 6. — P. 810—811.
- 165 См. Parliamentary Debates. House of Commons. — Vol. 292. — Col. 695.
- 166 DGFP. — Ser. C. — Vol. 3. — P. 202.
- 167 См. Dulles F. R. The Road to Teheran. The Story of Russia and America, 1781—1943. — Princeton, 1945. — P. 212.
- 168 См. Public Record Office. — FO 419/28. — P. 224.
- 169 См. Документы... советско-польских отношений. — Т. 6. — С. 217—219.
- 170 См. Correspondence Showing the Course of Certain Diplomatic Discussions Directed Towards Securing an European Settlement. — L., 1936. — P. 9—14.
- 171 См. Документы... советско-польских отношений. — Т. 6. — С. 228 — 230.
- 172 См. Wiadomosci Literackie. — 1934. — Kwiecien 4; Sflowo. — 1934. Kwiecien 21.
- 173 См. История Коммунистической партии Советского Союза. — Т. 4. — Кн. 2. — С. 296.
- 174 Известия. — 1934. — 4 янв.
- 175 Документы внешней политики СССР. — Т. 17. — С. 501; Международная жизнь. — 1963. — № 7. — С. 52—53.
- 176 Документы внешней политики СССР. — Т. 17. — С. 371.
- 177 См. Международная жизнь. — 1963. — № 7. — С. 153.
- 178 Известия. — 1934. — 17 сент.
- 179 См. Walters F. P. A History of the League of Nations. — L., 1952. — Vol. 2. — P. 584.
- 180 Walters F. P. — Op. cit. — P. 563.
- 181 См. Geyer D. (Hrsg). Sowjetunion. Aussenpolitik (1917—1955). — Köln, 1972. — S. 267.
- 182 Документы... советско-польских отношений. — Т. 6. — С. 250.
- 183 См. The Polish White Book. — L., 1939. — P. 26; Михутина И. В. Советско-польские отношения, 1931—1935. — М., 1977. — С. 240—241.
- 184 Studnicki W. System polityczny Europy a Polska. — Warszawa. 1935. — S. 222—224.

- 185 **Král V.** Spojenství československo-sovetské v evropské politice, 1935—1939. — Praha, 1970. — S. 42.
- 186 **Международная жизнь.** — 1963. — № 7. — С. 155.
- 187 **АВП СССР.** — Ф. 05. — Оп. 14. — Д. 117. — Л. 227—228; **Международная жизнь.** — 1963. — № 7. — С. 156.
- 188 **Известия.** — 1935. — 18 марта.
- 189 **См. Документы внешней политики.** — Т. 18. — С. 251.
- 190 **Там же.** — С. 259.
- 191 **АВП СССР.** — Ф. 05. — Оп. 15. — Д. 122. — Л. 92—93.
- 192 **Документы внешней политики СССР.** — Т. 18. — С. 266, 280. **Правда.** — 1935. — 12 апр.
- 193 **См. Документы внешней политики СССР.** — Т. 18. — С. 281.
- 194 **АВП СССР.** — Ф. 05. — Оп. 15. — Д. 112. — Л. 179, 180—181.
- 195 **См. Документы внешней политики СССР.** — Т. 18. — С. 309—312.
- 196 **См. Внешняя политика Чехословакии, 1918—1933 гг.** — М., 1959. — С. 366.
- 197 **См. Табуи Ж.** Указ. соч. — С. 289.
- 198 **См. Szembek J.** Journal, 1933—1939. — P., 1952. — P. 70.
- 199 **DGFP.** — L., 1962. — Ser. C. — Vol. 4. — P. 158.
- 200 **См. Král V.** Op. cit. — S. 57.
- 201 **См. Ibid.** — S. 65—66.
- 202 **См. Public Record Office.** — FO 418/80.
- 203 **Документы внешней политики СССР.** — Т. 18. — С. 337, 362.
- 204 **См. DGFP.** — Ser. C. — Vol. 4. — P. 352—355.
- 205 **Ibid.** — P. 356.
- 206 **Ibid.** — P. 493—494.
- 207 **См. Документы... советско-польских отношений.** — Т. 4. — С. 275.
- 208 **См. Reynaud P.** La France à sauvé l'Europe. — P., 1948. — Т. 1. — P. 112.
- 209 **DDF.** — P., 1964. — Sér. 2. — Т. 2. — P. 15—16.
- 210 **Les événements survenus en France de 1933 à 1945. Témoignages...** — P., 1951. — Т. 1. — P. 142; **DBFP.** — Ser. 2. — Vol. 13. — P. 280.
- 211 **DDF.** — P. 1966. — Ser. 2. — Т. 3. — P. 510.
- 212 **История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945.** — Т. 1. — С. 88.
- 213 **Les événements survenus en France de 1933 à 1945. Témoignages...** — Т. 1. — P. 90.
- 214 **См. Mourin M.** Les relations franco-sovietiques, 1917—1967. — P., 1967. — P. 166.
- 215 **Ibid.** — P. 213.
- 216 **Gamelin M.** Servir. Le prologue du drame (1930-août 1939). — P., 1946. — P. 166.
- 217 **DDF.** — Sér. 2. — Т. 4. — P. 787—788; **Документы внешней политики СССР.** — М., 1976. — Т. 20. — С. 703.
- 218 **См. Волков Ф. Д.** Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. — М., 1980. — С. 344—345.
- 219 **См. Hauser O.** England und das Dritte Reich. Göttingen, 1982. — Bd. 2, 1936—1938. — Göttingen, 1982. — S. 126.
- 220 **Colvin I.** The Chamberlain Cabinet. — L., 1971. — P. 60.

Глава 2

¹ **Public Record Office.** — Cab. 23/82. — P. 222—223.

² **Трофимов В. А.** Итальянский фашизм и Эфиопия (подготовка агрессии в 1935 г.) // Новая и новейшая история. — 1976. — № 6. — С. 83.

- 3 DBFP. — L., 1976. — Ser., 2. — Vol. 14. — P. 171.
- 4 The Origins of the Second World War. — P. 232.
- 5 ABП СССР. — Ф. 059. — Оп. 1. — Д. 1444. — Л. 98.
- 6 Документы внешней политики СССР. — Т. 18. — С. 651.
- 7 DBFR. — Ser. 2. — Vol. 14. — P. 308.
- 8 The Diaries of Sir Henry Channon. — L., 1967. — P. 40.
- 9 Cowling M. Op. cit. — P. 488.
- 10 DBFP. — Ser. 2. — Vol. 14. — P. 762, 775.
- 11 Эмери Л. Моя политическая жизнь. — М., 1960. — С. 405.
- 12 Там же.
- 13 DBFP. — Ser. 2. — Vol. 14. — P. 535.
- 14 Public Record Office. — Cab. 23/82. — P. 52.
- 15 The Eden Memoirs. — L., 1962. — P. 255.
- 16 Colvin I. Vansittart in Office. — L., 1965. — P. 59.
- 17 Giornale d'Italia. — 1936.
- 18 Известия. — 1935. — 15 сент.
- 19 Известия. — 1935. — 6 сент.
- 20 Документы внешней политики СССР. — Т. 18. — С. 512.
- 21 Walters F. P. Op. cit. — P. 645.
- 22 Robertson E. M. Mussolini as Empire-Builder. Europe and Africa, 1932. — 36. — L., 1977. — P. 172.
- 23 Известия. — 1935. — 15 сент.
- 24 ABП СССР. — Ф. 059. — Оп. 1. — Д. 1408. — Л. 119.
- 25 Times. — 1935. — Sept. 12.
- 26 Roskill S. Hankey. Man of Secrets. — L., 1974. — Vol. 3, 1931—1963. — P. 182—183.
- 27 The Diaries of Sir Henry Channon. — P. 40.
- 28 ABП СССР. — Ф. 05. — Оп. 15. — Д. 123. — Л. 64—65.
- 29 См. DBFP. — Ser. 2. — Vol. 14. — P. 597—599, 602, 605—606.
- 30 Ibid. — P. 740.
- 31 Ibid. — P. 697.
- 32 Коммунист. — 1969. — № 5. — С. 33—35.
- 33 См. DBFP. — L., 1977. — Ser. 2. — Vol. 15. — P. 35—37, 117, 137.
- 34 См. История Коммунистической партии Советского Союза. — М., 1971. — Т. 4. — Кн. 2. — С. 299.
- 35 Документы внешней политики СССР. — Т. 18. — С. 523.
- 36 См. Правда. — 1935. — 4 окт.
- 37 League of Nations: Report on the Work of the League, 1935/36. — Geneva, 1936. — P. 1. — 19.
- 38 Известия. — 1935. — 11 окт.
- 39 Там же.
- 40 См. Simon, viscount. Retrospect. — L., 1952. — P. 212.
- 41 DBFP. — Ser. 2. — Vol. 15. — P. 103.
- 42 См. Документы внешней политики СССР. — Т. 18. — С. 585.
- 43 Попов В. И. Дипломатические отношения между СССР и Англией (1929—1939 гг.). — М., 1965. — С. 244.
- 44 Welles S. The Time for Decision. — N. Y., 1944. — P. 57.
- 45 См. Эррио Э. Из прошлого. — М., 1958. — С. 734.
- 46 Public Record Office. — Cab. 23/82. — P. 336—338.
- 47 Ibid. — P. 345.
- 48 Ibid. — P. 350, 355.
- 49 См. DBFP. — Ser. 2. — Vol. 15. — P. 7, 21.
- 50 Robertson E. M. Mussolini as Empire-Builder. — P. 160.
- 51 См. Rowse A. L. Appeasement. A Study in Political Decline, 1933—1939. — N. Y., 1961. — P. 26.
- 52 Дневник посла Додда. — С. 366.

- 53 Цветков Г. Политика США в отношении СССР накануне второй мировой войны. — Киев, 1973. — С. 97. Ф. Уолтерс также отмечает, что «опасения, как бы поражение режима Муссолини не привело к победе в Италии коммунизма, оказывали огромное влияние на взгляды многих влиятельных деятелей и играли значительную роль в росте оппозиции против санкций и в удерживании их на возможно низком уровне» (Walters F. P. Op. cit. — P. 704).
- 54 См. DBFP. — Ser. 2. — Vol. 15. — P. 425—427.
- 55 См. Public Record Office. — Cab. 23/82. — P. 387—389.
- 56 См. Ibid. — P. 393.
- 57 См. Ibid. — P. 395.
- 58 Public Record Office. — Cab. 24/260. — P. 314.
- 59 См. Филатов Г. С. Крах итальянского фашизма. — М., 1973. — С. 16.
- 60 АВП СССР. — Ф. 05. — Оп. 16. — Д. 23. — Л. 261.
- 61 См. 2-я сессия ЦИК Союза ССР 7-го созыва. Стенографический отчет. 10—17 января 1936 г. — Бюл. № 1. — М., 1936. — С. 34—35.
- 62 Тольятти П. Избранные статьи и речи. — М., 1965. — Т. I. — С. 140.
- 63 Public Record Office. — Cab. 23/81. — P. 30, 32.
- 64 См. DBFP. — L., 1972. — Ser. 2. — Vol. 12. — P. 430—431.
- 65 Ibid. — P. 471.
- 66 См. Times. — 1935. — Febr. 4.
- 67 DBFP. — Ser. 2. — Vol. 12. — P. 501—502.
- 68 Документы внешней политики СССР. — Т. 18. — С. 74.
- 69 См. Нарочницкий А. Л. Внешняя политика СССР и проблемы европейской безопасности между двумя мировыми войнами // Новая и новейшая история. — 1974. — № 5. — С. 21.
- 70 Документы внешней политики СССР. — Т. 18. — С. 99.
- 71 См. DBFP. — Ser. 2. — Vol. 12. — P. 703—746.
- 72 См. Документы внешней политики СССР. — Т. 18. — С. 157, 165.
- 73 См. Public Record Office. — Cab. 23/81. — P. 184—185; Трухановский В. Г. Антони Иден. — М., 1983. — С. 96.
- 74 См. Попов В. И. Дипломатические отношения между СССР и Англией (1929—1939 гг.). — М., 1965. — С. 182; Майский И. М. Воспоминания советского дипломата. — М., 1987. — С. 317—318.
- 75 Документы внешней политики СССР. — Т. 18. — С. 235, 246—247.
- 76 Public Record Office. — Cab. 23/81. — P. 297—302.
- 77 DBFP. — Ser. 2. — Vol. 12. — P. 879.
- 78 Ibid. — P. 883.
- 79 Ibid. — P. 927.
- 80 См. Сборник документов по международной политике и по международному праву. — М., 1936. — Вып. X. — С. 227.
- 81 См. DBFP. — L., 1973. — Ser. 2. — Vol. 12. — P. 224.
- 82 Ibid. — P. 340.
- 83 Ibid. — P. 375.
- 84 См. Иванов Л. Морское соперничество империалистических держав. — М. — Л., 1936. — С. 117—118.
- 85 Churchill W. S. The Second World War. — Boston, 1949. — Vol. I. — P. 140.
- 86 Zentrales Staatsarchiv (Potsdam). Auswärtiges Amt. — Film 65643.
- 87 Ibid. — Film 10577.
- 88 Международная жизнь. — 1961. — № 5. — С. 103.
- 89 См. Colvin I. Vansittart in Office. — P. 40.
- 90 В годы второй мировой войны Англия потеряла более 4 тыс. судов, потопленных в основном немецкими рейдерами и подводными лодками (См. Рыжиков В. А. Зигзаги дипломатии Лондона. Из истории советско-английских отношений. — М., 1973. — С. 84.

- 91 **См. DBFP.** — Ser. 2. — Vol. 13. — P. 287.
- 92 **Ibid.** — P. 300.
- 93 **См. Ibid.** — P. 491.
- 94 **См. DDF.** — P., 1963. — Sér. 2. — T. 1. — P. 187—188.
- 95 **Public Record Office.** — Cab. 24/259. — P. 56.
- 96 **Hauser O.** England und das Dritte Reich. — Stuttgart, 1972. — Bd. 1. — S. 174—175.
- 97 **Public Record Office.** — Cab. 23/81. — P. 28; FO 371/19884.
- 98 **См. Public Record Office.** — Cab. 23/83. — P. 237—240.
- 99 **См. АВП СССР.** — Ф. 059. — Оп. 1. — Д. 1606. — Л. 77.
- 100 **См. Документы внешней политики СССР.** — Т. 19. — С. 129, 131, 731—732.
- 101 **См. DDF.** — Sér. 2. — T. 1. — P. 628.
- 102 **Ibid.** — P. 525.
- 103 **См. Public Record Office.** — Cab. 24/261. — P. 190.
- 104 **См. Public Record Office.** — Cab. 27/626. — P. 84—89; Cab. 27/622. — P. 50—61.
- 105 **АВП СССР.** — Ф. 059. — Оп. 1. — Д. 1582. — Л. 110.
- 106 **Cowling M.** The Impact of Hitler. — P. 147, 463.
- 107 **Public Record Office.** — Cab. 23/88. — P. 288, 292.
- 108 **Документы внешней политики СССР.** — Т. 19. — С. 142.
- 109 **См. Правда.** — 1936. — 19 марта.
- 110 **См. АВП СССР.** — Ф. 059. — Оп. 1. — Д. 1583. — Л. 37.
- 111 **Namier L. B.** Europe in Decay. — L., 1950. — P. 10—11.
- 112 **Цветков Г.** Политика США в отношении СССР накануне второй мировой войны. — С. 32.
- 113 **Правда.** — 1936. — 24 марта.
- 114 **См. DDF.** — P., 1964. — Sér. 2. — T. 2. — P. 15—16.
- 115 **Цит. по: Дашичев В. И.** Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки, документы, материалы. — М., 1973. — Т. I. — С. 323.
- 116 **См. Hildebrand R.** Deutsche Aussenpolitik, 1933—1945. Kalkül oder Dogma? — Stuttgart, 1971. — S. 51.
- 117 **Public Record Office.** — FO 418/81. — P. 78—79.
- 118 **Ibid.** — P. 55.
- 119 **См. Документы внешней политики СССР.** — Т. 19. — С. 63.
- 120 **См. Public Record Office.** — FO 371/20339.
- 121 **Цит. по: Funke M. (Hrsg.).** Hitler, Deutschland und die Mächte. — Düsseldorf, 1976. — S. 639.
- 122 **Public Record Office.** — Cab. 23/83. — P. 292.
- 123 **См. Aster S. Anthony Eden.** — L., 1976. — P. 42.
- 124 **Niedhart G.** Grossbritannien und die Sowjetunion. — S. 238.
- 125 **См. Public Record Office.** — FO 418/81. — P. 92.
- 126 **См. Цветков Г.** Политика США в отношении СССР накануне второй мировой войны. — С. 98; **Maddux T.** Years of Estrangement. American Relations with the Soviet Union, 1933—1941. — Tallahassee, 1980. — P. 51, 56, 81, 92.
- 127 **Литвинов М.** Внешняя политика СССР. Речи и заявления. — С. 165.
- 128 **См. Известия.** — 1936. — 30 авг.
- 129 **См. Документы внешней политики СССР.** — Т. 19. — С. 338.
- 130 **См. Walters F. P.** Op. cit. — Vol. 2. — P. 585.
- 131 **См. АВП СССР.** — Ф. 059. — Оп. 1. — Д. 1583. — Л. 37.
- 132 **Haslam J.** The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933—39. — L., 1984. — P. 77.
- 133 **Furnia A.** The Diplomacy of Appeasement. — Wash., 1960. — P. 205.
- 134 **FRUS, 1937.** — Wash., 1954. — Vol. 1. — P. 187—188.

- 135 См. Документы внешней политики СССР. — Т. 21. — С. 20.
- 136 См. FRUS, 1937. — Vol. 1. — P. 265.
- 137 Цит. по Цветков Г. Указ. соч. — С. 69.
- 138 См. ADAP. — Baden-Baden, 1951. — Ser. D. — Bd. 3. — S. 644.
- 139 Die Weizsäcker-Papiere, 1933—1950. — F.a/M., 1974. — S. 102.
- 140 Цит. по: Овсяный И. Д. Тайна, в которой война рождалась. — С. 148.
- 141 См. Война и революция в Испании, 1936—1939. — М., 1968. — Т. I. — С. 198, 200.
- 142 См. Там же. — С. 202—204. Впоследствии Муссолини признал в разговоре с Чемберленом, что Италия потеряла в Испании 50 тыс. человек (см. DBFP. — L., 1949. — Ser. 3. — Vol. 2. — P. 636).
- 143 The Diaries of Sir Henry Channon. — P. 73.
- 144 Цит. по: История дипломатии. — Изд. 2-е. — Т. 3. — С. 632.
- 145 Цит. по: Попов В. И. Дипломатические отношения между СССР и Англией. — С. 287, 295.
- 146 См. АВП СССР. — Ф. 05. — Оп. 16. — Д. 24. — Л. 54—55. О позиции У. Черчилля см. также: Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. Политическая биография. — М., 1982. — С. 265.
- 147 См. АВП СССР. — Ф. 059. — Оп. 1. — Д. 1565. — Л. 168—169.
- 148 АВП СССР. — Ф. 05. — Оп. 16. — Д. 123. — Л. 111—112.
- 149 См. АВП СССР. — Ф. 059. — Оп. 1. — Д. 1608. — Л. 138; Ф. 05. — Оп. 16. — Д. 123. — Л. 124.
- 150 См. Papers and Memoirs of Józef Lipski. — N. Y., 1968. — P. 277.
- 151 Цит. по: Bendiner R. The Riddle of the State Department. — N. Y., 1942. — P. 56.
- 152 Дневник посла Додда. — С. 470.
- 153 См. Документы внешней политики СССР. — Т. 19. — С. 418.
- 154 См. Известия. — 1936. — 8 окт.
- 155 Известия. — 1936. — 24 окт.
- 156 Цит. по: Война и революция в Испании, 1936—1939. — Т. I. — С. 419.
- 157 См. Проблемы испанской истории. — М., 1971. — С. 289.
- 158 См. История второй мировой войны. — М., 1974. — Т. 2. — С. 55, 57.
- 159 См. Ciano's Diplomatic Papers. — L., 1947. — P. 57—59.
- 160 Цит. по. Кутаков Л. Н. История советско-японских дипломатических отношений. — С. 155.
- 161 АВП СССР. — Ф. 010. — Оп. 11. — Д. 34. — Л. 14.
- 162 История войны на Тихом океане. — М., 1957. — Т. 2. — С. 345.
- 163 См. Фомин В. Т. Агрессия фашистской Германии в Европе, 1933—1939 гг. — М., 1963. — С. 212.
- 164 АВП СССР. — Ф. 011. — Оп. 2. — Д. 203. — Л. 2—5.
- 165 См. ADAP. — Ser. D. — Bd. 3. — S. 145.
- 166 Известия. — 1937. — 12 сент.
- 167 Цит. по: Новая и новейшая история. — 1963. — № 4. — С. 174.
- 168 АВП СССР. — Ф. 05. — Оп. 18. — Д. 160. — Л. 30.
- 169 См. Правда. — 1939. — 4 марта.
- 170 DGFP. — L., 1962. — Vol. 4. — P. 952.
- 171 См. Документы внешней политики СССР. — Т. 16. — С. 279, 831—832.
- 172 См. Там же. — Т. 18. — С. 204—213.
- 173 История войны на Тихом океане. — Т. 2. — С. 340—342; Севостьянов Г. Н. Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне второй мировой войны. — М., 1961. — С. 20—21.
- 174 См. Welles S. The Time for Decision. — P. 64.
- 175 См. Известия. — 1937. — 1 авг.
- 176 Марушкин Б. И. Американская политика «невмешательства» и японская агрессия в Китае, 1937—1939 гг. — М., 1957. — С. 30—31.
- 177 АВП СССР. — Ф. 05. — Оп. 15. — Д. 122. — Л. 126, 128—129.

- 178 См. Документы внешней политики СССР. — Т. 18. — С. 239.
- 179 АВП СССР. — Ф. 059. — Оп. 1. — Д. 1263. — Л. 270.
- 180 См. Документы внешней политики СССР. — Т. 18. — С. 662—663.
- 181 Цит. по: Кутаков Л. Н. История советско-японских дипломатических
отношений. — С. 220—221.
- 182 Советско-монгольские отношения, 1921—1974. Документы и материа-
лы. — М., 1975. — Т. I. — С. 548.
- 183 См. Правда. — 1936. — 8 апр.
- 184 См. Документы внешней политики СССР. — Т. 19. — С. 197.
- 185 Там же. — Т. 20. — С. 117.
- 186 См. Там же. — С. 155, 701.
- 187 См. АВП СССР. — Ф. 09. — Оп. 30. — Д. 180. — Л. 117—122.
- 188 См. Документы внешней политики СССР. — Т. 20. — С. 266, 278.
- 189 Там же. — С. 303—304.
- 190 Там же. — С. 310.
- 191 Там же. — С. 732.
- 192 Там же. — С. 338.
- 193 Известия. — 1937. — 22 июля.
- 194 См. Документы внешней политики СССР. — Т. 20. — С. 394.
- 195 См. АВП СССР. — Ф. 09. — Оп. 30. Д. — 180. — Л. 72—73.
- 196 См. Документы внешней политики СССР. — Т. 20. — С. 394, 430, 438.
- 197 Там же. — С. 389.
- 198 Там же. — С. 701, 430.
- 199 Там же. — С. 738.
- 200 См. Известия. — 1937. — 30 авг.
- 201 См. Правда. — 1937. — 30 авг.
- 202 Документы внешней политики СССР. — Т. 20. — С. 747.
- 203 См. Капица М. С. Советско-китайские отношения. — М., 1958. —
С. 271.
- 204 Яковлев А. Г. СССР и борьба китайского народа против японской
агрессии (1931—1945 гг.) // Ленинская политика СССР в отношении
Китая. — М., 1968. — С. 102—103.
- 205 См. АВП СССР. — Ф. 09. — Оп. 30. — Д. 180. — Л. 74—75.
- 206 См. Советско-китайские отношения, 1917—1957 гг. — М., 1959. —
С. 167—170.
- 207 См. СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь
1938 г. — август 1939 г.). Документы и материалы. — М., 1971. —
С. 650 (далее: СССР в борьбе за мир...); Сладковский М. И. История
торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917—1974). —
М., 1977. — С. 128—130.
- 208 FRUS, 1937. — Wash., 1954. — Vol. 3. — P. 403—404, 477, 568.
- 209 АВП СССР. — Ф. 09. — Оп. 27. — Д. 57. — Л. 24—26.
- 210 См. АВП СССР. — Ф. 09. — Оп. 27. — Д. 61. — Л. 14.
- 211 См. Документы... советско-польских отношений. — Т. 6. — С. 333.
- 212 См. Известия. — 1936. — 16 янв.; История Великой Отечественной
войны Советского Союза, 1941—1945. — Т. I. — С. 90.
- 213 Документы внешней политики СССР. — Т. 20. — С. 478.
- 214 Известия. — 1937. — 22 сент.
- 215 См. Walters F. P. — Op. cit. — P. 783.
- 216 Документы внешней политики СССР. — Т. 20. — С. 752—753.
- 217 См. Личный секретарь А. Идена О. Харви отмечал в своих дневниках
в октябре — ноябре 1937 года, что Н. Чемберлен «решительно против
какого бы то ни было экономического бойкота» в отношении Японии.
«Я ни в коем случае не применю санкций», — заявил он. (The Diplo-
matic Diaries of Oliver Harvey, 1937—1940. — L., 1970. — P. 49, 58).
- 218 Документы внешней политики СССР. — Т. 20. — С. 530.

- 219 **FRUS. 1937.** — Vol. 3. — P. 571—572.
- 220 **См. The Sino-Japanese Conflict and the League of Nations, 1937.** — Geneva, 1937. — P. 64—80.
- 221 **АВП СССР.** — Ф. 05. — Оп. 17. — Д. 90. — Л. 20.
- 222 **FRUS, 1937.** — Wash., 1954. — Vol. 4. — P. 85—86; **The Moffat Papers, 1919—1943.** — Cambr. (Mass.), 1956. — P. 157.
- 223 **См. Public Record Office.** — Cab. 27/626. — P. 246.
- 224 **См. АВП СССР.** — Ф. 05. — Оп. 17. — Д. 1. — Л. 345—346.
- 225 **См. FRUS, 1937.** — Vol. 4. — P. 119—120.
- 226 **The Conference of Brussels. November 3—24, 1937.** — Wash., 1938. — P. 24—27.
- 227 **См. Известия.** — 1937. — 4 нояб.
- 228 **FRUS, 1937.** — Vol. 4. — P. 157—158.
- 229 **Известия.** — 1937. — 15 нояб.
- 230 **FRUS, 1937.** — Vol. 4. — P. 198—199.
- 231 **Документы внешней политики СССР.** — Т. 20. — С. 762.
- 232 **The Conference of Brussels.** — P. 76—77.
- 233 **Документы внешней политики СССР.** — Т. 20. — С. 617.
- 234 **Большевик.** — 1938. — № 1. — С. 64.
- 235 **Документы внешней политики СССР.** — Т. 20. — С. 622—623.
- 236 **См. Известия.** — 1938. — 16 мая.
- 237 **См. Правда.** — 1938. — 12 апр.
- 238 **См. Правда.** — 1938. — 25 июня.
- 239 **См. Правда.** — 1938. — 23 февр.
- 240 **Документы внешней политики СССР.** — Т. 21. — С. 174.
- 241 **См. Правда.** — 1938. — 18 июля.
- 242 **Известия.** — 1938. — 22 июля.
- 243 **Цит. по Рагинский М. Ю., Розенблит С. Я. Международный процесс главных японских военных преступников.** — М.—Л., 1950. — С. 260.
- 244 **См. История второй мировой войны.** — Т. 2. — С. 211—212.
- 245 **См. Известия.** — 1938. — 11 авг.
- 246 **Документы внешней политики СССР.** — Т. 21. — С. 697.
- 247 **Там же.** — С. 43.
- 248 **АВП СССР.** — Ф. 05. Оп. 18. — Д. 3. — Л. 125.
- 249 **Public Record Office.** — Cab. 27/623. — P. 317—321.
- 250 **Ibid.** — P. 307—310.
- 251 **См. Документы внешней политики СССР.** — Т. 21. — С. 704.
- 252 **См. Советско-китайские отношения, 1917—1957 гг.** — С. 172—175.
- 253 **См. СССР в борьбе за мир...** — С. 650, 690.
- 254 **Там же.** — С. 219.
- 255 **Middlemas K. Diplomacy of Illusion. The British Government and Germany, 1937—1939.** — L., 1972. — P. 257—258.
- 256 **См. Дубинский А. М. Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны, 1937—1945.** — М., 1980. — С. 92—102.
- 257 **См. Документы внешней политики СССР.** — Т. 21. — С. 410, 732.
- 258 **См. Там же.** — С. 462—468, 475—477.
- 259 **Там же.** — С. 482, 486.

Глава 3

- ¹ **АВП СССР.** — Ф. 05. — Оп. 15. — Д. 122. — Л. 208. Усиление фашистской Германии, писал нарком, неизбежно вовлечет в германскую орбиту также Румынию и, таким образом, для нее «откроются те ворота на Украину, в которые толкает ее Польша».

- 2 См. Документы внешней политики СССР. — Т. 19. — С. 61.
- 3 См. Полтавский М. А. Австрийский народ и аншлюс 1938 г. — М., 1971. — С. 52—53.
- 4 СССР в борьбе за независимость Австрии. — М., 1965. — С. 17.
- 5 Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. — Т. I. — С. 126—127, 207.
- 6 АВП СССР. — Ф. 05. — Оп. 18. — Д. 1. — Л. 11—13.
- 7 См. Правда. — 1937. — 28 сент.
- 8 Churchill W. S. The Second World War. — Vol. I. — P. 222—223.
- 9 ADAP. — Baden-Baden, 1950. — Ser. D. — Bd. I. — S. 134—136.
- 10 См. Sencourt R. The Foreign Policy of Neville Chamberlain// The Quarterly Review. — 1954. — April. — No. 600. — P. 153.
- 11 The Eden Memoirs. Facing the Dictators. — L., 1962. — P. 559.
- 12 Майский И. М. Воспоминания советского посла. — М., 1964. — Кн. 2. С. 432.
- 13 См. Белоусова З. С. Франция и европейская безопасность, 1929—1939. — С. 323.
- 14 АВП СССР. — Ф. 05. — Оп. 18. — Д. 6. — Л. 24.
- 15 Документы внешней политики СССР. — Т. 20. — С. 632, 688, 764—765.
- 16 Там же. — С. 613.
- 17 The Ironside Diaries, 1917—1940. — L., 1962. — P. 48.
- 18 FRUS, 1938. — Wash., 1955. — Vol. 1. — P. 29.
- 19 См. FRUS, 1937. — Wash., 1954. — Vol. 1. — P. 140—145.
- 20 См. Документы внешней политики СССР. — Т. 20. — С. 595.
- 21 См. Welles S. Seven Decisions that Shaped History. — N. Y., 1950. — P. 251.
- 22 Schuman F. L. Soviet Politics. At Home and Abroad. — N. Y., 1947. — P. 282.
- 23 См. Документы и материалы кануна второй мировой войны. — М., 1981. — Т. I. — С. 35, 42.
- 24 Cowling M. Op. cit. — P. 273.
- 25 Public Record Office. — Cab. 23/90. — P. 168.
- 26 Public Record Office. — Cab. 27/626. — P. 256—257.
- 27 ИДА. Письмо латвийского посланника в Варшаве М. Вальтерса в МИД Латвии от 9 декабря 1937 г.
- 28 Public Record Office. — Cab. 23/90 — P. 219, 223.
- 29 Ibid. — Cab. 27/623. — P. 41.
- 30 Документы внешней политики СССР. — Т. 21. — С. 109.
- 31 ADAP. — Ser. D. — Bd. 1. — S. 211.
- 32 Ibid. — S. 222—224. О крайней враждебности Н. Чемберлена к Советскому Союзу свидетельствуют и другие источники. Так, в дневниках А. Кадогана отмечается, что Чемберлен испытывал «ненависть к русским» (The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938—1945. — L., 1971. — P. 53): Г. Никольсон также сделал в своем дневнике 7 марта запись о том, что «премьер-министр настроен резко антирусски» (Nicolson H. Diaries and Letters, 1930—1939. — L., 1966. — P. 329).
- 33 ADAP. — Ser. D. — Bd. 1. — S. 217.
- 34 Цит. по: Фомин В. Т. Агрессия фашистской Германии в Европе. 1933—1939. — С. 252.
- 35 См. Feiling K. The Life of Neville Chamberlain. — L., 1946. — P. 342.
- 36 АВП СССР. — Ф. 059. — Оп. 1. — Д. 1928. — Л. 200—202.
- 37 См. История внешней политики СССР. 1917—1945 гг. — М., 1986. — Т. 1. — С. 333.
- 38 См. Известия. — 1938. — 18 марта.
- 39 Правда. — 1938. — 25 марта.

- 40 См. FRUS, 1937. — Vol. 1. — P. 147.
- 41 См. Papers and Memoirs of Józef Lipski. — N. Y., 1968. — P. 314—316, 360, 427.
- 42 ADAP. — Ser. D. — Baden-Baden, 1953. — Bd. 5. — S. 33.
- 43 Ibid. — S. 39; Документы... советско-польских отношений. — Т. 6. — С. 348—349.
- 44 Документы... советско-польских отношений. — Т. 6. — С. 334.
- 45 См. Социалистические революции в Прибалтийских странах в 1940 г. — М., 1978. — С. 144—145.
- 46 Przegląd Powszechny. — 1938. — N 4.
- 47 См. Советско-польские отношения, 1918—1945. Сборник статей. — М., 1974. — С. 215.
- 48 Papers and Memoirs of Józef Lipski. — P. 323, 328, 331, 333, 336.
- 49 Ibid. — P. 348, 350.
- 50 Ibid. — P. 353—354.
- 51 Ibid. — P. 354.
- 52 Ibid.
- 53 См. ADAP. — Ser. D. — Bd. 5. — S. 362, 365.
- 54 См. Документы внешней политики СССР. — Т. 21. — С. 154.
- 55 Там же. — С. 130.
- 56 См. Документы ... советско-польских отношений. — Т. 6. — С. 343—344.
- 57 См. Шевяков А. А. Советско-румынские отношения и проблема европейской безопасности, 1932—1939. — М., 1977. — С. 196—197.
- 58 См. Документы внешней политики СССР. — Т. 20. — С. 431—432.
- 59 См. ADAP. — Baden-Baden, 1956. — Ser. D. — Bd. 7. — S. 548.
- 60 См. ADAP. — Ser. D. — Bd. 1. — S. 744.
- 61 См. ADAP. — Baden-Baden, 1950. — Ser. D. — Bd. 2. — S. 158.
- 62 См. История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945. — Т. 1. — С. 65; Советские Вооруженные Силы. — М., 1978. — С. 195.
- 63 См. Цветков Г. Политика США в отношении СССР накануне второй мировой войны. — С. 73.
- 64 См. DDF. — P., 1974. — Sér. 2. — Т. 9. — P. 393—394.
- 65 Ibid. — P. 391, 393.
- 66 Документы по истории мюнхенского сговора, 1937—1939. — М., 1979. — С. 54; Внешняя политика Чехословакии, 1918—1939. — М., 1959. — С. 476—477.
- 67 Известия. — 1938. — 18 марта.
- 68 АВП СССР. — Ф. 059. — Оп. 1. — Д. 2019. — Л. 179. Западногерманский историк Ф. Фабри признает, что в связи с чехословацким кризисом М. М. Литвинов стремился вновь вдохнуть жизнь в политику коллективной безопасности. (См. Fabry Ph. W. Die Sowjetunion und das Dritte Reich. — Stuttgart, 1971. — S. 63).
- 69 Public Record Office. — Cab. 27/623. — P. 139.
- 70 ИДА. — Фонд микрофильмов. — Запись беседы Я. Масарика с лордом Галифаксом 12 марта 1938 г.
- 71 См. Public Record Office. — Cab. 27/623. — P. 187—192.
- 72 Ibid. — P. 164—169, 172.
- 73 См. DBFP. — L., 1949. — Ser. 3. — Vol. 1. — P. 83—86.
- 74 Ibid. — P. 96—97.
- 75 Цит. по: Weizsäcker E. Erinnerungen. — München, 1950. — S. 154.
- 76 См. Parliamentary Debates, House of Commons. — Vol. 333. — Col. 1406.
- 77 См. Борисов Ю. В. Советско-французские отношения (1924—1945 гг.). — С. 373—374.
- 78 Adamthwaite A. France and the Coming of the Second World War. — L., 1977. — P. 182.

- 79 См. АВП СССР. — Ф. 05. — Оп. 18. — Д. 158. — Л. 25.
- 80 The Memoirs of Cordell Hull. — N. Y., 1948. — Vol. 1. — P. 658—659.
- 81 См. АВП СССР. — Ф. 0129. — Оп. 21. — Д. 2. — Л. 28.
- 82 Langer W. L., Gleason S. E. The Challenge to Isolation, 1937—1940. — N. Y., 1952. — P. 67.
- 83 См. История Коммунистической партии Советского Союза. — М., 1970. — Т. 5. — Кн. I. — С. 66.
- 84 Документы по истории мюнхенского сговора, 1937—1939. — С. 87.
- 85 Документы внешней политики СССР. — Т. 21. — С. 218.
- 86 DDF. — Sér. 2. — T. 9. — P. 555.
- 87 См. Public Record Office. — FO 371/22299.
- 88 Ibid. — Cab. 23/93. — P. 195.
- 89 Ibid. — P. 193, 196—197.
- 90 См. DBFP. — Ser. 3. — Vol. 1. — P. 199—202, 208, 214.
- 91 ADAP. — Ser. D. — Bd. 1. — S. 895.
- 92 The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey, 1937—1940. — L., 1970. — P. 133.
- 93 The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938—1945. — P. 73.
- 94 См. DBFP. — Ser. 3. — Vol. 1. — P. 267, 269.
- 95 ADAP. — Ser. D. — Bd. 2. — S. 209.
- 96 См. FRUS, 1938. — Vol. 1. — P. 39.
- 97 См. DDF. — Sér. 2. — T. 9. — P. 467.
- 98 Ibid. — P. 558.
- 99 DBFP. — Ser. 3. — Vol. 1. — P. 314.
- 100 См. АВП СССР. — Ф. 059. — Оп. 1. — Д. 1907. — Л. 26—27.
- 101 См. Документы внешней политики СССР. — Т. 21. — С. 263, 284.
- 102 Там же. — С. 263, 284—285.
- 103 См. Документы по истории мюнхенского сговора, 1937—1939. — С. 112, 117.
- 104 См. The Diaries of Sir Alexander Cadogan. — P. 79.
- 105 DBFP. — Ser. 3. — Vol. 1 — P. 331—332. Английский историк М. Каулинг отмечает, что британское правительство «разыграло сценарий, разработанный еще в марте» (Cowling M. Op. cit. — P. 181).
- 106 ADAP. — Baden-Baden, 1956. — Ser. D. — Bd. 7. — S. 545.
- 107 DBFP. — Ser. 3. — Vol. 1. — P. 346—347.
- 108 Ibid. — P. 346—347, 357.
- 109 The Diaries of Sir Alexander Cadogan. — P. 81.
- 110 Документы внешней политики СССР. — Т. 21. — С. 296.
- 111 Middlemas K. Op. cit. — P. 239.
- 112 ADAP. — Ser. D. — Bd. 7. — S. 544; Bd. 2. — S. 282.
- 113 См. Middlemas K. Op. cit. — P. 241.
- 114 DBFP. — Ser. 3. — Vol. 1. — P. 357.
- 115 См. Public Record Office. — Cab. 23/93. — P. 347—350.
- 116 ADAP. — Ser. D. — Bd. 1. — S. 587.
- 117 Документы и материалы кануна второй мировой войны. — Т. 1. — С. 104.
- 118 АВП СССР. — Ф. 05. — Оп. 18. — Д. 6. — Л. 73.
- 119 DDF. — Sér. 2. — T. 10. — P. 447.
- 120 The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey. — P. 187.
- 121 Middlemas K. Op. cit. — P. 267.
- 122 См. FRUS, 1938. — Vol. 1. — P. 541; Мюнхен — преддверие войны (исторические очерки). — М., 1988. — С. 105.
- 123 The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey. — P. 149.
- 124 Документы внешней политики СССР. — Т. 21. — С. 425.
- 125 АВП СССР. — Ф. 05. — Оп. 18. — Д. 166. — Л. 24.
- 126 Документы внешней политики СССР. — Т. 21. — С. 436.

- 127 **FRUS, 1938.** — Vol. 1. — P. 546.
- 128 **См. DBFP.** — L., 1949. — Ser. 3. — Vol. 2. — P. 107.
- 129 **FRUS, 1938.** — Vol. 1. — P. 67—68, 548.
- 130 **Документы... советско-чехословацких отношений.** — Т. 3. — С. 491.
- 131 **DDF.** — Sér. 2. — Т. 10. — P. 900.
- 132 **Документы по истории мюнхенского сговора.** — С. 185—186.
- 133 **АВП СССР.** — Ф. 059. — Оп. 1. — Д. 2021. — Л. 230.
- 134 **Документы внешней политики СССР.** — Т. 21. — С. 470—471. Об этом заявлении сразу же были поставлены в известность советские полпреды в Англии, Франции и Чехословакии, с тем чтобы они информировали соответствующие правительства.
- 135 **Fierlinger Zd. Ve službach ČSR.** — Praha, 1947. — Dil. 1. — S. 108. Фирлингер отмечал, что Литвинов не упускал ни малейшей возможности для улучшения отношений с Румынией и Польшей, так как от сотрудничества с этими странами зависела эффективность оказания советской помощи Чехословакии.
- 136 **См. ADAP.** — Ser. D. — Bd. 2. — S. 547.
- 137 **См. Kordt E. Nicht aus den Akten.** — Stuttgart, 1950. — S. 279—281.
- 138 **См. Middlemas K. Op. cit.** — P. 284.
- 139 **См. Colvin I. Vansittart in Office.** — P. 242.
- 140 **Документы внешней политики СССР.** — Т. 21. — С. 487—488.
- 141 **ADAP.** — Ser. D. — Bd. 2. — S. 569.
- 142 **Mosley L. On Borrowed Time. How World War II Began.** — N. Y., 1969. — P. 9.
- 143 **См. DDF.** — Sér. 2. — Т. 11. — P. 106—107.
- 144 **Nicolson H. Diaries and Letters, 1930—1939.** — L., 1966. — P. 359.
- 145 **The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey.** — P. 222.
- 146 **См. The Diaries of Sir Henry Channon.** — L., 1967. — P. 164—165.
- 147 **См. The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey.** — P. 176—177.
- 148 **См. DBFP.** — Ser. 3. — Vol. 2. — P. 292.
- 149 **См. The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey.** — P. 178.
- 150 **В связи с планами созыва конференции главный дипломатический советник Форин оффиса Р. Ванситарт, выступавший против такой конференции, представил Галифаксу записку, в которой отмечал, что суть ее заключалась бы в том, чтобы «изгнать Россию из Европы», что «целиком и полностью было бы на руку Германии» (Colvin I. Op. cit. — P. 248—249).**
- 151 **См. Sunday Times.** — 1969. — Jan. 5.
- 152 **Крал В. План «Зет»** — М., 1978. — С. 241; **Haas G. Münchner. Diktat 1938 — Komplott zum Krieg.** — Berlin, 1988. — S. 207—208.
- 153 **См. Die Weizsäcker-Papiere, 1933—1950.** — F. a/M., 1974. — S. 169.
- 154 **См. ADAP.** — Ser. D. — Bd. 2. — S. 627—636.
- 155 **Цит. по: Kordt E.** — Op. cit. — S. 259.
- 156 **См. Public Record Office.** — Cab. 27/646. — P. 25—29.
- 157 **Документы внешней политики СССР.** — Т. 21. — С. 494.
- 158 **См. DDF.** — Sér. 2. — Т. 11. — P. 300.
- 159 **См. Ibid.** — P. 694—696.
- 160 **The Ironside Diaries.** — P. 64.
- 161 **См. FRUS, 1938.** — Vol. 1. — P. 618.
- 162 **См. Документы и материалы кануна второй мировой войны.** — Т. 1. — С. 170—171.
- 163 **См. DDF.** — Sér. 2. — Vol. 11. — P. 268.
- 164 **См. Документы по истории мюнхенского сговора.** — С. 235—236; **DDF.** — Sér. 2. — Т. 11. — P. 347—348.
- 165 **DBFP.** — L., 1954. — Ser. 3. — Vol. 7. — P. 627.
- 166 **См. FRUS, 1938.** — Vol. 1. — P. 626.

- 167 См. Документы внешней политики СССР. — Т. 21. — С. 499.
- 168 См. История Коммунистической партии Советского Союза. — Т. 5. — Кн. I. — С. 68.
- 169 Документы внешней политики СССР. — Т. 21. — С. 500.
- 170 См. История Коммунистической партии Советского Союза. — Т. 5. — Кн. I. — С. 66.
- 171 См. Известия. — 1938. — 22 сент. Английский буржуазный историк К. Миддлмас вынужден признать, что Советский Союз оставался единственным лояльным членом Лиги наций (Middlemas K. Op. cit. — P. 29).
- 172 Churchill W. S. Op. cit. — P. 305.
- 173 Документы по истории мюнхенского сговора. — С. 245—247; История дипломатии. — М., 1945. — Т. 3. — С. 635.
- 174 См. Templewood, viscount. Nine Troubled Years. — L., 1954. — P. 308.
- 175 См. Безыменский Л. Разгаданные загадки третьего рейха, 1933 — 1941. — М., 1980. — С. 139.
- 176 Public Record Office. — Cab. 27/646. — P. 79.
- 177 DBFP. — Ser. 3. — Vol. 2. — P. 497—498.
- 178 The Memoirs of Lord Butler. The Art of Possible. — L., 1971. — P. 70.
- 179 Das Abkommen von München, 1938. Tschechoslovakische diplomatische Dokumente, 1937—1939. — Praha, 1968. — S. 295.
- 180 См. АВП СССР. — Ф. 059. — Оп. 1. — Д. 1908. — Л. 108.
- 181 Эмери Л. Указ. соч. — С. 546.
- 182 Furnia A. H. The Diplomacy of Appeasement. — P. 356.
- 183 Документы и материалы кануна второй мировой войны, 1937—1939. — Т. 1. — С. 87—89.
- 184 Документы внешней политики СССР. — Т. 21. — С. 202—203.
- 185 Там же. — С. 287.
- 186 Archiwum Act Nowych. Pismo Z. Lipskiego z 23 czerwiec 1938.
- 187 Papers and Memoirs of Józef Lipski. — P. 377—378.
- 188 Документы... советско-польских отношений. — Т. 6. — С. 361. Одновременно Ю. Бек излагал меры, принятые им для затруднения оказания Советским Союзом помощи Чехословакии, и указывал, что Польша выступает против участия СССР в европейских делах.
- 189 См. Документы и материалы кануна второй мировой войны. — Т. 1. — С. 212—213.
- 190 Celovsky B. Das Münchener Abkommen, 1938. — Stuttgart, 1958. — S. 391.
- 191 См. FRUS, 1938. — Vol. 1. — P. 664.
- 192 Документы внешней политики СССР. — Т. 21. — С. 515—516.
- 193 См. АВП СССР. — Ф. 011. — Оп. 2. — Д. 207. — Л. 46.
- 194 Foreign Affairs. — 1946. — Oct. — P. 37.
- 195 FRUS, 1938. — Vol. 1. — P. 650—651.
- 196 Ciano's Diplomatic Papers. — P. 236—237.
- 197 Подробнее о позиции Румынии по этому вопросу см. Шевяков А. А. Указ. соч. — С. 263—270, 274—275.
- 198 См. Bergamini D. Japan's Imperial Conspiracy. — L., 1971. — P. 696.
- 199 См. СССР в борьбе за мир... — С. 666—667.
- 200 Там же. — С. 650.
- 201 См. DBFP. — Ser. 3. — Vol. 2. — P. 562.
- 202 См. АВП СССР. — Ф. 059. — Оп. 1. — Д. 1979. — Л. 41.
- 203 См. История второй мировой войны, 1939—1945. — М., 1974. — Т. 2. — С. 105—107.
- 204 Там же. — С. 105—106.
- 205 См. Документы по истории мюнхенского сговора. — С. 312—313.
- 206 Документы внешней политики СССР. — Т. 21. — С. 530.

- 207 См. Public Record Office. — Cab. 23/95. — P. 237.
- 208 См. История второй мировой войны. — Т. 2. — С. 107—108.
- 209 Archives Daladier (Paris). — 2 DA6. — Dr. 1. — Sdr. b.
- 210 См. Celovsky B. Das Münchener Abkommen, 1938. — S. 384, 391.
- 211 Впоследствии в виде «уступки» Гитлер согласился на отсрочку оккупации до 1 октября.
- 212 См. ADAP. — Ser. D. — Bd. 2. — S. 694—702, 716—726; DBFP. — Ser. 3. — Vol. 2. — P. 463—473, 499—508.
- 213 См. Public Record Office. — Cab. 23/95. — P. 168.
- 214 См. Papers and Memoirs of Józef Lipski. — P. 420.
- 215 DDF. — Sér. 2. — T. 11. — P. 605—606.
- 216 См. DBFP. — Ser. 3. — Vol. 2. — P. 587.
- 217 См. FRUS, 1938. — Vol. 1. — P. 688; DBFP. — Ser. 3. — Vol. 2. — P. 625; Яковлев Н. Н. Франклин Рузвельт. — М., 1981. — С. 239.
- 218 См. Mosley L. On Borrowed Time. — P. 65.
- 219 См. Документы внешней политики СССР. — Т. 21. — С. 543—544.
- 220 Niedhart G. Grossbritannien und die Sowjetunion, 1934—1939. — S. 403.
- 221 См. Документы МИД Германии. Вып. 1. Германская политика в Венгрии. — М., 1946. — С. 89.
- 222 См. Mosley L. Op. cit. — P. 66—67.
- 223 Ibid. — P. 68.
- 224 См. Strang Lord. Home and Abroad. — L., 1956. — P. 146—147.
- 225 Цит. по: Namier L. B. Europe in Decay. — L., 1950. — P. 125.
- 226 Цит. по: Dalton H. The Fateful Years. Memoirs, 1931—1945. — L., 1957. — P. 195.
- 227 СССР в борьбе за мир... — С. 129.
- 228 Coulondre R. De Staline á Hitler. — P., 1950. — P. 165—166.
- 229 ЦГИА Латв. ССР. — Ф. 1313г. — Оп. 20. — Д. 135. — Л. 55.
- 230 Foreign Affairs. — 1946. — Oct. — P. 38.
- 231 Lippmann W. U. S. Foreign Policy. — N. Y., 1943. — P. 116; Bohlen Ch. Witness to History, 1929—1969. — N. Y., 1973. — P. 59.
- 232 Celovsky B. Das Münchener Abkommen, 1938. — S. 440.
- 233 Birkenhead F. Halifax. — L., 1965. — P. 414—415.
- 234 Известия. — 1938. — 4 окт.
- 235 См. Luža R. The Transfer of the Sudeten Germans. — N. Y., 1964. — P. 163.
- 236 Секретарь британского кабинета полковник М. Хэнки заявил в марте 1938 года на заседании правительства, что еще с 1919 года всегда считался бесспорным тот факт, что Чехословакия может существовать только как нераздельное целое (см. Roskill St. Hankey. Man of Secrets. — L., 1974. — Vol. 3. 1931—1963. — P. 314).
- 237 Noël L. La guerre de 39 à commencé 4 ans plus tôt. — P., 1979. — P. 105.
- 238 СССР в борьбе за мир... — С. 208.
- 239 Middlemas K. Op. cit. — P. 432.
- 240 СССР в борьбе за мир... — С. 72.
- 241 Там же. — С. 88.
- 242 Public Record Office. — Cab. 27/627. — P. 185.
- 243 Reynaud P. La France à sauvé l'Europe. — P., 1947. — Т. 1. — P. 375.
- 244 СССР в борьбе за мир... — С. 194.
- 245 Public Record Office. — Cab. 23/96. — P. 10, 283.
- 246 The Secret Diary of Harold L. Ickes. — N. Y., 1954. — Vol. 2. — P. 574.
- 247 См. СССР в борьбе за мир... — С. 67.
- 248 См. New York Times. — 1938. — Oct. 27.
- 249 Документы внешней политики СССР. — Т. 21. — С. 633—634.

- 250 См. СССР в борьбе за мир... — С. 87.
- 251 Public Record Office. — Cab. 27/627. — P. 185; Das Abkommen von München, 1938. — S. 334.
- 252 См. Papers and Memoirs of Józef Lipski. — P. 370, 377, 380—381, 384—385, 397, 403, 405—410.
- 253 Ibid. — P. 423—424.
- 254 СССР в борьбе за мир... — С. 26; Archiwum Akt Nowych. Pismo Z. Lipskiego z 28 wrzesien 1938.
- 255 См. Diariusz i teki Jana Szembeka, 1935—1945. — L., 1972. — Т. 4. — S. 444—446.
- 256 См. СССР в борьбе за мир... — С. 26—28.
- 257 Archiwum Akt Nowych. Pismo E. Kaczynskiego z 7, 10 pazdziernik, 1938.
- 258 СССР в борьбе за мир... — С. 27—28.
- 259 Документы... советско-польских отношений. — Т. 6. — С. 366.
- 260 СССР в борьбе за мир... — С. 63; ADAP. — Ser. D. — Bd. 5. — S. 87—89.
- 261 См. Венгрия и вторая мировая война. — М., 1962. — С. 129; DBFP. — L., 1951. — Ser. 3. — Vol. 4. — P. 185.
- 262 Документы... советско-польских отношений. — Т. 6. — С. 372—373.
- 263 СССР в борьбе за мир... — С. 31—32.
- 264 Анатомия войны. Новые документы о роли германского монополистического капитала в подготовке и ведении второй мировой войны. — М., 1971. — С. 186.
- 265 АВП СССР. — Ф. 05. — Оп. 18. — Д. 6. — Л. 37. Запись беседы М. М. Литвинова с Ю. Балтрушайтисом 23 марта 1938 г.
- 266 См. СССР в борьбе за мир... — С. 82.
- 267 См. FRUS, 1938. — Wash., 1954. — Vol. 3. — P. 411—412. Польский посол в Москве В. Гжибовский считал, что Польша и одна может установить господство над СССР и что не следует «пускать Германию в Россию» (Документы... советско-польских отношений. — Т. 6. — С. 372).
- 268 СССР в борьбе за мир... — С. 142. Каршо-Седлевский подчеркнул, что он подчинит свою деятельность в качестве польского посланника в Тегеране осуществлению этой великой восточной концепции, так как необходимо в конце концов убедить и побудить также персов и афганцев играть «активную роль в будущей войне против Советов».
- 269 См. Official Documents Concerning Polish-German and Polish-Soviet Relations, 1933—1939. — L., 1939. — P. 53—54.
- 270 Документы... советско-польских отношений. — Т. 7. — С. 22.
- 271 См. СССР в борьбе за мир... — С. 171.
- 272 Там же. — С. 199.
- 273 Там же. — С. 202.
- 274 См. Irving D. The War Path. Hitler's Germany, 1933—39. — L., 1978. — P. 169.
- 275 Das Abkommen von München, 1938. — S. 335.
- 276 СССР в борьбе за мир... — С. 161—162.
- 277 The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey. — P. 218. При этом Харви отмечал, что в Англии усиливается беспокойство, особенно среди рабочего класса, а также интеллигенции — журналистов, служащих. Наоборот, по-прежнему «довольны положением богачи, промышленники, землевладельцы, рантье, партийные боссы — они еще не подозревают, что нацисты не будут оберегать их дивиденды и их имущество». Несколько дней спустя Харви писал, что и в Форин оффисе все еще кое-кто разделяет взгляды Чемберлена о правильности мюнхенского курса, его политики — «мир любой ценой», так как любая

война, завершится она победой или поражением, может уничтожить богатые классы.

278 **Public Record Office.** — Cab. 27/627. — P. 177.

279 **Middlemas K.** Op. cit. — P. 427.

280 **См. Public Record Office.** — Cab. 27/627. — P. 176.

281 **См. Ibid.** — P. 188.

282 **См. Bonnet G.** Défense de la paix. Fin d'une Europe. De Munich à la guerre. — Geneve, 1948. — P. 126—127.

Глава 4

1 **СССР в борьбе за мир...** — С. 233—234, 362. Об этих планах Германии см. также: **Анатомия войны.** — С. 186—188; **FRUS, 1939.** — Wash., 1956. — Vol. 1. — P. 673. П. Клейст издал после второй мировой войны несколько книг (последняя из них — *Die europäische Tragödie*. Pr. Oldendorf, 1971), в которых в духе фашистской пропаганды, то есть продолжая «большую ложь» Геббельса, без стеснения искажает события кануна и периода второй мировой войны.

2 **The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey, 1937—1940.** — P. 261.

3 **См. Langer W. L., Gleason S. E.** The Challenge to Isolation, 1937—1940. — N. Y., 1952. — P. 67.

4 **XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10—21 марта 1939 г. Стенографический отчет.** — М., 1939. — С. 11—15.

5 **См. Известия.** — 1939. — 20 марта.

6 **Aster S.** 1939: The Making of the Second World War. — L., 1973. — P. 153—154.

7 **См. News Chronicle.** — 1939. — Jan. 28.

8 **См. XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б).** — С. 191—194.

9 **См. История второй мировой войны.** — Т. 2. — С. 199.

10 **См. Public Record Office.** — Cab. 23/98. — P. 48—62.

11 **СССР в борьбе за мир...** — С. 246—247.

12 **Там же.** — С. 247.

13 **Там же.** — С. 249.

14 **См. Public Record Office.** — Cab. 23/98. — P. 74—76, 80, 83.

15 **Ibid.** — P. 92.

16 **СССР в борьбе за мир...** — С. 264—265.

17 **Там же.** — С. 265.

18 **Там же.** — С. 284.

19 **См. Papers and Memoirs of Józef Lipski.** — N. Y., 1968. — P. 507.

20 **См. Батлер Дж.** Большая стратегия. Сентябрь 1939 г. — июнь 1941 г. — М., 1959. — С. 32, 34, 48.

21 **См. СССР в борьбе за мир...** — С. 271—272.

22 **См. Public Record Office.** — FO 418/85. — P. 117.

23 **См. СССР в борьбе за мир...** — С. 282—283.

24 **Zentrales Staatsarchiv (Potsdam).** — Film 15555.

25 **См. DDF.** — Sér. 2. — Т. 15. — P. 257; **British Documents on Foreign Affairs.** — L., 1986. — Part 2. — Ser. 1. — Vol. 15. — P. 85.

26 **СССР в борьбе за мир...** — С. 283—284.

27 **Там же.** — С. 284.

28 **Aster S.** 1939: The Making of the Second World War. — P. 89, 94.

29 **Ibid.** — P. 89.

30 **DBFP.** — Ser. 3. — Vol. 4. — P. 373.

31 **См. Newman S.** March 1939: The British Guarantee to Poland. — Oks-

- ford, 1976. — P. 172. В 1940 году (после разгрома Германией Польши) Ю. Бек обратился к нацистам с предложением стать их главным наместником в Польше, но нацисты предпочли обойтись без него.
- 32 Ibid. — P. 146—148.
- 33 Public Record Office. — Cab. 27/624. — P. 199—203, 206, 208, 211, 219.
- 34 Ibid. — Cab. 23/98. — P. 120—126.
- 35 См. DDF. — Sér. 2. — T. 15. — P. 262—263.
- 36 Ibid. — P. 324—329.
- 37 См. Public Record Office. — Cab. 23/98. — P. 157, 161—163, 165.
- 38 См. Parkinson R. Peace for our Time. Munich to Dunkirk — the Inside Story. — L., 1971. — P. 130.
- 39 СССР в борьбе за мир... — С. 290, 308—309. Тогдашний министр иностранных дел Франции Ж. Бонне впоследствии писал, касаясь вопроса о гарантиях Польше на случай «косвенной агрессии», что эти гарантии вполне понятны, если принять во внимание, что чехословацкий президент Гаха «был вынужден выбирать между двумя поставленными ему Гитлером условиями: либо разрушение чешских городов германской авиацией, либо согласие на германский протекторат» (Bonnet G. Fin d'une Europe. — Geneve, 1948. — P. 217).
- 40 См. Public Record Office. — Cab. 23/98. — P. 208—209.
- 41 См. Zentrales Staatsarchiv (Potsdam). — Film 4522. — April 14, 15 1939.
- 42 См. Public Record Office. — Cab. 27/625. — P. 138. (курсив мой. — В.С.).
- 43 См. Middlemas K. Op. cit. — P. 457.
- 44 СССР в борьбе за мир... — С. 291.
- 45 Международная жизнь. — 1969. — № 7. — С. 92.
- 46 См. Попов В. И. Дипломатические отношения между СССР и Англией (1929—1939 гг.). — С. 411.
- 47 См. Борисов Ю. В. Советско-французские отношения. — С. 428—429.
- 48 DBFP. — Ser. 3. — Vol. 5. — P. 197; DDF. — Sér. 2. — T. 15. — P. 595—597. 12 мая аналогичные гарантии Англия и Франция дали также Турции.
- 49 См. Adamthwaite A. France and the Coming of the Second World War, 1936—1939. — P. 311, 312.
- 50 См. СССР в борьбе за мир... — С. 324—325, 331.
- 51 Там же. — С. 333.
- 52 См. FRUS, 1939. — Wash., 1956. — Vol. 1. — P. 248.
- 53 См. СССР в борьбе за мир... — С. 336—337.
- 54 FRUS, 1939. — Vol. 1. — P. 240.
- 55 Public Record Office. — Cab. 27/624. — P. 309, 312.
- 56 Ibid. — P. 298—299, 302.
- 57 См. Public Record Office. — Cab. 27/627. — P. 273, 275—277, 280—282.
- 58 Ibid. — Cab. 27/624. — P. 319.
- 59 См. British Documents on Foreign Affairs. — Part 2. — Ser. A. — Vol. 15. — P. 62—66.
- 60 См. Public Record Office. — Cab. 23/99. — P. 58—61.
- 61 Цит. по: Niedhart G. Grossbritannien und die Sowjetunion, 1934—1939. — S. 411.
- 62 См. СССР в борьбе за мир... — С. 347, 351.
- 63 Там же. — С. 367.
- 64 Public Record Office. — Cab. 23/99. — P. 128—130.
- 65 См. The Diaries of Sir Henry Channon. — P. 196.
- 66 См. СССР в борьбе за мир... — С. 366.
- 67 FRUS, 1939. — Vol. 1. — P. 248.
- 68 Ibid. — P. 250.
- 69 См. СССР в борьбе за мир... — С. 383.

- 70 **Public Record Office.** — Cab. 27/625. — P. 52—55.
- 71 **Ibid.** — P. 30—33.
- 72 **The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey.** — P. 290.
- 73 **The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938—1945.** — P. 182.
- 74 **The Diaries of Sir Henry Channon.** — P. 199.
- 75 **The Origins of the Second World War Reconsidered / Ed. by G., Martel.** — Boston, 1986. — P. 172.
- 76 **Churchill W. S.** — Op. cit. — Vol. 1. — P. 376.
- 77 **Израэлян В. Л., Кутаков Л. Н.** Дипломатия агрессоров. Германо-итало-японский фашистский блок. История его возникновения и краха. — М., 1967. — С. 12—13.
- 78 **См. СССР в борьбе за мир...** — С. 412—413.
- 79 **См. DBFP.** — Ser. 3. — Vol. 5. — P. 640—646.
- 80 **См. Public Record Office.** — Cab. 23/99. — P. 272—275, 278, 284.
- 81 **The Diaries of Sir Henry Channon.** — P. 201.
- 82 **См. СССР в борьбе за мир...** — С. 417—418.
- 83 **См. Там же.** — С. 432—433.
- 84 **Там же.** — С. 433—434.
- 85 **См. Public Record Office.** — Cab. 27/625. — P. 101—112.
- 86 **См. Bartel H.** Frankreich und die Sowjetunion. — S. 205—206.
- 87 **См. СССР в борьбе за мир...** — С. 443.
- 88 **Подробнее см.: Панкрашова М., Сиполс В.** Почему не удалось предотвратить войну. Московские переговоры СССР, Англии и Франции 1939 года. — М., 1970. — С. 55.
- 89 **DBFP.** — L., 1953. — Ser. 3. — Vol. 6. — P. 162.
- 90 **См. Международная жизнь.** — 1969. — № 8. — С. 98.
- 91 **Daily Telegraph.** — 1970. — Jan. 1.
- 92 **Public Record Office.** — Cab. 27/625. — P. 186.
- 93 **СССР в борьбе за мир...** — С. 453.
- 94 **Правда.** — 1939. — 29 июня.
- 95 **См. СССР в борьбе за мир...** — С. 476.
- 96 **См. DDF.** — Sér. 2. — T. 17. — P. 263; **Public Record Office.** — Cab. 27/625. — P. 186.
- 97 **Public Record Office.** — Cab. 27/625. — P. 236—237.
- 98 **Niedhart G.** Grossbritannien und die Sowjetunion. S. 418—419.
- 99 **См. Public Record Office.** — Cab. 23/99. — P. 129—130.
- 100 **Public Record Office.** — Cab. 27/625. — P. 254—270.
- 101 **См. DBFP.** — Ser. 3. — Vol. 6. — P. 328; **DDF.** — Sér. 2. — T. 17. — P. 276.
- 102 **DBFP.** — Ser. 3. — Vol. 6. — P. 335.
- 103 **См. FRUS, 1939.** — Vol. 1. — P. 272.
- 104 **I documenti diplomatici italiani.** — Ser. 8. — Vol. 12. — P. 311—314.
- 105 **Papers and Memoirs of Juliusz Lukasiewicz.** — P. 247.
- 106 **СССР в борьбе за мир...** — С. 496.
- 107 **Archives Daladier (Paris).** — 2. — DA6. — Dr. 5.
- 108 **DBFP.** — Ser. 3. — Vol. 6. — P. 423, 425—426.
- 109 **См. Ibid.** — P. 457; **СССР в борьбе за мир...** — С. 515.
- 110 **Feiling K.** The Life of Neville Chamberlain. — P. 409—410.
- 111 **ИДА.** Фонд микрофильмов. Письмо Э. Рачиньского в МИД Польши от 8 июня 1939 г.
- 112 **См. Public Record Office.** — Cab. 23/99. — P. 120—121, 124—126.
- 113 **СССР в борьбе за мир...** — С. 461.
- 114 **См. Матвеев В. А.** Провал мюнхенской политики, 1938—1939. — М., 1955. — С. 209—210; **Stegle H.** Die Ostpolitik Vatikans. Geheimdiplomatie der Päpste von 1917 bis heute. — Bergisch Gladbach, 1983. — S. 228, 230.

- 115 См. СССР в борьбе за мир... — С. 509—512.
- 116 Документы и материалы кануна второй мировой войны. — Т. 2. — С. 193—194.
- 117 См. Чикваидзе А. Д. Английский кабинет накануне второй мировой войны. — Тбилиси, 1976. — С. 225.
- 118 ADAP. — Baden-Baden, 1956. — Ser. D. — Bd. 6. — S. 448.
- 119 См. Langer W. L., Gleason S. E. The Challenge to Isolation. — P. 76.
- 120 Wilson H. R. A Career Diplomat. — N.Y., 1960. — P. 111.
- 121 Например, Липский, прибыв в Варшаву, 8 августа 1939 г. информировал Бека и Рыдз-Смиглы о том, что в Германии «приготовления к войне на полном ходу» и Польша должна быть готова к любому развитию событий (*Papers and Memoirs of Józef Lipski*. — P. 553).
- 122 СССР в борьбе за мир... — С. 389.
- 123 Там же. — С. 393.
- 124 Документы... советско-польских отношений. — С. 112.
- 125 См. Terlecki O. Pulkownik Beck. — Kraków, 1985. — S. 317.
- 126 См. Mourin M. Op. cit. — P. 236.
- 127 СССР в борьбе за мир... — С. 414.
- 128 Там же. — С. 537.
- 129 DBFP. — L., 1954. — Ser. 3. — Vol. 7. — P. 258—259.
- 130 См. СССР в борьбе за мир... — С. 525—527, 537—538, 540, 562 и др.
- 131 См. Duroselle F.-B. La décadence, 1932—1939. — Paris, 1979. — P. 428.
- 132 См. Public Record Office. — Cab. 27/625. — P. 268.
- 133 Strang, lord. Home and Abroad. — L., 1956. — P. 193—194.
- 134 СССР в борьбе за мир... — С. 697.
- 135 См. Public Record Office. — Cab. 23/100. — P. 224—225.
- 136 DBFP. — Ser. 3. — Vol. 6. — P. 763.
- 137 Drax R. P. Mission to Moscow. August 1939 // *Naval Review*. — 1952. — No. 3. — P. 252.
- 138 Ibid. — P. 253.
- 139 См. Public Record Office. — Cab. 27/625.
- 140 DBFP. — Ser. 3. — Vol. 6. — P. 682, 683.
- 141 Archives Daladier. — 2 DA6. — Dr. 6. — Sdr. a.
- 142 См. Документы и материалы кануна второй мировой войны. — Т. 2. — С. 157—158.
- 143 Public Record Office. — Prem, 1/311.
- 144 DBFP. — Ser. 3. — Vol. 6. — P. 425.
- 145 См. DDF. — Sér. 2. — T. 17. — P. 598.
- 146 СССР в борьбе за мир... — С. 546.
- 147 Там же. — С. 547—548.
- 148 *Naval Review*. — 1952. — No. 3. — P. 254.
- 149 СССР в борьбе за мир... — С. 551—554.
- 150 Там же. — С. 557.
- 151 Там же. — С. 547.
- 152 См. DDF. — Sér. 2. — T. 17. — P. 745—746.
- 153 См. СССР в борьбе за мир... — С. 650—651.
- 154 *Naval Review*. — 1952. — No. 3. — P. 259.
- 155 СССР в борьбе за мир... — С. 566—568, 572.
- 156 Там же. — С. 563, 569.
- 157 Цит. по Aster S. 1939; The Making of the Second World War. — P. 303.
- 158 История внешней политики СССР, 1917—1985 гг. — Т. 1. — С. 371.
- 159 См. СССР в борьбе за мир... — С. 574—577.
- 160 Там же. — С. 582, 619; DDF. — Sér. 2. — T. 18. — P. 52, 126—127.
- 161 Beaufre, General. Le drame de 1940. — P., 1955. — P. 149, 156.
- 162 Цит. по Aster S. 1939; The Making of the Second World War. — P. 305—306.

- 163 См. Остоя-Овсяный И. Д. На пороге войны // Новая и новейшая история. — 1971. — № 2. — С. 46—49.
- 164 Beaufre, General. Op. cit. — P. 156.
- 165 См. Papers and Memoirs of Józef Lipski. — P. 553.
- 166 См. Kozaczuk W. Bitwa o tajemnice. Sluzby wywiadowcze Polski i Rzeszy Niemieckiej, 1922—1939. — Warszawa, 1967. — S. 287.
- 167 СССР в борьбе за мир... — С. 623.
- 168 DBFP. — Ser. 3. — Vol. 7. — P. 91. Отрицательную позицию по вопросу о сотрудничестве с СССР продолжала занимать также Румыния (См. Шевяков А. А. Советско-румынские отношения и проблема европейской безопасности. — С. 318—321, 335, 340).
- 169 См. DDF. — Sér. 2. — T. 18. — P. 211—212.
- 170 См. Papers and Memoirs of Józef Lipski. — P. 563—565.
- 171 Правда. — 1939. — 28 сент.
- 172 Beaufre, General. Op. cit. — P. 118, 124.
- 173 ADAP. — Ser. D. — Bd. 7. — S. 22.
- 174 См. Public Record Office. — Cab. 23/100. — P. 325.
- 175 СССР в борьбе за мир... — С. 624, 626—627.
- 176 Международная жизнь. — 1969. — № 11. — С. 108.
- 177 СССР в борьбе за мир... — С. 631—636.
- 178 См. Beaufre, General. Drame de 1940. — P. 180—181.
- 179 Haslam F. The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe. — P. 228.
- 180 The Secret Diary of Harold L. Ickes. — Vol. 2. — N. Y., 1954. — P. 705.
- 181 В 1941 году, когда Англия в ходе развития событий оказалась в одной коалиции с СССР, который был для нее единственной надеждой на спасение, Галифакс признал в дневниковой записи, касаясь нежелания Англии заключать союз с СССР в 1939 году: «Это было ошибкой; мы не должны повторять ее» (Birkenhead F. Halifax. — L., 1965. — P. 440).
- 182 АВП СССР. — Ф. 06. — Оп. 1. — Д. 267. — Л. 7—8.
- 183 См. Правда. — 1939. — 21 янв.
- 184 См. СССР в борьбе за мир... — С. 691.
- 185 Public Record Office. — Cab. 27/625. — P. 149.
- 186 См. DBFP. — Ser. 3. — Vol. 9. — P. 57.
- 187 См. СССР в борьбе за мир... — С. 317, 355; Toscano L. Le origini del patto d'acciaio. — Firenze, 1948. — P. 104.
- 188 СССР в борьбе за мир... — С. 334.
- 189 FRUS. Japan, 1931—1941. — N. Y., 1943. — Vol. 2. — P. 2.
- 190 См. Bergamini D. Japan's Imperial Conspiracy. — P. 702.
- 191 См. СССР в борьбе за мир... — С. 406.
- 192 Правда. — 1939. — 1 июня.
- 193 См. История второй мировой войны. — Т. 2. — С. 219.
- 194 Public Record Office. — Cab. 27/625. — P. 246.
- 195 Безыменский Л. Особая папка «Барбаросса». Документальная повесть. — М., 1972. — С. 95.
- 196 См. Проэктор Д. М. Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во второй мировой войне, 1939—1945. — М., 1972. — С. 46.
- 197 DBFP. — Ser. 3. — Vol. 6. — P. 2. Об этом заключении Кейтеля и Браухича знало и польское правительство, но это не изменило его отрицательного отношения к сотрудничеству с СССР.
- 198 Цит. по: Mosley L. Op. cit. — P. 252.
- 199 Цит. по: Kordt E. Nicht aus den Akten. — Stuttgart, 1950. — S. 310.
- 200 См. Die Weizsäcker-Papiere, 1933—1950. — F. a./M., 1974. — S. 157.
- 201 СССР в борьбе за мир... — С. 455.

- 202 **Die Weizsäcker-Papiere.** — S. 176.
- 203 **См. Kleist P.** Die europäische Tragödie. — S. 22—23.
- 204 **См. Максимычев И. Ф.** Дипломатия мира против дипломатии войны. Очерк советско-германских дипломатических отношений в 1933—1939 годах. — М., 1981. — С. 238.
- 205 **См. Fabry Ph. W.** Die Sowjetunion und das Dritte Reich. Eine dokumentierte Geschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen von 1933 bis 1941. — Stuttgart, 1971. — S. 68—69.
- 206 **Ibid.** — S. 69.
- 207 **См. Панкрашова М. И.** В канун второй мировой войны. 1939 г. // Новая и новейшая история. — 1985. — № 5. — С. 116.
- 208 **АВП СССР.** — Ф. 082. — Оп. 22. — Д. 7. — Л. 214—215.
- 209 **Below N.** Als Hitlers Adjutant, 1937—45. — Mainz, 1980. — S. 170.
- 210 **АВП СССР.** — Ф. 082. — Оп. 22. — Д. 7. — Л. 220—221.
- 211 **АВП СССР.** — Ф. 06. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 24—26.
- 212 **Вопросы истории.** — 1972. — № 9. — С. 140.
- 213 **Parkinson R.** Op. cit. — P. 151.
- 214 **ADAP.** — Ser. D. — Bd. 6. — S. 488.
- 215 **Ibid.** — S. 497.
- 216 **Ibid.** — S. 493, 497—498.
- 217 **АВП СССР.** — Ф. 059. — Оп. 1. — Д. 2036. — Л. 98—102.
- 218 **Die Weizsäcker-Papiere.** — S. 154.
- 219 **АВП СССР.** — Ф. 082. — Оп. 22. — Д. 7. — Л. 214—215.
- 220 **См. ADAP.** — Ser. D. — Bd. 6. — S. 619.
- 221 **Ibid.** — S. 673—674; **Андросов И. Ю.** Накануне второй мировой войны // Вопросы истории. — 1972. — № 10. — С. 100.
- 222 **ADAP.** — Ser. D. — Bd. 6. — S. 680.
- 223 **Irving D.** — Op. cit. — P. 231.
- 224 **Fabry Ph. W.** Op. cit. — S. 72.
- 225 **ADAP.** — Ser. D. — Bd. 6. — S. 764.
- 226 **Ibid.** — S. 687.
- 227 **Ibid.** — S. 729—730.
- 228 **Ibid.** — S. 745, 787.
- 229 **См. Правда.** — 1939. — 22 июля.
- 230 **См. ADAP.** — Ser. D. — Bd. 6. — S. 803.
- 231 **См. Herwarth H. von.** Erlebte Zeitgeschichte. 1931. bis 1945. — F.a/M., 1982. — S. 165.
- 232 **История внешней политики СССР.** — Т. 1. — С. 384.
- 233 **См. ADAP.** — Ser. D. — Bd. 6. — S. 847; **Вопросы истории.** — 1972. — № 10. — С. 103.
- 234 **См. ADAP.** — Ser. D. — Bd. 6. — S. 854—855, 861.
- 235 **История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945.** — Т. 1. — С. 174.
- 236 **См. Вопросы истории.** — 1972. — № 10. — С. 104.
- 237 **ADAP.** — Ser. D. — Bd. 6. — S. 894, 905.
- 238 **Ibid.** — S. 905.
- 239 **См. Die Weizsäcker-Papiere.** — S. 157—158.
- 240 **История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945.** — Т. 1. — С. 174—175.
- 241 **Mosley L.** Op. cit. — P. 288.
- 242 **См. ADAP.** — Ser. D. — Bd. 7. — S. 14—16.
- 243 **См. Фалин В.** Почему в 1939-м? // Новое время. — 1987. — № 40. — С. 20; **ADAP.** — Ser. D. — Bd. 7. — S. 48.
- 244 **См. История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945.** — Т. 1. — С. 175; **ADAP.** — Baden-Baden, 1956. — Ser. D. — Bd. 7. — S. 51—52.

- 245 См. ADAP. — Ser. D. — Bd. 7. — S. 63—64, 71—75.
- 246 Ibid. — S. 70, 95.
- 247 См. Speer A. Erinnerungen. — F.a/M., 1969. — S. 176.
- 248 См. Вопросы истории. — 1972. — № 10. — С. 108; ADAP. — Ser. D. — Bd. 7. — S. 95—96.
- 249 Известия. — 1987. — 21 авг.; ADAP. — Ser. D. — Bd. 7. — S. 100—102.
- 250 См. ADAP. — Ser. D. — Bd. 7. — S. 111—112, 124—125.
- 251 См. Известия. — 1939. — 21 авг.
- 252 История второй мировой войны, 1939—1945. — Т. 2. — С. 282.
- 253 См. ADAP. — Ser. D. — Bd. 7. — S. 140—141.
- 254 См. Ibid. — S. 175; Zentrales Staatsarchiv (Potsdam). — Film 10520; DBFP. — Ser. 3. — Vol. 7. — P. 385; DDF. — Sér. 2. — Т. 18. — P. 282; L'Oeuvre. 1939. — 23 août.
- 255 См. Известия. — 1939. — 24 авг.
- 256 См. История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945. — Т. 1. — С. 176; Правда. — 1988. — 1 сент.
- 257 См. История внешней политики СССР, 1917—1985 гг. — Т. 1. — С. 385.
- 258 Известия. — 1939. — 27 авг.
- 259 См. Известия. — 1939. — 1 сент.
- 260 История СССР. — 1962. — № 3. — С. 23.
- 261 Taylor A. The Origins of the Second World War. — L., 1961. — P. 241.
- 262 Haslam J. Op. cit. — P. 231.
- 263 См. Hildebrand K. Deutsche Aussenpolitik, 1933—1945. — S. 90. Впоследствии, в годы войны, в переговорах между представителями стран антигитлеровской коалиции иногда вспоминали и о ее предыстории. Американский поверенный в делах в Англии Ф. Мэттьюс телеграфировал 13 марта 1942 г. в госдепартамент, что работники Форин оффиса твердо придерживаются мнения, что их собственная волокита во время переговоров в 1939 году была «действительной причиной соглашения СССР с Германией» (FRUS, 1942. — Wash., 1962. — Vol. 3. — P. 533).
- 264 Bell P. M. H. The Origins of the Second World War in Europe. — L., 1986. — P. 262.
- 265 Bennett E. M., Franklin D. Roosevelt and the Search for Security. American-Soviet Relations, 1933-1939. — Wilmington, 1986. — P. 191—193.
- 266 СССР в борьбе за мир... — С. 637.
- 267 I documenti diplomatici italiani. — Roma, 1953. — Ser. 8. — Vol. 13. — P. 105.
- 268 СССР в борьбе за мир... — С. 639.
- 269 И. В. Сталин говорил, например, месяц спустя (2 октября 1939 г.) в беседе с министром иностранных дел Латвии В. Мунтерсом, что не исключена возможность нападения на СССР со стороны Германии. В течение шести лет фашисты выступали против СССР. Теперь произошел неожиданный поворот. Так иногда случается в истории. Но положиться на это нельзя. Необходимо вовремя подготовиться (ИДА. — Ф. 38д. — Оп. 22. — Д. 222. — Л. 24).
- 270 Известия. — 1939. — 1 сент.
- 271 См. DDF. — Sér. 2. — Т. 18. — P. 326—328. Советское правительство, будучи глубоко заинтересовано в том, чтобы Польша не была уничтожена фашистским рейхом, по-прежнему было готово оказывать ей помощь. Особенно показателен факт, имевший место 2 сентября, на второй же день после нападения фашистского рейха на Польшу, когда Англия и Франция, несмотря на свои союзные договоры с Польшей,

еще продолжали молчать о своей позиции. Советский полпред в Варшаве Н. И. Шаронов посетил министра иностранных дел Польши Ю. Бека и, сославшись на интервью К. Е. Ворошилова от 27 августа, в котором упоминалось о возможной поставке Советским Союзом Польше военных материалов, спросил его, почему Польша не обращается к Советскому Союзу за помощью. Польскому правительству понадобилась, однако, целая неделя, чтобы дать послу в Москве В. Гжибовскому указания о вступлении по этому вопросу в контакт с Советским правительством. Впрочем, было уже поздно, так как к этому времени исход войны между Германией и Польшей был предопределен.

- 272 См. Bartel H. Frankreich und die Sowjetunion. — S. 256.
273 Ibid. — S. 262.
274 Ibid. — S. 264; Bonnet G. Defense de la paix. — Gèneve, 1948. — Т. 2. — P. 291.
275 DDF. — Sér. 2. — Т. 18. — P. 408.
276 См. 27 августа выписка из этой телеграммы Форин оффиса была передана английским послом в Вашингтоне госдепартаменту США (FRUS, 1939. — Vol. 1. — P. 311).
277 Международная жизнь. — 1969. — № 11. — С. 111.
278 СССР в борьбе за мир... — С. 640.
279 DBFP. — Ser. 3. — Vol. 7. — P. 384.
280 См. Adamthwaite A. Op. cit. — P. 341.
281 См. Ржешевский О. А. Война и история. Буржуазная историография США о второй мировой войне. — М., 1984. — С. 80; De Santis H. The Diplomacy of Silence. The American Foreign Service, the Soviet Union, and the Cold War, 1933—1974. — Chi., 1979. — P. 37.
282 См. Adamthwaite A. Op. cit. — P. 341.
283 См. ADAP. — Ser. D. — Bd. 7. — S. 168.
284 Ciano G. Diario. — Milano, 1963. — Vol. 1. — P. 5.
285 Ciano's Diplomatic Papers. — L., 1947. — P. 304.
286 СССР в борьбе за мир... — С. 455.
287 См. DBFP. — Ser. 3. — Vol. 7. — P. 127—128.
288 См. Batowski H. Agonia pokoju i poczatek wojny (sierpień — wrzesień 1939). — Poznań, 1979. — S. 244—261.
289 FRUS, 1939. — Vol. 1. — P. 354.
290 Ibid. — P. 355—356.
291 Public Record Office. — Cab. 23/100. — P. 375.
292 Ibid. — P. 402.
293 Documents diplomatiques. 1938—1939. — P., 1939. — P. 266—267.
294 См. DBFP. — Ser. 3. — Vol. 7. — P. 351.
295 См. Jacobsen H. A. Der Weg zur Teilung der Welt. — Koblenz — Bonn, 1977. — S. 27.
296 История второй мировой войны, 1939—1945. — Т. 3. — С. 17.
297 См. FRUS, 1939. — Vol. 1. — P. 301—304, 398—399.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
--------------------	---

Глава 1.

СОБИРАЮТСЯ ТУЧИ ВОЙНЫ

Германия, Япония и Италия берут курс на войну	9
Очаг войны на Дальнем Востоке. Агрессивные замыслы фашистской Германии. Планы «крестового похода» против СССР.	
Советский Союз — оплот мира	27
Борьба СССР за сохранение мира. Концепция неделимости мира. Определение агрессии. СССР и США: запоздалое признание. Проект Тихоокеанского пакта. За мир в Прибалтике.	
Переговоры о Восточном пакте. Договор о взаимопомощи между СССР и Францией	52
Советская инициатива о региональном пакте против германской агрессии. Противники Восточного пакта. Вступление СССР в Лигу наций. Договор о взаимопомощи между СССР и Францией. Вопрос о советско-французском военном сотрудничестве.	

Глава 2.

ФАШИСТСКИЕ АГРЕССОРЫ И ИХ ПОКРОВИТЕЛИ

Захват фашистской Италией Эфиопии	84
Агрессивные планы Италии и позиция западных держав. Призыв СССР оказать коллективный отпор агрессору. Нападение Италии на Эфиопию. Санкции против агрессоров. Попустительство западных держав итальянской агрессии.	
Усиление агрессивности Германии	99
Попытки Англии прийти к соглашению с Германией. Ввод германских войск в Рейнскую зону. Вопрос об эффективности Лиги наций.	
Испания в огне	122
Фашистская интервенция и пародия на невмешательство. СССР помогает испанскому народу. «Ось Берлин — Рим». «Антикоминтерновский пакт». Конференция в Нионе по борьбе с пиратством. Заговор международной реакции против республиканской Испании.	
Необъявленная война на Дальнем Востоке	133
Агрессивные устремления Японии. Нападение Японии	

на Китай. Советский Союз на стороне Китая. Японская агрессия и Лига наций. Брюссельская конференция. Разгром японских агрессоров у озера Хасан. Китаю помогает только СССР.

Глава 3.

ПУТЬ К МЮНХЕНУ

Австрия — первая жертва фашистской Германии	154
СССР за отпор агрессорам. Чемберлен мечтает «ездить верхом на тигре». Захват Германией Австрии. Польский ультиматум Литве.	
Два курса по отношению к агрессивным планам Германии против Чехословакии	168
План «Грюн». Курс СССР на коллективный отпор агрессии. Курс западных держав на соглашение с агрессором. Советский Союз верен своим обязательствам. Посредники с большой дубинкой. Давление перерастает в угрозу. Советские предложения игнорируются.	
Мюнхенский сговор	190
Вояж Н. Чемберлена в Берхтесгаден. СССР готов к отпору агрессору. Гитлер издается над «умиротворителями». План созыва конференции агрессоров и их покровителей. Сделка в Мюнхене. Мюнхен — шаг к войне.	
Провал англо-французской политики «умиротворения» агрессоров	212
Пойдут ли гитлеровцы на Украину? Гитлер: с Польшей или против Польши? Нападение на СССР откладывается.	

Глава 4.

НА ПОРОГЕ ВОЙНЫ

Агрессивные действия гитлеровцев. Позиция СССР и западных держав	222
Германские агрессоры в Праге. Лондон меняет методы, но не цели. Советская инициатива о созыве совещания. Лондон считает борьбу с агрессией «преждевременной». Англо-французские «гарантии» Польше.	
Переговоры между СССР, Англией и Францией	240
Советские предложения о сотрудничестве трех держав. Лондон против соглашения с СССР. Вынужденное «согласие». Срывать или не срывать переговоры?	
Планы англо-германского империалистического сговора	258
Английский проект «широкого соглашения». Могильщики Польши.	
Переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции	262
Лондон и Париж за разговоры, но не за договор. Кардинальный вопрос. Советский план военного сотрудничества. Роль Польши в срыве переговоров. Англия и Франция заводят переговоры в тупик.	
Япония раздувает пожар войны	277
Китайский народ находит поддержку в борьбе против	

японской агрессии только у СССР. Разгром японских агрессоров у Халхин-Гола.

Советско-германский договор о ненападении 280

Германия пока не решается на войну с СССР, СССР отклоняет германские предложения. Подписание договора о ненападении. СССР за продолжение переговоров с Англией и Францией.

Фашистская Германия развязывает мировую войну . . . 301

«Мы хотим войны». Планы англо-германской сделки за счет Польши. Германия начинает войну.

Заключение 304

Примечания 306

Монография

Вилнис Янович Сиполс

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ БОРЬБА НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ (доработанное и дополненное)

Редактор *О. В. Постнов*

Оформление художника *К. К. Федорова*

Художественный редактор *С. С. Водичиц*

Технический редактор *Е. Б. Голова*

Корректор *А. В. Федина*

ИБ № 1402

Сдано в набор 19.08.88. Подписано в печать 19.01.89. А 03130. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. №1. Гарнитура Таймс. Печать высокая. Усл. печ. л. 17,64. Усл. кр.-отт. 20,16. Уч.-изд. л. 22,05. Тираж 20 000 экз. Заказ № 1534. Цена 1 руб. 80 коп. Изд. № 47 '87.

Издательство «Международные отношения» 107078, Москва, Садовая-Спасская, 20.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

В. М. Молотов, И. В. Сталин, М. М. Литвинов

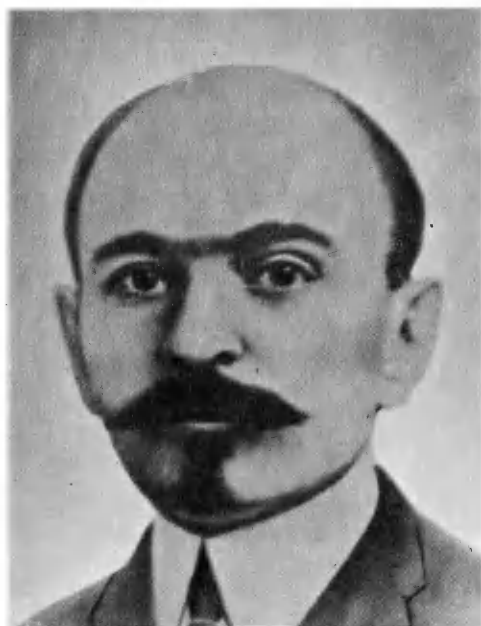
Л. М. Карахан (1889—1937). В мае 1937 года подвергся необоснованным репрессиям. Посмертно реабилитирован

Секретарь ИККИ Д. З. Мануильский (1883—1959) выступает на VII конгрессе Коминтерна. Москва, 1935 г.

Нижний ряд. Слева направо: Н. Н. Крестинский, М. М. Литвинов, Л. М. Карахан, Б. С. Стомоняков в группе сотрудников Наркоминдела. Москва, 1934 г.

Б. С. Стомоняков (1882—1941). В августе 1938 года подвергся необоснованным репрессиям. Посмертно реабилитирован

В. П. Потемкин (1874—1946)

Б. Муссолини подписывает советско-итальянский пакт о ненападении. 1933 г.

В. П. Потемкин подписывает советско-итальянский пакт о ненападении. 1933 г.

Делегаты СССР в Лиге наций. М. М. Литвинов, Б. Е. Штейн в перерыве между заседаниями. Женева, 1935 г.

В. С. Довгалевский (1885—1934) (в центре)

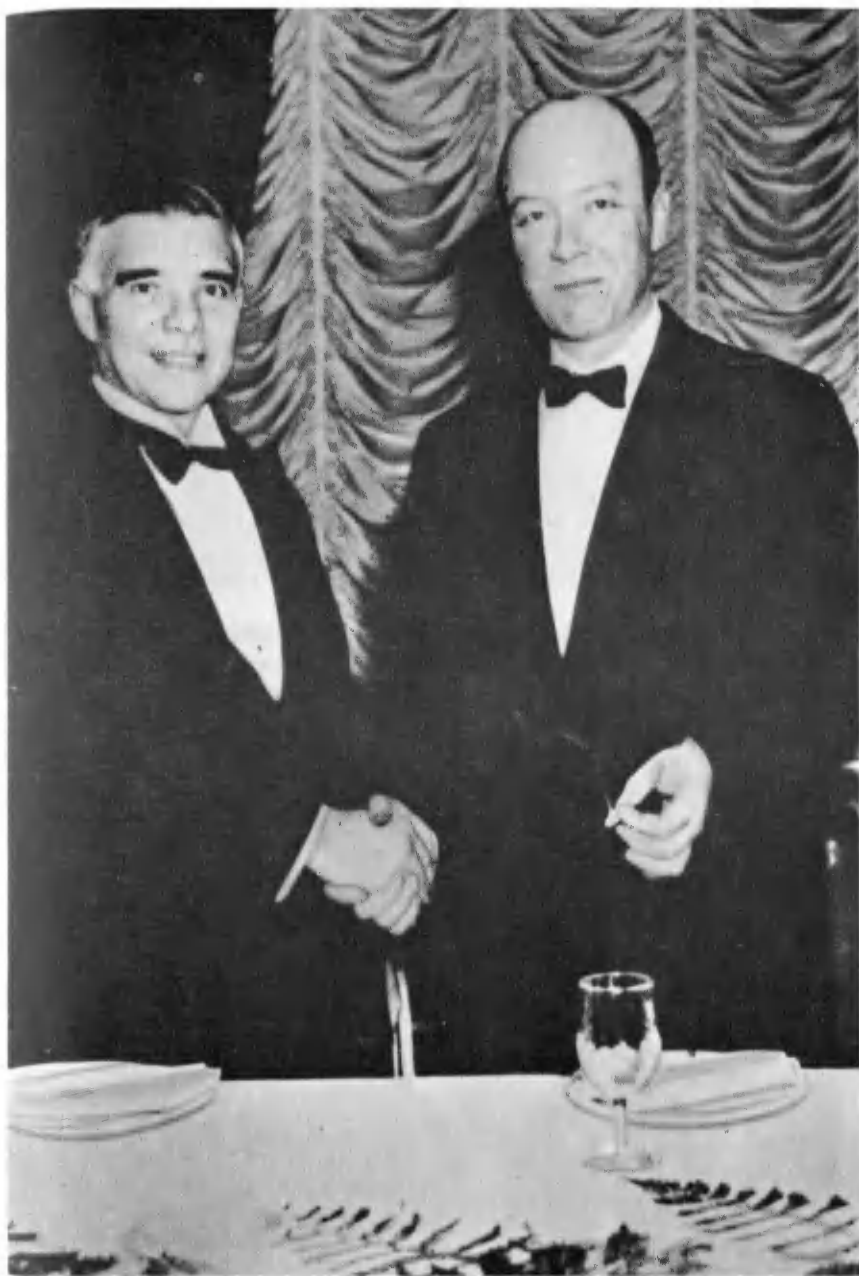
Я. З. Суриц (1882—1952)

С. А. Лозовский (1878—1952)

А. А. Трояновский (1882—1955) (в центре) приветствует гостей во время приема в советском посольстве в США. 1934 г.

А. А. Трояновский и У. Буллит на обеде в отеле «Астор». Вашингтон, 1934 г.

Полпред СССР в Германии Л. М. Хинчук (1869—1944), председатель американской торговой палаты Пирс и американский посол в Германии У. Додд

М. И. Калинин, германский посол в СССР Г. фон Дирксен, Л. Карахан (слева). Москва, 1930 г.

Встреча вновь назначенного германского посла в СССР графа Шуленбурга на Белорусском вокзале. Москва, 1934 г.

Ф. Сувич, А. Гитлер, Б. Муссолини, К. фон Нойрат. Венеция, 14 июня 1934 г.

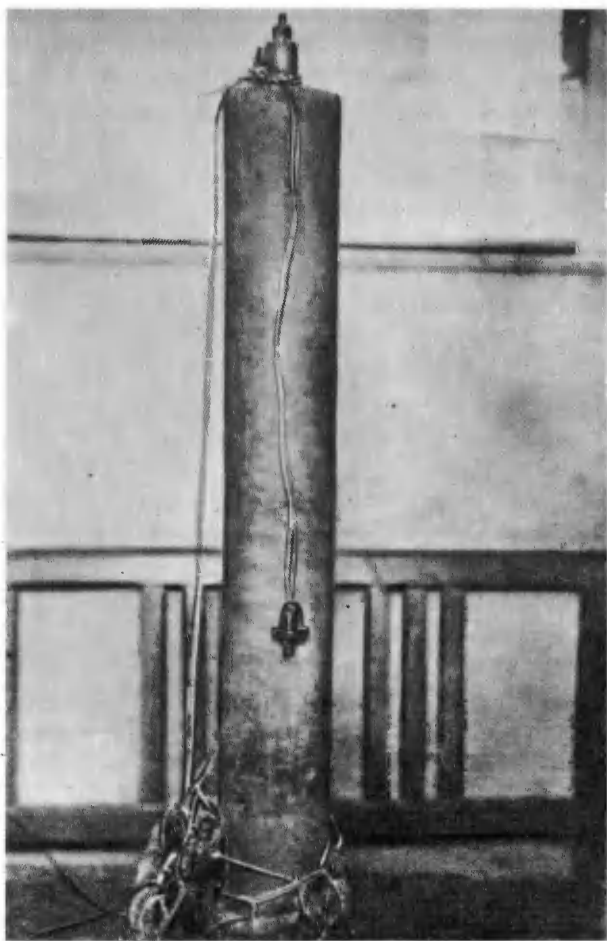
Посол Франции в СССР Ш. Альфан и Э. Эррио. Одесса, 1933 г.

Министр иностранных дел Польши Ю. Бек и посол Польши в СССР Ю. Лукасевич на приеме у М. М. Литвинова. Москва, 1934 г.

Ю. Лукасевич

Бомба, обнару-
женная в дымо-
ходе советского
полпредства в
Варшаве. 26 апре-
ля 1930 г.

Американские дипломаты на банкете в особняке Народного комиссариата иностранных дел (в центре У. Буллит). Москва, 1934 г.

Министр иностранных дел Чехословакии Э. Бенеш. Москва, 1935 г.

Чан Кайши (1930 г.)

К. Е. Ворошилов, Э. Бенеш и его супруга в Петергофском парке 15 августа 1935 г.

И. М. Майский среди танцующих сотрудников полпредства. Лондон, 1935 г.

А. Иден на приеме у И. В. Сталина (справа налево: посол Великобритании в СССР лорд Чилстон, И. М. Майский, В. М. Молотов). Москва, 1935 г.

Г. А. Астахов (1897—1942). В 1939 году подвергся необоснованным репрессиям. Посмертно реабилитирован

Пленарное заседание Лиги наций. Женева, 1936 г.

•

И. В. Сталин и П. Лаваль на приеме в Кремле; среди присутствующих — В. М. Молотов, В. П. Потемкин, М. М. Литвинов, посол Франции в СССР Ш. Альфан. Москва, 1935 г.

Л. Блюм

Э. Даладье (слева), Ж. Бонне

Прием М. И. Калининым посла Японии в СССР М. Сигемицу. Москва, 1936 г.

М. И. Калинин, посол Польши в СССР В. Гжибовский в Кремле после вручения послом верительных грамот. Москва, 1936 г.

Посол США в СССР Дж. Дэвис с супругой и дочерью на Белорусском вокзале. Москва, 1937 г.

Французский посол Р. Кулондр беседует с М. М. Литвиновым после вручения верительных грамот. Москва, 1936 г.

А. Гитлер, Б. Муссолини, В. Бломберг, Г. Геринг. Берлин, 29 сентября 1937 г.

Мюнхен. 29 сентября 1938 г. Слева направо: Н. Чемберлен, Э. Даладье, А. Гитлер, Б. Муссолини и Г. Чиано